

XX военные
тайны
века

В.Г. Гончаренко

ТАЙНЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

*Победы и поражения.
1918–1922 годы*

Москва
«Вече»
2004

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24.
Издательство «Вече».

Телефон: (095) 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74
Тел./факс: 188-89-59, 188-00-73

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>,
www.100top.ru

Филиал в Нижнем Новгороде
«ВЕЧЕ—НН»
тел.: (8312) 64-93-67, 64-97-18

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел.: (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «ВЕЧЕ—КАЗАНЬ»
тел.: (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел. (044) 537-29-20

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться на сайте
www.100top.ru

ISBN 5-9533-0401-3

© Гончаренко О.Г., 2004.

© ООО «Издательство «Вече 2000», 2004.

ВСТУПЛЕНИЕ

ЧЕМУ ПРОТИВОСТОЯЛО БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ?

*Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам,
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам...*

*...А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.*

*И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.*

А.А. Ахматова

Гражданская война, шедшая на протяжении шести лет в России, стала одной из самых страшных войн почти за всю тысячелетнюю историю нашего государства по степени вовлеченности людей всех сословий и национальностей, еще недавно мирно сосуществовавших на всей широте необъятной Российской империи. Ожесточение, с которым шла война, и непримиримость, проявленная противоборствующими сторонами, вполне можно сравнить с мрачными временами средневековых междоусобиц, с той лишь разницей, что в начале XX века русскую государственность поразила разрушительный антинациональный вирус, привнесенный извне, начавший разрушать империю столь стремительно и беспощадно, что сопротивлявшиеся ему национально мыслящее

население и верные части вооруженных сил с огромным трудом смогли удержать свою страну от гибели и беспощадного порабощения. Порабощения теми, кто говорил с ними на одном языке, еще недавно соседствовал в повседневной жизни и разделял зачастую быт и уклад жизни, однако отрицал самую идею православной империи и жаждал реванша за прошлое. Автор объединил этих людей в собирательный образ большевиков, или красных, совсем не утверждая, что определение это однородно в отношении сословности, национальности или социальной и религиозной убежденности.

Именно потому, впервые за несколько веков, русскому воинству пришлось держать бой с самым страшным врагом, а линия фронта в этой борьбе проходила порой по всем российским семьям, неся разлом в умы и души людей, надолго расколов еще недавно столь развитое и монолитное общество на два лагеря.

Этот раскол продолжился и во «Вторую Гражданскую», как некоторые историки называют Великую Отечественную войну 1941—1945 годов, о чем тоже пойдет речь в нашей книге; продолжается он и по сей день.

Чтобы яснее понимать причины страшных шести лет противостояния, необходимо начать с того, как начинался большевизм и что он принес государству с первых дней и недель переворота. Только тогда становится понятным возникновение организованного протеста против установившегося положения вещей — писем протеста, манифестаций, забастовок, стихийного повстанческого движения и, наконец, формирования армии на добровольческих принципах — времени энтузиазма, самопожертвования, военных успехов и удачных наступлений.

Для Белой армии эти победы были, по существу, пирровыми: в беспрестанных боях погибали лучшие добровольцы, союзники не торопились оказывать военную и финансовую помощь, государственное финансирование погибло вместе с разрушенной в первые дни переворота банковской системой,

в то время как финансирование Красной гвардии из определенных источников позволило увеличить ее численность с ноября 1917 года с 10 000 человек до 350 000 за несколько месяцев. По некоторым расчетам наемные красногвардейцы получили жалование в 10, а то и более раз, чем старший офицер с опытом великой войны бывшей императорской армии. Перед белыми армиями Юга, Востока и Северо-Запада часто стояла проблема острой нехватки оружия и боеприпасов. и, наконец, бездарное командование на некоторых этапах войны привели в конце концов к поражению и изгнанию оставшихся боеспособных частей Белой армии за границу.

Само возникновение организованного Белого движения на окраинах бывшей Российской империи и его подпольных представительств в крупных городах появлением своим главным образом обязано катастрофическому положению народа, утвердившемуся при помощи большевиков в России к концу 1917 года.

В ноябре 1917 года был принят декрет о рабочем контроле над производством, именуемый «красногвардейской атакой на капитал», санкционирующий конфискацию фабрик, заводов, иных производственных мощностей, включая мелкие частные предприятия. Конфискованные новой властью предприятия требовали средств необходимых для оплаты эксплуатационных расходов, включая заработную плату рабочих, однако существовавшая банковская система в России рухнула в одночасье, унеся с собой все вклады населения и предприятий в банках и сберегательных кассах. Золото и драгоценные металлы, конфискованные властью, шли только на непосредственные нужды этой власти. Крупные и средние заводские предприятия и фабрики стали останавливаться, вызывая тем самым неизбежный скачок цен на товары и услуги, зарплата не выплачивалась, и сами деньги стремительно обесценивались.

26 марта 1918 года Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов в Петрограде сделало заявление относительно сложившегося положения дел, в котором, в ча-

стности, говорилось: «Мы, петроградские рабочие, в большинстве своем приняли этот переворот, совершенный от нашего имени и без нашего участия... Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными... Новая власть называет себя советской и рабочей, крестьянской. А на деле важнейшие вопросы государственной жизни решаются помимо Советов¹».

Это движение рабочих уполномоченных мгновенно распространилось на многие российские города. Уже к 20—21 июля 1918 года стараниями промышленных рабочих был созван Всероссийский съезд, принявший ясную резолюцию, выражающую мнение рабочей части России о прекращении «опытов социализации и национализации фабрик и заводов», поскольку «пролетариат может и должен сообразовывать свою деятельность с усилиями других прогрессивных классов, заинтересованных в развитии производственных сил...». «Основная политическая задача рабочего класса ныне, — говорилось в резолюции, — **борьба за низвержение Советской власти и восстановление демократического строя...**» Нужно ли говорить, что после опубликования данной резолюции все делегаты съезда были немедленно арестованы латышскими стрелками ВЧК.

Интеллигенция также была потрясена тем, какой оборот принимают еще недавно столь желаемые ею перемены в государственном управлении и как моментально рассыпаются в прах ее «мечты о счастливом будущем».

В 1918 году в Петрограде и Москве бастуют служащие, врачи, учителя, инженеры транспорта и связи, чиновники государственных министерств и ведомств. Ответом на забастовки становится новая большевистская концепция «принудительного труда» и следующая за ней «эпоха военного коммунизма», изначально бывшая не в состоянии восстановить экономику. Объем промышленного производства начинает неуклонно снижаться, составив к 1920 году всего лишь 20% от довоенного уровня 1913 года...

В разных частях России рабочие поднимают восстания. Так уже в августе 1918 года в Ижевске и Воткинске рабочие

свергают власть местного Совета и организуют «Ижевскую народную армию», насчитывающую около 70 000 человек. В течение трех с лишним месяцев «Ижевская народная армия» ведет успешные бои против Красной армии, однако под напором превосходящих сил, отступает на восток с семьями и присоединяется к армии А.В. Колчака, где впоследствии зарекомендует себя одной из самых храбрых частей.

Начинается активное противодействие советской власти и со стороны самого многочисленного класса крестьянства, и причин для этого существует немало. Передел помещичьих, церковных и государственных земель дал не более четырех десятин на человека; цифра в 150 млн десятин земли, часто встречающаяся в советских источниках, отражала лишь наличие площади существующей земли в России, но не объема фактически используемой крестьянами земли.

Декрет о земле, выглядевший заманчивым лозунгом накануне большевистской революции, объявлял на деле всю землю государственной собственностью, превращая тем самым крестьян лишь в арендаторов у Советов, которые фактически распоряжались ею.

Развал российской промышленности обернулся острой нехваткой потребительских товаров, покупать которые для крестьянства, везущего сельскохозяйственную продукцию в город, стало все более трудным, а в каких-то случаях и невозможным, что привело довольно скоро к возникновению голода.

В качестве противодействия этому большевики открывают так называемый «хлебный фронт» в конце 1917 года, целью которого становится конфискация зерна у крестьянства. Спешно создаются вооруженные формирования, объединенные к началу 1918 года в Продовольственно-реквизиционную армию, численность которой к ноябрю того же года составила 42 тысячи человек.

Вводится продразверстка, состоящая в принудительной сдаче «излишков продовольствия», одновременно с этим любая частная торговля объявляется преступлением и карается расстрелом. Современный русский исследователь эпо-

хи М.Н. Назаров приводит весьма показательную цитату из Бонч-Бруевича: «Всюду стояли заставы, чтобы никто не мог ни пройти, ни проехать с какими-либо продуктами, — все были посажены на паек».

Продотряды получили самые широкие полномочия от Ленина и Троцкого, дававшие им возможность конфисковать имущество тех, кто откажется добровольно сдавать излишки зерна, брать в заложники родственников и производить расстрел сопротивляющихся без суда и следствия. Ленин призывает губернских уполномоченных Наркомпрода в Саратове и Пензе Пайкиса и Минкина *«расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»*, «1) Повесить (неприменно повесить!) дабы народ видел не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц 2) Опубликовать их имена 3) Отнять у них весь хлеб 4) Назначить заложников... Телеграфируйте получение и исполнение»².

В помощь продотрядам в июне 1918 года в селах и деревнях директивно создаются Комитеты бедноты, нередко представленные изгоями крестьянской общины — нерадивыми работниками, пьяницами и сезонными работниками «перекатиполе», получившими из рук власти официальное право грабежа и власть над односельчанами — мало-мальски имущими крестьянами, создававшими свои хозяйства многолетним кропотливым трудом.

Кроме того, центральная власть, обещавшая солдатам-крестьянам мирную жизнь до переворота 1917 года, призвала их к участию в ширящейся Гражданской войне для защиты эфемерных для сознания крестьянства «завоеваний революции». Однако, как метко замечает М.Н. Назаров, в таких завоеваниях революции, которые небывало ухудшили их жизнь и поколебали вековой быт, крестьянство не нуждалось.

Ответом на введение продразверстки только лишь в 20 губерниях Центральной России было отмечено 245 выступлений, зарегистрированных ВЧК. С апреля 1918 года восстает вся область Донская, спустя восемь месяцев восстаниями

охвачено все Поволжье. В марте 1919 года бригада Красной армии отказывается подавлять крестьянское выступление в белорусском Полесье и полностью переходит на сторону восставших, захватывая городки Гомель и Речицу. В начале 1921 года, когда еще не завершился исход Белых армий, хотя Гражданская война, казалось, была уже выиграна большевиками, крестьянские повстанцы в Сибири занимают Тобольск, Кокчетав, значительные части Челябинской, Омской и Тюменских губерний, осаждают города Курган и Ишим. На Тамбовщине под руководством Антонова только в 1920—1921 годах создается целых три крестьянских армии, общей численностью до 50 000 человек. «...*Не было не только ни одной губернии, но и не одного уезда, где бы ни происходили выступления...*»³, — замечает советский историк, описывающий ход продразверстки и реакцию на него русского крестьянства.

В ходе ширящихся восстаний крестьянством часто использовались лозунги «За Советы без большевиков!», что не подразумевало принятие крестьянством социализма, а лишь выражало их понимание выборных органов, таких, какими прежде были земства и общины. Значительную роль в возникновении восстаний играли и меры преследования, принятые большевиками против церкви, о чем подробнее пойдет речь в шестой главе.

На подавление крестьянских выступлений советской властью выдвигаются новые «советские» полководцы, командующие не только регулярными частями Красной армии, но и карательными национальными частями, безразличными к судьбам местного населения, несравненно более жестокими и беспощадными.

Основным инструментом борьбы регулярных войск Красной армии становится взятие заложников-селян, содержание их в концентрационных лагерях по предложению Ленина и затем расстрелы при нападениях повстанцев.

В неравной борьбе с плохо вооруженными повстанцами в ход идут все новинки военной техники, и впервые широко применяется химическое оружие: Тухачевский отдает при-

каз для массовой химической атаки на тамбовских повстанцев: *«Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось»*⁴

Тухачевский активно использует и самолеты для борьбы с засевшими в лесах повстанцами. На них сбрасываются бомбы, они обстреливаются из установленных на самолетах скорострельных пулеметов.

Эта настоящая «внутренняя война», шедшая наряду с Белой борьбой в других частях России, была заведомо обречена на поражение, ибо не имела ни общего руководства, ни объединяющей общегосударственной цели. Повстанческим движением двигало отчаяние народа, доведенного большевистским режимом до почти полного физического истощения, стоявшего на краю гибели и распада. *«Крестьяне озверели, с вилами, с кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулеметы, несмотря на груды трупов, их ярость не поддается описанию...»*⁵, — признавал большевистский мемуарист М. Бернштам.

На VII партийной конференции в сентябре 1918 года Зиновьев высказал тезис, надолго вперед определивший программу действий большевистского правительства по отношению к народонаселению России.

В частности, в нем говорилось: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из 100 населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить». В эти 10% населения, по его мнению, входила наиболее непокорная часть населения, не принимавшего ига Интернационала. Чуть позже советская власть сделает свои репрессии легитимными, на основании принятой в 1918 году первой Советской конституции, ставившей вне закона и лишавшей политических прав «нетрудящиеся классы и политические группы». Репрессии распространялись на всех членов семьи представителей «нетрудящегося класса», обрекая их на лишение государственного пайка, а следовательно, и голодную смерть. Первая Советская конституция отменила понятие

личной вины индивидуума, перенеся вину на классы или даже сословия. Вне закона были поставлены не только активно сопротивляющиеся новой власти сословия и классы, но и люди, имевшие несчастье родиться в «нетрудящейся» семье. Против них, этих изгоев советского общества, был направлен в первую очередь разразившийся в 1918 году «Красный террор», официально провозглашенный декретом Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918 года, спустя пять дней после убийства начальника Петроградской ЧК Моисея Урицкого его соплеменником Леонидом Канегисером.

В печатном указании члена коллегии ВЧК М. Лациса сотрудникам этой организации предписывалось: *«Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советской власти оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова профессия. Эти вопросы должны решить судьбу обвиняемого. В том смысле и суть красного террора»*⁶.

Сразу же после официального объявления населению страны «красного террора» вводится система заложников из гражданского населения, так называемой «буржуазии», которые подлежат расстрелу после убийства большевика.

Для содержания заложников уже не хватает мест в построенных до 1917 года тюрьмах, и Ленин вводит в обращение новое еще не познанное слово «концлагеря» для содержания сотен и тысяч заложников с их последующим расстрелом в случае необходимости.

Ленин пишет распоряжение: *«Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»*. В другой своей рекомендации для практического осуществления Ленин требует: *«Необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»*. Под лагеря отводятся пустующие земли за городами, баржи, монастыри или заброшенные промышленные учреждения, заводы и т.п. В Соловецком

монастыре на Севере России возникает один из самых страшных Соловецких лагерей, будущий СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), в котором изначально были задержаны и умучены десятки архиереев Русской православной церкви, сотни монахов, священников, а потом и великое множество мирян, присылаемых сюда на «перевоспитание» новой властью.

Репрессии против народа не ограничивались лишь формальными карательными мерами в отношении восставшей его части. Малое количество инициаторов репрессий, их еще не вполне подготовленные инструменты — соответствующие войска и места заключения противников нового строя — не позволяли еще полномасштабно противостоять возрастанию национального самосознания и убежденности сопротивляться антихристову натиску.

В связи с этим особый упор новая власть делает на разрушение дотоле крепкого национального сознания населения, уничтожение его духовной основы и размывание культурных и национальных ценностей, возрождение экстремального национализма на окраинах бывшей империи, и все это «для сокрушения продолжавшегося сопротивления реакционного русского народа».

В повседневной и государственной жизни попадает под запрет само слово «русский» в положительном значении, и это положение будет продолжаться до начала 30-х годов. В 1918 году главным советским историком М.Н. Покровским сам термин «русская история» называется «контрреволюционным». По его же предложению «Интернационал» становится новым гимном России. Тем временем широким ходом идет переименование многих русских названий на географических картах: Петровск-Порт переименован в Махачкалу, Обдорск — в Салехард, Усть-Сысольск — в Сыктывкар, форт Верный — в Алма-Ату, Белоцарск — в Кизил, Верхнеудинск — в Улан-Удэ и так далее, не считая переименований по фамилиям лидеров большевиков.

К началу 1921 года повсеместно упраздняются историко-филологические факультеты в высших учебных заведениях,

из библиотек согласно особому инструктивному письму, в составлении которого приняла деятельное участие супруга Ленина Н.К. Крупская, изымаются сочинения Достоевского, Максимова, Лескова и других «черносотенных» авторов, к которым новая власть причисляет и античного Платона.

Сразу же после окончания Гражданской войны письменность на кириллице, которую использовали в языках нерусских народов России, будет директивно переведена на латиницу, поскольку латинский алфавит признавался большевистскими интеллектуалами «прогрессивной основой будущего всемирного коммунистического общения». Впоследствии, уже в 1930-х годах, по инициативе верного ленинца А. Луначарского станет рассматриваться и возможность перевода на латиницу и самого русского языка, чей алфавит явился «идеологически чуждой социалистическому строю формой графики...», что укладывалось в рамки ленинского заявления «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть!».

Но все это будет потом, а пока власть занялась подтачиванием главной духовной основы жизни народа — православной церкви, ее архиерейства и рядовых священнослужителей. Согласно декрету о земле были конфискованы все земли, в том числе и те, что принадлежали монастырям и духовным организациям; 5 февраля 1918 года опубликован декрет об отделении церкви от государства, она лишается всех прав юридического лица, также всего имущества, созданного и собранного поколениями русских людей за века существования церкви. Вместе с этим начинаются преследования духовенства, и в течение первых лет Гражданской войны уничтожается огромное количество священнослужителей по всей стране. Этот мартиролог открывается убийством Священномученика новой эпохи протоиерея о. Иоанна Кочурова, совершенного в первую же неделю после Октябрьского переворота. Далее аресты и убийства духовных лиц следуют уже почти безостановочно. В январе 1918 года в Киеве без суда и следствия убивают митрополита Киевского Владимира, старейшего на то время иерарха

Православной церкви. Следом за этим вводятся в практику расстрелы из винтовок и пулеметов крестных ходов и просто прихожан, имевших несчастье оказаться рядом с храмом во время плановой реквизиции церковных ценностей. Это происходит почти ежедневно во многих городах России — Туле и Харькове, Воронеже и в Тамбовской губернии.

29 июня 1918 года большевиками утоплен в реке с камнем на шее епископ Тобольский и Сибирский Гермоген; это же проделывается и с делегацией прихожан, прибывшей в местный Совет просить освобождения архиерея.

24 декабря 1918 года умучены епископы Соликамский Феофан и Пермский Андроник, путем неоднократного опущения в прорубь на морозе, до полного оледенения.

К концу 1919 года в Пермской только епархии, по сведениям «Пермских Епархиальных новостей», было убито 2 епископа, 51 священник, 36 монахов, 5 диаконов и 4 псаломщика. М.В. Назаров приводит сведения, что напротив каждого из погибших указана причина смерти, которая, как правило, повторялась: «утоплен, заколот штыками, забит прикладами, задушен епитрахилью, заморожен, изрублен саблями», хотя чаще всего в этих скорбных списках значилось краткое «расстрелян».

Самарский епископ посажен большевиками на кол, Белгородский епископ Никодим забит железным прутom, после чего местными комиссарами его тело брошено в выгребную яму. Подле нее выставлена охрана из красноармейцев, чтобы не позволить пастве похоронить епископа.

Еще задолго до немецких охранников концлагерей, применивших пытку обливанием холодной водой на морозе советского генерала Д.М. Карбышева, большевики проделали это же с Ревельским епископом Платоном зимой 1918 года, превратив его в ледяной столб. По инициативе местного Совета и губернского комиссара их добровольными помощниками было зарублено топорами (!) 17 православных священников в эстонском Юрьеве (Тарту). Перед убийствами духовных лиц большевики и их пособники обычно глумились над духовенством, отрезали уши, носы, пели непри-

стойные песни и пытались заставить священников плясать под них.

В отдельных случаях убийства священнослужителей принимали изощренный характер, так, например, в Херсонской губернии в 1918 году большевиками было распято три священника.

Вместе с пытками и казнями новой властью развязывается беспрецедентная кампания по поруганию и осквернению бесценных для каждого православного святых мощей. Их изымают из раков и захоронений, уничтожают или свозят в музеи.

Данная участь не миновала и святых мощей Св. Блгв. князя Александра Невского, Преп. Сергия Радонежского, чью голову сохранял втайне от властей один из прихожан Лавры в течение долго времени. Осквернение святынь проводится зачастую в виде шутовских процессов-маскарадов, храмы отдаются под складские нужды, клубы или туалеты, постепенно обрекая их на запустение и разграбление. В Свя-яжске, где ранее епископ был умучен, будучи привязанным к хвосту лошади, пущенной галопом по улице города, местной властью устанавливается памятник Иуде во весь рост, грозящий небу кулаком.

Власти этого городка объявили конкурс на лучшее предложение о строительстве памятника «героям революционной идеи». Отвергнув Люцифера, как персонаж, не вполне разделяющий идеалы коммунизма, Каина по причине его крайней одиозности, они остановились на персоне Иуды Искарота как «вполне исторической личности».

1 мая 1919 года Ленин в своем письме Дзержинскому указывает на необходимость *«как можно быстрее покончить с попами и религией»*. «Попов, — продолжает он далее, — *надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатать и превращать в склады»*⁷.

За все время гражданской войны, еще до начала новой волны репрессий, связанных с изъятием церковных ценностей, погибли десятки тысяч духовных лиц. Определением Поместного собора от 18 апреля 1918 года был установлен день поминовения Новомученников российских — воскресенье, ближайшее к 25 января по старому стилю (день убийства митрополита Киевского Владимира). Если в дни февральской революции духовенство не решилось на прямое осуждение нелегитимной новой власти, то теперь ее иерархи осуждают установившийся богоборческий режим, ориентируя паству в сложившейся ситуации и наставляя ее на преодоления сомнений относительно будущего России. Оно видится им лишь в свободе от большевистского режима и восстановлении русского государства, стоящего на принципах самодержавия, православия и единения всех сословий для укрепления существующего строя. 19 января 1918 года, избранный на Всероссийском поместном соборе Патриарх Московский и Всея Руси Тихон выпускает послание с анафемой большевикам и призывом к сопротивлению всего народа. Его страстный, полный искреннего негодования призыв к свержению большевистской диктатуры был близко принят подавляющим большинством граждан России, вдохновив рабочих, военнослужащих, интеллигенцию и крестьян на активное сопротивление режиму. Власть сразу поняла опасность для нее патриарха, быстро изолировав его от архиереев и прихожан, посадив практически под домашний арест в Донском монастыре в мае 1922 года, затем подвергнув допросам и шантажу в тюрьме с угрозами новых расстрелов духовенства. Ленинское сражение с «черносотенным духовенством» набирало силу. В апреле-мае 1922 года прошел ряд закрытых судебных процессов над священнослужителями в Москве и Петрограде.

13 августа 1922 года был приговорен к расстрелу и убит митрополит Петроградский Вениамин. Наш современник протоиерей о. Михаил (Ардов) приводит в своей книге «Мелочи архи, прото и просто иерейской жизни» сцену ареста Священномученика митрополита Петроградского Вениамина.

Чекистов к нему привел его ученик, уже известный в городе проповедник о. Александр (Введенский) — будущий глава обновленческой церкви, поддержанной ГПУ для внесения раскола в православную среду. Несмотря на свою сомнительную роль, пишет о. Михаил (Ардов), Введенский приветствовал архиерея как положено и протянул руки, чтобы получить благословение. Владыка Вениамин благословения не дал и произнес: «Оставьте, отец Александр. Мы ведь не в Гефсиманском саду...»⁸

Спустя всего два года после октябрьского переворота в тюрьмах и ссылках находилась уже половина оставшегося в живых епископата — 70 архиереев. Глубоко верующие русские люди проявляли необыкновенную жертвенность в защите своих святынь. В Тамбовской губернии группа крестьян отправилась к зданию местной ЧК выручать конфискованную икону Вышинской Божьей Матери. Чекисты ответили пулеметным огнем, пытались разогнать толпу, но люди продолжали идти, падали, скошенные очередями, другие шествующие люди переступали через упавших товарищей и с молитвой на устах продвигались все ближе и ближе к зданию. Матери выставили детей вперед и с молитвой к Богородице на устах шли, не замечая свистящих пуль, яростно косивших людей. На какое-то время пулеметы замолчали. Русские красноармейцы, пораженные увиденным, перестали стрелять. Тотчас им на смену начальство выслало латышей и китайцев, и пулеметы снова застучали... Наступление на крестьянство тем временем продолжалось по всем фронтам. Усердно изымаемые продотрядами «излишки» порой не оставляли у крестьян даже семенного фонда для засева полей. Сильная засуха усугубила дело: в деревне начался настоящий голод. Православная церковь тотчас же основала Комитет помощи голодающим, начав сбор пожертвований и средств. В том числе ценного церковного имущества, кроме того, что употреблялось в богослужении, однако большевики запрещают деятельность церковного комитета и принимают решение о насильственном изъятии всех имеющих ювелирную ценность предметов из церквей и монастырей,

невзирая на то, имеют ли эти предметы богослужebное назначение или нет.

В этот раз инициатива исходит от Троцкого, ставшего в 1921 году председателем так называемой особой Комиссии СНК по учету и сосредоточению ценностей. Патриарх Тихон в своем воззвании от 28 февраля 1922 года заявляет, что «изъятие богослужebных предметов воспрещается канонами Церкви как святотатство», что, однако, не останавливает уполномоченных по изъятиям церковных ценностей, благословленных самим Троцким, от этого варварского и бесцеремонного процесса. В Москве и Петрограде, в Новгородской, Тамбовской, Смоленской да и многих других губерниях народ выступил в защиту храмов, возле которых кипели настоящие схватки представителей реквизиционных комиссий Троцкого, милиции и православных. Бастовали заводские рабочие и рабочие железнодорожники, протестовала интеллигенция, то есть снова российское общество организовано встало на защиту национальных ценностей. ВЧК, преобразованная к этому времени в ГПУ, отмечала, что восставшими в силу объективных причин зачастую «велась погромная антисемитская агитация». В городке Шуе 15 марта 1922 года большевики открыли ружейный и пулеметный огонь по верующим, пытавшимся отстоять храм. Ленин немедленно отреагировал на это сообщение: *«Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам расстрелять, тем лучше»*⁹.

Ко времени, когда появились эти слова Ленина, Гражданская война была почти окончена, Белые армии находились по большей части в изгнании, и на всей территории России надолго установился мрачный большевистский режим.

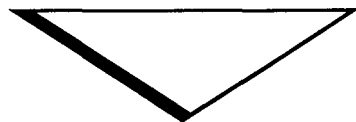
Однако сопротивление ему со стороны русского народа не окончилось, изменив форму, и вновь продолжилось спустя двадцать лет...

Патриарх Тихон пережил Ленина почти на один год. Еще при жизни Святителя, читаем у о. Михаила (Ардова), на Красной площади построили первый деревянный мавзолей усопшему вождю. Как видно, строили его поспешно, и по окончании работ в его помещении случился досадный казус — сломалась уборная и стала фонтанировать фановая труба. По Москве пополз слухок. Рассказали об этом и патриарху Тихону, который отозвался на это сообщение кратко и выразительно: «По мощам и миро»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
2. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
3. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
4. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
5. Указ. соч.
6. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
7. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
8. Ардов о. Михаил, протоиерей. Мелочи архи, прото и просто иерейской жизни. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2001.
9. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
10. Ардов о. Михаил, протоиерей. Мелочи архи, прото и просто иерейской жизни. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2001.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОЛГИЕ ВЕРСТЫ 1-ГО КУБАНСКОГО ПОХОДА

20 августа я, пробираясь со своими охотниками по лесу, наткнулся на 200 большевиков, купающихся у левого берега реки. Подкравшись ближе, нами был открыт бешеный огонь из 60 винтовок; спаслось человек двадцать красных, да и те были загнаны в город голыми...

Из воспоминаний генерал-лейтенанта
М.А. Фостикова в 1921 году

«...Но если бы добровольческой войны не было, — писала в 1920 году З.Н. Гиппиус, — вечный стыд лег бы на Россию, сразу нужно было бы оставить надежду на ее воскресение. И прав Дм.(итрий) Серг.(еевич), сказав, что не о прощении грехов убитых следует нам молиться, а у них просить прощения. Ведь, если они в чем и виноваты — они, павшие на поле чести, — живые виноваты перед ними в тысячу раз больше...»¹ И далее, описывая причины неудач и поражений Белой армии, о которых речь пойдет в этой главе, Гиппиус завершает заметку словами: *«При всех этих условиях какой же успех могла иметь с в я т а я белая борьба с зараженным русским народом? Я подчеркиваю «святая», потому что такой она была»².*

К началу формирования Добровольческой армии ее «классовый» состав стал на редкость многообразным. К 1917 году, в силу объективных причин, кадровое армейское офицерство Империи в большинстве своем погибло на фронтах Великой войны; императорская гвардия, в силу своей немногочисленности, представляла собой неоднородную массу. Массу, состоявшую в основном как из предста-

вителей аристократических семейств, связанных родственными узами со многими себе подобными в Европе, что позволило им выйти в отставку сразу после отречения государя и выехать за границу, так и из тех русских и иностранных дворян, которые участие в противостоянии большевистскому режиму считали делом своей чести. К последним относились главным образом обер-офицеры и немногие штаб-офицеры, оставшиеся в живых после кровопролитных четырех лет Великой войны.

Костяк белых армий составили в 1917—1918 годах армейское офицерство, призванное из запаса, а также учителя, инженеры, гражданские специалисты, студенты старших курсов и учащиеся военных и военно-морских учебных заведений. Как нами указывалось ранее, среди 70 заметных генералов и старших офицеров Белой армии лишь 4 имели наследственную собственность; остальные жили на армейское жалованье, а генералы А.И. Деникин, М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов вообще были выходцами из низов армейской среды, трудом и старанием на благо Отечества вознесенные на высокие генеральские должности.

Как известно, из четырех тысяч участников «Ледяного похода» в 1918 году менее 10% являлось кадровыми офицерами; подавляющее большинство похода, ее ударную силу составляли студенты, учащиеся старших классов гимназий, юнкерских училищ и гражданские лица.

ПЕРВЫЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И «ЛЕДОВЫЙ ПОХОД»

Противостояние новой власти, как и ожидалось, не протекало гладко и поначалу казалось довольно безнадежным предприятием, не могущим собрать под свои знамена достаточное количество добровольцев и кадровых военных, ничтожно финансируемое и существующее, казалось, на одном энтузиазме его организаторов.

Дерзкий и решительный генерал Л.Г. Корнилов, талантливый генштабист М.В. Алексеев и его бывший начальник

штаба А.И. Деникин разными путями прибыли на Дон для организации отпора большевикам и спасения государства.

2 ноября 1917 года Михаил Васильевич Алексеев прибыл в г. Новочеркасск, столицу Войска Донского, для организации ядра новой армии. Принят Алексеев был атаманом войска Донского А.М. Калединым довольно сочувственно, однако последний, памятуя нежелание части казаков, вернувшихся с фронтов Великой войны и изрядно испорченных разлагающей большевистской пропагандой, снова быть вовлеченными в военные действия, просил его при первой возможности перебраться за пределы области Войска Донского, например в Ставрополь.

Алексей Максимович Каледин был фигурой заметной и авторитетной. Еще в Великую войну, когда он командовал 12-й кавалерийской дивизией в составе 8-й армии Брусилова, его называли «второй шашкой России»; он был смелым и вместе с тем чутким командиром, всегда лично водившим своих кавалеристов в бой. После ухода Брусилова принял под командование 8-ю армию, отличившуюся в ходе «Брусиловского прорыва», наголову разгромив 4-ю австрийскую армию. После революции авторитет бывшего командующего 8-й армией на Дону был столь высок, что он единодушно был избран атаманом, хотя к тому времени власть атаманов была уже сильно урезана чисто представительскими функциями в заседаниях различных правительств.

Каледину в качестве атамана, популярного у донских казаков, удавалось решать множество вопросов и задач, связанных с бытом и другими насущными проблемами казачества, появившимися с крушением Российской империи. Он ясно понимал, что при всей непопулярности центральной власти, будь то Временное правительство или пришедший ему на смену Совдеп, казачество едва ли будет слепо повиноваться ее воле, ибо единства к тому времени в казачьих рядах становилось все меньше. Алексей Максимович сознавал, что казачья психология и убеждения — единственное, что остается непоколебимым до времени, и оттого положился на них, как на провидение. Случись казакам опомниться

и вовремя выступить против большевистской власти, их ждал бы успех, но если этого не происходит, говорил Каледин, «казачья песня спета».

Каледин искренне сочувствовал корниловским попыткам спасти положение дел в стране и оттого не мог безучастно относиться к набиравшему силу сплочению офицерства вокруг Алексеева и других генералов в их отчаянном шаге противоборствовать распаду бывшей империи. Вместе с этим он сознавал, что его авторитета, пусть даже весьма обширного, едва ли хватит для консолидации казаков и уж тем более вовлечения их в новую войну с новым врагом, доселе не проявлявшим серьезных признаков агрессивности. Он осторожно выжидал развития событий и не особенно верил в успех предпринимаемого Алексеевым дела.

Бывший главнокомандующий, Алексеев, еще недавно, управлявший многомиллионными армиями и имевший в своем распоряжении миллиардные бюджеты, нарочно не спешил призывать офицерство собраться на Дону под знаменами добровольческих объединений. Опытный администратор, он справедливо решил сосредоточить свои усилия на организации быта своих будущих подчиненных, уладить финансовые вопросы, наладить получение пожертвований от частных лиц, провести закупку вооружения и амуниции, а также, как писал А.И. Деникин, «приютить, обогреть и накормить бездомных и гонимых людей» — офицеров его будущей армии.

Часть офицерства еще находилась в Петрограде, обитая под видом раненых в одном из городских лазаретов на Барочной улице. Там они терпеливо ожидали призыва своего командующего, рискуя каждый день быть обнаруженными и расстрелянными набиравшей силу машиной большевистского террора. С жертвованиями от частных лиц дело шло тоже не просто. К ноябрю 1917 года Алексееву пожертвовали немногим более четырехсот рублей «на армию», что отчасти объяснялось неоднозначной оценкой жертвующими средства большевистского правительства и сохранявшимися надеждами на улучшение ситуации в новом 1918 году.

Необходимо было быстрое формирование боеспособных частей, привлечение знающих военных специалистов, однако хозяйственные заботы отнимали у М.В. Алексеева большую часть времени, работа над емким по содержанию и ясным по смыслу документом-призывом затягивалась намеренно, ибо Алексееву претила сама мысль о вызове людей в несформированную армию, без обеспечения провиантом, униформой и оружием. Первое формальное воззвание к офицерству прибыть на Дон и присоединиться к создаваемой армии вышло лишь в декабре 1917 года, когда многие пути туда были перекрыты фронтами. Часть офицерства добиралась на Дон самостоятельно, небольшими группами, а то в одиночку. Ехали, полагаясь на слухи и собственную интуицию, надеясь, что консервативная казачья донская среда станет непреодолимым валом на пути большевиков.

Донское казачество и его лидеры, не желая обострения отношений с советской властью, нехотя принимали прибывавших офицеров, осторожно признавая их лишь «беженцами». Пробыльшевистская и либеральная печать также неодобрительно отзывалась о прибывающих военных, называя ситуацию на Дону «критической» из-за «устойчивой концентрации контрреволюционного элемента». Рабочие Ростова и Таганрога, обработанные прессой, недальновидно придерживались общей линии на отстранение от назревающего конфликта с новой властью и выражали ей свою полную поддержку на многочисленных стихийных митингах, возникавших в крупных губернских городах.

Администрации атамана А.М. Каледина с трудом удавалось гасить стихийные очаги общественной напряженности, взывая к исторической памяти станичных казаков с ее основополагающим принципом — «С Дона выдачи нет!». Однако это снимало возрастающую напряженность лишь на время и действовало главным образом на умы классического казачьего сословия с его сложившейся системой ценностей и взглядов. Городское население, либералы и сочувствующие новому режиму, еще не вкусившие прелестей большевизма, продолжали митинговать и требовать остановить деятельность Алексеева.

В 20-х числах ноября 1917 года в Новочеркасск отправились несколько генералов и штаб-офицеров — А.И. Деникин, И.П. Романовский, а также С.Л. Марков и А.С. Лукомский. Их путешествие на юг началось из Быховской тюрьмы, куда изначально все они были помещены новой властью. Отпущенные «под честное слово», они разными путями пробирались на Дон, прибыв туда беспрепятственно лишь по воле случая, ибо власть, неосмотрительно выпустившая их из тюрьмы, тотчас же осознала свою ошибку и объявила их в розыск. Общая ситуация в стране, атмосфера хаоса и неразберихи и невозможность пока еще четко контролировать перемещения граждан по территории бывшей империи позволили им беспрепятственно добраться до территории Войска Донского.

А.М. Каледин радушно принял беглецов, однако тут же попросил их уехать с Дона, чтобы не дать поводов донской общественности расценивать приезд «контрреволюционных» корниловцев, а именно так их именovala либеральная печать, как повод для осложнений с новой властью. А.С. Лукомский выехал на Терек, а А.И. Деникин и С.Л. Марков выехали на Кубань.

Впрочем, череда мелких уступок большевикам не только не остановила их от вторжения на Дон, но даже каким-то образом ускорила его.

20 ноября 1917 года прошли волнения в двух запасных полках в Новочеркасске, состоявших из «распропагандированных» солдат. Подавить мятеж Каледин был уже не в состоянии: донские казаки отказались выполнять приказ своего атамана.

26 ноября 1917 года Ростов был захвачен немногочисленным десантом красных, подошедших к городу по реке Дон на двух тральщиках. Захватив власть, военно-революционный комитет призвал к борьбе против казачьей контрреволюции и озаменовал свое воцарение чередой городских погромов и убийств. Костяк захвативших город большевиков составили разложившиеся черноморские матросы и спешно создаваемые отряды красной гвардии. Восставшие

захватили городские оружейные склады и добытым вооружением и амуницией вооружили местных красногвардейцев, вербуемых главным образом из числа политизированных рабочих и сочувствующих «революции» люмпенов.

Происходящее в Ростове, казалось, мало волновало донское казачество, по-прежнему соблюдавшее по отношению к мятежникам полный нейтралитет. Объявив его, казаки расхаживали по станицам. Как ни странно, два лейб-гвардейских казачьих полка: Атаманский и Казачий, были размещены Калединым в станице Каменской — первом форпосте антибольшевистского движения на Дону. Очевидец и участник тех событий, Роман Гуль пишет о Каменской в своих очерках «Ледяной поход»: *«Станция Каменская. Я вышел из вагона. На платформе много военных: солдат, офицеров, встречаются юнкера. Офицеры в погонах. Чувствуется оживление, приподнятость...»*³. Несмотря на общий энтузиазм армейской среды и готовность защищать Россию от нашествия большевиков, казачьи полки, даже бывшие лейб-гвардейские, задавали тон по части наибольшей «агитированности» за новую власть, проводя время на митингах и участвуя в организации съезда фронтового казачества, как бы игнорируя объективно сгушавшиеся над Доном тучи. Неудивительно, что калединский приказ о выступлении на Ростов был проигнорирован, и атаман, видя, что дело не ограничится «установлением» в одном лишь Ростове советской власти, просил генерала Алексеева о помощи, взывая к нему о немедленном выступлении на Ростов. До сей поры генерал Алексей не был командующим отдельной боевой частью. Его отряд в полтысячи штыков носил всего лишь нейтральное название «алексеевской организации», однако в складывающихся условиях он оказывался единственным боеспособным соединением, сохранявшим организованность и дисциплину.

Алексеев отдал приказ о выдвижении на Ростов. К первоначальному отряду на ходу присоединялись новочеркасские гимназисты, кадеты, юнкера, добровольцы — офицеры запаса и чиновники.

Тем временем извещенный о приближении Алексеевского отряда, Военно-революционный комитет Ростова налаживал оборону города. Отряд развернул свое наступление вдоль железнодорожной линии Новочеркасск—Ростов. Шли во весь рост, стреляя на ходу и не залегая. На двух флангах шли юнкера и донские добровольцы генерал-майора Петра Харитоновича Попова. В центре боевых порядков двигались кадровые офицеры. Атака на позиции красногвардейцев продолжилась во весь рост, привлекая их внимание и давая возможность фланговым отрядам осуществить глубокий охват неприятельских позиций. Штыковая атака опрокинула красногвардейцев и матросов-черноморцев, обратила их в бегство с позиций. На их плечах алексеевцы ворвались в город, однако, не готовые к уличным боям, они не смогли быстро и результативно продвинуться вглубь города.

Тем временем с пришвартованных у берега Дона тральщиков, по просьбе ростовского Военно-революционного комитета, по алексеевцам был открыт шрапнельный огонь, остановивший их продвижение, что дало возможность красногвардейцам перегруппироваться, а затем и перейти в контрнаступление. Этот контрудар заставил уцелевшие части Алексеевского отряда отступить за черту города.

Наблюдаемое со стороны сражение произвело определенное впечатление на доселе остававшихся нейтральными казаков и несколько их частей прибыло к Алексею на помощь, усилив отряд и позволив алексеевцам продолжить наступление на город. Бои за Ростов продолжались немногим менее недели, постепенно перетекая от городских окраин в глубь города, охватывая все новые и новые городские кварталы. В течение недели городской железнодорожный вокзал пять раз переходил из рук в руки. Ожесточение наступавшей и оборонявшейся сторон нарастало, и ни одна не брала пленных. Скопившиеся в городе тыловые или сформированные армейские соединения, состоявшие из довольно инертной солдатской массы, не могли оказать решающей помощи большевикам, предпочтя эвакуироваться из города и не втягиваться в боевые действия. Их бегство

сослужило плохим примером новообращенным красногвардейцам, дрогнувшим под ударами алексеевцев и теперь стремительно отступающим из города. Ко 2 декабря 1917 года большевики были выбиты из города и бежали. Так первые добровольческие объединения показали свою боеспособность и тем самым положили начало профессиональному военному сопротивлению большевикам.

Тем временем генерал Л.Г. Корнилов, выйдя из Быховской тюрьмы, направился на Дон походным порядком с Текинским полком. Большевики преследовали полк, организовывали засады и у станции Унеча обстреляли полк из бронепоезда из всех возможных орудий и пулеметов. Полк рассеялся, под Корниловым убило лошадь, и, вместо того чтобы продолжить поход дальше, Лавр Георгиевич организует часть полка в небольшой отряд и продолжает движение дальше. Связи с Текинским полком нет. Снова следует засада и окружение. Большевики настойчиво пытаются добраться до Корнилова, и в течение трех дней маленький отряд пробивался к своим текинцам. Переодевшись в крестьянское платье, Корнилов частным порядком садится на поезд и отправляется в Новочеркасск. Текинский полк дает телеграмму большевикам Крыленко, что командир полка пропал без вести во время обстрела бронепоездом, и преследование полка большевиками чудесным образом оканчивается.

6 декабря 1917 года, четыре дня спустя после первой победы алексеевцев над большевиками в Ростове, Л.Г. Корнилов, наконец, прибывает в Новочеркасск. Роман Гуль пишет: *«Туда (в Новочеркасск) сбежалось лучшее, лихорадочно организуется. Отсюда тронется волна национального возрождения. Во главе — национальный герой...Лавр Корнилов. Вокруг него объединилось все, забыв, партийные, классовые счеты...»*⁴ С Кубани и Северного Кавказа в Новочеркасск были вызваны генералы А.И. Деникин, С.Л. Марков, И.П. Лукомский и И.Г. Эрдели. Уроженец Семиречья, Корнилов уже начинал подумывать и о том, чтобы ехать дальше и поднимать Сибирь и Поволжье. Организация войск на юге справедливо представлялась Корнилову частным эпизодом в ходе начинавшей-

ся освободительной борьбы, тем более что войска на Дону были в той или иной степени зависимы от казачьих выборных органов, атаманов и кругов. Он был убежден, что при создании массивного фронта на Востоке можно вести наступательные операции против большевиков и в конечном счете восстановить германский фронт, продолжив войну.

Корнилов признавал полководческие таланты Алексеева, однако не был никогда близок тому и по складу характера являлся человеком прямо противоположным. Личные трения усугублял тот факт, что еще недавно Алексеев арестовывал мятежного Корнилова по представлению Временного правительства и после перенимал у него дела. Оба не желали переносить личные трения на ход подготовки антибольшевистского сопротивления, и Корнилов честно говорил об этом Алексееву. Их отношения переносились и на подчиненных, между которыми присутствовала корректная отстраненность. Гуль дает характерную зарисовку этих отношений в таком эпизоде: *«В маленькой комнате прапорщик-мужчина и прапорщик-женщина записывали и отбирали документы; подпоручик опрашивал. «Кто может вас рекомендовать?» «Подполковник Колчинский», — называя я близкого родственника генерала Корнилова. Подпоручик делает мину, пожимает плечами и цедит сквозь зубы: «Видите, он, собственно, у нас в организации не состоит...» Я удивлен. Ничего не понимаю. Только после объясняет мне подполковник Колчинский: офицеры бюро записи — ставленники Алексеева, а он — корниловец: между этими течениями идет скрытый раздор и тайная борьба»*⁵.

Тем временем из Москвы прибыла на Дон группа видных представителей либеральной общественности, частью бывшие министры Временного правительства — князь Львов, П. Милюков, П.Б. Струве, князь Трубецкой, Федоров и Белоусов. Представители умеренных и либеральных объединений приняли решение поддержать строительство Белой армии и надеялись наладить координацию Белого движения в тесном взаимодействии с миссиями Антанты, с которыми все из них имели прямые контакты. Для них, по-

литиков не столь популярных в народе по многим причинам, Корнилов представлял собой знаковую фигуру, необходимую для консолидации антибольшевистских сил, кроме того, под его имя и гарантию налаженной работы всех вождей Белого движения представители Антанты обещали финансовую помощь в 100 миллионов рублей. Помощь предоставлялась из расчета по 10 миллионов рублей в месяц.

В обмен на нее вожди Белой армии обязывались подписать соответствующее соглашение о совместной работе, ясно и четко распределив между собой обязанности, являя, таким образом, реально существующую антибольшевистскую организацию.

Корнилов был вынужден согласиться. Тримя высшими военачальниками было подписано соответствующее соглашение об образовании армии, носившей название Добровольческой, под командованием самого Л.Г. Корнилова. В соответствии с соглашением Алексеев брал на себя труд по координации финансовых аспектов и вопросы внутренней и внешней политики создаваемой армии; А.М. Каледину отводилась роль по формированию Донской армии и решению специфических донских вопросов.

Тем временем часть корниловских офицеров-текинцев из интернированного на Украине полка пробилась на Дон и влилась в создаваемую армию. Корнилов сколько мог тесно взаимодействовал со своими подчиненными и активно привлекал их к созданию очагов сопротивления большевизму не только в рядах Добровольческой армии, но и командировал их в Астрахань, Царицын, Самару, Казань и Нижний Новгород для создания будущих центров Белого сопротивления. Считая Сибирь местом своих будущих попечений, Лавр Георгиевич состоял в деятельной переписке с сибирскими политическими деятелями, в том числе и с будущим героем Белого сопротивления в Сибири Пепеляевым. Корниловец, полковник Генерального штаба Дмитрий Антонович Лебедев, энергичный и деятельный офицер, отправленный своим командиром на Восток, впоследствии проявил себя на Урале и был призван Верховным правителем Рос-

сии адмиралом Колчаком на должность начальника штаба в армии. Там же Лебедев дослужился до чина генерал-майора, командовал Уральской группой войск, а в 1922 году занимал пост начальника вооруженных сил Владивостока, о чем мы подробнее расскажем в соответствующих главах.

Тем временем пополнение Добровольческой армии продолжалось; количество добровольцев прирастало: ежедневно в армию записывалось до 80 человек, что позволило к концу 1917 года создать в армии Корниловский полк, офицерский, юнкерский и георгиевский батальоны, четыре гвардейских батареи, роты инженеров и гвардейских офицеров. Изначально поставленная задача довести численность армии до 10 тысяч человек оказалась практически невыполнимой. Фронты большевиков перекрыли дороги, и любой гражданин, направлявшийся на Дон, подвергался властью тщательному досмотру и проверке; приток местных добровольцев исчерпал себя и резко снизился, Донской штаб не смог наладить отбор боеспособных добровольцев в армию и распространить идеи добровольчества на большинство казаков, но главное — армии большевиков в декабре 1917 года двинулись на Дон, не дожидаясь, пока против них будет создана регулярная армия.

Задача обеспечения добровольческих войск оружием и боеприпасами была отчасти решена за счет реквизиций оружия у демобилизующихся солдат и отдельных покупок вооружений у местных перекупщиков. Разрешение на формирование отрядов выдавалось Донским штабом практически любому желающему, что повлияло на создание множества мелких белопартизанских отрядов сотника Грекова («Белого Дьявола»), войскового старшины Семилетова, есаула Чернецова и других. В практическом плане это были хотя и белые формирования, однако трудно поддающиеся централизованному подчинению подразделения.

В январе 1918 года Л.Г. Корнилов и А.М. Каледин разделились: Добровольческая армия выступила в Ростов, оставив донскому атаману для защиты Новочеркасска артиллерийскую батарею и офицерский батальон. Несмотря на энтузиазм

первых месяцев, проявленный при создании Добровольческой армии, большая часть офицеров, населявших Ростов, а их насчитывалось в городе до 16 тысяч человек, не торопились записываться в армию. Вопросы финансового обеспечения войск решались крайне медленно, желающих финансировать добровольцев практически не было. Промышленники и состоятельные граждане города не торопились вкладывать средства в столь бесприбыльное предприятие. Алексеев старался убеждать, рисовал перспективы борьбы, ссылался на поддержку добровольческих соединений ведущими странами Антанты, однако всюду встречал поразительную инертность и равнодушие. Денежные потоки были крайне незначительными и состояли из некоторого числа незначительных частных пожертвований отдельных граждан.

Р. Гуль живо описывает ростовский штаб добровольческой армии: *«В Ростове штаб армии — во дворце Парамонова. Около красивого здания — офицерский караул. У дверей — часовые. Стильный, с колоннами зал полон офицерами в блестящих формах. Среди них плотная медленная фигура Деникина. В штатском, хорошо сшитом костюме он больше похож на лидера буржуазной партии, чем на боевого генерала. Из угла в угол быстро бегают нервный, худой Марков. Появляется начальник штаба — молодой надменный генерал Романовский, хитрый Лукомский с лицом городничего, старик Эльснер; из штатских — член 1-й думы Аладьин в форме английского офицера, сотрудник «Русского Слова» — маленький, горбатый Лембич... Борис и Алексей Суворины... Казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевизму и неприязненно относятся к добровольцам...»⁶*

Тем временем ситуацию на Дону резко изменили именно казаки, вернее та часть казачества, которая надеялась, что центральная большевистская власть оценит их нейтралитет и поддержит их начинания по формированию своего революционного донского комитета.

А.М. Каледин, предчувствуя близящуюся смуту, приказал считавшемуся 10-м казачьему полку, созданному при участии П.С. Краснова, разогнать собиравшийся пробольше-

вистский казачий съезд, но полк удивительно легко отказался выполнить калединский приказ и примкнул к делегатам съезда, постановившего переизбрать командиров и занять жизненно важные железнодорожные станции.

Единственно возможным решением этого давно назревавшего конфликта стало незамедлительное воздействие на изменников противодействующей силой. Такой силой, оказавшейся в тот момент у Каледина, стали две сотни белых партизан под общим командованием есаула Чернецова. Предприняв дерзкий рейд, он выбил мятежных казаков из двух узловых донских станций — Лихой и Зверево, восстановил белую власть и отправился в центр съезда, станицу Каменскую, взял ее и обратил в бегство революционные казачьи массы. Тем временем в тыл Чернецову уже выходили новосозданные красногвардейские отряды 3-го Московского и Харьковского полков под командованием большевика Саблина. Есаул сумел перегруппировать своих партизан и контрударом обратил красногвардейские отряды в паническое бегство.

Выбитые из Каменской представители так называемого Донского революционного комитета направили в московский Совнарком просьбу об оказании немедленной помощи войсками. Совнарком приказал направить на Дон Воронежский полк под командованием некоего Петрова, напавший на партизан Чернецова совместно с перешедшим на сторону советской власти войсковым старшиной Голубовым, сколотившим из делегатов съезда и сочувствующих красным казаков войсковое соединение. Объединенными усилиями эти две силы обрушились на партизан и взяли их в кольцо, из которого смогло выбраться немногим более сорока человек. Остальные, включая есаула Чернецова, были изрублены красногвардейцами шашками. После победы над белыми партизанами соединившиеся части 3-го Московского, Харьковского и Воронежского полков, при участии «красных казаков» Голубова, двинулись на столицу Донского войска, Новочеркасск.

Тем временем, пока красным удалось одержать победу над иррегулярными частями добровольцев, под Таганрогом

небольшим отрядом из юнкеров и офицеров под командованием А.П. Кутепова был нанесен существенный удар красногвардейским частям армии Сиверса. Но рабочие крупного таганрогского филиала Русско-Балтийского завода подняли восстание против прибывшего белого отряда, что дало возможность передышки частям Сиверса и позволило им в результате контрнаступления войти в Таганрог. Город не мог быть удержан незначительной группой белых.

Выступившие из Ставрополя красногвардейцы заняли Батайск и оказались в непосредственной близости от города, отделенные от него лишь водной преградой. Надежда, что части Добровольческой армии, остававшейся в Ростове, будут поддержаны казаками, оставалась незначительной. На недавних примерах массовой поддержки казаками советской власти Корнилов ясно увидел, что город имеющимися у него в наличии силами удержать будет невозможно, что ростовское офицерство уже не стремится записываться в добровольцы и притока новых людей ждать неоткуда. Роман Гуль пишет: *«Притока из России в армию — нет. Командующий объявил мобилизацию офицеров Ростова, но в армию поступают немногие — большинство же умело уклоняется...»*⁷ Чтобы сохранить тот немногий кадровый резерв, что еще остается под его командованием, Корнилов отдает приказ штабу разрабатывать план ухода добровольцев на Кубань.

В складывающейся для донской столицы непростой ситуации А.М. Каледин обратился с просьбой к Корнилову и Алексееву стянуть остающиеся у белых силы к Новочеркаску для его защиты. Генералы посчитали просьбу Каледина эгоистичной и несвоевременной, уполномочив генерала Лукомского объявить об этом на совещании у донского атамана, назначенном на 29 января 1918 года. Более того, Корнилов настаивал, чтобы приданный Новочеркаску офицерский батальон был откомандирован в распоряжение Добровольческой армии в Ростов.

А.М. Каледин отвечал командующему через посредство Лукомского, что в этом случае для защиты Новочеркасса у него останется всего 147 штыков... Члены Донского пра-

вительства рекомендовали атаману немедленно оставить город и отправиться собирать по станицам верные части, которые могли бы быть привлечены для борьбы с наступающими красногвардейцами. Каледин отказался от предложения, посчитав недопустимым оставить столицу в крайне тяжелом положении и прятаться по станицам.

Надломленный морально, неоднократно сталкивавшийся с непониманием своих атаманских задач, которых у него было в достатке, помимо военных своими соратниками, Каледин оказался подавлен невозможностью справиться, вышедшими из-под его контроля казаками. В тот же день, после совещания с представителем Добровольческой армии и правительством Дона, атаман Каледин выстрелил себе в сердце.

Самоубийство атамана неожиданно пробудило искру раскаяния у предавшей его части казачества, интуитивно почувствовавших приближение далеко не благоприятных для Дона перемен. Собравшийся Малый казачий Круг выбрал наказным атаманом генерала Назарова, тот в свою очередь отдал приказ о мобилизации казаков от 18 до 50 лет и формировании новых казачьих частей. В спешном порядке эти части перебрасывались против наступающих красногвардейцев, и после непродолжительных боев наступление красных было приостановлено.

В эйфории легкой победы казаки считали для себя возможным разойтись по станицам, считая, что полученный красногвардейцами урок отобьет у них охоту продвигаться дальше.

Наблюдая за происходящим стихийным казачьим отпором красным и последовавшей за ним беспечностью, выразившейся в оставлении фронта после первой удачной операции казаков против красных, Корнилов все более укреплялся в своем мнении относительно ухода добровольцев на Кубань. Через своего представителя в Новочеркаске, генерала Лукомского, он предложил новоизбранному атаману генералу Назарову присоединиться к добровольцам и оставить город. Назаров, поступая сообразно казачьей этике,

отказался от предложения Корнилова, будучи убежден, что красные не станут трогать законно избранного Кругом атамана и не станут бесчинствовать в своей же столице. Тем не менее он разрешил походному атаману Попову вывезти войсковые ценности и отряд белых казаков, приняв решение оставаться в городе и выслать делегацию представителей Малого Круга для переговоров с «красными казаками» и полками советской власти.

12 февраля вошедшие в город части красных первым делом арестовали выборного атамана и делегатов казачьего Круга, провозгласив в городе советскую власть. Спустя несколько дней генерал Назаров и его штаб в Новочеркасске были расстреляны без суда и следствия красногвардейцами.

Незадолго до новочеркасской расправы Ростов оказался окруженным со всех сторон. Войска Сиверса теснили малочисленные заслоны добровольцев, и Л.Г. Корнилов отдал приказ по армии выйти из города через узкий коридор, по оплошности не занятый красными, по направлению к донским степям.

В ночь на 9 февраля менее половины Добровольческой армии (против 6 тысяч официально записавшихся в нее в Ростове добровольцев из города вышло 2 с половиной тысячи), при низкой температуре воздуха и холодном ветре, оставляли Ростов; во главе ее шел сам Корнилов, в обозе ехал престарелый Алексеев, везший с собой чемодан с армейской казной: *«Вот проехал на тележке генерал Алексеев; при нем небольшой чемодан; в чемодане и под мундирами несколько офицеров его конвоя «деньгонош» — вся наша тощая казна, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами...»*⁸, в составе гвардейской роты двигался его сын, штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского Его Величества полка Николай Михайлович Алексеев; в одной из телег везли тяжело простудившегося А.И. Деникина, накрытого ворохом шинелей. На случай гибели командующего армией Деникин был назначен преемником Корнилова, однако и сам он пребывал с эти дни не в лучшей физической форме; за армией тащился хвост из гражданских лиц,

беженцев, не желавших оставаться под красными: *«По гладкому бесконечному снегу, груженные наспех и ценными запасами, и всяким хламом; по снежному полю вилась темная лента. Пёстрая, словно цыганский табор: ехали повозки, какие-то штатские люди; женщины в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди «табора», войсковые колонны — все, что осталось от некогда великой русской армии... Шли мерно, стройно. Как они одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего — под этим нищенским покровом живая душа. В этом все»*⁹. Шли юнкера, кадеты и реалисты, чеканили шаг молодые офицеры и учащаяся молодежь, вдохновленная порывом, не сломленная погодой и обстоятельствами. Где-то среди идущих двигался и Николай Семенович Веревкин, будущий полковник Добровольческой армии и галлиполиец, который, вопреки настояниям своего отца, не желал карьеры агронома, но по примеру молодых товарищей своих желал освободить Отечество от большевизма.

Армия медленно переправлялась по непрочному льду через Дон и вытягивалась в длинный хвост, тянувшийся к ближайшим станицам. Выведя армию из кольца, Корнилов привел ее в станицу Ольгинскую, ставшую своего рода пунктом сбора всех рассеянных по Дону антибольшевистских сил. Сюда подошел отряд С.Л. Маркова, сюда же пришли разрозненные белоказачьи партизанские отряды, отдельные группы офицеров, самостоятельно выбравшиеся из Ростова, отставшие от основных сил группы солдат и офицеров, раненные, иностранцы — всего четыре тысячи человек. Корнилов энергично начал заниматься сведением малых отрядов в будущие прообразы добровольческих дивизий.

Так были сформированы Офицерский полк генерала Сергея Леонидовича Маркова, ударный корниловский батальон под командованием подполковника М.О. Неженцева, полк пеших партизан под командованием генерала Африкана Петровича Богаевского, сводный батальон юнкеров под командованием генерал-майора Александра Александр-

ровича Боровского, чехословацкий инженерный батальон, артиллерийский дивизион из восьми трехдюймовых орудий. Были созданы и три кавалерийских дивизиона, включавших в себя соответственно партизан под командованием полковника Петра Владимировича Глазенапа, казаков донских отрядов есаула Бокова и офицеров-кавалеристов под командованием полковника Василия Сергеевича Гершельмана.

В армейском обозе оставались бывший председатель Государственной думы масон М.В. Родзянко, бывший министр Временного правительства масон князь Н.Н. Львов, издатели правого толка братья А.С. и Б.С. Суворины, Н.П. Щетинина, а также двое профессоров из Донского политехнического института.

Остальным гражданским лицам было предложено покинуть армию и пробираться поодиночке или малыми группами по станицам в Россию.

Сначала Корнилов предлагал Алексееву и Деникину направиться в Сальские степи, на зимовку и приведение армии в абсолютную боеготовность после пополнения запасов фуража, пошива обмундирования и просто восстановления сил уставших от долгих переходов людей и лошадей на дальних сальских хуторах и усадьбах. Алексеев резко отрицал целесообразность распыления единого армейского организма по удаленным друг от друга точкам, к тому же, не имеющим достаточно помещений для размещения добровольцев по зимним квартирам. Рассредоточение Добровольческой армии малыми отрядами, говорил Алексеев, даст возможность красным нападать на них поодиночке и уничтожать, поскольку вся армия, таким образом, оказывалась зажатой между Доном и сетью железных дорог, контролируемых красными. Помимо этого зимовка даже при самом благоприятном для Добровольческой армии исходе невольно выключала ее из активной политической жизни и обрекала на бездействие. А.И. Деникин и И.П. Романовский убеждали командующего поворачивать на Екатеринодар, где, возможно, еще была надежда на соединение с кубанскими казаками. В случае перевеса в силах противника для Добро-

вольческой армии сохранялась возможность рассеивания в горах или отхода в Грузию, о чьей редкой неблагодарности и негостеприимности генералы еще не догадывались.

Убежденность двигаться в Екатеринодар у Корнилова окрепла, когда в станице появились генерал Попов и его начальник штаба Сидорин. Они убеждают командующего продолжить движение на восток, чтобы все же попытаться отвести войска на зимние квартиры. Мемуарист Гуль пишет: *«В Ольгинской расположилась вся армия... Здесь армия наскоро переформируется... Через день выступаем в степи на станцию Хомутовскую. Шумит, строится на талых улицах пехота, скачут конные, раздаются команды, крики приветствия... Армия тронулась. В авангарде — генерал Марков, а арьергарде — корниловцы»*¹⁰.

Тем временем на Кубань возвращались войска полутора-миллионного Закавказского фронта. Огромная солдатская масса пыталась возвратиться домой по железной дороге, через Азербайджан и Грузию; и уже на Кубани агитаторы из армий Сиверса, Автономова и Сорокина вербовали морально неустойчивых фронтовиков вступать в ряды Красной армии для того, чтобы в одних случаях помогать «восстанавливать революционный порядок» и прижать контрреволюционеров, воспользовавшись отобранным у буржуазии, в других случаях большевистская пропаганда умело рисовала образ Корнилова, как единственную преграду для полного окончания войны и возвращения к мирному труду, о чем подумывали все фронтовики. Вступление в Красную армию виделось многим из вербуемых окопников как попытка навалиться и разом покончить с последней, досадной помехой на пути к дому в лице незначительной по численности Добровольческой армии. В окруженной кубанской столице тем временем шла беспрецедентная политическая неразбериха. Заседания сменялись заседаниями, депутаты сосредоточились на создании кубанской «демократической конституции», словно бы не было иных задач перед лицом приближающегося большевизма. Некоренные жители Кубани были готовы принять новую власть большевиков, регулярные части были небоеспособны

в силу того, что входящие в них кубанские казаки могли по собственному желанию внезапно бросить фронт, а после так же стихийно самоорганизовываться, в зависимости от общеполитической конъюнктуры. Офицеры не могли совладать с дезорганизованной солдатской массой. Кубань не имела ни цели своей борьбы, ни лидеров, ни возможности защитить свою территорию и призрачные демократические «гражданские свободы», о которых Кубанская Рада вела нескончаемые разговоры на каждом из своих заседаний.

Для налаживания связи с Кубанью Корнилов командировал генералов М.С. Лукомского и Ронжина, которые, переодевшись, оставили Добровольческую армию,двигающуюся на восток, и выехали в Екатеринодар. По пути в город генералы были схвачены красными отрядами, попали на допрос к командующему армией Сиверсу. Были допрошены и бежали, петляя и пересаживаясь с поезда на поезд, спасаясь от своих преследователей столь интенсивно, что вместо кубанской столицы оказались на Украине, в Харькове...

Разведка Красной армии обнаружиладвигающуюся Добровольческую армию, и начались наскоки мелких групп и соединений красных. Корнилову доносили, что положение в зимовьях, куда изначально был нацелен поход, было далеко даже от самых скромных ожиданий и что провести зиму и набраться сил у добровольцев там не получится. Скрепя сердце Корнилов развернул армию и повел ее на Екатеринодар. Пройдя последнюю донскую станицу Егорлыцкую, добровольцы оказались на Ставрополье, где были атакованы Дербентским полком при поддержке отрядов красновардейцев и артиллерийским дивизионом у села Лежанки. Корнилов дал приказ атаковать противника сходу, направил Офицерский полк прямо на противника и одновременно дал указание Партизанскому и Корниловскому полкам обойти противника с флангов. У Гуля читаем: *«Мы идем цепью по черной пашне. Чуть-чуть зеленеют всходы. Солнце блестит на штыках. Все веселы, радостны — как будто не в бой... Недалеко от меня идет красивый князь Чичуа, в шинели нараспашку, командует: «Не забегайте вы там! Ровнее, господа!»¹¹*

Юнкера-артиллеристы стали выкатывать пушки на прямую наводку. Отряд Маркова атаковал противника, переправившись через едва замерзшую речку. Удар оказался неожиданным для большевиков, в их рядах началась паника, завершившаяся быстрым отходом, с оставлением артиллерийских орудий. В этой атаке добровольцы потеряли убитыми 3 (!) человека, красновардейцы и «революционные» солдаты — свыше 250 человек. Еще примерно такое же количество было поймано добровольцами на селе Лежанки и расстреляно. Гуль свидетельствует: *«Пленные. Их обгоняет подполковник Неженцев, скачет к нам, остановился — под ним танцует мышиного цвета кобыла. «Желающие на расправу!» — кричит он. «Что такое?.. — думаю я — Расстрел? Неужели?»... Я оглянулся на своих офицеров. Вдруг никто не пойдет, пронеслось у меня. Нет, выходят из рядов. Некоторые, смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами. Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим незнакомым лицам и щелкают затворами. Прошла минута. Долетело: пли! Сухой треск выстрелов, крики и стоны...»*

Войска Корнилова вступили на Кубань. Наперерез добровольцам красные начинают бросать отряд за отрядом. Лишь только стремительный натиск добровольцев опрокидывал эти отряды и обращал их в бегство. Корнилов стремился занимать населенные пункты, ибо, не решившись на атаку на ночь глядя, армия оставалась бы под холодным небом в степи. Так продолжался поход, пока 4 марта не разыгралось сражение с 14-тысячной армией Сорокина, стоявшей на станции Кореновской. В лоб на нее пошли юнкера и студенты под командованием Боровского. Почти все они были убиты или ранены шквальным огнем красноармейцев, при массивной артиллерийской поддержке. В охват Корнилов направил свой последний резерв — белых партизан и чехословаков. Белые дрались до последнего патрона. Снаряды в белом артдивизионе тоже подходили к концу. Корнилов приказал обозникам выдать весь последний резерв боеприпасов, а когда из обоза пришло донесение о кавалерийской атаке красных, он приказал обозу занять оборону и защищать себя своими силами. Обо-

зные солдаты, раненные, переворачивая телеги, установили два действующих пулемета системы «максим» и, заняв круговую оборону, отстреливались, как могли. Корнилов лично остановил попятившиеся цепи и с взводом верных своих текинцев обошел станицу с тыла и открыл огонь по тылам красных. Подбодренные этим, добровольцы поднялись в общей атаке. *«Вперед, братцы! Вперед!» — раздаются голоса. Двинулись вперед одиночки, группами... Крики ширятся. «Вперед, вперед...» Вся цепь пошла. Даже далеко убежавшие медленно возвращаются... На полотне наш пулемет, за ним прапорщик-женщина Мерсье, прижалась, стреляет по поезду и звонко кричит: «Куда же вы?! Зачем назад?» ...А пули свистят. Видны большевистские цепи и далеко на полотне их бронированный поезд...»*¹², — живописует мемуарист. Не выдержав атаки, красные побежали. Однако потери добровольцев на этот раз были значительными, составив около 400 человек убитыми и ранеными. Раненых наспех перевязывали и направляли в обоз, медицинских сестер не хватало, едва справлялись с теми, кто мог сам прийти на медицинский пункт. «На будке одна сестра. Около нее сидят, лежат, стоят раненые. *«Сестрица, перевяжите, пожалуйста».* *«Сейчас, сейчас, подождите, не всем сразу»*, — спокойно отвечает она. *«Вот, видите, я на позиции одна, а все сестры где? Им только на подводах с офицерами кататься»*, — рисует картину Гуть.

Однако продвижение к Екатеринодару было остановлено вестью о том, что город пал, что кубанское правительство, чтобы сохранить себя «как идейно-политический центр», решило оставить город в ночь на 1 марта 1918 года. Добровольцы генерала Покровского, казачья фракция Кубанской Рады и городские беженцы устремились в горные аулы черкесов. Генерал Покровский стремился к соединению с Корниловым, однако добровольческой армии требовался отдых. Разбитая 14-я армия красных под командованием Сорокина, собранная снова воедино, была двинута на преследование добровольцев, стараясь прижать их к берегу реки Кубань. Поддержку им должны были оказать силы, стянутые в станицу Усть-Лабинскую, куда стягивались новые эшелоны с

войсками и бронепоезда со станций Тихорецкая и Кавказская. Арьергарды добровольцев под командованием А.П. Богаевского держали наседающих красноармейцев Сорокина, а корниловцы и юнкера прорывали оборону противника у моста через реку Кубань, штыковым ударом опрокинули и разогнали оборонявшихся и открыли выход всей армии из огненного кольца, устроенного Сорокиным.

На левом берегу Кубани, населенном сочувствующими красным кубанцами, Добровольческую армию ждали новые бои. Кубанцы устраивали засады на отбившиеся отряды, атаковали армию на марше мелкими наскоками, местные жители разбегались, угоняли скот и пряча продовольственные запасы от вступающих в станицы добровольцев. Движение Корниловской армии продолжается дальше, с перестрелками, беспрестанными боями и сопутствующими боям потерями. Гуть пишет: *«Несколько раз долетал похоронный марш. Хоронят убитых и умерших. Похоронный марш звучит в каждой станице, и на каждом кладбище вырастают белые кресты со свежими надписями»*¹³. Так Корнилов восходил на свою Голгофу. Населенные пункты, в которых добровольцы останавливались на привал, подвергались артиллерийскому обстрелу, как только местные лазутчики красных доносили регулярным частям, располагавшим орудиями, где и в какой станице остановились части белых. Однажды шальной снаряд попал в дом, где одновременно находились генералы Алексеев, Деникин и Романовский. Лишь по случайности все находившиеся в доме остались целы и невредимы.

Красные тем временем сосредотачивали силы в районе Майкопа. Сорокин преследовал добровольцев буквально по пятам. 10 марта 1918 года, при форсировании Корниловым реки, Белая армия оказалась в засаде, запертая в долине красными отрядами. По добровольцам, оказавшимся в тактически неудобном положении, в низине, красные открыли шквальный огонь из орудий и пулеметов. С высоты густыми цепями начали наступление красногвардейцы, сжимая кольцо окружения. Красноармейцы Сорокина, шедшие позади добровольческих частей, готовились развернуться в на-

ступление... Корнилов приказал выдать винтовки легкораненым в обозе, а тяжелораненые готовились покончить с собой. В ранних сумерках мартовского дня добровольцы поднялись в контратаку, с отчаянием бросились на окружавшие их красные части и под беспорядочным артиллерийским огнем стали выходить из окружения, отступая в кавказские предгорья. По аулам уже прошла новая власть, объявившая черкесов «контрреволюционерами». Красные кубанцы, под предводительством иногородних увидели в горных селениях возможность поживиться землей черкесов, не признавших советской власти, а следовательно, ставших ее врагами на законных основаниях. Начался массированный грабеж и убийство жителей аулов; захват их довольно скудного имущества сторонниками новой власти происходил приезжавшими на разграбление горных селений целыми семьями иногородних. Пока мужчины хладнокровно убивали жителей горных аулов, их жены и дети выносили вещи из опустевших саклей, уводили скот, уносили птицу и брали все, что только можно увезти, хотя, повторимся, имущество черкесов того времени особым изобилием совсем не блистало...

Корниловскую армию эти горные народы встречали как освободителей. Гуль так описывает речь генерала перед горцами, вступившими в его армию: *«На площади около мечети гремит музыка, гудят войска. Корнилов говорит, обращаясь к черкесам. Черкесы стоят конною толпой с развевающимся зеленым знаменем с белым полумесяцем и звездой. Внимательно слушают они небольшого человека с восточным лицом. А когда Корнилов кончил, раздались нестройные крики, подхваченные тушем оркестра... После парада, на вышке минарета оказался муэдзин, худой, черный. Долго слышались горловые крики его и ответный гул черкесской толпы. Муэдзин призывал к борьбе, к оружию, к мести за убитых отцов и братьев»*¹⁴.

Получив сведения о генерале Покровском, чьи отряды были зажаты красными под станицей Калужская 11 марта, Корнилов и его армия двинулись тяжелыми горными путями на помощь кубанцам. Положение дел у Покровского было из рук вон плохим: его резервы таяли, на смену убитым вставали обо-

зники, старики и даже боеспособные депутаты Кубанской Рады. Едва отбив атаки красноармейцев, кубанцы вырвались из кольца и провели ночь в открытом поле, под холодным проливным дождем, продуваемые всеми ветрами. Ждали погони красных и готовились к смерти, но вдруг у биваков появился конный разбезд корниловцев. Кубанцы воспрянули духом и бросились на расположившихся неподалеку красных, смяли их и обратили их по обыкновению в беспорядочное бегство.

Через три дня в аул Шенджи к Корнилову прибыл генерал Виктор Леонидович Покровский, чтобы наряду с радостью воссоединения с добровольцами сообщить командующему армией о предложении кубанского правительства сохранить самостоятельность кубанских соединений в рядах Добровольческой армии при формальном оперативном подчинении Корнилову. «Одна армия и один главнокомандующий. Иного положения не допускаю», — был ответ Корнилова. Покровский принял это без возражений, и еще через два дня, 15 марта 1918 года, пополненная Добровольческая армия перешла в крупное наступление. Под проливным дождем, с завязшей в грязи артиллерией, везомой гужевым транспортом, добровольцы оказались под станицей Новодмитровской. К вечеру температура упала, пошла метель, лошади и люди медленно покрывались ледяной коркой. Авангардный Офицерский полк под командованием генерала С.Л. Маркова, оказавшись один, не стал дожидаться основных сил армии. Ожидание в степи, на ледяном ветру могло стоить здоровья, а то и жизни добровольцам. Марков поднял полк в атаку: *«Марков решил: «Ну, вот что. Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идем в станицу». И бросился с полком под убийственный огонь мгновенно затрепавших со всех сторон ружей и пулеметов...»*¹⁵ *«Полк, вперед!»* — и генерал Марков первым шагает вброд. *Идут в бой через ледяную реку, высоко в темноте держат винтовки... Перешли. Ударили... ворвалась армия в станицу»*¹⁶, — пишет Роман Гуль. В метели, пронизываемые леденящим ветром, чины полка опрокинули линию обороны красноармейцев и погнали их впереди себя по Новодмитровской. Ос-

новные части красных в то время спокойно грелись по домам. Подъехал Корнилов и штабные. Добровольцы вышли в центр станицы. Из окон и дверей станичного правления в ужасе выбегали красные командиры и комиссары. В воспоминаниях марковца В.Е. Павлова читаем:

«...Из домов начали выбегать люди. Один кричал: — Товарищи! Не разводите панику! — А ты кто? — задает ему вопрос офицер. — Я председатель военно-революционного комитета, — и... он немедленно падает мертвым. — Что вы наделали с нашим председателем? — кричит другой. — А ты кто? — Я секретарь! — и труп секретаря упал на труп председателя. Спереди и сзади от идущих офицеров выбегавшие из домов красногвардейцы не отдавали себе отчета в положении и падали под штыками добровольцев без единого выстрела с той и другой стороны...»¹⁷

«Полузамерзшие, держа в онемевших руках винтовки, падая и проваливаясь в густом месиве грязи, снега и льда, офицеры бежали к станице, ворвались в нее и перемешались в рукопашной схватке с большевиками...»¹⁸. Роман Гуль так описывает следующее утро после занятия Новодмитровской: *«На другой день на площади строят семь громадных виселиц. На них повесили семь захваченных комиссаров»*, — читаем у Гуля. На следующий день опомнившиеся красные пытались контратаковать отбить Новодмитровскую, однако каждый раз несли существенные потери. 17 марта в станицу подтянулись кубанцы Покровского и атамана Филимонова, подъехали члены правительства Кубанской Рады. Собравшись у Корнилова, кубанцы попробовали еще раз настоять на суверенном войске Кубани, получили категорический отказ командующего. На это кубанцы попытались заявить, что в этом случае снимают с себя всякую ответственность за помощь Добровольческой армии. Однако Корнилов напомнил им принятые ранее обязательства, на условиях которых он включил отряды Покровского в Добровольческую армию, и быстро навел порядок в рядах своих кубанских союзников: отстранил генерала Покровского от активного участия в жизни армии, а затем направил его в распоряжение кубанского правительства для

формирования потенциальной «Кубанской армии». Войсковые части кубанцев Корнилов влил в качестве дополнений в отряды, которыми командовали его генералы — Марков, Богаевский и Эрдели. Для пополнения резерва боеприпасов Марков был направлен штурмовать железнодорожную станцию Георге-Афипскую. Сильный огонь красных не дал Маркову взять станцию сходу, и Корнилов направил бригаду Богаевского в помощь марковцам. Завязался жесточайший бой. Красные не желали сдавать свои позиции и трижды отбивали наступление добровольцев. В атаке был ранен генерал Романовский, однако в конце концов станция была взята, а с нею и трофеи — 700 снарядов и тысячи патронов, столь необходимых для предстоящего штурма Екатеринодара. Конница Эрдели внезапным броском взяла паромную переправу у станицы Елизаветинской. Добровольческая армия начала переправу через Кубань на пароме и лодках, которые могли найти. Офицерский полк самого храброго генерала Маркова был оставлен на берегу для прикрытия переправы через реку. Штаб докладывал командующему, что красные располагают 18 тысячами человек, при 3 бронепоездах и поддержкой 10 с небольшим орудий. Истинное положение дел состояло в том, что численность сообщаемых командующему данных оказалась заниженной минимум втрое. Основываясь на донесениях штаба, Корнилов начал сражение 27 марта, в Страстную неделю... Красные повели наступление на переправу. Со стороны Екатеринодара ревет артиллерия. Корниловский и Партизанский полки, без единого выстрела, двигаясь в безмолвии, своей «психической» атакой легко обратили первые эшелоны красных в бегство. Окрыленный сравнительно легкой победой над красными, Корнилов приказал продолжить наступление, не дожидаясь подхода других полков. Казаки окрестных станиц стали повсеместно восставать против большевиков, и к Добровольческой армии потянулись мелкие пополнения из станичных казаков. На следующий день, 28 марта 1918 года, сражение с красными приняло ожесточенный характер. Чередовались атаки и контратаки сторон. Огонь красной артиллерии достигал интенсивности 500 или 600 выстре-

лов в час. В ответ добровольческий артдивизион отвечал одиночными выстрелами из-за снова грозящей нехватки боеприпасов.

*«Я Львов, Перемышль брал, но такого боя не слышал, — говорит раненый полковник. — Они из Новороссийска тридцатью пятью тяжелыми орудиями палят. Слышите? Залпами...» Артиллерия ухала тяжелыми страшными залпами, как будто что-то громадное обрывалось и падало...»¹⁹, — пишет Роман Гуль. Добровольцы продолжали медленное продвижение к городу. Брали предместье за предместьем, медленно вышли на окраины. Потери Добровольческой армии исчислялись тысячами, были ранены командиры кубанцев Сергей Георгиевич Улагай и Петр Константинович Писарев, командир донских казаков Лазарев. Унесен с поля боя командир Партизанского полка генерал Казанович... В тылу у белых в станицах шли великопостные службы. *«Старенький священник прошел в церковь. Пахнет свежим весенним воздухом и ладаном. Мерцают желтые огоньки тонких свечей. Священник читает тихим голосом. Поют. Молятся раненые. Плачут склонившиеся женщины-казачки... А со стороны Екатеринодара ревет артиллерия»²⁰, — пишет мемуарист-очевидец.**

При наступлении ночи бой не закончился, однако это не продвинуло Корнилова ближе к намеченной цели, а из Новороссийска на помощь к красным пришло еще несколько поездов с «революционными» матросами. 29 марта к Екатеринодару подтянулся арьергард Маркова, вступив с ходу в бой и заняв сильно укрепленные большевиками Артиллерийские казармы: *«Скоро показался и Марков. Идет широким шагом, размахивая нагайкой, и издали еще на ходу ругается: — Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пускали бы сразу со всей бригадой — я бы уже давно в Екатеринодаре был. — Не горюй, Сережа, — отвечает Романовский, — Екатеринодар от тебя не ушел...!»²¹* За ним двинулся Корниловский полк, который лично повел в бой подполковник Неженцев, вскоре раненный пулей в голову: *«...Он чувствовал, что наступил предел человеческому дерзанию и что пришла пора пустить в дело «пос-*

ледный резерв». Сошел с холма, перебежал в овраг и поднял цепи. «Корниловцы, вперед!» Голос застрял в горле. Ударил в голову пуля, он упал; потом поднялся, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второй пулей»²². На смену ему полк повел полковник Индейкин и вскоре был ранен и отнесен в тыл. Командира партизанского батальона капитана Курочкина сразила шальная пуля... Корниловский полк, оставшись без командиров и существенно поредевший, приостановил продвижение, и его атака захлебнулась.

На помощь корниловцам спешил раненый Казанович, вставший во главе Резервного полка. Полк прорвал оборону красных и вошел в город, однако вскоре Казанович увидел, что его успех не поддержан другими полками, продолжил продвижение всего с 250 людьми к центру города, по пути захватывая повозки с фуражом и хлебом. На командном пункте добровольцев оставалось всего трое живых командиров. Принявший командование над оставшимися еще в живых корниловцами А.П. Кутепов не мог собрать остатки полка и быстро направить его за уже далеко ушедшим Резервным полком Казановича, до Маркова не дошло донесение, отправленное Казановичем из центра Екатеринодара. Под утро 30 марта 1918 года, не дождавшись помощи, Казанович приказал полку двигаться назад, из города. Построившись в колонну, Резервный полк возвращался к своим. Встречаемые по пути красными разъездами, добровольцы рекомендовались «красным кавказским полком» и одно время шли в рядах красных, возвращающихся на покинутые позиции. Солдаты двух сторон перемешались друг с другом и шли, мирно беседуя, курия и обсуждая недавний бой. Так дошли они до линии фронта, и здесь красные с удивлением обнаружили, что колонна «красного кавказского полка» с захваченными обозами не остановилась на линии обороны, а продолжила движение дальше, за линию фронта. Погодя немного, красные открыли огонь, однако полк Казановича был уже далеко.

В течение 30 марта бои продолжались, однако их интенсивность объективно спала: обе стороны были измотаны и нуждались в отдыхе. Сил на стремительные атаки не остава-

лось. Боеприпасы закончились, потери Добровольческой армии в живой силе становились катастрофическими: численность убитых и раненых превысила полторы тысячи человек. Младших командиров и штаб-офицеров не осталось. Окрестные казаки, видя складывающееся положение дел и явный перевес в силах у красных, начали покидать Добровольческую армию, бросая фронт, как всегда. На состоявшемся военном совете Корнилов заявил, что иного пути, как взятие Екатеринодара, у Добровольческой армии нет: отойти не дадут красные, начав преследование, осада города станет медленной агонией армии, чьи силы станут таять еще больше. Выход виделся командующему лишь в однодневном отдыхе и переформировании уцелевших полков, а затем, в окончательном штурме кубанской столицы. Командующий сообщил собравшимся генералам, что лично поведет армию на штурм города. Уставшие люди молча согласились с ним. Марков дремал, опустив голову на плечо генералу Романовскому, остальные были слишком измучены, чтобы что-то возразить на этот гибельный и бесперспективный план командующего армией. Штурм города был назначен на 1 апреля. 31 марта, в восьмом часу утра, шальной снаряд, выпущенный красными, пробил стену одиноко стоящей фермы и взорвался под столом, за которым сидел командующий. Взрывная волна бросила Корнилова в сторону и ударила о печь. Вбежавшие офицеры застали его еще дышащим. Командующего осторожно вынесли на воздух, возле него столпились адъютант поручик Виктор Иванович Долинский, Хаджиев, генералы Деникин, Романовский и несколько случайно оказавшихся рядом офицеров. В течение нескольких минут Корнилов еще оставался в живых, стонал, а затем, не проронив ни слова, затих. Деникин и Романовский приказали скрыть от армии хотя бы до вечера смерть командующего, однако эти попытки оказались тщетными. Гуль так описывает неожиданно свалившуюся на добровольцев трагическую весть: *«Знакомый текинец понес из церкви аналой... Выходит бледный, взволнованный капитан Ростомов. «Ты ничего не знаешь?» — «Нет. Что?» — «Корнилов убит», — глухо говорит он, — но ради Бога, никому не говори,*

просят скрывать. Куда-то оборвалось, покатилося сердце, отлила кровь от головы. Нельзя поверить!»²³

Тело Корнилова было перевезено в Елизаветинскую в сопровождении верных текинцев. Там тело омыли и уложили в сосновый гроб, в который были положены первые весенние цветы. Священник Елизаветинской отслужил панихиду. Гуль трогательно описывает свой разговор со священником: *«Батюшка, вы отпевали Корнилова?» Он замаялся, и лицо у него жалкое. «Я... я... не говорите вы только никому об этом... скрывайте... Узнают войска, ведь не дай Бог, что может быть. Ах, горе, горе, человек-то был какой необыкновенный... Он жил у меня несколько дней, удивительный прямо. Много вы потеряли, много. Теперь уйдете, что с нами будет... Господи... Придут завтра же, разорят станицу...»*

2 апреля Корнилова тайно похоронили, в присутствии лишь нескольких ближайших к командующему лиц. Рядом был похоронен его боевой товарищ и бесконечно уважаемый им человек — полковник Неженцев, убитый при штурме Екатеринодара. Чтобы не привлекать внимания, могилы сравняли с землей и даже старшие командиры прощались с командующим, проходя стороной во избежание того, чтобы разведчики красных не могли определить места захоронения. По материалам следственной комиссии при командующем ВСЮР, составленным мировым судьей Мейнградом в 1919 году, станет известна картина глумления большевиков над прахом Корнилова: вскоре пришедшие красные раскопали несколько свежих могил. Были привлечены местные жители, и даже пленные. Женщина, служившая медсестрой у белых и после отхода добровольцев попавшая в плен к войскам Сорокина, была привезена в Особый отдел фронта для опознания останков. К чести ее, она отрицала, что останки принадлежали Корнилову, однако нашлись люди, подтвердившие обратное. Тело Корнилова было отправлено в Екатеринодар. Сорокин и Золотарев приказали сделать несколько фотографических снимков погибшего генерала, после того распорядились сорвать с тела китель и принялись с помощью ординарцев вешать тело на дерево. Повесив, они начали на-

носить ему шашечные удары; искромсав тело до неузнаваемости, пьяные командиры приказали отвезти то, что недавно было телом Корнилова, на городскую бойню, где красноармейцы обложили его дровами и соломой и принялись жечь. Посмотреть на сожжение приехали все высшие командиры и комиссары, бывшие в городе. Сжигающие, для придания храбрости, пили спирт, и в сатанинском неистовстве растаптывали медленно тлеющие останки. Спустя несколько дней в Екатеринодаре большевистские власти устроили шутовскую процессию «похорон Корнилова». Городские обыватели были обложены по этому случаю «контрибуцией на помин души».

Летом 1918 года на месте гибели Корнилова был установлен обыкновенный крест, на скорую руку сооруженный из дерева. Рядом с крестом упокоилась жена Лавра Георгиевича Корнилова, пережившая мужа всего на шесть месяцев. Когда в 1920 году на Кубани окончательно установилась советская власть, большевики сломали кресты, поставленные Корниловым, и разорили могилу жены.

Последнее сражение у Екатеринодара, данное Корниловым в последних числах марта 1918 года, стоило большевикам под командованием Сорокина и Золотарева только по официально обнародованным советским данным 5 тысяч убитых и десять тысяч раненых. Фактическое их количество было неизмеримо большим.

После смерти Корнилова М.В. Алексеев сказал Деникину: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!» Был издан приказ по Добровольческой армии, за подписью Алексеева, состоявший из двух параграфов. Первый извещал о кончине генерала Корнилова, а второй гласил о вступлении в командование армией генерал-лейтенанта Деникина. М.В. Алексеев сначала даже задумался о том, как подписывать этот приказ, ведь до сих пор он, как основатель Добровольческой армии не придумал себе формального наименования. Романовский посоветовал просто подписаться «генерал Алексеев». «Разве добровольцы не знают, кто вы такой?» — задал Романовский риторический вопрос основателю армии.

Красные части, не ослабляя давления на левый фланг армии, пытались теснить добровольцев. Кавалерийская бригада генерала Эрдели едва сдерживала их бешеный натиск. Моральный дух добровольцев был надломлен гибелью Корнилова, и новый командующий приказал отходить. Но куда? На юге был берег реки Кубань, на востоке несдавшийся Екатеринодар, на западе — болота... Единственное направление, которое было еще более-менее приемлемым для добровольцев, оставался север. Армия шла в неизвестность. *«Впереди — никакой надежды: строевые части уменьшились до смешного: Корниловский полк сведен в одну роту; с другими полками почти то же; снарядов нет, патронов нет; казаки разбегаются по домам, не желая уходить от своих дел. Настроение тревожное, тяжелое...»*²⁴, — описывает Роман Гуль общую атмосферу отхода.

Главной целью оставалось вырваться любой ценой и отдалиться от преследования большевиков. Тяжелораненые были оставлены на попечение медсестер и врача в станице Елизаветинской. Были оставлены деньги на питание. Пришедшие следом большевики убили свыше пятидесяти трех раненых добровольцев, и лишь 11 удалось чудом избежать расправы.

Акт Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, составленный в г. Екатеринодаре 20 марта 1919 года, свидетельствует о различных случаях злодеяний красноармейцев в отношении мирного населения, раненых добровольцев и медперсонала, оставленного ухаживать за ними. В частности, в нем говорилось: *«...1 апреля (1918 года) в станицу Елизаветинскую вступили передовые большевистские отряды, которые отнеслись терпимо к оставленным раненым, но затем по мере подхода других частей, особенно пехоты, раненые подверглись глумлению и избиению, и у них были отобраны деньги... 1 же апреля начались единичные случаи убийства. Так, за несколько минут до прихода большевиков в двухклассное училище туда прибежал больной мальчик, назвавшийся кадетом 3-го класса Новочеркасского кадетского корпуса. Он просил жену заведующего училищем спрятать его, но та не успела этого*

сделать, и мальчик остался во дворе среди детей казаков. По приходе большевиков кто-то из иногородних сказал им, что среди детей казаков находится кадет. Тогда один большевистский солдат подошел к этому мальчику и спросил, кадет ли он. Мальчик ответил утвердительно, после чего солдат этот тут же, на глазах у всех присутствующих, заколол мальчика штыком... Выяснить точное число убитых большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой армии не удалось, но по показанию одного казака, закапывавшего трупы, он насчитал положенных в могилу 69 тел. Кроме того, тогда же были убиты и две сестры милосердия, из которых одну большевики бросили в Кубань, а другую, совсем молодую девушку, институтку б кл(асса) Веру Пархоменко, расстреляли за кладбищем станицы...»²⁵. Героизм медсестер в Белой армии всегда высоко ценился их однополчанами, ибо что, казалось бы, заставляло этих юных девушек, оставивших свои семьи и дома, следовать за Добровольческой армией, выносить раненых с поля боя, терпеть бытовые неудобства, делить тяготы военных походов с мужчинами, многие из которых уже прошли по военным дорогам долгих четыре года Великой войны? Эмигрант В. Иляхинский, участник «Ледового похода», пишет, что «в Добровольческой армии сестер милосердия называли ласково по именам, часто не знали ни фамилии, ни отчества сестры, но по имени сестру часто знал весь полк...»²⁶. Так он приводит историю сестры милосердия Шуры, вчерашней гимназистки 6-го класса Ростовской женской гимназии, которая «подговорила свою репетиторшу, слушательницу Высших женских курсов, и тайком отправилась на вокзал, где в это время готовился к отходу на фронт, в Батайск, эшелон юнкеров и кадет... «Возьмите нас с собой, мы будем перевязывать раненых и ухаживать за больными». «А вы умеете?» — с некоторым сомнением задали вопрос юнкера, видя перед собой двух юных девушек, мало похожих на опытных сестер милосердия. «О, мы все умеем!» — «Пожалуйста, садитесь, но чтобы начальство не видело»...»

Таким образом, в Добровольческую армию приходило множество будущих сестер милосердия. Их пути были раз-

личны, и многие навсегда остались на полях гражданской войны, но были и такие, кто прошел вместе с белыми войсками сквозь бушующий пожар той войны, окончив свои дни в эмиграции, вдали от Отечества, за которое они когда-то без тени сомнения отдавали свои молодые жизни.

...Не обходилось и без курьезов. В. Иляхинский так описывает первое боевое крещение сестры милосердия Шуры, ставшей впоследствии «официальной сестрой Юнкерского батальона»: «Нужно было сделать перевязку раненому в лицо. Шура подошла с приготовленным бинтом к юнкеру, но, увидев все лицо в крови, так испугалась, что начала рыдать навзрыд, и бедному раненому пришлось ее не только успокаивать, но и доказывать, что ранение нестрашное и ему «даже не больно»...»²⁷

...Отходившие добровольческие части беспрестанно обстреливались из станиц. Подоспевший тяжелый бронепоезд начал методичный обстрел добровольческого арьергарда. Красногвардейцы пытались атаковать отходившие войска, но, встреченные орудийным огнем, остановились. А.П. Богаевский лично выезжал навстречу преследователям и водил добровольцев в контратаки. Деникин пытался дезориентировать противника и, сделав ложный маневр, делая вид, что уводит войска на север, в наступивших сумерках приказал двигаться на восток, по направлению к железнодорожному полотну, на которое белые части вышли в районе станции Медведковской. Генерал Марков с небольшим отрядом разведчиков пробрался и захватил переезд. Позвонил станционному начальству красных и, представившись сторожем, сообщил, что все в порядке и белых нигде не видно. На самой станции оставался один бронепоезд и два эшелона с пехотой красных, а на переезде, в домике станционного сторожа, собрался весь штаб Добровольческой армии в полном составе. Красное станционное начальство сказала, что, несмотря на внешнее спокойствие, «для верности» к переезду подойдет бронепоезд. В.Е. Павлов так описывает последовавшие за этим события: «— Пришлите, товарищи. Оно будет вернее, — согласился генерал Марков. Немедленно посыпались короткие, твердые распоряжения подъехавшим к будке начальникам. — Сейчас подой-

дет красный бронепоезд. Его мы не должны упустить, — заявил генерал Марков. Полковнику Миончинскому приказано одно оружие перевести через полотно железной дороги и поставить на позицию для стрельбы по бронепоезду в упор, в бок ему, другое у переезда, для стрельбы вдоль железной дороги. Полковнику Бонину — сорвать телефонные и телеграфные провода в сторону Екатеринодара. Выслать конных подрывников для подрыва железнодорожного полотна... Третье приказание для Инженерной роты — завалить у будки шпалами железнодорожную линию... Слегка шипя, бронепоезд прошел мимо лежащих, рассыпая под себя искры из топки... Генерал Марков давно уже увидел противника и... приготовился В руке у него ручная граната. Он снял свою белую папаху и пошел навстречу бронепоезду... — Кто на пути? — спрашивают с бронепоезда. — Не видите, что свои! — отвечает генерал Марков и, подойдя вплотную к паровозу, бросает ручную гранату в машинистов. Граната взрывается. — Орудие, огонь! — кричит генерал Марков, отбегая от паровоза... Гарнизон бронепоезда защищался героически и погиб полностью. Составляли его матросы. Впрочем, одному из них посчастливилось: он выскочил в тлеющей на нем одежде и натолкнулся на генерала Маркова. Генерал приказал оказать ему помощь...»²⁸ Добровольцы принялись отцеплять от горящего бронепоезда вагоны с боеприпасами. Их трофеи составили в этот раз 400 снарядов и 100 тысяч патронов... Красные попытались направить эшелон с пехотой к месту недавнего боя, но, обстрелянный артиллеристами полковника Миончинского шрапнелью с платформы захваченного бронепоезда, эшелон дал задний ход и отошел назад на станцию.

Генерал Боровский со своими юнкерами и студентами при поддержке Кубанского полка атаковали станцию и взяли ее после ожесточенной рукопашной схватки. С южного направления подходил второй бронепоезд красных, однако артиллеристы полковников Миончинского и Биркина открыли по нему точечный огонь, и железной машине пришлось пятиться назад, отвечая отдельными выстрелами на предельной, не представляющей опасности для белых дистанции. Добровольцы наконец получили возможность

вырваться из кольца и форсированным маршем направиться наконец на отдых и пополнение через территорию дружественно настроенного населения. А.И. Деникин вел армию, меняя маршруты движения и обманывая разведку красных так, что у преследующих его красных частей не было точной ориентировки движения Добровольческой армии. Большевицкая пресса писала тем не менее о разгроме и ликвидации «белогвардейских банд, рассеянных по Северному Кавказу», не совсем точно представляя себе истинное положение дел. Добровольческая армия оторвалась от противника, отдохнула, приняла пополнение и вышла снова на границу Дона и Ставрополя. Первый Кубанский поход окончился, и начиналась следующая страница белой борьбы на Юге бывшей империи. В боях и маршах, продолжавшихся с редкими перерывами 44 дня, Добровольческая армия прошла в общей сложности свыше 1000 километров, потеряв 400 человек убитыми и вывезя до полутора тысяч раненых, не считая тех, кто был оставлен в станицах до выздоровления. «Ледяной поход» Белой армии породил своих героев и положил начало белым традициям. «Генерал Корнилов задумал, а генерал Деникин осуществил» — так говорили впоследствии участники Первого Кубанского похода о его концепции. «С Деникиным не пропадем!» — решили марковцы... Чуть позже для «первопоходников» был учрежден особый знак — меч на терновом венце на георгиевской ленте и с круглым триколором посередине. Один из таких знаков за номером 4444 хранится в личной коллекции автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гиппиус З. Дневники. Тбилиси: Изд. Мерани, 1991.
2. Указ. соч.
3. Гуль Р. Ледяной поход. Молодая гвардия, М.: 1990.
4. Гуль Р. Ледяной поход. Молодая гвардия, М.: 1990.
5. Гуль Р. Ледяной поход. Молодая гвардия, М.: 1990.
6. Гуль Р. Ледяной поход. Молодая гвардия, М.: 1990.

7. Гуль Р. Ледяной поход. Молодая гвардия, М.: 1990.
8. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. М.: Молодая гвардия 1990 г.
9. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. М.: Молодая гвардия 1990 г.
10. Гуль Р. Ледяной поход, М.: Молодая гвардия. 1990.
11. Гуль Р. Ледяной поход, М.: Молодая гвардия. 1990.
12. Гуль Р. Ледяной поход, М.: Молодая гвардия. 1990.
13. Гуль Р. Ледяной поход, М.: Молодая гвардия. 1990.
14. Гуль Р. Ледяной поход, М.: Молодая гвардия. 1990.
15. Деникин А.И. Ледяной поход и Смерть генерала Корнилова. М.: Молодая гвардия. 1990.
16. Гуль Р. Ледяной поход. М.: Молодая гвардия. 1990.
17. Павлов В.Е. Первый поход Добровольческой армии // Марков и Марковцы. М.: Посев 2001.
18. Деникин А.И. Ледяной поход и Смерть генерала Корнилова. М.: Молодая гвардия. 1990.
19. Гуль Р. Ледяной поход. М.: Молодая гвардия. 1990.
20. Гуль Р. Ледяной поход. М.: Молодая гвардия. 1990.
21. Деникин А.И. Ледяной поход и Смерть генерала Корнилова. М.: Молодая гвардия. 1990.
22. Указ соч.
23. Гуль Р. Ледяной поход. М.: Молодая гвардия. 1990.
24. Гуль Р. Ледяной поход. М.: Молодая гвардия. 1990.
25. Сборник «Красный террор в годы Гражданской войны» // Под ред. д.и.н. Ю.Г. Фельштинского и д.и.н. Г.И. Чернавского. М.: Терра-Книжный клуб. 2004.
26. Иляхинский В. «Сестры милосердия в походе» // Первый Кубанский «Ледяной поход». Под ред. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф. 2001.
27. Иляхинский В. Сестры милосердия в походе» // Первый Кубанский «Ледяной поход». Под ред. С.В. Волкова, М.: Центрполиграф. 2001.
28. Павлов В.Е. Первый поход Добровольческой армии // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ (О ВТОРОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ)

Пока Добровольческая армия пополняла резервы и восстанавливала силы, огромная, сосредоточенная на Северном Кавказе Красная армия, выросшая до исполинских размеров за счет оставивших фронт солдат императорского Закавказского фронта, становилась все более плохо управляемой даже своими начальниками силой. Из Севастополя прибыли матросы, ушедшие от немцев. Сюда же для отдыха и пополнения сил были вывезены из Крыма различные части красной украинской гвардии, спасенные большевиками от германских частей, вошедших в Крым. Эти части, озлобленные поражением, недоеданием и вынужденным бегством из насиженных мест, где еще недавно были полноправными хозяевами и властителями жизней простых смертных, горели жаждой мести и жестоко отыгрывались на местном населении.

На курортах Пятигорска, Минеральных Вод и Ессентуков скопилось свыше 15 тысяч больных и раненых офицеров, солдат и гражданских лиц. Местные советы объявили лечившихся людей «резервом Корнилова». Их перестали кормить и предоставлять питание, запретили местным торговцам продавать любые продукты. В результате люди выразили свой протест, и он был подавлен красногвардейцами под видом борьбы с мятежом «в тылу красных войск». Согласно Краткой справке, составленной Особой Комиссией по расследованию злодеяний большевиков при Главном командующем ВСЮР и посвященной статистике арестов, про-

водившихся большевиками с 1 января по 8 июля 1918 года, говорилось: «... Число лишившихся свободы не поддается точному учету, так как полный произвол арестов без регистрации и фиксированных документально распоряжений об аресте, без соблюдения хотя бы гарантий правильности ареста, вызвал отсутствие необходимых сведений. Арестовывать мог каждый красноармеец и рабочий именем советской власти, и арестованные сдавались в различные пункты при советских учреждениях без документа...»¹

Почти каждый второй крестьянин, проживающий на Кубани, имел статус «иностранного», то есть не обладающего казачьими привилегиями и правами, а следовательно, использующего меньшие земельные наделы. Иностранцы освобождались и от финансового бремени расходов на несение военной службы, однако их отношение к казакам строилось на непримиримости с фактом своей земельной ущемленности, впрочем, достаточной мнимой. Иностранцы стали главным оплотом большевиков в деле реквизиций казачьих земель, достававшихся им в качестве награды за участие в борьбе с «буржуазией». Особо жестоко расправлялись с людьми, имевшими офицерские и порой даже унтер-офицерские чины, а когда иссякали враги в светской жизни, репрессии переносились на духовных лиц, не забывая реквизировать попутно и церковные земли. Местные советские власти запрещали колокольный звон в храмах, запрещали священникам отпевать и хоронить «контрреволюционеров», поощряли издевательства люмпенов над крестными ходами. Многочисленные документы, составленные следственными органами белых, свидетельствуют о совершенно нецелевых выходах большевиков в отношении православного духовенства. Известны случаи въездов красноармейцев в церковь на лошадях, их присутствие в храмах в шапках, с папирусами во рту, с нецензурной руганью (это было в станицах Новокорсунская на Кубани) или взломов замков наружных дверей храмов и внутренних хранилищ для похищения денег и церковных ценностей, как это было в станицах Батунской и Кирпильской.

Духовных лиц зачастую объявляли вне закона, арестовывали и мученически казнили за произнесение проповедей, в которых большевиками мог быть усмотрен хоть малейший намек на осуждение богоборческой власти. Расправы следовали и за служение напутственных молебнов проходящим частям Добровольческой армии, за участие в погребении чинов императорской армии или добровольцев.

В справке Особой Комиссии по расследованиям злодеяний большевиков говорится об убийстве на площади станицы Вознесенской священника Троицкой церкви о. Алексея (Ивлева), прослужившего в этом храме к тому времени 36 лет, за то, что тот происходил из казаков и когда-то служил в гвардии. Священник станицы Усть-Лабинской о. Михаил (Лисицын) был убит, а перед убийством красноармейцы накиннули ему петлю на шею, водили по станице, глумились и били его, так что под конец он уже сам, падая на колени, просил поскорее с ним покончить. Жене священника предложили заплатить 600 рублей за разрешение похоронить его... Только в сравнительно небольшом Ставрополье следственная комиссия белых сумела добыть материалы, доказывающие убийства более чем 32 священнослужителей, 4 дьяконов и 3 псаломщиков, хотя, по единодушному признанию белых следователей, количество жертв среди духовенства в реальности было еще большим. Добровольно сдавшие оружие казаки пребывали в уверенности, что в обмен на свою лояльность новой власти та ответит сохранением казачьих привилегий и земельных наделов. Наблюдая обратное в отношении большевиков к Дону и к казачеству, они начинали восставать против разгула большевистского террора, проникавшего уже даже не просто в уклад казачьей жизни и ее быт, но посягавшего на ее духовные устои в самом оскорбительном и варварском виде.

В апреле 1918 года восстало 11 казачьих станиц в районе Ейска, за ними восстания полыхнули в станице Кавказской и Армавире, а затем и в горных станицах Баталпашинского района, где войсковой старшина А.Г. Шкуро объединил казаков в малочисленный, но эффективно боровшийся против регулярных красных частей отряд.

14 апреля казаки близлежащих к Новочеркасску станиц напали на него, и на четыре дня заняли его до тех пор, пока подоспевшие красногвардейцы не выбили их из города, сопровождая свое возвращение волной погромов и казней, обрушившейся на местное население. К возвратившемуся со своим отрядом с зимовья в Сальских степях генерал-майору П.Х. Попову стекались казаки, на личном опыте познавшие все прелести большевистского гнета и формирующие собственное ополчение для защиты своих станиц от красных и рейдов по большевистским тылам. Красная армия была двинута на повстанцев для их рассеяния и уничтожения, однако как раз в эти дни к границам Дона подходила Добровольческая армия А.И. Деникина. Еще до подхода добровольцев казаки передали Деникину обращение через посланного к ним на разведку полковника Барцевича о том, что «...Дон восстал. Задонские станицы бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь».

29 апреля 1918 года добровольцы выступили на помощь донцам. А.И. Деникин приказал генералу В.Л. Покровскому взять четыре сотни казаков и черкесов и идти с разведкой впереди основных частей армии. Покровский возразил, сказав, что кубанские казаки вряд ли пожелают биться за интересы донских станиц, в то время как их собственные кубанские земли стонут под игом большевиков. Деникин заверил Покровского, что в его планы не входит оставление Кубани и скоро добровольческая армия вернется, чтобы закрепиться и на Кубани.

Добровольческая армия выступила на северо-восток и вступила в бой с красногвардейскими отрядами на Ставрополье, а к вечеру того же дня, окончив бой, повернула на западное направление, перешла железнодорожное полотно возле станции Ея, подрывники двинулись вдоль железной дороги, взрывая пути. К рассвету появился бронепоезд красных и эшелоны с красногвардейцами, которые, высаживаясь под огнем добровольцев, пытались атаковать, однако их атаку разметал артиллерийский огонь белых батарей, к тому

же не давший бронепоезду красных подойти ближе и бить по артиллерии добровольцев прямой наводкой. После боя армия двинулась в село Лежанка. Туда же прибывали с известиями казаки окрестных станиц. Выяснилось, что в станицах Кагальницкой и Мечетинской стоят войска красных, что там идет расправа над уцелевшими после подавления восстания казаками, теми, кто не успел бежать от Красной армии в дальнюю станицу Егорлыцкую.

Деникин распорядился выслать в станицы конный полк Петра Владимировича Глазенапа, навстречу красным частям, а бригаде Африкана Петровича Богаевского, Корниловскому и Офицерскому полкам дал задание двигаться в обход красных, не вступая с ними в бой. По сбивчивым данным, полученным от своей разведки в станицах, командование красногвардейцев посчитало эти перемещения разных групп добровольцев общим отступлением и, стянув дополнительные силы, большевики выступили на село Лежанку. Бой у Лежанки продолжался двое суток, и пришлось эти дни на Великую пятницу и Страстную субботу. Красные части атаковали добровольцев непрерывно. Одна цепь, сметенная короткой контратакой бригады генерала Маркова, сменяла другую. На помощь марковцам со Ставрополя и с Кубани непрерывно подходили свежие полки, догонявшие ушедших вперед своих товарищей, и контратаки следовали одна за другой. Артиллерия красных была по селу непрерывно. Несколько шальных снарядов попало в дом, где располагался штаб Деникина. На находившихся в нем генералов и офицеров посыпалась штукатурка и пыль, поднятая от взрывов.

На следующий день, в Пасху, основные силы добровольцев осуществили встречный удар по красным войскам, а ушедшие в тыл к ним полк Глазенапа и белые партизаны ударили столь слаженно и внезапно, что по всему фронту началось беспорядочное и хаотическое бегство красноармейцев и командиров Красной армии. Деникин велел передвинуть обоз в станицу Егорлыцкую, что высвободить ту часть Марковской бригады, которая охраняла и прикрывала его все это время. Марковцы тронулись в штыковую «психическую» атаку,

и красные стали отступать. Отступление их тут же переходило в бегство, поскольку во след им устремился конный корпус И.Г. Эрдели. Потери бригады генерала Маркова составили 80 человек, из которых семеро были в Офицерском полку. Инженерная рота потеряла убитыми 8 офицеров и свыше 20 ранеными. В походном лазарете скопилось 160 человек раненых. Командир Офицерского полка полковник Дорошевич был ранен и заменен полковником Хованским...

В.Е. Павлов описывает 1-й день Светлой Пасхи в станице Лежанка: *«22 апреля (5 мая) 1-й день Святой Пасхи. Перед рассветом части бригады приготовились к возможному наступлению красных, но последние не появились: решили праздновать. Так русские люди, вчера ведущие бой, сегодня отдыхали и отмечали день Святой Пасхи в пятнадцати-двадцати-верстном удалении друг от друга»*².

Тем временем, чуть менее двух недель назад до описываемых событий, отряд полковника Михаила Гордеевича Дроздовского, пришедший на юг России маршем из Бессарабии, разбил оборону красных у Мелитополя и штурмом взял город. Дроздовцы обошли город Таганрог с севера, бывший в руках у немецких частей, и подошли к Ростову. В городе, где находились украинские, донецкие и местные красногвардейцы, царил красный террор. Брались заложники, расстреливались в ответ на вспыхивавшие в окрестных станицах стихийные восстания казаков, совершались налеты на магазины и склады, которые подвергались грабежу: чувствовавшие свою временность, большевики старались отыграть-ся на населении. Генерал-майор А.В. Туркул, служивший в описываемое время в отряде Дроздовского в чине капитана, вспоминает:

«В Страстную субботу, 22 апреля 1918 года, вечером, началась наша атака Ростова. Мы заняли вокзал и привокзальные улицы. На вокзале, где от взрывов гремело железо, лопались стекла и ржали лошади, был убит пулей на перроне доблестный начальник штаба нашего отряда полковник Войналович. Он первый со своим 2-м конным полком атаковал вокзал. За ним подошла наша вторая офицерская рота. Большевики

*толпами потекли на Батайск и Нахичевань»*³. Большевицское руководство в панике покидало Ростов, а солдаты большевистских полков, видя, что начальство бежит, предпочитали сдаваться неожиданно появившимся дроздовцам. Туркул так описывает вход дроздовцев в город:

*«Ночь была безветренная, теплая, прекрасная — воистину Святая ночь. Одна полурота осталась на вокзале, а с другой я дошел по ночным улицам до ростовского кафедрального собора. В темноте сухо рассыпалась ружейная стрельба. На улицах встречались горожане-богомольцы, шедшие к заутрене... Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор... Нас обдало теплотой огня и дыхания живой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами... Мы были так рады, что вместо боя заспали в Ростове светлую заутреню, что начали осторожно пробираться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас сквозь огонь свечей смотрели темные глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки... Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский...»*⁴

Отряд Дроздовского как бы растворился в большом городе, преследуя мелкие группы чекистов и прячущихся комиссаров. Из Новочеркасска тем временем подошли несколько эшелонов пехоты красных, впереди шел бронепоезд. Свежие силы красных пошли в атаку на город, при огневой поддержке бронепоезда, и закипел ожесточенный бой. В разгар боя к Дроздовскому прискакали немецкие кавалеристы уланского полка, расположившегося неподалеку от Ростова. Они предложили свою помощь, однако Дроздовский вежливо поблагодарил их и отказался принять ее. Под натиском красных дроздовцы стали отходить к армянскому селу под названием Мокрый Чалтырь... Потери отряда Дроздовского при отступлении составили около ста человек убитыми и ранеными и красными была захвачена часть обоза...

«В этот день до нас дошли слухи, что в Новочеркасске идет бой между красными и восставшими казаками. Полк высту-

пил в Новочеркасск»⁵, — пишет Туркул. Это Южная группа казачьего ополчения под командованием полковника Денисова штурмовала и предприняла попытку вытеснить красных из казачьей столицы. Силы красных были еще велики, и они контратаковали белых ополченцев с удвоенной силой. Двое суток атака следовала за атакой; казаки несли тяжелые потери и начали отступать из города.

*«Когда мы внезапно показались под городом, он уже почти был оставлен восставшими донцами, державшимися только на окраинах. Красные наступали. На наступающих двинулась наша кавалерия, броневые автомобили и конно-горная батарея. Нас не ждали ни донцы, ни красные. Наша атака обратила красных в отчаянное бегство...»*⁶, — свидетельствует А.В. Туркул. Казаки воспряли духом и перешли в контратаку. Красных преследовали и били еще на протяжении 15 километров.

На третий день Пасхи, 25 апреля 1918 года, Новочеркасск был освобожден. Дроздовцы вступали в город, забрасываемые весенними цветами, восторженно приветствовавшими их местными жителями. Туркул пишет: *«...Наш капитан с подчеркнутым щегольством командовал ротой, сверкали триста штыков, и, как говорится, земля дрожала от крепкого шага. — Христос воскрес! Христос воскрес! — обдавала нас толпа теплым гулом. — Воистину воскрес! — отвечали мы дружно... Так и колесили мы в тот день по улицам. Кругом улыбающиеся, заплаканные лица... Нас было мало, но мы должны были проходить так, чтобы наше появление в разных местах города, могло создать впечатление, будто бы нас много...»*⁷

Прямо из города Дроздовский направил донесение Деникину о прибытии своего отряда и добавил, что «в случае необходимости, готов к бою прямо сейчас...». Соратник Дроздовского по белой борьбе В. Кравченко дает заслуживающую внимания характеристику своего командира, выражающую, на наш взгляд, как нельзя лучше личность этого незаурядного человека:

«Нервный, худой полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни. Всегда — от Ясс и до самой смерти — в одном и том

*же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице. Из скромности он не носил самого ордена. Всегда занятый, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать... В походах верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведущего крестоносцев освобождать Гроб Господень... Полковник Дроздовский и был крестоносцем распятой родины...»*⁸

*«...А на дворе был май. Все так легко, светло: дуновение ветра в акациях, солнце, длинные тени на провинциальном бульваре, мягком от пыли, стук калиток, молодой смех, далекая военная музыка и вечерние зори с «церемонией», торжественное «Коль славен»*⁹, — описывает городскую жизнь со вступлением белых в город Туркул. На волне большого общественного подъема в отряд Дроздовского стали поступать новые добровольцы, приходившие в Новочеркасск отовсюду. Это позволило дроздовцам развернуть отряд в три батальона. Примечательно, что, по сведениям исследователя Дроздовского И.И. Руденко-Миних, одним из пунктов подписки добровольцев, поступавших к Дроздовскому, был: «Не употреблять спиртных напитков и не играть в карты.»

В основном добровольцами в отряд поступали кадеты и студенты. Кроме них, в отряд поступали потерпевшие некогда поражение в Бердянске повстанцы «Союза увечных воинов», а также те кадровые офицеры, которые смогли перейти фронт и пробиться в Новочеркасск самостоятельно. Спустя неделю после занятия города дроздовцами новым Донским атаманом был избран генерал от кавалерии П.Н. Краснов. Он предложил Дроздовскому вступить в ряды Донской армии и развернуть отряд под новым названием Донской пешей гвардии, однако Дроздовский решил вести свой отряд численностью в 2000 человек на соединение с Добровольческой армией. Краснов считал, что из чисто прагматических соображений и по причине развала Российской империи Дон может стать самостоятельным государством при поддержке немцев, с которыми он надеялся заключить перемирие и даже соглашение по поддержке Донс-

кого войска в охране донских границ от большевиков. Это принципиально расходилось с убеждениями Дроздовского, полагавшего, что русской армии следует стремиться к сохранению России единой и неделимой, а не пытаться разделить ее на мелкие удельные области. Краснов намеревался воспользоваться моментом и ввести на Дону все атрибуты суверенного государства; принять свод законов об атаманской власти, дабы не повторять ошибок покойного Каледина, некогда связанного по рукам и ногам демократическим «коллегиальным управлением» Доном, закон о вере, в котором наряду с первенством православной веры разрешались бы отправления богослужений для других конфессий, закон о правах и обязанностях казаков и граждан, законы о флаге, гербе и гимне...

Придерживаясь антисемитских взглядов, Краснов так выразился об этих символах казачьего суверенитета: «Вы можете предложить мне другой флаг, кроме красного, любой герб — кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме Интернационала». Законы были приняты и было учреждено новое государство — Всевеликое Войско Донское, где у пришлых офицеров — дроздовцев появился новый статус иностранных подданных, враждебных германскому народу и временно находящихся на чужой территории.

Атаман Краснов направил информационную телеграмму германскому императору Вильгельму Второму о своем избрании и о том, что Всевеликое Войско Донское не считает себя как субъект международного права в состоянии войны с Германией. Он также просил немцев о помощи с оружием для борьбы с большевиками и предлагал установить торговые отношения. Во втором послании к Вильгельму Краснов попросил и о том, чтобы впоследствии Германия признала право на самостоятельность по мере освобождения от большевиков Кубанскую, Терскую и Астраханскую области, а также Северный Кавказ, а также выступила посредником в переговорах с большевиками в Москве об установлении мирных отношений с Доном. Взамен Краснов

обещал полный нейтралитет по отношению к Германии и недопущение на Донскую территорию враждебных германскому народу вооруженных сил. Письма Краснова были благосклонно приняты в Берлине. Немецкие власти признали Дон и начали поставку вооружений в обмен на продовольствие с Дона. В Ростове образовалась так называемая Донно-Германская экспертная комиссия по товарообмену.

Дроздовцы, считавшие себя по праву частью русской армии, продолжающей войну с врагом своего Отчества — Германией (и тем самым подпадавшие под обязательство Краснова о недопущении на территорию Всевеликого войска Донского «враждебных германскому вооруженных сил»), готовились по приказу Дроздовского оставлять Новочеркасск.

Туркул вспоминает эти дни: «*Это было в конце мая. Нашим юным хозяевам, новочеркасским институткам, мы дали прощальный бал... Я не забуду полонеза... не забуду белые балльные платья институток, такие скромные и прелестные, и длинные белые перчатки, впервые на девичьих руках... В полночь на балу случилось замешательство: начальница отослала в спальни младших воспитанниц... Оркестр умолк... Никогда мы не видели полковника Жебрака таким виноватым и растерянным, он просил начальницу нарушить институтские правила и разрешить малышам остаться... Просил начальницу и я... Начальница слегка улыбнулась и внезапно разрешила всем воспитанникам остаться еще на несколько танцев... Светлее стали огни, обрадовался оркестр... вся наша молодежь страшно бережно, ступая немного по-журавлиному, водили в танце малышей, едва перебирающих туфельками, еще заплаканных, но уже счастливых. Все мы с затаенной печалью слушали детский смех на нашем последнем балу*»¹⁰.

9 июня 1918 года генерал Алексеев возвышенно приветствовал прибывших дроздовцев в станице Мечетинской: «Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы!» В своей речи, обращенной к прибывшим дроздовцам, генерал Алексеев также сказал, что к началу смуты в русской армии насчитывалось до четырех-

сот тысяч офицеров. И, добавил он, что, если придет, откликнувшись на его призыв, лишь десятая часть их, а к ним добавится шестьдесят тысяч солдат, то это коренным образом сможет повернуть весь ход гражданской войны. А сто-тысячной армии будет достаточно, убежденно говорил Алексеев, чтобы спасти Россию. Деникин тем не менее оценивал ситуацию с критической точки зрения: «...*В душу за-радовалась грустная мысль: почему их только три тысячи? Почему не 30 тысяч прислали к нам умиравшие фронты великой некогда русской армии?*»¹¹

В двух станицах Мечетинской и Егорлыкской стояло тогда все, что осталось от русской армии — Добровольческие части, только что вышедшие из тягот Кубанского похода. Так дроздовцы влились в ряды добровольцев. За две недели до этого, по поступающим разведанным, штаб Деникина был осведомлен о скоплении на перегоне Ростов—Тихорецкая значительного количества эшелонов с боеприпасами и обмундированием, предназначавшимися красным. В ситуации острой нехватки вооружений и даже военной формы, Деникину виделся лишь один выход — ударить по месту скопления важных стратегических грузов и овладеть ими для пополнения запасов Добровольческой армии. Построившись в три колонны, добровольцы вышли 8 мая 1918 года на Кубань. Утром следующего дня бригады Маркова, Эрдели и Богаевского атаковали железнодорожный перегон Тихорецкая—Ростов в районе станций Ново-Леушковская, Крыловская и Сосыка, с усилием заняли их, захватили имевшиеся в товарных эшелонах грузы, повредили железнодорожные пути, чем посеяли хаос и панику в рядах красных подразделений, охранявших поезда. Успев передать по телеграфу о неожиданном ударе белых, красногвардейцы тем самым заставили красные штабы думать о новом массированном наступлении белых, и скоро к станциям подтянулись значительные силы Красной армии. Добровольцы, не приняв боя, удалились с трофеями в Егорлыкскую и Мечетинскую. Началось спешное переобмундирование и раздача оружия тем, кто не имел его. Армия приобретала утраченный лоск. Штаб

Деникина принял еще несколько важных решений, и согласно одному из них, лазареты из этих двух станиц было решено направить в освобожденный Новочеркасск, для придания добровольческим полкам большей мобильности. Деникин объявил о разрешении коротких отпусков для чинов армии. Марков неоднозначно отреагировал на это, выступая перед своими офицерами: «*Вот здесь лежат несколько рапортов. Их подали некоторые из чинов моей бригады. Они устали... желают отдохнуть, просят освободить их от дальнейшего участия в борьбе. Не знаю, может быть, к сорока годам рассудок мой не понимает некоторых тонкостей. Но я задаю себе вопрос: одни ли они устали? Одни ли они желают отдохнуть? И где, в какой стране они найдут этот отдых? А если, паче чаяния, они бы нашли желанный отдых, то... за чьей спиной они будут отдыхать?.. А если после отдыха они пожелают снова поступить в армию, то я предупреждаю: в свою бригаду я их не приму. Пусть уходят на все четыре стороны к чертовой матери...*»¹² Офицеры-марковцы засыпали своего выступающего командира вопросами о положении дел в тылу, о том, принимать ли предложения от армий новообразованных и зачастую марионеточных государств, предлагавших некоторым из них службу в своих рядах... «*Что дадут офицерам, пошедшим на службу в какие-то Татарские и иные армии, несуществующие государства?* — отвечал Марков. — *Хотите хватать чины? Пожалуйста, обгоняйте меня, но я, как был произведен в генерал-лейтенанты законным Русским Монархом, так и останусь им до тех пор, пока не явится законный Хозяин земли Русской...*»¹³ О тыле Марков сказал, что ему непонятны те случаи, когда ростовская буржуазия давала 400 рублей на добровольческую армию генералу Алексееву и следом выплачивала миллионы рублей большевикам после того, как добровольцы оставили город. «*Наша гуманность погубит нас!* — добавил он, немного подумав — *...в таком случае приходится не просить, а требовать, тогда и результат войны будет другой...*»¹⁴ Чины Марковской бригады не отпускали своего командира несколько часов. Результатом беседы стало снятие вопроса о сроке службы в доб-

ровольческой армии: служба становилась бессрочной и могла кончиться лишь в случае освобождения страны и установления в ней порядка. Подавшие рапорты об уходе из армии, за несколькими исключениями, забрали их назад. Моральный кризис недоговоренности миновал, хотя по-прежнему в столь разнородном организме Добровольческой армии встречались непримиримые противоречия между офицерами разных убеждений: монархисты не желали служить в одном батальоне с «социалистами», а те, кто видел оплот монархизма в образовавшемся Всевеликом Войске Донском, неприемлемым службу в армии, стоявшей за Учредительное собрание... Деникин замечал в своих воспоминаниях:

«... Время от времени в различных секретных донесениях, в которых описывались настроения армии и общества, ставилось рядом с именем начальника штаба (Романовского. — Авт.) слово «социалист». Нужно знать настроение офицерства, чтобы понять всю ту тяжесть обвинения, которая ложилась на Романовского. Социалист — олицетворения всех причин, источник всех бед, стрясшихся над страной...»¹⁵ Впрочем, несмотря на политические разногласия и убеждения, а также личностные оценки друг друга генералами и офицерами добровольческой армии, общий дух добровольцев поднялся и дисциплина, в целом, поднялась во всех подразделениях армии. Численность армии по-прежнему устойчиво увеличивалась и добровольцы, впервые за долгое время, по-настоящему воспрянули духом. 10 мая разведка донесла о выдвижении крупного отряда Красной армии со стороны станицы Великокняжеской, который начал теснить Донской отряд к западу, что создавало угрозу тылу и утери связи с Новочеркасском. Деникин и Романовский приказали генералу Маркову выступить в северо-восточном направлении, взяв курс на мост через реку Маныч. Штаб пообещал снабжать марковцев всеми необходимыми данными, получаемыми от военной разведки. Однако та информация, что пришла в бригаду из штаба, заставила Маркова ошибочно ударить не в тыл, как полагал сам генерал, а по главным силам противника, готовым к бою и сумевшим в ожесточенном

сражении за мост не только отстоять его, но и нанести некоторый урон Марковской бригаде, потерявшей несколько десятков человек. Бригада вернулась в Егорлыцкую, где у генерала произошло объяснение с чинами штаба, ожидавшими от него полного разгрома красных. Деникин так описывает эту ситуацию:

«Высокую дисциплину в отношении командования проявили генерал Марков и полковник Кутепов. Но и с ними были осложнения... Марков после одной небольшой операции в окрестностях Егорлыкской усмотрел в сводке, составленной штабом, неодобрение его действиям, прислал мне рапорт об увольнении своем от службы. Разве возможен был уход Маркова? Генерала легендарной доблести, который в боевом активе армии был равноценен дивизии... Поехал Иван Павлович (Романовский. — Авт.) в Егорлыкскую к своему близкому — еще со времен молодости — другу извиняться за штаб...»¹⁶

В штабе армии понимали еще и то, что отдельные нападения на склады и эшелоны Красной армии не решат проблему снабжения армии в долгосрочной перспективе. Героизм марковцев, равно как и героизм дроздовских и иных частей Добровольческой армии, добывал для нее все самое необходимое; люди жертвовали своими жизнями, чтобы хоть как-нибудь поддержать, казалось, всеми забытую, потерявшуюся в степях армию. Необходим был подход совсем иного свойства, и в штабе Деникина искали его, пока, наконец, не было признано целесообразным начать переговоры с правителем близлежащего Всевеликого Войска Донского генералом от кавалерии П.Н. Красновым. Став атаманом, генерал Краснов развил активную деятельность по развитию инфраструктуры и экономики казачьего государства. Войска ВВД составляли на середину 1918 года 17 тысяч человек; свои полки составляла каждая станица. Были приняты на военную службу иногородние крестьяне, за что им жаловалось, от лица атамана, казачество и выделялась земля. Был брошен призыв к офицерству о возвращении в Донскую армию, что значительно укрепило ее иерархическую структуру и стало формировать казачьи соединения по принципам, принятым в импе-

раторской армии. Были созданы штабы при донских войсковых соединениях, и новая Донская армия стала выдвигать своих героев — генерала Мамантова, полковника Гусельщикова, молодого генерала Денисова, опытного бойца, генерала И.Г. Фицхелатурова, успешно воевавшего против красных частей Щаденко. На Дону, при старании Краснова, были введены военно-полевые суды, объявлена мобилизация 25 возрастов. Станичные пополнения сводились по несколько в номерные полки, конница и артиллерия выделялись в конные и артиллерийские бригады, дивизии и корпуса. Казаки 1899—1900 годов рождения были определены Красновым в особые военные формирования, получившие название Молодой армии. На нее атаман возлагал особые надежды, ибо надеялся воспитать молодое пополнение в православно-самодержавном духе, свободными от крайностей революционной пропаганды, чем были еще значительно поражены казаки, вернувшиеся с Великой войны. По замыслу атамана им было суждено стать будущим ядром кадровой армии Дона, ее молодой гвардией...

Наряду с сухопутными силами на Дону создавался собственный флот, составленный из оставшихся маневренных пассажирских судов, которые обшивались стальными листами и на которых устанавливались соответствующие легкие орудия и пулеметы. В Таганроге из моряков Азовской флотилии был сформирован даже батальон береговой защиты. К лету 1918 года в составе Донского флота находились 3 морских и 5 речных судов, готовых к выполнению тактических боевых задач. В Новочеркасске открылось военное училище с рядом профильных направлений обучения, традиционных для военных училищ прежних лет, выпускавшее пехотинцев, артиллеристов, инженеров и кавалеристов. В короткий срок были открыты авиационные и офицерские школы, а также Донской кадетский корпус для детей донских воинов, павших в Великой и гражданской войнах. По соглашению с Германией, Дон поучил также некоторое число боеприпасов: 11 тыс. винтовок, 44 орудия, 88 пулеметов, 100 тысяч снарядов и десятков миллионов патронов. Для по-

шива форменной одежды была вновь пущена суконная фабрика, военно-ремесленные школы продолжили выпуск погон, фуражек, кокард, пуговиц и обуви для Донской армии.

Краснов распорядился внести дополнения и исправления в уставы и наставления бывшей Императорской армии, для подготовки их новых изданий с учетом практического опыта Великой войны и внедрении их в повседневную жизнь донского войска.

Именно с Красновым было необходимо начинать переговоры, ибо из всех располагавшихся на Дону сил, включая германские, донцы для Добровольческой армии оставались наиболее естественными и близкими по задачам союзниками. Прогерманская ориентация Краснова существенно отягощала взаимоотношения штаба Деникина и донского атамана. Генерал А.П. Богаевский подверг резкой критике заигрывания избранного атамана с германцами. Его стараниями первое письмо Краснова германскому императору было опубликовано и вызвало возмущение в военной и политической среде, а Кубанская Рада, упомянутая в этом письме как единомышленник, поспешила от него отказаться. Однако экономические соображения взяли верх над политикой, и Деникин командировал генерала Алексеева 15 мая 1918 года как главного концептуалиста движения на встречу с Красновым, в которой помимо них приняли участие кубанский генерал Александр Петрович Филимонов и генерал Африкан Петрович Богаевский в станице Манычская. Встреча эта была прозвана в Добровольческой армии «Тильзитом». Краснов сразу же заявил Алексееву, что не в состоянии разрешить казакам полностью влиться в добровольческие вооруженные формирования, поскольку это может найти негативный отклик в Германии, отношениями с которой Краснов подчеркнуто дорожил. Более того, размещенные по соседству с территорией ВВД германские части ввиду такого поворота событий могли расценить слияние двух армий как потенциально опасное для своего присутствия в регионе, а провоцировать какие-либо вооруженные столкновения с германцами атаман не желал. На вопрос Алексеева «что же

делать?», Краснов предложил: «...Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне». «Добровольческая армия, — парировал Алексеев, — Не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные интересы». Краснов предложил в ответ добровольцам двинуться на Царицын, однако Алексеев практической цели подобного марша не понимал и попытался понять суть предлагаемого Красновым плана.

Идея атамана состояла в том, чтобы, придав Добровольческой армии донские части, стоявшие в Нижне-Чигирском и Великокняжеском районах, направить ее в Саратовскую губернию, где против большевиков начинались массовые волнения. На волне существующего народного гнева захватить у коммунистической власти контроль над артиллерийскими складами и заводами, закрепиться в промышленном центре и получить выход на воссоединение с уральскими казаками атамана Дутова.

При всей смелости и важности замысла Краснова Алексеев понимал, о чем он и сказал донскому атаману, что существует несколько соображений, по которым этот блестящий план на данный момент неосуществим: в тылу у добровольцев при их движении навстречу дутовским казакам останется 200-тысячная Красная армия, дислоцированная на Северном Кавказе. Случись этой силе ударить в тыл наступавшим на Царицын добровольцам, зажата меж двух огней армия может погибнуть. Далее, указал Алексеев, главнокомандующий Добровольческой армией дал слово кубанцам, сражавшимся в его армии, что вернется на Кубань и поможет им очистить свою землю от большевиков. Кроме того, считая себя связанным союзническими обязательствами с Антантой, главнокомандующий Добровольческой армией считал себя не в праве, о чем просил Алексеева довести до сведения атамана, своим походом расчищать для германских частей дорогу к Волге и создавать на фланге Восточного фронта Антанты вероятную угрозу удара ее противника по Великой войне. Кроме того, объективно Добровольческая

армия еще не была готова ко второму значительному походу по чисто техническим и человеческим соображениям: люди нуждались в отдыхе, а части Добровольческой армии еще нужно было переформировывать с учетом влившихся в нее в последнее время отрядов и отдельных войсковых подразделений белых ополченцев, партизан, казаков.

Краснов принял доводы Алексеева с пониманием, придерживаясь принципа «худой мир лучше доброй ссоры», однако от дальнейших встреч обе стороны уклонялись, продолжив общение друг с другом главным образом в письмах.

Штаб Деникина перешел к разработке нового удара, нацеленного на Кубань, дав около четырех недель армии для того, чтобы восстановить силы и укрепить боевой дух перед новым походом. Кроме того, перед Алексеевым стояли и сложные задачи финансового обеспечения армии. 30 июня 1918 года он писал Деникину, что если ему не удастся достать 5 миллионов рублей на следующий месяц, то через 2—3 недели *«придется поставить бесповоротно вопрос о ликвидации армии...»*¹⁷. Вопросы финансового обеспечения армии были остры как никогда. Подпольные центры в Москве не дали армии ни копейки. Антанта, после долгих колебаний через подпольный координационный «Национальный центр» в Москве выделила Добровольческой армии кредит в размере 10 миллионов рублей, оказавшийся первой и последней финансовой помощью, поступившей Деникину. Любопытно, что для получения этого кредита, которого едва хватало на полутора-двухмесячное содержание добровольцев, представитель «Национального центра» был вынужден буквально выпрашивать наличные у руководителей ростовских коммерческих банков. Деникин отмечает: *«...Все капиталисты, а также частные банки держатся выжидательной политики и не очень уверены в завтрашнем дне...»*¹⁸. Главнокомандующий писал, что даже несмотря на невероятную активность Алексеева существование армии из-за устойчивого нежелания банков предоставлять кредиты буквально висело на волоске. Он, в частности, описывает эту

безысходность, владевшую Алексеевым в его попытках обеспечить армии сносное существование: «Бывали минуты, когда казалось, что все рушится, и Михаил Васильевич (Алексеев. — Авт.) с горечью говорил мне: — Ну что же, соберу все свои крохи, разделю их по-братски между добровольцами и распушу армию...»¹⁹ Не лучше обстояло дело и с амундией и боеприпасами. Трофеи, которые Дроздовский привез с собой в добровольческую армию — несколько тысяч снарядов и около миллиона патронов, — казались Деникину сказочным богатством. Несколько полевых пушек, 2 мортиры и одна гаубица составляли артиллерийский парк. Отбитый у большевиков броневедомитель «Смерть кадетам и буржуйам», пострадавший во время его захвата, был отремонтирован инженерными офицерами и переименован в «Генерала Корнилова», оказался важным дополнением к имеющимся трем броневедомителям — не вполне исправному «Добровольцу», «Верному» и «Корниловцу», числившимся на балансе армии. В составе дивизии под командованием Маркова была и своя эскадрилья. Три старых аэроплана были получены от немцев, а еще один привели бежавшие из Киева летчики. Были пересмотрены и вопросы передвижения с большими обозными частями, зачастую не только сковывающими армию во время маршей, но и невольно создающими особую тыловую среду, в которой происходило накопление лиц, живущих своей собственной жизнью, не желавших участвовать в боевых действиях, но претендующих на равное довольствие и считающих себя частью армии. Главнокомандующий был вынужден издать приказ, положивший начало «чистке» обозов и обозного состава:

«В то время, когда рядовые бойцы, истекая кровью, защищают каждый шаг армии, есть и такие, которые малодушно скрываются в обозе, предавая находящихся впереди. Замечено также, что при обозе ездят люди, не занимающие никаких должностей в армии и только отягчающие ее передвижение. Поэтому приказываю: 1) Всем лицам, ведущим самостоятельное существование, такое прекратить, вступив в строевую часть армии. 2) Назначаю комиссию под председательством генера-

*ла Маркова для проверки всех находящихся в обозе и, 3) Всех уклоняющихся, а равно не желающих вступить в армию вопреки моему приказу, вывести за околицу и плетью отогнать в сторону противника»*²⁰.

Северо-Кавказская Красная армия являлась огромной вооруженной силой, однако имела плохую подчиненность центрам большевизма в Москве и Петрограде, а также географически располагалась на территориях самостоятельных республик Ставропольской, Терской, Кубанской и Черноморской, что осложняло ее взаимоотношения с представителями местных властей, полагавшими себя единственно правомочными руководить вооруженными силами. Главнокомандующий красных Автономов и поддерживавший его Сорокин находились в состоянии постоянной борьбы с ЦИК Кубанско — Черноморской республики. Спор между сторонами шел путем издания многочисленных воззваний и приказов по армии, содержавших резкие выпады друг против друга (...). Московское большевистское правительство решило эти разногласия путем перевода Автомонова в «почетную ссылку» инспектором и организатором войсковых частей Северного Кавказа. Вместо Автомонова московская власть временно назначила перешедшего к красным генерал-майора генерального штаба Снесарева, расположившегося в Царицыне, а фактическое руководство было передано в руки бывшего подполковника императорской армии Калинина, латыша по национальности, обосновавшего свой штаб в Тихорецкой. Сорокин был объявлен большевиками «бандитом и провокатором» (кем по сути дела и являлся), однако оставлен в покое до дальнейших распоряжений.

Силы Добровольческой армии, выступающей в так называемый Второй Кубанский поход против 250 тысяч Северо-Кавказской Красной армии, насчитывали 9 тысяч человек. Штаб Деникина составляли четыре генерала: Романовский, Трухачев, Мальцев и Невадовский. Армия имела в своих рядах 4 дивизии под командованием генералов Маркова, Боровского, Дроздовского и Эрдели и одну 1-ю Кубанскую казачью бригаду под командованием генерала Покровского.

К армии был также причислен и отряд донского ополчения полковника Исаака Федоровича Быкадорова в 3,5 тысячи штыков и при 8 орудиях.

Направление главного удара Деникин перенес на восток, на село Торговое, где располагалась одноименная узловая станция. С западной части станцию атаковали батальоны Дроздовского. *«Под огнем красных два наших батальона лежали под селом в цепи. Огонь был бешеный, а солнце немилосердно жгло нам затылки. Дали сигнал готовиться к атаке. Вдруг мы все увидели, что к нам в цепь скачут с тыла три всадника... С веселым изумлением мы узнали полковника Жебрака... Командир дал шпоры и вынесся вперед, за цепи. Он круто повернул к нам коня. Два батальона смотрели на него с радостным восхищением. — Господа офицеры! — бодро крикнул Жебрак. — За мной, в атаку! Ура! — и поскакал с ординарцами вперед. Все поднялись; три всадника всхливали на солнце. Мы захватили село Торговое с удара»²¹.* С юга на Торговую устремилась на штурм дивизия Александра Александровича Боровского, а с востока ударила кавалерийская дивизия Ивана Георгиевича Эрдели. В образовавшийся единственно возможный северный коридор бросились запаниковавшие красные части. В лихорадочном отходе красноармейцы покидали свою артиллерию и обозы, чтобы облегчить беспорядочное отступление, однако именно в северной части села они натолкнулись на ждавшую их дивизию генерала Маркова, вышедшую на железнодорожный рубеж у станции Шаблиевка. В завязавшемся бою красным пришел один из бронепоездов, остановившийся у моста и открывший огонь по цепям кубанских стрелков дивизии Маркова. *«Генерал Марков должен видеть поле боя, должен видеть противника, его бронепоезд и красных, оставляющих свой подбитый эшелон, о чем ему доложили. Он взбирается на крышу одного сарая, где батарея устраивает свой наблюдательный пункт... Выслушав доклад о положении у станции Торговая... он спешит опять на окраину хутора. Рвутся снаряды красных... Один из вражеских снарядов упал с левой стороны, шагах трех от Маркова. Раздался взрыв, и генерал Марков, как подкошенный, сва-*

лился на землю. Рядом — его белая папаха...»²². На занятой станции Добровольческая армия получила возможность взять огромные запасы боеприпасов. Здесь же один из захваченных эшелонов был оснащен по мере сил необходимым автоматическим стрелковым оружием, и его платформы укреплены мешками с песком, что позволило превратить его в подобие «бронепоезда», ставшего заслоном на пути красных на юг по единственной существовавшей железнодорожной магистрали Царицын—Екатеринодар. Эта ветка связывала центральные регионы России с мятежным югом и стратегический контроль над ней Добровольческой армии не позволял большевикам беспрепятственно направлять эшелоны в помощь (...).

Цена этой важной для добровольцев победы оказалась, впрочем, достаточной большой: гибель Сергея Леонидовича Маркова, приравненного Деникиным по своей эффективности к полноценной армейской дивизии, нанесла значительный моральный урон всей армии.

«Раненого перенесли в дом. Доктор ужаснулся при виде ранения: осколочное ранение в левую часть затылка, и вырвана большая часть левого плеча. — Положение безнадежно, — сказал он. Стоявшие тут перекрестились... Командир Кубанского стрелкового полка поднес к лицу генерала икону, которую всегда возил его ординарец. Генерал Марков поцеловал икону и сказал отрывисто: — Умираю за вас... как вы за меня... Благословляю вас... — дальше нельзя было разобрать, что говорил он. Через несколько минут его не стало»²³.*

Ночью 13 июня гроб с телом генерал-лейтенанта Маркова на грузовике с пулеметами по бортам на случай встречи с бродившими по степям остатками красных был направлен для прощания и погребения в Новочеркасск, где его ждала осиротевшая семья — мать, жена и его дети. Взвод верных соратников генерала сопровождал два грузовика до самого города.

На похоронах Маркова генерал Алексеев положил три земных поклона, несмотря на преклонный возраст — матушке, жене и детям...

Осиротевшую марковскую дивизию численностью в 1500 штыков приказом главнокомандующего принял генерал Казанович. Деникин издал приказ и о присвоении дивизии имени ее командира, и отныне она называлась Офицерская генерала Маркова дивизия.

Еще после первого Кубанского похода была введена униформа марковцев, когда командир приказал нашить черные погоны чинам Офицерского полка и сотне кубанских казаков. *«В Новочеркасске генерал Марков сменил свои погоны офицера Генерального штаба на «марковские» — черные, что решительно побудило всех марковцев озаботиться приобретением таких погон»*²⁴. На черных погонах изображался белые шефские вензели «М», «ГМ» для 1-й роты полка, «роты генерала Маркова». (...) В дополнение к погонам марковцы должны были носить черные гимнастерки и галифе, а также фуражку с белой тульей и (с черной выпушкой) и черным околышем (с белыми выпушками). Черно-белый цвет был обусловлен двумя символами: черный — смерть за Родину и белый — воскресение Родины».

*«В связи с тем, что батальон марковцев впервые зародился на казачьей земле, чины его должны были носить черную барашковую папаху с белым верхом, перекрещенным черным шнурком, черный башлык с белой кистью и таким же шейным шнурком, а так же казачью шашку вместо обычной офицерской»*²⁵. Был установлен день полкового праздника марковцев в день Ангела его шефа — 25 сентября, день Св. Сергия Радонежского.

...После победы у с. Торговой Деникин нанес еще один сильный удар, направив конницу Ивана Георгиевича Эрдели навстречу кавалерии Б.М. Думенко, остававшейся на севере от села. Разбитая красная конница рассредоточилась по степи, а вслед за этим добровольцы разгромили оборону красных и заняли станицу Великокняжескую. Деникин неизменно присутствовал рядом со своими подчиненными, пренебрегая опасностью. *«Я помню, как в бою под Великокняжеской, когда я подводил мою роту к железнодорожному мосту, в окне сторожевой будки блеснул шейный орден Свя-*

*того Георгия. Я понял, что там Главнокомандующий, так как ордена Святого Георгия третьей степени тогда в Добровольческой армии, кроме как у генерала Деникина, ни было не у кого. Я скомандовал роте: — Смирно! Равнение направо!»*²⁶ Добровольческая армия постепенно очищала свои тылы от красных войск, приводя красных наблюдателей-стратегов к мысли о том, что направлением главного удара может быть выбран Царицын. Частые успешные набеги белой конницы и опрокидывающие красные заслоны атаки добровольцев, производили впечатление огромного количества белых войск, действующих на юге. Система обороны Красной армии в Сальских степях была разрушена, и Красная армия оказалась отрезанной на три неравномерные части, не имевшие связи между собой и оттого еще более дезинтегрированные. Части красного командира Шевкопляса в 7 тысяч штыков начали отход в сторону Царицына. Краткие столкновения с добровольческими и белопартизанскими отрядами создавали у красных впечатление, что их преследует большая Белая армия, о чем Шевкопляс не замедлил доложить в центр. Сравнительно небольшие отряды в 5 тысяч штыков Булаткина и Ковалева бежали в Ставрополье, красный отряд под командованием Ковалева перешел к строительству оборонительных сооружений в слободе Мартыновка, готовясь к бою с несметным числом белых. Паника, вызванная маневрами Добровольческой армии, достигла Москвы. Большевики предполагали наличие не менее 60 тысяч человек в казалося бы навсегда разбитой и потерявшей в южных степях армии добровольцев.

Вступив в Великокняжескую, главнокомандующий Добровольческой армией передал власть в станице донской военной администрации полковника Киреева, и казаки продолжили преследование остатков красных частей, разбежавшихся по степи. Продолжив преследование, казаки невольно вышли во фланг красному фронту под командованием Тулака, противостоявшему наседавшим на него частям под командованием генерала Мамантова на реке Чир. Мощной атакой мамантовцы выбили части Тулака из области ВВД и

оказались на подступах к Царицыну. В городе началась паника. Советская администрация бросилась собираться в срочную эвакуацию, более походившую на бегство.

Ответственные за оборону Царицына И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов провели ряд профилактических «мероприятий», приказав расстрелять военных специалистов, участвовавших в подготовке концепции обороны Царицына, за измену делу революции и срочно собрали имеющийся в их распоряжении штат немногих военных специалистов, чтобы немедленно подготовить новый план обороны. Ворошилов отбыл на бронепоезде к ушедшим от преследования добровольцев отрядам под командованием Шевкопляса с приказом создать из прибывших разрозненных отрядов 1-ю донскую дивизию с приданным ей кавалерийским полком под командованием вырвавшегося от преследования Эрдели Б.М. Думенко. Заместителем Думенко был назначен С.М. Буденный. Срочно комплектовались новые части Красной армии из прибывающих разрозненных разбитых и круживших доселе по степям красногвардейских отрядов и отдельных групп. Сталин распорядился придать в усиление создающегося фронта 6 красногвардейских полков под командованием Петрова, шедшего на выручку комиссарам в Баку. Командовать красной 1-й донской дивизией был пока оставлен Шевкопляс. Командир Тулак избежал расстрела, поскольку в ходе отступления был убит своими же солдатами за зверства, свойственные ему в обращении с подчиненными...

Деникин приказал развернуть армию в противоположном от Царицына направлении и ушел на Кубань. Для придания скорости передвижению, пехота Добровольческой армии была посажена на телеги. Впереди армии шел захваченный у Торговой самодельный бронепоезд... В Песчанокопском и Николаевской Добровольческая армия столкнулась с 39-й армией красных, подошедшей с Северного Кавказа. Завязался упорный и кровопролитный бой. Чтобы избежать окружения, красные начали отход к станции Белая Глина, в расположение 10-тысячной «Стальной дивизии» Д. Жлобы.

Добровольцы устремились в ночную атаку, надеясь с ходу выбить красных со станции, но были остановлены, потеряв больше 400 человек; 70 человек были убиты, попав под плотный пулеметный огонь со станции, в том числе и командир дроздовцев полковник Жебрак. В ответной контратаке красные добивали раненых, однако после того как утром следующего дня Белую Глину с южного фланга обошел отряд А.П. Кутепова с корниловцами, а с запада ударил А.А. Боровский, оставили занятые позиции и бежали. Начались уличные бои, однако довольно быстро красноармейцы бросили позиции и устремились прочь. Добровольцы вошли на станцию. Их глазам представилась ужасная картина: многие белые, атаковавшие станцию ночью и оставшиеся ранеными, были изуверски убиты большевиками. Их изуродованные тела лежали в беспорядке там, где застали их контратаковавшие красноармейцы. *«Командира (Жебрака. — Авт.) едва можно было признать. Его лицо, почерневшее в запекшейся крови, было разможжено прикладом. Он лежал голый... Грудь и ноги были обуглены... Его запытали, его сожгли живым...»*²⁷. В этот раз в преследование большевиков включились все чины Добровольческой армии, устремившиеся вслед за кавалеристами Эрдели: штабные офицеры, адъютанты, конвой главнокомандующего, обозные солдаты. Деникину едва удавалось сдерживать самосуды разъяренных дроздовцев. Часть пленных рядовых красноармейцев были преобразованы в солдатский батальон бригады Дроздовского. Часть их — разбежалась по степи. Через пять суток, 14 июня 1918 года, добровольцы снова вступили в бой у станицы Тихорецкая, куда отошла потрепанная 39-я красная дивизия. Бригада Дроздовского атаковала 1-м солдатским батальоном, составленным из вчерашних пленных красноармейцев. *«В Тихорецкой 1-й солдатский батальон опрокинул красных, переколот всех, кто сопротивлялся. Солдаты батальона сами расстреляли захваченных ими комиссаров... Среди них не было старых солдат, но одни заводские парни, чернорабочие, бывшие красногвардейцы. Любопытно, что они... уверяли, что советчина со всей комиссарской сволочью им осточертела, что они поня-*

ли, где правда»²⁸. Корниловский полк вышел в тыл красным в Тихорецкой и обеспечил тем самым полный разгром красных в станице. Главнокомандующий красной Северной армии Калинин едва унес ноги из объятой боем станицы, бросив своего начальника штаба Зверева, не успевшего эвакуироваться в сторону Екатеринодара. Видя бесперспективность дальнейшей обороны, Зверев застрелил жену и застрелился сам. Красные, зажатые с двух сторон в станице, пытались бежать из станицы по железной дороге, однако успели уйти только первые 7 эшелонов, пока оборона станицы еще держалась. Остальные красноармейцы, их командиры и комиссары, захваченные на станции, были перебиты вступившими в станицу добровольцами. 30-тысячная армия красных была уничтожена. В станице белыми были взяты значительные военные трофеи: 3 не успевших отбыть бронепоезда, около полусотни орудий, несколько бронеавтомобилей и оставшийся в степи, не успевший улететь аэроплан. Часть эшелонов, оставшихся на станции, была бегло осмотрена и из них извлечены сотни ящиков с патронами, винтовки и револьверы и несколько пулеметов. Несмотря на большие потери добровольцев, численность армии в эти дни только увеличивалась за счет нескончаемого притока добровольцев, приходивших в вербовочные бюро армии по мере ее успешного продвижения по Кубани. *«На вокзале... с поездов, приходивших с севера и юга, выгружался народ и быстро куда-то расходился. Лишь одиночки и маленькие группы, не торопясь, шли на вокзал, ища коменданта станции. Одеты были частью в штатское, частью в военное обмундирование, с погонами и без погон, с небольшим багажом и даже без него. Быстро перезнакомились: все офицеры, и все приехали поступать в Добровольческую армию. В Бюро записи явились полковнику. Опрос был строгий и пристрастный: — Почему вы не сочли для себя нужным явиться значительно раньше? Заявления, что они прибыли из Смоленска, Москвы, прямо с фронта, не считались уважительными. — Вы полковник? Потрудитесь представить двух свидетелей. Эти и подобные вопросы несколько задевали самолюбие являвшихся, но «явка с опоздани-*

*ем» повелевала это снести...»*²⁹. Численность Добровольческой армии постепенно возрастала до 18 тыс. человек. Захватом Тихорецкой Добровольческая армия отрезала четыре группировки красных на Кубани друг от друга: Армавирскую, Таманскую, Западную и Екатеринодарскую. Два дня было дано добровольцам на отдых, а потом наступление продолжилось по трем направлениям — на Армавир, на Екатеринодар и на станицу Кореновскую, откуда неожиданно в тыл белым вышла армия Сорокина, уничтожив малочисленный гарнизон белых добровольцев в станице. Генерал Казанович, не дожидаясь подхода дроздовцев, бросил свои силы на штурм Кореновской, где располагалась армия Сорокина, но был отбит и вынужденно отошел назад под огнем наступавшей пехоты и отбиваясь от атакующей конницы красных. За ним Кореновскую атаковали дроздовцы с единственным имеющимся в бригаде бронеавтомобилем, однако тоже безуспешно, потеряв в наступлении много солдат и офицеров. Энергичными действиями Сорокин едва не рассек Добровольческую армию надвое, отбросив конницу Эрдели. Им был отдан приказ о наступлении на Тихорецкую. Троцкий немедленно назначил проявившего себя бывшего военного фельдшера Сорокина Верховным главнокомандующим Красной армией на Северном Кавказе и передал, что прежние прегрешения перед советской властью забыты и прощены. Сорокин повел столь стремительное наступление на добровольцев, что части дроздовцев и марковцев едва успевали отбивать атаки, следовавшие одна за другой, отбиваясь безуспешными контратаками, не менявшими картину продвижения Сорокина по существу. Командиры добровольцев личным примером пытались вести атаки против наседавших красных. Увы, личный героизм командиров не спасал общего положения: героизм Дроздовского, под огнем поднимавшего дроздовцев в контратаку, Казановича, выезжавшего в бронеавтомобиле впереди своих цепей и лично водившего в атаку батальон марковцев Тимановского. *«Все эти ночи и дни, атаки и гром над степью, и наши лица, обожженные солнцем и жгущей пылью, и наше сиплое «ура» —*

все это вспоминается мне теперь с порывами жаркого степного суховея...»³⁰. Откат добровольцев под ударами армии Сорокина шел вплоть до 7 августа 1918 года. В этот день произошло решающее сражение у станции Выселки. Красные смогли выйти в тыл дивизиям Дроздовского и Казановича. Волна за волной шли цепи красных. Воодушевленная своим продвижением Западная армия Сорокина упорно пробивалась вперед. Во многих местах окопы добровольцев были захвачены, и в них шел жестокий штыковой бой. Силы добровольцев были уже на исходе, когда возле станицы Платнировской приземлился аэроплан, управляемый летчиком штаба Добровольческой армии, и сообщил о том, что помощь со стороны Тихорецкой идет. Помощь шла в виде 1-го Кубанского полка с артиллерийской батареей и при поддержке одного из добытых на станции бронепоезда, атаковавшими Западную армию красных с тыла. Вскоре добровольцы стали замечать уже знакомую картину конца красных, когда, как пишет Деникин, *«все поле сразу оживает, и по нему мечутся во все стороны повозки, всадники и пешие люди»*. И вновь ударившая с юга кавалерия Эрдели погнала красных в степь под разрывы снарядов, посылаемых вслед убегающим красноармейцам белым бронепоездом. С севера по красным ударили корниловцы...

Бегство красных приняло необратимый характер: бежали в степь, пытались пробиться на Екатеринодар поездом, на дрезинах или просто бегом. Армия Сорокина почти внезапно перестала существовать как одно целое и распалась на мелкие группы людей, ищущих спасения за станицей, или беспорядочные обезумевшие толпы, осаждающие «последний эшелон на Екатеринодар»... Добровольцы не щадили бегущего противника, сея тем самым еще больший ужас среди красных. Вслед убегающим продолжала бить артиллерия, всадники, как и прежде, гнали отступавших большевиков еще многие километры... Победа над Сорокиным у Тихорецкой стала своеобразным детонатором освободительной борьбы кубанцев, пять долгих месяцев изнывавших под большевистским игом: казаки изгоняли и убивали большевиков,

а бегущие большевики платили казакам той же монетой. В этой взаимной борьбе порой стирались все рамки человечности, однако тотальная война на полное истребление самого духа большевизма, вспыхнув на Кубани, перекинулась на весь Северный Кавказ. Генерал Покровский, направленный некогда Деникиным в Лабинский район для организации повстанческого движения, но вынужденный скрываться в горах, перешел в наступление и занял Майкоп и Армавир. Осетинский генерал Мистулов поднял восстание в своем крае против большевиков, поддержанный отрядом князя Серебрякова в Кабарде. Терские казаки восстали и очистили от красных Моздок, станицу Прохладную и осадили Грозный. Общее настроение упадка и паники передалось оборонявшим Екатеринодар частям Красной армии. В силу необходимости, выведенные комиссарами и командирами на позиции, они невольно обращались в бегство при виде приближающихся цепей добровольцев. Узнав о настроении частей, призванных оборонять город, местное партийное руководство, чины ЧК и многочисленные политические и бюрократические институты большевиков начали, как всегда, спешную эвакуацию из города. Исход большевиков был поистине впечатляющим: из города ушло 200 тыс. боеспособных красноармейцев, коммунистического начальства, бюрократических организаций вроде всякого рода «отделов и подотделов», чекисты, политработники и красные командиры. Уходили на восток от города, по пути своем подвергая реквизиции и грабежам имущество казаков близлежащих станиц, которые имели несчастье быть у них на пути, убивая тех, кто, провожал их без должного сочувствия, сжигая дома тех, кто по их сведениям, имел хоть малейшее отношение к повстанцам...

16 августа 1918 года, после отдельных боев в предместьях города, Добровольческая армия вошла в оставленный красными Екатеринодар. Деникин направил письмо атаману Филимонову, приглашая его взять на себя всю полноту власти на Кубани, вне зависимости от политически шаткой позиции Кубанской Рады, и сообщая ему, что Добровольче-

ская армия, выполнив свою задачу по изгнанию большевиков из этого края, продолжит свое решение общегосударственных задач по спасению России в целом. Кубанское правительство просило Деникина повременить с въездом в город, чтобы оно могло попасть туда первым и «организовать достойную встречу победителям», но в Екатеринодар постепенно входили различные добровольческие части, на другом берегу реки еще гремели отзвуки утихающего боя с отступавшими большевиками, Деникин поневоле оказался в городе, хотя скромно, и расположил свой штаб на вокзале. Просидев там весь день, главнокомандующий не вытерпел и к вечеру совершил автомобильную поездку по взятому городу, приобретшему уже некое мистическое значение для каждого добровольца, городу загаженному и заплеванному по описанию Деникина большевиками, неузнаваемому и не вполне верившему в счастье своего освобождения. Впоследствии отдельные члены Кубанской Рады попеняют Деникину за то, что он не дал им войти в город первыми и тем самым как бы ущемил их национальный суверенитет, однако главнокомандующий остроумно заметит, что никто не мешал депутатам Кубанской Рады, например, войти в город вместе с атаковавшими его конными частями Эрдели... Примечательно, что подпольная организация кубанских офицеров под руководством генерала Букретова, проявившая признаки жизни только после того, как последний красноармеец покинул город, в течение короткого времени расклеила на стенах Екатеринодара листовку с обращением к кубанцам: «Долгожданные хозяева Кубани, казаки и с ними часть иногородцев, неся с собой справедливость и свободу, прибыли в столицу Кубани...», где под иногородцами подразумевалась вся Добровольческая армия. Прочитав воззвание, Деникин отказался принимать подпольщика, долго ожидавшего его на екатеринодарском вокзале. Когда главнокомандующий вышел из своего вагона, Букретов подошел к нему.

«Вы в своем воззвании отнеслись с таким неуважением к Добровольческой армии, что говорить мне с вами не при-

стало», — сказал ему Деникин. Букретов затаил враждебное чувство. О нем Деникин напишет, что впоследствии, когда Кубанская Рада вручит Букретову атаманскую булаву, «человеку «чуждому», не имевшему никаких заслуг в отношении кубанского казачества, состоявшего под следствием по обвинению во взяточничестве, по происхождению еврею, приписанному в полковничьем чине к казачьей станице... Букретов приложит все усилия, чтобы углубить и ускорить разрыв между Кубанью и главным командованием, потом вероломно сдаст остатки Кубанской армии большевикам и исчезнет...»³¹.

Но все это будет в 1919 году, а пока радость победы затмевает будущие перспективы. 17 августа 1918 года состоялся торжественный въезд главнокомандующего в город, тепло встреченного генералом Филимоновым и кубанским правительством — Бычом и Рябоволом. На следующий день в город приехал приболевший генерал Алексеев, названный Верховным руководителем Добровольческой армии, по-прежнему ведающий финансами, политическими вопросами и снабжением. При нем было сформировано Особое Совещание или временно гражданское правительство во главе с генералом от кавалерии А.М. Драгомировым. В состав Особого Совещания вошли В.В. Шульгин, М.В. Родзянко, П.Б. Струве, Н.И. Астров — в недавнем прошлом широко известные общественные деятели России. Победа над большевизмом виделась им теперь не в столь отдаленной перспективе. Едва окончилась кровопролитная битва с красными за город и в Деникине-государственнике пробудились иные нотки: «Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и других, войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгшиеся в глубь России и отдаленные тысячами верст от своих баз...»³²

Решительная победа Добровольческой армии на юге бывшей Российской империи вернула утраченные надежды части казачества об избавлении от коммунистического ига и подтолкнула его к выступлению на тех южных землях, где

по-прежнему оставались очаги большевистской диктатуры. Впрочем, даже по вопросу борьбы с красными полного единения у казаков не было. Среди некоторых преобладали антидобровольческие настроения, армия Деникина виделась им не вполне демократическим институтом, а скорее посягающим на их казачьи вольности инструментом большой политики, до которой им не было особенного дела, в то время как большевики, еще хорошо не познанные всем казачьим населением, представлялись неким меньшим злом. Как бы там ни было, но поход Добровольческой армии продолжался. Между освобожденными Кубанью и Доном лежало Ставрополье, находившееся по-прежнему в руках большевиков. Красный террор, развязанный коммунистической властью, был особенно изощренно жесток именно в этих краях. Согласно расследованиям, проводившимся годом позже Особой комиссией при главнокомандующем ВСЮР, только в период с июня по июль 1918 года было произведено изъятие всякого оружия у населения, сопровождавшееся, как правило, грабежами имущества мирных граждан участвующими в обысках матросами и красноармейцами; выход на улицу после 22 часов был запрещен, *«с наступлением этого часа на улицах воцарялась жуткая тишина, в домах же люди не спали в ожидании надвигающихся ужасов, по улицам мчались автомобили с черными флагами, с сидящими в них людьми, вооруженными с ног до головы, возбужденными, кровавыми и в то же время полными страха от казующихся им всюду врагов и заговоров. Одновременно по квартирам бродили шайки красноармейцев и вооруженных рабочих, часто пьяных...»*³³. Пик террора пришелся на ночь с 19 на 20 июня, когда начался расстрел и убийство арестованных офицеров, престарелых чиновников и просто обывателей, имевших несчастье находиться в городской тюрьме. Утром 20 июня был арестован 80-летний отставной генерал, участник еще Крымской кампании И.А. Мачканин, который был убит в тот же день с исключительной жестокостью. Его труп был найден с 24 колотыми штыковым ранам и головой, почти отделенной от туловища ударом холодного оружия. Сын

зверски убитого генерала штабс-капитан Н.И. Мачканин был расстрелян следом за то, что осмелился похоронить отца. *«Убивали людей повсюду: около их домов, близ вокзала, в казармах, трупы находились на улицах, в канавах, в лесу под городом и т.д.; среди зарубленных были офицеры, частные лица, старики, подростки-гимназисты; на всех трупах обнаружены многочисленные ранения и огнестрельным, и холодным оружием, преимущественно по голове, по лицу, по глазам, следы побоев, вывихов и даже удушения, у многих головы раздроблены, лица изрублены, все это свидетельствует о невероятной жестокости убийц, наносивших своим жертвам, раньше, чем с ними покончить, возможно больше мучений...»*³⁴. Руководили этими зверствами командир частей Красной армии, находившейся в городе, Шпак и комиссар Ашихин, отличавшийся особо изощренной жестокостью по отношению к мирному населению. 4 июля, после того как весть о победе Деникина под Тихорецкой достигла Ставрополя, офицеры города во главе с полковником Ртищевым и его братом, общей численностью около 900 человек, зарегистрированных в местных советских органах учета, подняли восстание. Шпаку удалось вовремя собрать все силы, и с невероятной жестокостью восстание было подавлено. Взятые в плен повстанцы были зарублены шашками во дворе городской тюрьмы. Через несколько дней в селе Кугульта казаки полковника А.Г. Шкуро, находившиеся всего в 14 километрах от города, поймали и повесили ставропольского комиссара Петрова. Труп большевика был отправлен Шкуро в Ставрополь с запиской, что в скором времени весь городской Совнарком ожидает подобная участь. В штабе Шпака начался переполох. Большевики предчувствовали, что снисхождения им ждать не придется, и стали готовиться к эвакуации, не стремясь особенно скрыть следы своих преступлений в городе. Жгли бумаги, вывозили ценности и добивали оставшихся под арестом узников. Шкуро направил свои разъезды в сторону расположения Добровольческой части с извещением Деникину, что переходит под его командование. Из близлежащего села Донского Шкуро телеграфировал в ставропольский Совнар-

ком предложение оставить город в ближайшие 48 часов. В случае неповиновения Шкуро обещал начать вести прицельный артиллерийский обстрел. Телеграмма возымела действие. В отсутствие должно поставленной разведки Шпак не мог знать, что артиллерийских орудий у Шкуро не было и расстояние, отделявшее его «волчьих сотни» от Ставрополя, было не менее чем 30 километров, и поэтому им был отдан приказ о немедленном оставлении города. Эвакуация снова приняла форму беспорядочного бегства. Спешно увозили артиллерию, даже не подумав выставить ее на защиту города, отдельные красноармейцы просто бросали оружие и сдавались в плен безоружным горожанам. Главный палач города Ашихин попытался было уехать на автомобиле, но не смог пробиться сквозь разъяренную толпу граждан, вытащивших мерзавца из машины и поволокших его к городской тюрьме. Утром 22 июля в Ставрополь въехал автомобиль, везший назначенного губернатором города генерала Уварова с ординарцами. Прибыв в город, Уваров провел мобилизацию офицеров и классных чиновников всех ведомств. Им были созданы отряды городской обороны и выставлены караулы у всех важных объектов города, включая казначейство и банки. Следом за этим в город пришли подразделения полковника Я.А. Слащева, развертываясь в городе для его обороны. Ушедшие из города красные, перегруппировав силы, попытались контратакой вернуть Ставрополь назад, но были отброшены. Шпак приказал погрузить легкие орудия на борта грузовиков и двинул их к городской черте. Остановившись у окраин, артиллеристы Шпака открывали шрапнельный огонь по городу, не особо беспокоясь о том, куда попадет шрапнель, а затем отъезжали назад, в расположение своей части; среди мирного населения начались жертвы случайных обстрелов. Так продолжалось несколько дней, пока казаки Шкуро не выследили Шпака и его автомобили и не зарубили красного командира вместе с орудийной прислугой шашками прямо на борту грузовиков. В Ставрополе начала восстанавливаться мирная жизнь. Городским следователям по особо важным делам военным губернатором было дано

распоряжение начать сбор данных о злодеяниях большевистской власти в месяцы их пребывания у власти. Успехи Деникина на юге встревожили не на шутку германское командование. Германский генштаб полагал, что после еще одного удачного рейда, Добровольческая армия сможет выйти к портам Черного моря, захватить флот, стоявший на рейде, и высадить десант на оккупированной германцами Украине. Германцы выдвинули ультиматум большевикам потопить флот, угрожая возобновлением войны. Ко времени описываемых событий черноморский флот составляли еще и те суда, которые имели дееспособный экипаж и смогли уйти на военно-морскую базу в Севастополь. Оставшиеся суда были либо оставлены экипажами, либо количество моряков не соответствовало возможности поддерживать суда на ходу. Большевики руками оставшихся сочувствующих красным матросов произвели затопление покинутых судов, а на рейде уже дымили трубами немецкие боевые корабли во главе с линкором «Гебен». В это время отступавшая к Новороссийску красная Таманская армия в размере 40 тысяч штыков была преследуема отдельными отрядами кубанских казаков. При приближении этой массы войск к городу немецкие корабли начали обстрел ее тяжелыми орудиями, не особенно вдаваясь в подробности, кто были эти люди, и кто кого преследовал. Под огнем немецких орудий таманцы бросались врассыпную, а кубанские белоказаки, установив легкие орудия, дали ответный залп по немецким кораблям, стоявшим в порту. Несмотря на то, что легкие оружия кубанцев не причиняли бронированным линкорам никаких повреждений, германским командованием был дан приказ кораблям оставить Новороссийск. Преследуемая белыми, Таманская армия пронеслась сквозь Новороссийск, дошла до Туапсе, сбросив кордоны грузинской армии, охватив город волной грабежей и погромов, и ушла через Гойтхский перевал, мимо частей генерала Покровского по направлению к станице Белореченской, а в начале сентября обрушилась на Армавир, убив после краткого боя около полутора тысяч мирных жителей, а затем отправилась в сторону Невинномысской,

чтобы соединиться с Северо-Кавказской Красной армией, преобразовавшись в 11-ю Красную армию под командованием все того же Сорокина.

Однако Юг был освобожден. Перед Добровольческой армией вставали новые задачи, однако это уже совсем другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник «Красный террор в годы Гражданской войны»/ Под ред. д.и.н. Ю.Г. Фельштинского и д.и.н. Г.И. Чернавского. М.: Терра-Книжный клуб, 2004.
2. Павлов В.Е. Первый поход Добровольческой армии // Марков и Марковцы. М.: Посев, 2001.
3. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
4. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
5. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
6. Указ. соч.
7. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
8. Руденко-Миних. Дроздовский и дроздовцы: Крестonosцы распятой Родины. Белая Россия. СПб-Москва. 2002.
9. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
10. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
11. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.

12. Павлов В.Е. Первый поход Добровольческой армии // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
13. Указ. соч. М.: Посев. 2001.
14. Указ. соч. М.: Посев. 2001.
15. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
16. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
17. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
18. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
19. Указ. соч. М.: Голос. 1992.
20. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
21. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
22. Павлов В.Е. Второй поход на Кубань // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
23. Павлов В.Е. Второй поход на Кубань // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
24. Указ. соч.
25. Дерябин А. Паласиос-Фернандес Р. Белые армии. Аст. М.: 1999.
26. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.
27. Указ. соч.
28. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. «Быль и Явь». 1948.
29. Павлов В.Е. Второй поход на Кубань // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
30. Туркул А.В. «роздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. // Изд. Быль и Явь. 1948.

31. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
32. Указ. соч.
33. Сборник «Красный террор в годы Гражданской войны»/ Под ред. д.и.н. Ю.Г. Фельштинского и д.и.н. Г.И. Чернавского. М.: Терра-Книжный клуб, 2004.
34. Указ. соч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА НА ВОСТОКЕ

Великий русский писатель, Иван Алексеевич Бунин, заметил об адмирале Колчаке: *«Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано его имя в летопись русской земли»*. Человек, чьей биографии с успехом хватило бы на десяток человеческих жизней, стал вождем Белого сопротивления надвигавшемуся кошмару большевизма на востоке погибающей страны. Он отдал все силы и саму жизнь свою для того, чтобы противостоять разрушителям российского государства.

...В ночь на 17 (30) ноября 1918 года в далеком Омске началось стихийное восстание Сибирского казачества. Одним из условий, выдвинутых восставшими, была — отставка Директории. Другим, не менее важным — установление устойчивой военной диктатуры, которая помогла бы организовать людей и сплотить их на борьбу с большевизмом в Сибири. Либеральный состав Директории во главе с Авксентьевым и Зензиновым казаки арестовали, как ненадежный, готовый идти на компромиссы с большевиками, призвав премьер-министра Директории Вологодского созвать экстренное заседание совета министров и принимать радикальные решения по дальнейшему руководству положением в Сибири. Собранный совет министров проголосовал за передачу полномочий военному командованию. На основании принятого в ходе заседания «Положения о временном устройстве власти в России» вся полнота власти передавалась Верховному правителю и совету министров. Вероятных кандидатов на пост Верховного правителя было три: генерал-лей-

тенант Василий Георгиевич Болдырев, управляющий КВЖД генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват и вице-адмирал Александр Васильевич Колчак.

После ряда поражений армии «имени Учредительного собрания» авторитет Василия Георгиевича Болдырева, увязшего в политических интригах, был невысок; управляющий КВЖД Дмитрий Леонидович Хорват, уделявший много времени Дальневосточным проблемам и своему довольно сложному участку службы, был мало пригоден, чтобы стать диктатором всей Сибири. Оставался вице-адмирал Колчак. Уже тогда он был известной личностью, обладал неплохими связями с союзниками России, был уважаем в различных политических кругах, но главное — в него верила армия. Это и определило выбор совета министров. Александр Васильевич был произведен в полные адмиралы, ему было присвоено наименование Верховного правителя, и министры передали ему временно осуществлять верховную государственную власть 18 ноября (1 декабря) 1918 года.

Приняв новое назначение, Колчак в этот же день отдал один из первых своих приказов, определив направление своей деятельности на посту Верховного правителя: *«Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройств государственных дел и жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и порядка»*¹.

Этими немногими словами определялись задачи правительства, которые предстояло решать в чрезвычайно тяжелых условиях страны, уже два года жившей в атмосфере беспорядка, хаоса, разрушенной армии, не представляющей опасности для врага, но враждебной для внутреннего порядка государства. Адмиралу и его правительству предстояло восстановить внутренний порядок на территории и Дальнего Востока, преобразовать и восстановить торговлю, финансовое управление и налоговую систему, воссоздать разрушенный аппарат юстиции, пересмотреть сложившиеся вза-

имоотношения с союзниками и предпринять усилия убедить их признать Сибирское правительство как легитимную все-российскую власть. Кроме того, на повестке дня стояли военные вопросы: создание армии, борьба с большевиками и полное их изгнание, после чего заняться фундаментальными вопросами восстановления великодержавного государства.

*«Мы не знаем и за преждевременной смертью Колчака никогда не узнаем, как рисовалось ему выполнение всех этих задач и приходило ли ему в голову, что одновременное разрешение их трудноосуществимо»*².

Министры правительства, доставшиеся Колчаку «по наследству» от Директории, по своим профессиональным качествам были не настолько подготовлены, чтобы решить масштабные государственные задачи. Единственным профессионалом среди них выделялся министр путей сообщения Леонид Александрович УSTRUГОВ, человек, сделавший свою карьеру в петербургском министерстве задолго до революции в качестве помощника начальника управления железных дорог и ставший впоследствии начальником Омской железной дороги, привезший с собой квалифицированных помощников.

По отношению к остальным министрам Верховного правителя современники высказывались, что среди них хороших специалистов *«не оказалось в важнейших отраслях управления... Здесь управление попало в руки, так сказать, «любителей», которые приняли на себя высокие звания, но не несли в себе никаких знаний и своими неумелыми действиями усугубили трудность положения Верховного Правителя, у которого и у самого не было никакого опыта по административному управлению»*³.

Поверхностный подход в подборе достойных кандидатов на министерские должности, привел туда немало проходимцев, таких, как, например, министр иностранных дел Сукин, 28-летний «американский мальчик», как его называли, посоривший своими неумелыми действиями Верховного правителя с японцами, не умевшего снять накал враждебности

интернированных чехов, пуская ситуации развиваться по пути наименьшего сопротивления. Бывший Царскосельский лицеист Иван Иванович Сукин, успевший поработать чиновником МИД до революции всего шесть лет, не внушал особого доверия ни американским, ни английским представителям союзников, с которыми он находился в открытой ссоре. Однако, как ни важны были гражданские министры правительства, в условиях разгоревшейся Гражданской войны и придвинувшейся к границам Сибири угрозы большевизма, на первое место выдвигалась деятельность военного министра и военной власти вообще.

В качестве военной силы Колчак унаследовал Сибирскую армию, создавшуюся минувшим летом 1918 года усилиями военного министра Сибирского правительства, прибывшего в Сибирь по заданию генерала М.В. Алексеевым, полковником Алексеем Николаевичем Гришиным — Алмазовым. Оценив обстановку и боевые качества вооруженных сил, он подготовил приказ о мобилизации молодых людей 1899—1901 годов рождения. В основу создаваемой армии Алексей Николаевич положил строгую дисциплину. Идеологические основы создания армии были доведены им до каждого военнослужащего, и укладывались в простую формулу защиты автономии Сибири и ее демократического правительства от посягательств большевиков-интернационалистов. Система комплектования армии строилась по территориальному принципу, когда на службу призывали рекрутов из одной деревни, уезда и волости, что отчасти цементировало взаимоотношения чинов, придавая службе известный элемент семейственности и спаянности. В форме чинов армии сохранялось «нововведение» демократических времен Керенского: отсутствовали погоны. Впоследствии, при столкновениях с красными, чины сибирской армии, призывая их сдаваться, кричали: «Переходи — не бойся, — мы такие же беспогонные!» Гришин постановил не учреждать наград в Сибирской армии за участие в Гражданской войне, потому что считал, что таковых не может быть в ходе братоубийственной резни.

Мобилизация прошла успешно. Казармы пополнились новобранцами, однако в первое время на ночь к ружейной пирамиде ставились офицерские караулы. Несмотря на видимые успехи и осуществленный мобилизационный план, Гришин был снят с должности спустя месяц. Причиной снятия явилась его ссора с британским консулом в Челябинске, в ответ на нелюбезное замечание о России которого Гришин сказал: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России». Этого вполне невинного замечания военного министра хватило для того, чтобы недоброжелатели его в правительстве представили дело председателю правительства в невыгодном для Гришина свете, и тот был вынужден отбыть на Юг, в распоряжение Деникина, получив пост военного губернатора в Одессе.

Преемником ушедшего Гришина на посту военного министра стал генерал-майор Павел Павлович Иванов-Ринов, *«бывший полицейский пристав в Туркестане, типичный полицейский ярыжка, никакого понятия о военном деле не имевший, но чрезвычайно искусный в интригах и много повредивший всему Сибирскому делу»*⁴.

Из преобразований, проведенных им на посту военного министра, Иванов-Ринов отметил лишь распоряжениями вернуть погоны как важный элемент униформы Сибирских войск, а также направлением офицеров, перебежавших из Красной армии, в нестроевые части на рядовые должности на время прохождения испытательного срока.

Александр Васильевич Колчак хорошо понимал цену этому военному министру и после своего утверждения в должности передал бразды правления генерал-лейтенанту Болдыреву. Скептики отмечали, что высокое звание генерала было не вполне оправдано в армии, состоявшей всего из нескольких батальонов, но соглашались, что *«в Сибири больше, чем где-либо, обнаружилась страсть к высоким званиям и широким правам, которыми злоупотребляли, а об обязанностях не очень заботились...»*⁵.

Тем не менее с приходом Колчака к власти разрозненная российская армия упраздненного правительства Дирек-

тории подверглась реорганизации. Действующие войска сводились в три отдельные армии. 24 декабря 1918 года на Пермском направлении из частей бывшей Екатеринбургской группы была образована Сибирская армия генерала Радолы Гайды. Спустя всего четыре дня, 28 декабря 1918 года, была сформирована Оренбургская (Южная) казачья армия генерала А.И. Дутова, которая взаимодействовала с Уральской казачьей армией генерал-лейтенанта Николая Антоновича Савельева, возглавленной впоследствии Владимиром Савельевичем Толстовым. В самом начале 1919 года, 1 января, из частей бывших Прикамской и Самарской групп была создана Западная армия генерал-лейтенанта М.В. Ханжина, подкрепленная Южной армейской группой генерал-майора Петра Альфредовича Белова. В феврале 1919 года был также избран Главный Священник Армии и Флота вооруженных сил А.В. Колчака протоиерей о. Александр (Касаткин), который служил священником 1-й армии еще с октября 1916 года и был участником русско-японской войны. Кандидатура о. Александра был поддержана Верховным правителем. Согласно положению о Главном Священнике Армии и Флота, утвержденному военным министром, ему были переданы в подчинение все церкви и благотворительные учреждения военного ведомства. В компетенцию Главного священника входило назначение благочинных и закрепление за ними церквей, не принадлежавших дивизиям, ходатайство перед военным руководством о награждении лиц духовного звания, распоряжение финансами и оказание материальной поддержки нуждающимся семьям военного духовенства.

«В своей деятельности он (Главный священник. — Авт.) руководствовался церковными правилами, уставом духовных консисторий, сводом законов и сводом военных постановлений»⁶.

Примечательно, что уже в первых числах января 1919 года к Верховному Правителю прибыл священник, одетый в крестьянское платье, пробравшийся из Советской России, доставив личное письмо от Патриарха Тихона и изображение Николая Чудотворца. Письмо, по сведениям лич-

ного адъютанта А.В. Колчака, ротмистра В.В. Князева, содержало благословение Патриарха на *«борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом России»⁷.*

Новое боевое расписание армии и порядок ее формирования были установлены приказом Верховного Главнокомандующего от 3 января 1919 года. В Ставке было разработано основное направление удара — Вятка — Вологда — Котлас. Конечной целью был обозначен Архангельск. Еще 24 декабря 1919 года была успешно завершена первая часть этого плана, когда от большевиков была освобождена Пермь, однако очень скоро исполнение этого плана оказалось трудновыполнимым из-за недостаточной материальной и технической подготовленности частей и обозначившегося отката фронта в его центре. Особым фактором, влияющим на четкость исполнения стратегического плана, являлась большая протяженность фронта почти в 1800 километров, от северного Каспия до Северной тундры. В ходе упорных оборонительных боев Белая армия на Востоке была вынуждена оставить обширные территории на Южном Урале и прочно закрепилась в предгорьях Среднего Урала. Однако, стоит заметить, что из 17 тысяч офицеров во всех армиях Восточного фронта всего лишь 1 тысяча являлась кадровыми, что обуславливалось трудностями и опасностями, связанными для офицеров бывшей императорской армии с путешествием в Сибирь. На Восточном фронте собирались люди, в массе своей случайные, примкнувшие стихийно к движению сопротивления большевизму. Военные кадры подготавливались в некоторой спешке, и всего за время ускоренных 6-недельных курсов армия получала новоиспеченных офицеров, значительно проигрывавших в своих умениях и опыте даже самым заурядным кадровым служакам, побывавшим в огне недавней Великой войны. В отличие от Юга России на Востоке ощущалась нехватка высших военачальников, способных грамотно вести боевые действия с превосходящими силами противника. Наиболее яркие и талантливые военные руководители, такие как Владимир Оскарович Капель и Анатолий Николаевич Пепеляев, оставались на втором плане в

силу того, что прежнее, стихийное повстанческое движение уже выдвинуло многих случайных людей на командные должности. Сам Верховный правитель был лицом, хорошо разбиравшимся в вопросах морской войны, однако сухопутная стратегия была для него вещью относительно сложной. Его начальником штаба стал направленный с Дона 26-летний корниловский капитан Дмитрий Лебедев, быстро дослужившийся до генеральского звания, однако в силу ограниченности познаний в штабной работе, являвшийся также не лучшим выбором для Восточного фронта. *«Ему не приходило в голову драгомировское поучение, что кучер должен править с козел, а не вылезать на конец дышла, а также что с винтовкой в руках ходит всякий взводный, но это еще не значит, что он способен командовать армией; для этого надо иметь некоторые познания. Наверное, Лебедев нравился ему (Колчаку — Авт.), когда в беседах высказывался за крайнюю активность действий против большевиков, которых легко победить «с наскока». На горе идеалист и верный в своих привязанностях, Колчак, кому поверил, тому верил неизменно до конца. Так он поверил и Лебедеву, и верил до тех пор, пока тот не привел армию к гибели»⁸.*

По странной иронии судьбы, Колчак не воспользовался обстоятельствами, приведшими в Сибирь эвакуированную из Петрограда сначала в Казань, а затем, после ее захвата восставшими чехами, далее на Восток академию Генерального штаба, представленную ее лучшими кадрами — генералами Матковским, Иностранцевым, Суриным, Рябиковым и Андогским.

Ударной силой Восточного фронта были немногочисленные Уссурийское, Амурское, Семиреченское, Забайкальское и Оренбургское казачества, однако некоторые из атаманов открыто не признавали над собой власти Верховного Правителя, отдавая предпочтение интересам своих областей, порой в ущерб общим операциям и действиям.

В начале марта 1919 года инициатива оказалась в руках белогвардейцев. Ставка представила новый стратегический план наступления на Пермско-Вятском и Самаро-Саратов-

ском направлении в качестве первой фазы развития общего наступления, и, в случае успеха, продолжилась бы двумя главными ударами на обоих направлениях с перспективой наступления на Москву с севера, юга и востока.

15 февраля 1919 года перед командующими войсками была обнародована Директива Верховного Главнокомандующего, подготовленная начальником его штаба Лебедевым и предписывавшая наступление на всех направлениях. *«Между прочим, в Сибири, у широких военных кругов создалось убеждение, что на выбор Московского направления подействовала больше всего боязнь молодых сибирских маршалов встретиться с Деникиным, по соединении с войсками которого им пришлось бы сойти на нет. Второе, что лестно было — это войти в Москву первыми и тем самым закрепить на своих высоких постах... Толкал на север молодой задор свежееиспеченных полководцев, их безграмотность, уверенность, что красные не окажут серьезного сопротивления. А больше всего английский полковник Нокс и чешский воевода Гайда...»⁹.* Сибирской армии было приказано овладеть районом Сарапул — Ижевск — Воткинск. Западной армии — районом Бирск — Белебей — Стерлитамак — Уфа. Оренбургской и Уральской армиям — захватить район Оренбурга — Актюбинска — Уральска.

4 марта 1919 года 1-й Средне-Сибирский корпус генерал-лейтенанта Пепеляева перешел по плотному льду Каму, между городками Осой и Оханском. Южнее выступил 3-й Западно-Сибирский корпус генерал-лейтенанта Григория Афанасьевича Вержбицкого. Два корпуса вклинились в оборону 2-й большевистской армии и взяли оба города 8 марта 1919 года. Двумя днями раньше в наступление включилась Западная Армия. 10 марта 1919 года 2-й Уфимский корпус генерал-майора Сергея Николаевича Войцеховского, численностью в 9 тыс. штыков, овладел Бирском. 14 марта 1919 года 2-й Уральский корпус генерал-лейтенанта Владимира Васильевича Голицына взял Уфу.

Бои с большевиками продолжались еще неделю. Части Пепеляева и Вержбицкого продвинулись почти на 90 верст, однако не смогли осуществить прорыва большевистского

фронта. Отступая, большевики ухитрялись сохранять целостность фронта и боеспособность. 5 марта 1919 года под Уфой, в столкновении со 2-м Уральским корпусом Голицына численностью в 17 тыс. штыков, 5-я большевистская армия под командованием Блюмберга попыталась перейти в наступление силами 26-й и 27-й дивизий, однако была остановлена частями генерал-лейтенанта Ханжина. На следующий день Ханжин перешел в контрнаступление, силами корпусов генералов Войцеховского и Голицына обрушившись на большевиков севернее Уфы, и наконец прорвал фронт, поставив 5-ю советскую армию на грань уничтожения. В лобовое наступление на Уфу двинулся 6-й Уральский корпус генерал-майора Николая Тимофеевича Сукина, нарушив связь штаба 5-й армии с войсками. Большевики бежали. После занятия Бирска Западная армия генерала Ханжина захватила Мензелинск, Белебей и Бугульму, разделив большевистский Восточный фронт надвое, и вышла к Каме. Наметилось окружение, грозящее полным уничтожением 5-й большевистской армии. Спасаясь из кольца, весь штаб 5-й армии во главе с перепуганным «товарищем» Блюмбергом оставил Уфу 12 марта 1919 года, отдав приказ по армии начать отход на рубеж реки Чермасан, располагавшийся на 100 верст восточнее города. После того штаб 5-й армии и лично Блюмберг, поспешно отбыли из города. На ближайшей железнодорожной станции Чишмы творилось невероятное: все пути были забиты застрявшими большевистскими эшелонами, царил общая паника и неразбериха. У станции скопилось большое количество обозов, ожидая разгрузки. Отступавшие красноармейцы поспешно покинули станцию, изменив первоначальный план закрепиться на ее рубеже. Командование большевистским Восточным фронтом посчитало, что приказание Блюмберга об отходе оказалось поспешным, и направила в войска директиву о возвращении в Уфу и обороне города до последнего солдата, но куда там. Полки и дивизии 5-й советской армии, оказавшиеся перед угрозой кольца, после контрнаступления белых, отступали в беспорядке, бросая обозы и технику, спасаясь по сте-

пям в южном и восточном направлениях. В захлопнувшемся кольце осталось много припасов и имущества, брошенных в спешке уходящими большевиками, однако в плену у белых войск не оказалось почти никого: поспешность бегства красных была столь стремительна, что белые части, пытавшиеся окружить их по законам военного искусства, путем форсированных маршей и маневров, не успевали захватить их в клещи.

На южном фланге фронта была сокрушена 4-я советская армия, пытавшаяся продвигаться на Гурьев. Два ее авангардных полка было вырублено староверческим отрядом Уральских казаков. После того казаки под руководством командующего Уральской армии генерала Владимира Сергеевича Толстова, взяли направление на Уральск. Казачьим армиям удалось прочно блокировать Оренбург и Уральск, однако состав частей, штурмовавших Оренбург, оказался не вполне пригодным для подобных операций: казаки и конники-башкиры армии генерал-майора Александра Ильича Дутова не могли быть успешно применимы в осаде и штурме укрепленных позиций. Кавалерия армии генерала Ханжина повторяла ошибку своих донских братьев по оружию, увлекаясь преследованием отступавших, конница белых всемерно расходилась по степям, что часто становилось причиной потери связи между ними. Направить кавалеристов в рейд по большевистским тылам оказалось невозможным из-за того, что сравнительно бесполезным участием в осаде Уральска и Оренбурга казаки желали сначала освободить свою землю, прежде чем двигаться дальше и освобождать «чужую». Для прикрытия разрыва, образовавшегося между частями Ханжина, Дутова и Толстова, была привлечена Южная казачья группа генерала Белова, однако это не помогало белым частям сохранить монолитной линию фронта. Об усилении Западной армии за счет свежих частей Сибирской, что показалось бы естественным ходом опытным штабным генералам, речи не шло. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего капитан Лебедев, в силу незнакомства с подобными передвижениями сил, об этом даже не помышлял. Командование большевистского Восточ-

ного фронта уже направило в части директивы об общем отходе за Волгу. Так как с продвижением к Волге армия выходила на Московское направление, центр тяжести наступательной операции необходимо было переносить на юго-западное направление. Главный удар должна была нанести Западная армия и прорваться своим правым флангом к Сызрани и Симбирску, имея в качестве сверхзадачи — продвижение на Ставрополь, для соединения с частями ВСЮР под командованием А.И. Деникина. Предполагалось, что Сибирская армия должна нанести вспомогательный удар и своим левым флангом выйти к Казани, а правым — двигаться в направлении Вятки и Вологды, для соединения с Северной Добровольческой армией генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера. Так как движение Сибирской армии разделялось на два направления, то она была разделена на две армейские группы: Северную, под командованием генерала Пепеляева, и Южную, под командованием генерала Вержбицкого. Белая армия продолжала наступление в общем направлении на Среднюю Волгу, стремясь захватить основные переправы через Волгу, отбросив большевиков дальше, на юг, подальше от естественного оборонительного рубежа. 10 апреля 1919 года Сибирская армия взяла Сарапул, а через три дня вошла в Ижевск. В устье Камы была послана белая флотилия с десантом. Флотские офицеры, имевшие большую нехватку в людских ресурсах, пытались пополнить ряды флотилии призывами в населенных пунктах, куда они прибывали, к местному населению присоединяться к борьбе против большевиков. «...Мичман М. обратился с призывом присоединиться к Народной Армии и общими усилиями сбросить с России красное иго. Недоверчиво смотрела на молодого офицера немая толпа. Тупые лица как будто хотели сказать: «Пой, пой, малец, но нас не проведешь! Еще неизвестно, чья сторона возьмет верх». Когда толпа разошлась, подошли двое или трое из молодых и, оглядываясь и как будто стыдясь, попросились записаться в армию. Вот и все... Удивляться, что мы проиграли Гражданскую войну, не приходится. Наша покорность — вот, что помогло большевикам»¹⁰.

Вскоре был занят город Чистополь, и в устье Камы исчезла большевистская власть. Белая армия стояла у Волги. В конце апреля армия Верховного правителя вышла на подступы к Казани, Самаре и Симбирску, освободив значительные территории с важными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами, населенные более чем 5 миллионами человек. С занятием этих районов открывалась прямая дорога на Москву. На двух других направлениях колчаковские части подступали к Самаре. В ста верстах от Самары корпус генерала Войцеховского захватил городок Сергиевский, а на востоке корпус генерала Сукина и кавалерийский корпус генерал-майора Андрея Степановича Бакича увязли в тяжелых боях возле Бугуруслана с силами 1-й советской и Туркестанской армий, разгромив которые, заставили большевистское командование отвести их на юг.

7 апреля 1919 года ЦК РКП(б) принял решение о объявлении Восточного фронта главным и переподчинении М.В. Фрунзе четырех советских армий: 1-й, 5-й, 4-й и Туркестанской, общей численностью в 80 тыс. человек, силы, превышавшей Западную армию генерала Ханжина в два раза. Чрезвычайное растягивание фронта, при отсутствии полноценных резервов, привело к значительному «оголению» его флангов, что дало повод большевикам перейти в контрнаступление. Под ударом оказалось направление Бузулук — Бугуруслан — Белебей — Уфа в полосе Западной армии генерала Ханжина, а в полосе Сибирской армии генерала Гайды, опасная ситуация сложилась на направлении Сарапул — Ижевск — Воткинск. В силу глубокого обхода сил Западной армии она приостановила 2 мая 1919 года свое продвижение к Волге; через пару дней был оставлен Бугуруслан и силами большевиков была перерезана Самаро-Уфимская железная дорога. Стремясь выровнять положение, Ханжин принялся готовиться к контрудару. На южное направление, остававшееся для Ставки Верховного Главнокомандующего основным, был отправлен 1-й волжский корпус, входивший в Северо-восточную армию генерал-майора Владимира Оскаровича Каппеля. Успех операции должны были обеспечить

действия Уральских и Оренбургских казачьих армий. Сначала противник был контратакован корпусом генерала Войцеховского, однако в тяжелых трехдневных боях он понес поражение на реке Сок и в беспорядке отходил за реку Ик, оставив противнику Бугульму 13 мая 1919 года. Части 1-го Волжского корпуса Каппеля сосредотачивались довольно медленно. Выдвинувшись навстречу противнику, в ходе упорных трехдневных боев на реке Ик, были разгромлены красными частями 31-й и 24-й стрелковыми советскими дивизиями и приданным им 6-м корпусом, и 17 мая 1919 года оставили Белебей. На следующий день большевистские части форсировали Каму, и основные события стали разворачиваться на Уфимском направлении. Ханжин по-прежнему стремился создать боеспособный костяк армии уже на подступах к Уфе, однако ему это не удалось, поскольку разбитые и деморализованные белые части, прижимаемые большевиками к полноводной реке Белой, уходили в беспорядке на правый берег. Отделенные от противника естественным водным рубежом, эти части были сведены в три группы — Волжскую под командованием генерала Каппеля, Уфимскую, под командованием генерала Войцеховского и Уральскую, под командованием генерала Голицына. Однако из штаба Верховного Главнокомандующего пришла весть о снятии Ханжина с должности за допущенные ошибки и просчеты, как выяснилось позже, вина за них была ловко сфабрикована начальником штаба Колчака Дмитрием Лебедевым. Новым командующим 20 июня 1919 года был назначен генерал-майор Константин Вячеславович Сахаров, человек, не обладающий стратегическими талантами, однако проникнутый железной решимостью выполнять приказы начальства всеми средствами.

Лебедев отдал приказание армии Гайды энергично наступать на Глазов, невольно подставляя под отдельный удар всю его армию, чем не замедлили воспользоваться большевики и нанесли сильнейший удар Гайде, столь мощный, что он заставил Сибирскую армию откатываться назад в положении, близком к катастрофе. *«...Поразительно, но у Колчака не рас-*

крылись глаза на нелепость стратегии его начальника штаба. Человек он был, бесспорно, и очень умный, и в своем морском деле широко образованный; к тому же если у моряков и у сухопутных тактики совершенно различны, то стратегия и тех и других отправляется на одних и тех же научных принципах. Поэтому-то совершенно непонятно, что Колчак до самого конца не сумел разобраться в нелепостях, совершаемых Лебедевым»¹¹.

5-я советская армия начала форсировать реку Белую в устье, где та сливается с рекой Камой, создав непосредственную угрозу важнейшей коммуникации Сибирской армии — железной дороге на Екатеринбург. В разрыв, образовавшийся после разгрома Екатеринбургского ударного корпуса из армии Гайды, двинулись части 2-й советской армии, а с фронта та перешла в наступление 3-я советская армия.

Войска Фрунзе, при поддержке артиллерийского огня 48 орудий, начали наступление на части генерала Сахарова у переправы у Красного Яра, отправив сразу после его окончания 25-ю и 31-ю советские стрелковые дивизии, сумевшие прорвать оборону 4-й горнострелковой дивизии Сахарова, с приданными ей 16 аэропланами и захватить обширный плацдарм. Уральские стрелки переходили в контратаки, пытаясь прижать красных к берегу, аэропланы совершали бесчисленное количество вылетов, сбрасывая бомбы, вследствие чего у красных получил ранение Чапаев и контужен Фрунзе, однако изменить положение в лучшую для себя сторону белые части не могли. На следующий день сражения Сахаров подтянул свежие силы — две дивизии генерала Каппеля и части ижевских рабочих повстанцев, прибывших на войну с большевиками под красными знаменами, которые считали символом своей рабочей борьбы. Их наступление на позиции красных встретил жестокий пулеметный огонь, несмотря на который каппелевцы все же приблизились к противнику и сошлись в рукопашной схватке. За первой атакой последовала другая, третья, однако сбросить большевиков с плацдарма так и не удавалось: за ночь на плацдарм было переправлено немало свежих подразделений. На поле боя оставались десятки сотен убитых: *«Огонь противника стал*

стихать. Наша пехота входила в деревню... Я перенес наблюдательный пункт в деревню, уже очищенную от красных. Там... увидел трупы замученных наших бойцов: у раздетых догола была вырезана кожа там, где полагается на одежде быть погонам. Один висел, приколотый штыком к стене амбара...»¹²

Вечером 9 июня 1919 года переправившиеся на плацдарм большевики перешли в наступление, с двух сторон ворвавшись в Уфу, и перерезали железную дорогу на Челябинск. Началось отступление колчаковских частей к Уральским горам, навстречу своему поражению, постепенно выбиваясь из сил и не получая подкреплений. Сибирская армия генерала Гайды бездействовала, располагаясь в районе Перми. Генерал Каппель понимал, что Ставка Верховного Главнокомандующего потеряла инициативу, не имеет четких стратегических планов на будущее, отдав инициативу своим разрозненным армиям действовать на их усмотрение, но главное, что пополнений, способных быть влитыми в потрепанные армии, у Ставки больше нет. Владимир Оскарович направил предложение в штаб Главнокомандующего в Омске с просьбой разрешить ему сформировать кавалерийский корпус в 2000 сабель с конно-артиллерийским полком, пробраться на фланге в тыл красным, уйти как можно глубже и там, где-нибудь в ста или двухстах верстах от фронта, посеять среди большевиков панику, взрывая мосты, нападая на склады оружия. Это дало бы, по мнению Каппеля, возможность основным отступающим силам получить передышку, пока красные, сняв с основного фронта силы, чтобы ликвидировать летучий отряд у себя в тылу, будут гоняться за ним по собственным тылам. «Многие чины штаба были открыто против этого плана, говоря: «Разреши Каппелю этот прорыв — он заберется в красные тылы, возьмет Москву и организует каппелевское правительство. А о нас забудет или просто туда не пустит. Спустя много времени... на мой вопрос при встрече генералу Каппелю о судьбе его рапорта о набеге на красные тылы Каппель сказал, что получил сообщение: «Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать двумя тысячами всадников»¹³.

Летом Сибирской армии пришлось расплачиваться за то, что ее командующий генерал Гайда вовремя не пришел на помощь Западной армии: теперь большевики обходили его с юга, взрывали коммуникации, портили железнодорожное полотно, а с фронта по Сибирской армии ударили усилившиеся за счет пополнений 2-я и 3-я советские армии.

1 июля 1919 года Гайда оставил Пермь и Кунгур. Положение все более осложнялось, и некоторые осторожные люди, вроде министра барона Алексея Павловича Будберга, рекомендовали Колчаку подумать о том, чтобы перевезти правительство в Иркутск, а войска отвести за Ишим, дать там им устроиться и отдохнуть, перейдя временно к обороне. «Адмирал согласился, но другие поймали его на его коньке и указали, что отъезд будет истолкован так, что будто адмирал боится опасности, и что, кроме того, переезд произведет дурное впечатление за границей»¹⁴. Колчак отложил переезд. Более того, по настоянию Дмитрия Лебедева, дал согласие на подготовку нового наступления под Челябинском, для восстановления боевого духа войск, упавшего после недавних неудач. План Лебедева и его штаба состоял в том, чтобы заманить 5-ю армию Тухачевского в Челябинск. С северной части города начинали наступление части генерала Войцеховского силами до 16 тыс. человек, перерезая железную дорогу Челябинск — Екатеринбург, а с южной стороны города армию Тухачевского атаковали части генерала Каппеля, силами до 10 тысяч штыков, перехватывая железнодорожное направление Челябинск — Златоуст. Во фронт большевистской армии должна была ударить группа генерал-майора Владимира Дмитриевича Косьмина. В силу собственно оперативно-тактической неподготовленности и надежды на случай — панику в стане большевиков при виде стремительно приближающихся белых частей, — Лебедев недооценил противника, который не начал отступление под угрозой окружения, имея в руках ресурсы большого города. Севернее Челябинска начала наступление 3-я советская армия, развернутая во фланг частям Войцеховского, вынужденного обороняться. Из резерва Восточного фронта его командую-

ший Фрунзе отправил в тылы белых целую дивизию. Потери с двух сторон были ужасающие, однако большевистское командование с легкостью восполняло их за счет поголовной мобилизации местного населения, а ресурсы колчаковцев находились почти на исходе. В результате белое командование было вынуждено снять сразу три дивизии, находившихся на переформировании, и бросить их в бой под Челябинском. Генерал-лейтенантом Михаилом Константиновичем Дитерихсом были брошены в бой последние резервы колчаковской армии — две сибирские дивизии, только что сформированные за счет мобилизованных и добровольцев и даже не прошедшие базовых стрелковых курсов. Бои с большевиками продолжались неделю, и наступивший в их ходе перелом оказался не в пользу белых. Только пленными колчаковцы потеряли 15 тысяч человек.

Нужно ли говорить, что наступление 28—30 июля 1919 года, обернулось разгромом уже уставших частей свежими и прекрасно организованными большевистскими частями. Лебедев пытался оправдать это бессмысленное с военной точки зрения наступление неподготовленностью новобранцев, плохую работу Омского округа с комплектацией военными кадрами, однако следом за неудачами на фронте последовали восстания в тылу, подготовленные большевистским подпольем. Колчак приблизился к пониманию, что нужно решать вопрос с начальником штаба и к 10 августа 1919 года наконец решил расстаться с Лебедевым.

Окончательно надорвавшие свои силы, потеряв боеспособность и стратегическую инициативу, белые армии оставляли Урал и откатывались в Сибирь. Дальнейшее существование власти Колчака определялось уже не успехом фронтовых операций, а сибирскими дистанциями.

Сняв Лебедева, Колчак назначил на его должность генерала Дитерихса, который был *«хотя и пожилым, но опытный и бодрый»*, и за которым стоял не только большой служебный, но еще и боевой опыт. Дитерихс потребовал от командующих армиями предоставления сведений о количестве их войск, и оказалось, что в армиях насчитывалось всего 50 ты-

сяч человек, при 300 тыс. нестроевых. Чтобы выиграть время для отвода разбитых частей за реку Ишим, Дитерихс сам перешел в наступление частью своих сил на левом фланге. Его наступление носило кратковременный успех. Большевики были разбиты и отброшены за Курган, на всем остальном фронте они спешно отходили за реку Тобол, оставляя большие военные трофеи. Дитерихс предусматривал, что для закрепления успеха был необходим заключительный удар казаков в большевистском тылу, идею которого поддерживал генерал Иванов-Ринов, *«к тому времени интригами и подкупам сделавшийся атаманом Сибирского казачьего войска. Он заверил адмирала (Колчака. — прим. Авт.), что если казаков богато снабдить всем необходимым снаряжением, вооружением и одеждой и отпустить им определенное количество миллионов рублей, то войско поднимется, как один человек и красным не устоять под его напором, а командование он, Иванов-Ринов, берет на себя»*¹⁵. Колчак, который остро переживал военные неудачи последнего времени, ухватился за это предложение, направляя казакам деньги и имущество, однако вместо обещанных Ивановым-Риновым 18 тыс. шашек Сибирское казачье войнство выставило менее половины, *«да и те никакой пользы не принесли, потому что взявшийся ими командовать Иванов-Ринов обнаружил полное неумение выполнить поставленную ему генералом Дитерихсом задачу»*¹⁶. Колчак выехал на фронт, в расположение казачьего отряда 10 сентября 1919 года, откуда неожиданно прислал Дитерихсу телеграмму следующего содержания: *«Ввиду переутомления войск, и в особенности казаков, остановил войска на трехдневный отдых. Очень вам благодарен за успех. Колчак»*. Дитерихс недоумевал, о какой усталости могла идти речь, когда казаки не участвовали в боевых столкновениях, а лишь следовали походным порядком за левым флангом Дитерихса?

Части под общим командованием Дитерихса подошли к Тоболу, однако, не получив подкреплений, остановились. Сознывая, что Омск не имеет резервов, отправил рапорт в Ставку, в котором просил приступить к разгрузке и вывозу на восток омских складов и материальной части.

Колчак прочитал направленный рапорт в присутствии генерала Сахарова, случившегося быть у Верховного правителя в тот момент на приеме: «— *В чем дело? Наши войска идут вперед, доходят до Тобола, а главнокомандующий... рекомендует эвакуировать Омск? Решено было, что Дитерихс устарел. Ему послана телеграмма, выражающая удивление его рапортом. Дитерихс коротко ответил: — Если наши войска сделают хоть один шаг назад, то они не остановятся и у Омска*»¹⁷.

Сахаров возмущенно поддержал удивление Верховного правителя предложением Дитерихса, заявив, что главнокомандующий не способен правильно оценивать ситуацию, что эвакуация Омска вызовет неприятный резонанс у союзников и что Омск, равно как и Иртыш, можно и должно превратить в укрепленные районы и надолго остановить большевиков. Это решило судьбу Дитерихса. Безгранично доверявший Сахарову еще со времени сидения в тюрьме у большевиков, адмирал Колчак принял решение отозвать Дитерихса в тыл, для формирования добровольческих частей, а на его место назначил генерала Сахарова. «*Сам Сахаров в его книге... рассказывает, что он не брался удерживать Омск во что бы это ни стало, а обещал лишь сделать все возможное для его удержания. Видимо, генерал Сахаров и поныне не успел додуматься, что дело заключалось не в терминологии, а в том, что его «обещание» в корне изменяло принятый уже план действий, что в случае несдержания его обещания вело неизбежно к катастрофе*»¹⁸.

Приказ нового главнокомандующего, гласящий о том, что Иртыш и Омск преобразуются в неприступные для большевиков крепости, был расклеен по всему городу.

Было уже начало ноября, и температура воздуха быстро падала. С неизбежным замерзанием реки эта естественная оборонительная преграда должна была исчезнуть и предрешить судьбу Омска, ибо по льду большевики могли обойти в любом месте белые войска, оборонявшие город. В самых первых числах ноября Иртыш замерз, и Сахарову стало очевидным, как он подвел Верховного правителя. Когда главнокомандующий доложил Колчаку о том, что его эшелон

готов к выходу и, чтобы не задерживать движение, должен выйти из Омска к вечеру, адмирал удивленно спросил его, как же можно покидать город, после выпуска приказа о создании из него крепости? Сахаров отвечал, что этого требовала обстановка, и это стало еще одним разочарованием Верховного правителя в людях, которым он привык безгранично верить. На станции Татарская Колчак попросил соединить его с генералом Каппелем, последним, на кого у Верховного правителя оставалась хоть какая-то надежда. Накануне Колчак просил его принять пост главнокомандующего, на что Каппель отвечал Верховному правителю телеграммой, что считает себя неподготовленным для такой должности и молодым, в то время как есть много старших и опытных. В телефонном разговоре Колчак дал понять генералу, что, несмотря на его 37 лет, он считает его способным справиться, и что ранее он уже предлагал этот пост старшим генералам. Колчак спросил Каппеля, что тот станет делать, если получит приказ, на что получил ответ, что приказ генерал будет должен исполнить. Спустя час Колчак прислал телеграфный приказ о назначении Владимира Оскаровича Каппеля главнокомандующим с 11 декабря 1919 года.

Уезжая из Омска, Сахаров не посчитал нужным передать дела оставляемому им в качестве заместителя Каппелю, словно забыв рассказать тому о плане эвакуации и общем расположении частей. «*В эвакуации Омска не было никакого порядка. В самом хвосте шло много санитарных поездов с больными и ранеными, которые вскоре попали в руки красных. А также красные скоро овладели эшелонами с личным составом некоторых учреждений. И нетрудно представить их участь...*»¹⁹. Дипломатический корпус в Омске предложил Верховному правителю взять под международную опеку золотой запас, но, набравшись твердости, адмирал отвечал, что золото принадлежит России и не может быть передано другим державам.

В 6 верстах от Омска строилась линия обороны города, командовать которой было поручено генералу Войцеховскому, однако занять ее так и не удалось: с 12 ноября, по льду ставшего Иртыша, началось повально неуправляемое бег-

ство частей за реку. Эвакуация принимала характер всеобщего бегства: из Омска пытались уехать не только военные и гражданские учреждения, но и мирные обыватели, рабочие и служащие.

Верховный правитель оставался в Омске до последнего. Накануне своего отъезда, в ночь на 13 ноября, днем 12 ноября он отправил эшелон с золотым запасом из города. 14 ноября 1919 года в город вступили большевистские части, устремившиеся в преследование отступавших колчаковцев, которое Фрунзе поручил 5-й армии Тухачевского. Из состава 3-й армии ему дополнительно передавались 30-я и 51-я стрелковые дивизии.

Состояние подвижного состава, используемого отступавшими, оставляло желать много лучшего, нередко случались аварии, приводившие к многочасовым задержкам движения, произволу железнодорожников, требующих себе отдельную плату за дальнейший ход поезда. Даже литерный поезд — «золотой эшелон» — и тот потерпел незначительное крушение, столкнувшись с другим составом. Трассу от Новониколаевска до Иркутска занимал 60-тысячный отряд чехословаков, изначально размещенный там для охраны, который оказался хозяином положения, а в критическое время омской катастрофы превратился в целое бедствие для беженцев и отходящих русских частей. Жажда добраться домой, прилично обогатившись за счет русских бед, захватив массу имущества и ценностей, в трагические для колчаковской армии дни, чехословаки решили отправиться домой. В связи с этим по Чехословацкому корпусу был отдан приказ — не пропускать за станцию Тайга русских эшелонов, пока в обратном направлении не проедут все части чехов. Русские вагоны останавливались, отгонялись в тупики, у эшелонов чехословаками изымались паровозы. Пассажиры, оставленные в вагонах, после того как паровозы захватывались стремящими во что бы то ни стало пробраться на восток чехословаками, оказывались беззащитными против сибирских морозов, нападения местных банд или партизан, рыскающих в округе в надежде поживиться за счет беженцев. Единствен-

ный поезд, более или менее постоянно продвигающийся на восток, был оставался у Верховного правителя. Добравшись до потерпевшего крушение «золотого эшелона», Колчак приказал собрать вагоны и продолжил движение вместе с бесценным грузом. Разбитая армия продолжала свое отступление по Сибирскому тракту, поскольку чехословаки не пускали их на железную дорогу. Колчак направлял протесты по поводу бесчинств чехословаков генералу Жанену, однако сил для принятия каких-либо мер для обуздания чехословацких бесчинств у Колчака не было. 9 декабря 1919 года, добравшись до станции Тайга, Верховный правитель получил ультиматум от генерала Пепеляева, в котором тот требовал немедленного созыва Сибирского Земского Собора, прилагая проект соответствующего указа, призывал Верховного правителя к отставке генерала Сахарова и проведении расследования о сдаче Сахаровым Омска без боя. Оскорбленный Колчак уже был готов к вооруженному столкновению с Пепеляевым, во главе 60 офицеров и 500 солдат собственного конвоя, но из Иркутска посредником прибыл брат генерала, В. Пепеляев, и конфликт удалось погасить. Узнав от прибывшего о том, что творится в Иркутске, Колчак назначил походного атамана Забайкальского казачьего войска Григория Михайловича Семенова командующим войсками Дальнего Востока и Иркутского округа, прося его навести сколько бы то ни было возможный порядок силами его казачьих войск.

Лишь к 27 января 1920 года Колчак добрался до Нижнеудинска. В этот же день в городе поднялось восстание под руководством местного Сибревкома.

Не потерявший надежду прибрать к рукам русский золотой запас, генерал Жанен распорядился не пропускать поезд Колчака и «золотой эшелон» далее. Чехословаки не замедлили исполнить этот приказ, совместив это с полезным для себя действием: отцепили и угнали паровозы, тянущие этот поезд. Протесты и возмущение конвоя ни к чему не привели. Колчак попытался связаться с Каппелем, чтобы силами каппелевцев обуздать бесчинства чехословаков, однако

практически это оказалось невыполнимым: каппелевцы пробивались сквозь глубокие снега, арьергарды их отражали преследующих их большевиков, и быстро прибыть в Нижнеудинск они не могли. Единственное, что мог сделать Каппель, так это послать письмо-вызов командующему чехословако-сербскими войсками генералу Яну Сыровому: *«Сейчас мною получено извещение, что вашим распоряжением об обстановке движения всех русских эшелонов задержан на станции Красноярск поезд Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всех русских армий, с попыткой силой отобрать паровоз, причем у одного из составов даже арестован начальник эшелона... Верховному правителю и Верховному главнокомандующему нанесен ряд оскорблений и угроз, и этим нанесено оскорбление всей русской армии. Ваше распоряжение о не пропуске русских эшелонов есть не что иное, как игнорирование интересов русской армии, в силу чего она уже потеряла 120 составов с эвакуированными ранеными, больными, женами и детьми сражающихся на фронте офицеров и солдат...*

Я, как Главнокомандующий армиями Восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед Верховным правителем и армией за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов Верховного правителя и председателя Совета министров по назначению, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов. Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армию в новое испытание, но ...в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной. Главнокомандующий армиями Восточного фронта Генерального штаба генерал-лейтенант Каппель»²⁰.

Ответа на это письмо не последовало, Сыровому не суждено было пасть от руки Каппеля на поединке, и он благополучно дожил до 1971 года, пережив своего благородного противника на пятьдесят с лишним лет.

Бесчинства чехословаков на железной дороге продолжались. Армия направлялась в Красноярск, однако постепенно до Каппеля стали доходить слухи, что начальник красноярского гарнизона генерал Зиневич занят более выступ-

лениями на митингах, нежели поддержанием порядка во вверенных ему частях. В 20-х числах декабря 1919 года Зиневич сам обратился к Каппелю по телеграфу с предложением выслать парламентариев к советскому командованию и начать переговоры о мире с большевиками. Каппель возмущенно отвечал предателю: *«Вы, взбунтовавшиеся в тылу, ради спасения собственной шкуры готовы предать и продать своих братьев, борющихся за благо Родины. И прежде, чем посылать делегатов для переговоров о мире, нужно иметь их согласие — захотят ли они мириться с поработителями Родины...»²¹.* Большевики не оценили готовность Зиневича заключить с ними мир и, войдя в город, расстреляли там много офицеров и самого генерала.

Атака каппелевскими частями Красноярска успеха не имела, и им пришлось обходить город с юго-запада и севера. После небольшой суматохи и перестрелки с какими-то отрядами, шедшими из Красноярска, части Каппеля обошли город и выбрались к Енисею. Там, по льду замерзшей реки, по хорошо наезженной дороге они двинулись в направлении деревни Есаулово.

Для Колчака продолжался тяжелый период, получивший название «нижнеудинское» сидение. Станция Нижнеудинск была объявлена чехословаками «нейтральной». Гарантами нейтралитета выступали сами чехословаки, однако местные повстанцы и мелкие банды боялись появляться в пределах города. Чины конвоя предлагали Верховному правителю бегство в Монголию, до границе с которой оставалось всего 300 верст, погрузив часть золотого запаса на повозки, однако Колчак отверг предложение, предоставив собственному конвою свободу действия. Часть офицеров конвоя и почти все солдаты покинули застывший в снегах Нижнеудинска поезд Верховного правителя. Колчак за одну ночь стал совершенно седым. С ним оставался лишь Пепеляев, Анна Васильевна Тимирева и группа офицеров конвоя, до конца сохранивших верность Верховному правителю.

Как только основная часть конвоя Верховного правителя ушла, чехословаки тут же взяли эшелон с золотом под

свою «защиту», выставив вокруг него часовых, без уведомления Колчака, оказавшегося вдобавок оторванным от всякой связи с внешним миром. А тем временем под ударами большевиков пал Томск. Пытавшийся организовать его защиту Анатолий Николаевич Пепеляев, свалился, заболев тифом, и тайком, в крестьянской одежде, был вывезен сподвижниками в Китай.

Во время пребывания Колчака на отдаленной, засыпанной снегами станции, отрезанного от связи с внешним миром, французским генералом Жаненом была организована встреча генералов Ханжина, А.М. Ларионова и А.А. Червен-Водали с представителями некоего народного «Политцентра». Замена военного режима Колчака либерально-демократическим правительством казалась союзникам вполне разумной мерой по установлению в Сибири «демократии по западному образцу», в особенности после того, как представители союзников имели много возможностей убедиться в неуступчивости адмирала в вопросах внешней политики своего правительства, когда это касалось интересов России. Одновременно Жанен требовал у Колчака отречения от верховной власти, гарантируя в этом случае его беспрепятственный выезд за границу под международной охраной, что уже тогда являлось ложью. Жанен рассчитывал сдать Колчака большевикам, используя этот ход для гарантии беспрепятственного выезда иностранных военных миссий и подчиненных ему войск из России. Колчак, утративший власть фактическую, но сохранивший юридическую, становился большой помехой в планах союзников. 5 января 1920 года адмирал подписал отречение от власти, назначив Верховным правителем России Антона Ивановича Деникина, а на востоке — атамана Семенова, о чем извещал того еще за месяц до отречения. Семенов попытался взять Иркутск, в котором разразилось пробольшевистское восстание, однако усилия его успеха не имели. Встретившись с первым же сопротивлением, казаки Семенова повернули вспять.

Чехословаки прицепили вагоны Колчака и Пепеляева к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка, сделав их та-

ким образом заложниками и декорировав вагон бывшего Верховного правителя международными флагами, вероятно, в провокационных целях, чтобы любой повстанец или партизан издали мог видеть, в каком вагоне везут очень важных персон. 10 января 1920 года эшелон вышел со станции Нижнеудинск. На каждой из станций, куда прибывал эшелон, к чешским часовым присоединялись «народные дружинники», и когда 15 января 1920 года поезд с Колчаком прибыл в Иркутск, вагон адмирала был оцеплен плотным кольцом охраны. Целый день Колчак находился в неведении относительно своего положения. Пытался связаться с Жаненом, но узнал, что еще накануне все союзные миссии отбыли на восток. С одним из союзных поездов на восток отбыл и генерал Дитерихс, воспользовавшись дружескими связями с чехословаками, которыми он когда-то командовал.

Когда на город опустились сумерки, чехословаки объявили Колчаку, что он передается местной власти. Человек слова, адмирал еще долго недоумевал, не осознавая, что французский генерал Жанен мог так просто передать его в руки большевиков. Анна Васильевна Тимирева пыталась успокоить его, решив сопровождать Колчака в местную тюрьму, где они были разведены по разным камерам.

Совместная большевистско-меньшевистская и эсеровская следственная комиссия начала допросы адмирала, на которых тот держался мужественно и спокойно, не стремясь завоевать в глазах допрашивающих популярности или в искаженном виде представить свои убеждения.

15 января 1920 года большевики в Иркутске вдруг начали получать сведения о войсках генерала Каппеля, считавшихся уже давно погибшими в бескрайних сибирских просторах и потому списанных со счетов. В блуждавшей армии Каппеля были представлены разнообразные части: от повстанческих — жевцев и воткинцев — до оренбургских казаков покойного атамана Дутова. Продолжая отход от шедшей по пятам 5-й армии Тухачевского, прорываясь сквозь территории местных партизанских отрядов и банд, они упорно шли по Сибирскому тракту на восток, гибли, падали от

тифа и усталости, увязая в глубоких снегах при низких температурах воздуха, пройдя две тысячи километров пешком через зимнюю тайгу. Этот подвиг впоследствии был назван историками Ледяным Сибирским походом.

7 января 1920 года в деревне Чистоостровской Каппель собрал совещание начальников отдельных частей. По имеющимся сведениям было известно, что железная дорога от Красноярска и на восток оставалась в руках красных, в связи с чем было принято решение сделать обход, пройдя по льду замерзшего Енисея. Этот поход иногда задерживался стычками с местными бандами, проходившими с большой периодичностью. Ожидание постоянной опасности, сознание постоянного преследования беспощадным противником сильно действовали на сознание людей: *«Во время одной из таких стычек шедший немного сзади командир сибирских улан был так нервно потрясен, что до соприкосновения с противником приказал погрузить полковое знамя под лед Енисея...»*²²

Когда части Каппеля добрались до деревни Подпорожной, им было созвано военное совещание начальников отрядов для обсуждения дальнейшего направления. Мнения разделились: часть командиров предлагали двигаться по Енисею, на север, вплоть до самого Енисейска, чтобы потом сделать глубокий обход по Северной Ангаре, что, конечно, лишь удлиняло путь каппелевцев дополнительно на 2000 верст. Сам Владимир Оскарович считал, что допустим лишь обход по реке Кан, впадающей в Енисей, около самой Подпорожной. Каппель допустил, что желающие идти северным путем вольны сами определять свою судьбу, что те не замедлили и сделать. Отряды во главе с генералами Перхуровым и Галкиным тронулись по льду Енисея наверх, оставшиеся, во главе с Каппелем, стали спускаться по крутому, почти отвесному берегу порожистой и местами не замерзшей речки Кан. Через 4—5 верст проводники предупредили Каппеля, что скоро будет большой порог и что если берега его не замерзли, то движение дальше будет невозможным. Генерал Каппель, жалея своего коня, часто шел пешком, утопая в снегу так же, как и другие. Нося бурочные

сапоги, он случайно провалился глубоко в снег и зачерпнул в сапоги воды, никому об этом не сказав. При длительных остановках холод делал свое дело, а Каппель избегал садиться на седло, чтобы как-нибудь все же согреться на ходу. На вторые сутки у Каппеля начался сильнейший озноб и временами он стал терять сознание. Его уложили в сани, однако они вскоре прочно вмерзли в лед. Каппеля посадили на коня и при поддержке одного из добровольцев через 90 верст доставили до ближайшей избы. Осмотревший его случайно оказавшийся рядом доктор, обратил внимание, что у генерала обморожены пятки и пальцы ног и решился на ампутацию простым ножом. Сначала, сразу после операции, Каппелю стало легче и он даже смог отдавать распоряжения, касающиеся организации порядка движения, но через неделю, после выхода из деревни Барги, его состояние резко ухудшилось, поднялся сильный жар, который невозможно было измерить из-за отсутствия обыкновенного градусника. Сопровождавшие генерала доктора, сосредоточившись на ампутированных ногах, совсем упустили из виду симптомы воспаления легких и странное покашливание своего пациента. 20 или 21 января, чувствуя, как силы оставляют его, Каппель отдал приказ о назначении генерала Войцеховского главнокомандующим армиями Восточного фронта. В последующие 2—3 дня больной сильно ослабел, а в ночь на 25 января потерял сознание. Находясь в бессмысленности, Каппель повторял что-то об армиях, флангах и неожиданно произнес: «Как я попался! Конец!». 26 января 1920 года генерал Каппель умер, не приходя в сознание, от двустороннего крупозного воспаления легких. После смерти генерала его тело было положено в простой деревянный гроб. На станции Иннокентьевской остатки каппелевского отряда нагнали наконец главные силы под командованием генерала Войцеховского. План Войцеховского сводился к тому, чтобы захватить Иркутск атакой и спасти Верховного правителя и тех офицеров, которые были захвачены вместе с ним и томились в тюрьме. С ходу заняли деревню Черемхово, разогнали шахтерские дружины и расстреляли местный ревком. В ответ на ультиматум большевистского ко-

мандующего Зверева о сдаче Войцеховский направил свой ультиматум, обещая обойти Иркутск на условиях освобождения Колчака и арестованных с ним лиц, предоставлении каппелевцам фуража и продовольствия, прекращения пропаганды и клеветы на арестованного Верховного правителя и Белое Дело и выплаты им контрибуции в 200 миллионов рублей.

Однако чешское командование выдвинуло ультиматум, сообщив Войцеховскому, что если тот намеревается атаковать большевиков, с которыми у них подписан договор о нейтралитете, то чешские части будут вынуждены разоружить его отряды. Войцеховскому пришлось обходить Иркутск справа и дойти до деревни Лиственничной, спуститься по берегу озера Байкал, на лед. Поход через Байкал продолжался целый день. С наступлением сумерок головные части каппелевцев втянулись в поселок Мысовая, уходя все дальше за Байкал. Войцеховский добрался до Европы, став даже министром обороны Чехословакии, однако 11 мая 1945 года был арестован органами СМЕРШ и окончил свои дни в Иркутской области, в лагере под Тайшетом в 1951 году, в тех местах, которые покинул холодной зимой тридцать один год назад.

4 февраля 1920 года комиссар Чудновский представил в иркутский ВРК список из 18 лиц, подлежащих немедленно расстрелу. Не желая возбуждать против себя население в сложившейся обстановке, ВРК оставил в списке лишь двоих — Колчака и Пепеляева. Ультиматум Войцеховского был отвергнут большевиками, объявившими тем не менее город на осадном положении. Подступы к Иркутску превращались в сплошные линии обороны, заливались водой и пристреливались. Началось сражение за Иркутск, по ожесточенности, не имевшее себе равных. Стороны не брали пленных. В ночь на 7 февраля 1920 года Колчак и Пепеляев были расстреляны на берегу реки Ушаковки. Трупы расстрелянных большевики затолкали под лед на Ангаре.

Адмирал вел себя мужественно. На просьбу попрощаться с Тимиревой большевики ответили смехом. На предло-

жение завязать ему глаза адмирал отвечал отказом и отдал комиссару Чудновскому кем-то переданную ему капсулу с цианистым калием, считая самоубийство неприемлемым для православного человека.

Анна Васильевна Тимирева пережила возлюбленного на 55 лет. Она скиталась по тюрьмам и ссылкам до 1954 года, когда была отпущена на свободу, реабилитирована спустя всего шесть лет, в 1960 году. Последнее время она проживала в Москве, на Плющихе, в коммунальной квартире, где и умерла в 1975 году. В оставленных воспоминаниях Анна Васильевна просто написала о Колчаке, выразив в нескольких словах весь жизненный путь адмирала: «Он был человеком смелым, самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым...»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Филатьев Д. В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
2. Указ. соч.
3. *Филатьев Д. В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
4. *Филатьев Д. В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
5. Указ. соч.
6. *Волков Е. В.* Православное духовенство в войсках А. В. Колчака в годы Гражданской войны // Материалы научной конференции в Челябинске «Гражданская война на Востоке России». М.: Посев. 2003.
7. Указ. соч.
8. *Филатьев Д. В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.

9. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
10. *Мейер Г.* Война на Волге 1918 год // Флот в Белой борьбе. М.: Центрполиграф, 2002.
11. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
12. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Посев. 2003.
13. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Посев. 2003.
14. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
15. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
16. Указ. соч.
17. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Посев. 2003.
18. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф. 2004.
19. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Посев. 2003.
20. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Посев. 2003.
21. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Посев. 2003.
22. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Посев. 2003.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ ДО МОСКОВСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Казалось, что победа Добровольческой армии на Юге России над красными и восстановление Донского Круга, Кубанской Рады и власти военного губернатора в Ставропольском крае позволят Деникину создать мощный плацдарм. Опираясь на него, штаб главнокомандующего мог разрабатывать предстоящие операции и при должной организации имеющихся в распоряжении Добровольческой армии людских и материальных ресурсов осуществлял продвижение на восток и север для дальнейшего освобождения России от большевиков. Борьба продолжалась. Добровольческая армия вела бесконечные, кровопролитные бои; боевой состав частей уже успел перемениться по многу раз. В вербовочные бюро приходили новые добровольцы, то и дело присоединялись все новые группы казаков, приезжали возвращающиеся из лазаретов военнослужащие, убывали на лечение другие. Восставшие казаки также стремились скорее влиться в ряды Добровольческой армии, о чем слали радиотелеграммы, как это сделали, например, терцы, направившие Деникину приветствие от имени «Казачье-крестьянского съезда» из Моздока от 16 сентября 1918 года, приветствовавшего Добровольческую армию «как носительницу идеи Единой, Великой, Неделимой и Свободной России», и обещание направить все силы на скорейшее вливание в ряды добровольцев. И все же армия Деникина несла ощутимые людские потери, поскольку 11-я армия большевиков, в столкновение с которой приходилось вступать доброволь-

цам на Северном Кавказе, являлась одной из самых многочисленных и поистине гигантских армий Гражданской войны. В Добровольческой армии появлялись новые имена: многообещающий командир бригады в 1-й конной дивизии барон П.Н. Врангель, прибывший к добровольцам 25 августа 1918 года; перед взятием Ставрополя в июле 1918-го к добровольцам примкнул А.Г. Шкуро, влившийся в армию Деникина командующим 1-м Кубанским полком в 1200 шашек, сравнительно успешно показал себя и В.З. Май-Маевский, командующий 3-й пехотной дивизией, хотя моральный облик последних резко отличался, например, от истинного «рыцаря» М.Г. Дроздовского. Шкуро были присущи все негативные свойства партизанского командира, с грабежами мирного населения и неразборчивостью в средствах для достижения поставленных задач, а Май-Маевский был впоследствии уволен Деникиным за развал тыла, кутежи и пьянство. По-прежнему в армии существовала кажущаяся неискоренимой нужда в пополнении боеприпасов и новом обмундировании. Тем не менее боевой дух армии оставался высоким. Генерал Деникин писал, что когда он посещал дивизии дроздовцев, Врангеля, Боровского и Казановича, а его посещения выпадали не только на дни побед, но и на время ощутимых поражений, он «*видел людей усталых, но бодрых и жизнерадостных. Они не жаловались на свою удручающую материальную обстановку и только просили «по возможности» патронов и пополнений. Им не нужны были пышные и возбуждающие слова приказов, речей, не нужны были обманчивые обещания социальных благ и несбыточных военно-политических комбинаций. Они знали, что путь их долог, тернист и кровав. Но большинство из них желали спасения Родины, верили крепко в конечную победу и с этой верой шли в бой и на смерть*»¹. А враг был по-прежнему силен и упорен. После соединения с 40-тысячной таманской армией красных 11-я армия многократно усилилась и вновь обрела боеспособность. Верхушка большевиков неожиданно сошлась в жестокой схватке за власть, где, с одной стороны, Сорокин пытался навести дисциплину и порядок в разросшейся армии, а Жлоба, имев-

ший поддержку Сталина и Ворошилова, стремился к отделению и создал «Стальную дивизию» в Св. Кресте (ныне Буденновск) для выполнения тех задач, которые присылались ему напрямую, из центра, в обход требованиям Сорокина соблюдать иерархию. За неподчинение Сорокин хотел расстрелять Дм. Жлобу, однако два бронепоезда, присланные красным командующим для захвата и ареста Жлобы, были вынуждены ретироваться под дулами пушек, выкаченных артиллеристами Жлобы, чтобы в случае необходимости бить по поездом прямой наводкой. Командир 40-й Таманской красной армии Матвеев также отказался выполнять приказы Сорокина, за что был арестован по приказанию красного командарма и расстрелян без суда. После того Сорокин приказал таманцам нанести предупредительный удар на Кубань силами в 15 тыс. человек, ударив в стык 1-й конной дивизии Врангеля и пехотных дивизий Дроздовского и Казановича. Первоначально красными был достигнут некоторый успех, позволивший им потеснить марковцев, однако в это же время части 1-й конной дивизии барона Врангеля отбили у красных несколько переправ по реке Уруп, перешла ее и устремилась в тылы таманцев. Удар конницы Врангеля оказался полной неожиданностью для красных, и большевистский фронт стал откатываться назад. 11-я Красная армия оказалась блокированной в районе Минеральных Вод. На совещании РВС и партийных представителей красных было принято решение покинуть Кубань. Было предложено три пути отступления — Владикавказ, Ставрополь или Астрахань. Сорокин, предчувствуя ловушку на ставропольском направлении отхода, пытался убедить товарищей двигаться на Владикавказ, однако возобладавшее мнение его противников о необходимости по возможности не отдаляться от Центральной России и поддерживать связь с 10-й и 12-й советскими армиями, решило судьбу отхода. Красные двинулись на Ставрополь, а Сорокина упрекнули в изоляционистских и диктаторских замашках. Перед тем как покинуть Пятигорск, где располагались все советские учреждения на Северном Кавказе, город был подвергнут беспощадному тер-

рору по отношению к «оппозиции при попытке контрреволюционного восстания или покушения на жизнь вождей пролетариата». По случаю смерти от ран красного командующего Северо-Западного фронта Ильина, ЧК показательно казнила 6 взятых в заложники людей. Казни продолжались и во взятом Ставрополе. Показательной казни ставропольской ЧК под руководством главного палача Атарбекова подверглись более сотни заложников, сразу же после того как Сорокиным были расстреляны неугодные ему члены ЦИК. Расстрел ЦИКовцев самими большевиками был приписан «агентам белых», и местная ЧК начала цепь бесконечных казней. Казням предшествовали предложения старым генералам встать во главе Кавказской Красной армии, на которые последовал решительный отказ.

В числе казненных были уже старые генералы Рузский (некогда принуждавший Государя отречься от престола), Чижевский, Радко-Дмитриев (известный своим смелым десантом, предпринятым против германцев в Прибалтике еще в 1916 г.), контр-адмирал Капнист, представители русской аристократии, имевшие несчастье задержаться на «водах». Как и в Пятигорске, в Ставрополе чекисты казнили тем же методом, отрубая своим жертвам головы шашками. Одновременно с этим шли аресты и расстрелы и в стане самих большевиков. Начиналось противостояние Сорокина и председателя крайкома партии Крайнего, готовившего смещение Сорокина, однако арестованного опередившим его конвоем Сорокина. Вместе с Крайним Сорокин отдал приказ арестовать шефа ЧК Рожанского и Председателя ЦИК Рубина, а также членов ЦИК Дунаевского, Минкова и Крайнего-младшего. Все они были незамедлительно расстреляны. Из материалов следствия деникинской Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков следует, что корень конфликта был следующим: *«По объяснению приближенных Сорокина, пойманных и заключенных в тюрьму, Сорокин — ярый юдофоб — «ненавидел евреев», возглавлявших кавказскую власть, «и решил на кровавую расправу, негодуя на постоянное вмешательство ЦИК в военное дело, что мешало*

военным операциям»². Этой участи избежали притихшие большевики С.М. Киров и Петренко. Сорокин продолжил расстрелы своей оппозиции в ЦИК. 23 октября 1918 года машина Красной армии медленно развернулась и двинулась в отступление на север, в сторону Ставрополя. Средств для обороны города у добровольцев не было: отряды городской самообороны и немногочисленные части генерала Боровского, успешно справлявшиеся с немногочисленными красными отрядами и бандами, не могли противостоять 100-тысячной сорокинской армии. В городе была объявлена эвакуация. 23 октября отряды 40-й Таманской армии первыми ворвались в Ставрополь. Одно из первых распоряжений красного командования в захваченном городе было произведение обысков в оставленных квартирах с разрешением обыскивающим взять из них все, что им пожелается. «Бралось все, и нужное и ненужное, начиная с икон, автомобилей, велосипедов, мебели, кроватей, тюфяков, одежды... В некоторых же домах грабители, не довольствуясь расхищением имущества, уничтожали то, что не успевали забрать с собою, — они рубили мебель, рвали материю, книги, бумаги и т.п., оставляя после себя вместо ценного имущества груды хлама и мусора»³. Начался повальный грабеж интендантских складов, складов имущества Союза Городов (Земгора), товарной станции. За грабежом последовала волна расправ над оставшимися в больницах города ранеными добровольцами, которых убивали прямо в палатах. Особенной жестокостью в ходе захвата города «прославилась» все та же Таманская дивизия (чей поход был воспет впоследствии в романе советского классика А. Серафимовича «Железный поток»). В руководстве Красной армии по-прежнему продолжался конфликт между Сорокиным и членами ЦИК и другими командирами. Путем различных ухищрений Сорокин был арестован и впоследствии убит во время допроса командиром 3-го Таманского полка Висленко.

В эйфории легкого захвата города таманцы не заметили, как в тыл им вышла 1-я казачья дивизия А.Г. Шкуро, поднимая за собой мятежи против красных в станицах Батал-

пашинского отдела и у Пятигорска и Кисловодска. С Кубани Деникиным на помощь Шкуро были направлены дивизия Дроздовского, 2-я пехотная дивизия генерала Боровского, 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского, наступавшая со стороны Минеральных Вод дивизия Казановича и 1-я конная кубанская дивизия барона Врангеля, наступавшая на Ставрополь со стороны села Татарка и станицы Сенгилеевской. Части добровольцев заняли станицу Невинномысскую к началу ноября, а затем начали теснить 11-ю армию на восток. Армия численностью в 30 тысяч человек оказалась в окружении, и добровольцы начали разгром красных. В ночь на 13 ноября часть красных все же смогла пробить брешь между дивизией Боровского и кавалерией Улагая. Эту неудачу Улагая современники оценивали как случайность, произошедшую по вине его помощников, командиров 1-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии войскового старшины С.Д. Говорущенко и командира бригады 2-й Кубанской дивизии малоталантливого генерал-майора А.П. Шапиринского. Сам Сергей Георгиевич Улагай характеризовался как *«единственный в своем стиле человек. Строг, справедлив, до беззаветности храбр, добр, с недюжинным военным талантом. Дивизия под его руководством, по существу, ни разу не терпела поражения...»*⁴. Вырвавшись от Улагая, горстка красных стала уходить на северо-восток от Ставрополя. 14 ноября 1918 года передовые части полковника Николая Гавриловича Бабиева вошли в Ставрополь. Сначала части под командой Бабиева захватили разграбленный большевиками вокзал и лишь к полудню следующего дня, поддержанные Самурским и 1-м Кубанским стрелковым полками, при поддержке бронеавтомобилей 1-й конной дивизии Врангеля, город был освобожден от большевиков. Прошла череда непрерывных уличных боев, в ходе которых красные части постепенно оставляли город. Добровольческая армия снова несла существенные потери. Дроздовский, как и всегда, лично вел свои части в контратаку, однако был тяжело ранен в ступню ноги возле Иоанно-Мартинского монастыря. *«Капитан Тер-Азарьев, снимавший вместе с другими офицерами*

*Дроздовского с коня, рассказывал, что рана не вызвала ни у кого тревоги: просто поцарапало пулей. Все так и думали, что Дроздовский вскоре вернется к командованию...»*⁵. *«Рана не вызвала ни у кого тревоги, — пишет современный исследователь, — но вскоре загноилась. Говорили, что заражение появилось после того, как его лечил врач, который вскоре скрылся... В Екатеринодаре Дроздовский перенес несколько операций, после которых ему стало хуже... 1 января 1919 года Михаил Гордеевич Дроздовский скончался в Ростовском госпитале от заражения крови»*⁶. В ходе боев за Ставрополь был убит и командир корниловцев, полковник Индейкин, сраженный пулей в висок. *«Люди гибли, — писал Деникин, — но оставались традиции, оставалась идея борьбы и непреклонная воля к её осуществлению...»*⁷

Начавшиеся затяжные осенние дожди остановили преследование красных, которое закончилось у станицы Петровская 1-й конной и 2-й Кубанской дивизиями, сведенными после своего соединения в конный корпус под начальством генерал-майора Врангеля. Части генералов Покровского и Шкуро остановили преследование бегущих красных у станиц Старо-Марьевской и Бешпагир. В боях на Ставрополье некогда огромная 11-я армия потеряла свои лучшие силы и никогда уже до самого конца войны не оправится от поражения.

Ко времени изгнания красных из Ставрополя штаб Деникина подготовил распоряжение о формировании Сводно-гвардейского полка. Гвардейцы, и в частности гвардейцы-кавалеристы, стали приезжать в Добровольческую армию с первых дней ее существования, направляемые сначала в Западный кавалерийский полк для сбора и начала формирования. Все прибывшие показали себя стойкими и превосходными воинами. В полк влились и офицеры гвардейской кавалерии, самых элитных кавалерийских частей Императорской армии, образовав при полку команду конных разведчиков под предводительством штабс-ротмистра Кирасирского Его Величества полка князя Игоря Михайловича

Черкасского. Основная часть гвардейской кавалерии — конногренадеры и лейб-гвардии уланы Его Величества оставались в Запасном кавалерийском полку полковника В. Гершельмана, а кавалергарды и конногвардейцы — при Черкесской конной дивизии. Команда конных разведчиков, первые задачи которой сводились к охране казенного и частновладельческих винных складов в дачном поселке Мысхалко, вскоре была развернута в эскадрон, командование которым с 24 октября 1918 года принял полковник Данилов. *«Наличие в Добровольческой армии офицеров полка: ротмистра Апрелева, штабс-ротмистров Гончаренко и Энгельгарта, перспективы, на которые указывал полковник Кутепов, — все это способствовало окончательному решению начать формирование гвардейского полка в Добровольческой армии, несмотря на те тяжелые условия, в которых она находилась...»*⁸. В начале ноября эскадрон пополнился гвардейскими офицерами, прибывшими из всех уголков России, и теми, кто перешел из Запасного кавалерийского полка Добровольческой армии. Так эскадрон пополнился штабс-ротмистрами Полянским, Поливановым, фон-Баумгартен-П, Дерюжинским, Похвисневым и Рубцом. Из Запасного полка в эскадрон пришли штабс-ротмистр Н.М. Гончаренко и Энгельгарт, прикомандирован лейб-драгун (?), прапорщик Литвинов П-й и полковник Апрелев. К гвардейцам начинают прибывать и первые добровольцы: вольноопределяющиеся, юнкера кавалерийских училищ, лейб-гвардии кирасиры, пробравшиеся на юг, трубач и даже писарь. По существу в Сводно-гвардейском полку правилу официальное формирование возрождающихся частей допускалось лишь при наличии 14 офицеров Конного полка. Утверждение эскадрона кирасир Ее Величества пришлось на 14 ноября, день рождения Августейшего шефа полка. *«В ответ на всеподданнейшее поздравление кирасир, посланное Ее Величеству (вдовствующей императрице Марии Федоровне — Авт.) к этому дню, полковнику Данилову была доставлена женщиной-добровольцем собственноручно написанная шефом телеграмма с благословением служения Родине...»*⁹. 15 ноября 1918 года эскадрон кон-

ных офицеров разведчиков, в составе Сводно-гвардейского полка, погрузившись в эшелон, направляется в Ставрополь, чтобы войти в состав дивизии генерала Казановича. Первый мобилизованный солдат-кирасир Даниил Бушнев появится в эскадроне лишь неделю спустя. Формирование гвардейского эскадрона проходило медленно и трудно: *«Жизнь проходит при крайне тяжелых материальных условиях. Жалованье — 250 руб. в месяц — ничтожно, да о нем пока нет и помину, личных же денег — нет ни у кого. Приходится жить буквально впроголодь. Вынужденное бездействие, вследствие невозможности при новороссийских условиях, успешно формироваться, всех тяготит. Но никто не теряет бодрости, и все с волнением ждут переезда в Таврию»*¹⁰. Пополнение, столь ожидаемое гвардейскими кавалеристами перед отправкой в Северную Таврию, было до смешного ничтожным и проходило довольно трудно. Штабу Добровольческой армии было не до гвардейцев, в иные времена своим былым щегольством раздражающе действовавших на армейских. Кроме того, в штабе Деникина пока не представляли, как наилучшим образом можно использовать гвардию в боевых операциях: *«Подсобрались лишь те офицеры, приезд коих был предreshен, и явились одиночные добровольцы. Вместо ожидаемого пополнения, Кирасиры Его Величества получили лишь 1 мобилизованного, ни одной лошади, ни одного седла, абсолютно ничего из обмундирования. Неблагоприятным, во всех отношениях, условиям формирования еще повредил совершенно ненужный вызов эскадрона конных разведчиков, состоявшего всего из нескольких, при этом еще и еле одетых офицеров, на фронт, в Ставрополь, где его ожидало к тому же полное бездействие...»*¹¹. Ни район, ни условия, с которыми пришлось столкнуться гвардейцам в Ставрополе, не способствовали успешному формированию: *«Все попытки достать оружие, седла и лошадей не увенчались успехом, и после краткого пребывания в Ставрополе команда была возвращена в Новороссийск, где и оставалась до отправки в Крым...»*¹². После возвращения из Ставрополя, на проходившем совещании старших офицеров Кавалергардского и Кирасирских Его и

Ее Величества полков под председательством полковника Данилова, была разработана дальнейшая линия формирования этих гвардейских подразделений; эскадрон конных разведчиков планировалось разбить на 4 взвода, каждый из которых явился бы фундаментальной базой для разворачивания прообраза соответствующего гвардейского полка при получении более существенного пополнения. Через две недели после прибытия в Северную Таврию, многие из гвардейских подразделений смогли выделиться в самостоятельные эскадроны, а со временем получили и эскадронную пулеметную команду, как, например Кирасиры Ее Величества, где пулеметной командой руководил штабс-ротмистр Н.М. Гончаренко, что позволило им принимать участие в экспедициях против многочисленных мелких банд, которыми кишела в то время Таврия, а с 1919 года и в полноценных боевых операциях. В Северной Таврии стала формироваться Крымско-Азовская армия во главе с генерал-лейтенантом А.А. Боровским, куда и вошел впоследствии Сводно-Кирасирский полк.

...Центральная большевистская власть не теряла надежду на уничтожение южного очага сопротивления, ведя обширное наступление на Воронежском и Царицынском направлениях. Шесть красных дивизий в количестве 12 тыс. человек перешли в наступление на Северный отряд генерала Адриана Константиновича Гусельщикова, численностью в 2400 штыков и сабель. Традиционной казачьей тактикой — быстрым отступлением, Северный отряд заманил наступавших в «мешок», после чего ударами с флангов разгромил красные дивизии. Одновременно с разгромом шести дивизий части генерал-майора Константина Константиновича Мамантова вышли на рубеж железной дороги Лихая — Царицын. Мамантов был назначен Крановым командующим войсками на Царицынском направлении. Царицын защищала 50-тысячная 10-я советская армия, созданная из различных частей 5-й Украинской армии, прибывшая в Царицын под руководством Ворошилова и «чрезвычайного комиссара» Сталина. Отсутствие практического, боевого опыта

не смогло заменить Сталину и Ворошилову даже численное превосходство перед немногочисленными частями Мамантова, и при первых же столкновениях, еще на дальних столкилометровых подступах к городу, вся конница красных под командованием Б. Думенко, Шевкопляса и Ковалева оказалась отрезана от остальных сил и окружена в районе села Котельникова. С каждым днем для Ворошилова и Сталина становилось все яснее, что город не готов к долгой обороне, и в качестве наказания по их приказу были расстреляны все военные специалисты штаба во главе с бывшим генералом Снесаревым, неоднократно ранее предлагавшим Ворошилову и Сталину один из наиболее приемлемых вариантов обороны. Суть предложений, отвергнутых Ворошиловым из-за долговременности их реализации, подразумевали строительство укрепленных районов, которые упирались бы флангами в Волгу, ходов сообщений, а также глубоких окопов для позиционной войны. Расстреляв Снесарева, Ворошилов и Сталин вернулись к предлагаемому им плану обороны, приказав «мобилизовать» городских «буржуев и нетрудовой элемент» на принудительное рытье окопов. Был издан и зачитан во всех полках приказ, запрещающий отход красноармейцев с позиций, за невыполнение которого полагался немедленный расстрел. Сталин распорядился отвести все действующие пароходы и отогнать лодки, чтобы не дать возможности оборонявшимся подумывать об отходе в случае явной победы белых. 16 октября части генерала Мамантова начали штурм города, задействовав имевшиеся в их распоряжении бронепоезда и бронев автомобили. Город обороняли бронепоезда красных и подвижные платформы с легкими орудиями и пулеметами, обложенными мешками с песком для защиты от пулевого обстрела. После первых боев наметился прорыв на южном фланге обороны красных, в районе поселка Гумрак, откуда Астраханским офицерским полком и калмыцкой сотней Тундудова была выбита 38-я большевистская дивизия, однако подошедшая с Северного Кавказа «стальная дивизия» Жлобы обрушилась на немногочисленных астраханцев и калмыков с тыла, разгромив их с пер-

вой же атаки. 38-я красная дивизия перешла в контратаку и добила остатки двух белых частей, расстреливая на поле боя оставшихся в живых офицеров. В тот же день Сталиным было приказано Жлобе соединиться с 38-й советской армией и влиться в боевые порядки 10-й армии. На следующий день штурм города на центральном участке, в районе прорыва железной дороги, продолжили свежие части генерала Мамантова, однако за ночь на предполагаемое место прорыва белых, по приказу красного командира Кулика, оборонявшимися была стянута вся имевшаяся в городе артиллерия. Утром более 100 орудий встретили атаку донской «молодой гвардии», polegшей на подступах к городу. Мамантов приказал начать отход, а еще спустя два дня 2-й кавалерийский полк «Стальной дивизии» Жлобы в 3 тыс. сабель ударил в южный фланг Мамантова, прорвав окружение, в котором до той поры находилась конница Думенко и Шевкопляса. Части Мамантова начали спешный отход от города... Спустя две недели Мамантов снова повторил свой поход на Царицын, мощным ударом опрокинув части красных у слободы Васильевки; в ответ красные контратаковали Мамантова ударными коммунистическими батальонами, однако не выдержали встречного боя и стали отходить и сдаваться в плен. В тот день мамантовцы пленили до 5 тыс. красноармейцев и командиров разгромленных большевистских полков. Про Мамантова говорили: *«Все у Мамантова «легкое» — и конь, и посадка в седле, и походный мундир. Природный кавалерист... При Мамантове ни адъютанта, ни начальника штаба, ни ординарцев. Никакой внешней помпы. Все это вместе взятое только украшало... донского героя, признанного таковым и красными»*¹³. Успех Мамантова был развит генералом Денисовым, направившим в образовавшуюся в обороне красных брешь дополнительные силы, позволившие белым продвинуться и занять город Бобров и узловую станцию Лиски. Половина Воронежской губернии снова оказалась под белыми, и Москва направила Троцкого для осуществления крупномасштабной операции против Мамантова и Денисова. Группировка красных, достигавшая 40 тыс. че-

ловек при 110 орудиях, обрушилась на Хоперский и Усть-Медведицкий донские округа и начала вторжение на Дон. Краснов распорядился отвести дополнительные части от Воронежа для защиты Дона, и огромными усилиями приток красных был приостановлен. Красные, под водительством Ф. Миронова, понесли ощутимый урон под станицей Усть-Медведицкой. К концу ноября красные части были снова выбиты с донской земли. Однако это не остановило попытки красного командования овладеть Доном. Из центра по распоряжению Троцкого слали все новые свежие дивизии, в то время как силы Донской армии были на исходе. Подкреплений было ждать неоткуда. К декабрю 1918 года в ВВД была объявлена всеобщая мобилизация мужчин в возрасте от 19 до 52 лет. Был также мобилизован весь гужевой транспорт, боеприпасы, продовольствие. Краснов надеялся, что ему удастся овладеть Царицыным и отвести постоянно существующую угрозу вторжения от Дона, однако казачьи войска менее всего были приспособлены для ведения затяжной позиционной войны, а кроме того, у Краснова не было осадной артиллерии и достаточных сил для нового похода на Царицын. Город выстоял ценой гибели 60 тысяч человек, что явилось поводом для перевода Сталина на другие участки фронта и снятия Ворошилова с поста командующего Красной армией, направив на борьбу «на внутреннем фронте» на Украину...

...В ноябре 1918 года эскадра держав Антанты вошла в Черное море. Первая высадка союзных держав произошла в Севастополе, где доселе располагалась морская база германских войск. Союзники стремились захватить корабли, стоявшие в гавани, и портовое имущество. Добровольческая армия направила кавалерийский полк, в составе которого были и гвардейцы под командованием В. Гершельмана, в Керчь и Севастополь, а также был командирован генерал А.А. Боровский для организации добровольческих отрядов, которые могли бы стать прообразом новой Крымско-Азовской Добровольческой армии, которая могла бы занять линию обороны от низовий Днепра до границы ВВД, сомкнув все бе-

лые силы на Юге в единый с союзниками фронт. Части А.А. Боровского выдвинулись в Северную Таврию. 13 ноября часть гвардейских кавалеристов, в том числе и кирасир, направляют в Ялту для вливания в Отряд охраны Лиц Императорской Фамилии.

23 ноября 1918 года корабли союзников появились и на внешнем рейде Новороссийска, а вскоре в штаб к Деникину пожаловала военная миссия, возглавляемая генералом Ф. Пулом. Пул заверил Деникина и чинов его штаба в предстоящей финансовой поддержке Добровольческой армии в той мере, которая позволила бы содержание 250-тысячной армии одновременно с высадкой союзных войск. Союзниками была снаряжена инспекционная поездка ряда офицеров союзников на Дон, к Краснову, отправившаяся на 2 миноносцах. Ради политических соображений Краснов был даже готов отказаться от получения военной помощи от Германии с тем, чтобы получить сходную возможность от союзников. Генерал Пул обещал снестись со своим правительством в Лондоне, чтобы ускорить отправку транспортов с оружием на Дон, однако его неоднократные телеграммы оставались без ответа. Оставшись без германских поставок оружия, ВВД оказалось в трудном положении, так как англичане не спешили начинать свои, а бои на фронтах не прекращались. 11-я красная армия насаждала на терских повстанцев, нанеся удар от Георгиевской в район станицы Прохладной. Соединенные силы двух красных армий 11-й и 12-й совместными усилиями пробивались к Моздоку и взяли его 23 ноября, заставив терских повстанцев уйти в горы Дагестана. Около 5 тыс. казаков прошли через Кабарду и влились в Добровольческую армию. На Ставрополье по-прежнему продолжались упорные бои. Особо ожесточенными выдались бои за села Петровское и Константиновское. К 28 ноября части красных, в том числе и еще действующая Таманская дивизия, были разбиты С.Г. Улагаетом, однако еще в декабре большевиками была предпринята попытка наступления на отряды генерала Станкевича на фронте, примыкающем к реке Маныч, и одновременно на корпус генерала

Казановича. Их попытки были отбиты. В это время в Царицыне вступивший в командование армией после отбытия Ворошилова Егоров провел реорганизацию сил и довел количество штыков в своей армии до 70 тысяч и создал кавалерийскую дивизию под командованием Думенко численностью в 4 тысячи штыков. Эти свежие силы навалились на едва держащих фронт казаков и создали угрожающую обстановку на донском фронте, увеличившемся до 600 километров после ухода германских вооруженных сил с Украины. Из Харькова существовала вероятность нападения петлюровцев, со стороны Таврии донским землям явно угрожали махновцы банды Зубкова, Иванько и даже застрявшие по пути назад эшелоны с германскими войсками. Ввиду явной угрозы отката фронта, Краснов обратился за помощью к Деникину. Главнокомандующий распорядился направить 3-ю дивизию генерала Май-Маевского в количестве двух с половиной тысяч человек. В середине декабря 1918 года 3-я дивизия Май-Маевского, с бронепоездами, бронеавтомобилями и авиационными отрядами, высадилась в Таганроге и заняла участок от Юзовки до Мариуполя, для прикрытия Каменноугольного района и обеспечения безопасности левого фланга Донской армии: «...Май-Маевский в течение двух месяцев со своими 2 ½, потом 4 ½ тысячами штыков, с огромным напряжением и упорством едва отбивался от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков...»¹⁴.

С появлением частей добровольцев на Украине, в районе Донбасса, все чаще возникал вопрос о единоначалии на Юге России. Незадолго до того Деникин направил части генерала Тимановского в Одессу, для помощи коменданту города полковнику Гришину-Алмазову.

26 ноября 1918 года состоялось обсуждение представителей Добровольческой армии с представителями Донского Круга и Кубанской Рады возможности установления единой власти, единого командования и единого представительства при военной миссии союзников. На проходившем совещании с участием генералов Драгомирова, Лукомского, Санникова, Романовского, Тихменева, Сазонова и Нератова их

vis-a-vis донские представители генералы М.А. Свечин, И.А. Поляков и Греков (бывший сотник — «Белый Дьявол»), уполномоченные Красновым вести переговоры, заняли непримиримую позицию в отношении Добровольческой армии, не признавая ее объединяющего значения для всех антибольшевистских сил на Юге России, и всячески отстаивая идею «независимого Дона». *«В ответ мы получали игнорирование участия армии, как государственно-правового фактора... и полный отказ от объединения командования...»*¹⁵, вспоминал впоследствии Деникин. Казалось бы, независимость Дона находилась в еще большей опасности со стороны наступавших большевиков, грозящих не только полной оккупацией донских земель, но и истреблением ее населения. Однако Краснов все еще находился под впечатлением возможности договориться с красными о нейтралитете; главенствующая роль Добровольческой армии не устраивала его по причине ослабления собственного значения и влияния в ВВД. Более того, ориентация Краснова на продолжение взаимоотношений с Германией невольно отталкивала его от возможного союза с Добровольческой армией как правопреемницей русской Императорской армии, которая де-юре продолжала войну с германскими войсками.

Деникин доложил союзникам о возникших разногласиях между Добровольческой армией и атаманом ВВД и попросил английского представителя генерала Пула выступить в качестве посредника на последующих переговорах с Донским атаманом: *«В начале декабря генерал Пул обратился ко мне со словами: — Считаете ли вы необходимым в интересах дела, чтобы мы свалили Краснова? Я ответил: — Нет. Я просил бы только повлиять на изменение отношений его к Добровольческой армии. — Хорошо, тогда будем разговаривать...»*¹⁶ Англичанин бодро взялся за дело, отправившись к Краснову 21 декабря 1918 года на станцию Кушевка, где сразу же между ними произошел инцидент: Краснов ждал, что Пул явится к нему как к главе суверенного государства, а Пул настаивал, что Краснов должен прибыть к нему не более чем в качестве представителя одной из союзнических с Антан-

той сторон. Когда атаману доложили об этом, он отказался и хотел тут же уведомить Пула о прекращении переговоров. Краснов заявил направленному к нему полковнику Кизу: *«Передайте генералу Пулу, что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция — он имеет все свое, и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично...»*¹⁷. Генерал Пул, предчувствуя осложнения, согласился прибыть к Краснову сам. В ходе переговоров он изложил точку зрения главы гражданского правительства при Добровольческой армии генерала Драгомирова относительно полного подчинения ВВД Деникину и, несмотря на энергичные протесты донского главнокомандующего генерала Денисова, помог привести обе стороны к согласию о вхождении Донской армии в подчинение Деникину на условиях автономной единицы, где приказы Главнокомандующего Добровольческой армией отдаются Донской армии через атамана и Донской штаб. 8 января 1919 года на станции Торговая, после долгих обсуждений генералы Драгомиров и Денисов пришли к соглашению о едином командовании, экономической и финансовой системах. Краснов и Деникин подписали соответствующие приказы. Деникин назначался Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

В то время, пока Добровольческая и Донская армии соединялись, центральное руководство большевиков поставило перед своими вооруженными силами задачу об уничтожении этих двух армий в течение зимней кампании 1918/1919 годов. После успешных для Красной армии боев на Урале и в Поволжье, на юг стали перебрасываться ускоренными темпами дивизии с Восточного фронта. С западного направления прибыла 13-я армия под командованием красного командира Кожевникова, а с северо-запада 8-я армия под командованием Гиттиса. С севера подходила 8-я армия Княгицкого, а с востока, со стороны Царицына, 10-я армия под командованием Егорова, целью которой было вклиниться в стык Донской и Добровольче-

ской армий, отрезав кубанские земли от Дона. Кроме того, Красная армия ввела в действие 150 тысячную таманскую армию, доукомплектованную свежими пополнениями из Астрахани и воодушевленную недавней победой над терскими повстанцами. Суровая зима и выдавшиеся морозы, эпидемии сильно ослабили оборону казаков, остававшихся несменными уже долгое время. Обещания союзников предоставить помощь не выполнялись, что позволяло делать сравнения с германцами не в их пользу. 30 января 1919 года Краснов в ужасе сообщал Деникину, что французский представитель, прибывший к нему от генерала Франше д'Эспере, некий капитан Фуке, заявил, что на помощь белым армиям, отчаянно бьющимся в Каменноугольном районе, французская сторона будет готова прислать одну дивизию из Севастополя, если атаман подпишет два соглашения. Первое из соглашений содержало требования о материальной компенсации с уплатой 5% годовых за те разрушенные промышленные предприятия с иностранным капиталом, акционерами которых являлись страны Антанты и которые находились на территории Донецкого бассейна. Кроме того, Донское правительство обязывалось произвести оплату стоимости восстановления предприятий и выплаты вознаграждения собственникам за вынужденный их простой. Во втором соглашении говорилось о подтверждении согласия Краснова о признании полной власти генерала Деникина по вопросам военного, политического и общего порядка. Деникин отвечал, что первое соглашение, представленное Краснову капитаном Фуке, являлось верхом цинизма в складывающейся ситуации. Относительно второго соглашения Деникин заверил Краснова, что приложит все усилия, чтобы оградить его от каких бы то ни было принуждений, тем более в столь директивной форме, и доложит французскому представителю о превышении полномочий чина его миссии. Незадолго до инцидента с французским представителем в Новочеркасск к Краснову приезжал представитель английской миссии генерал Пул для ознакомления с ситуацией на Дону. Осознав, что по-

ложение складывалось угрожающее, он пообещал направить одну английскую бригаду, которая должна была прибыть в Новочеркасск 26 января. Пул просил Краснова подготовить теплые вещи, примерно 2 тысячи шуб для бригады и отбыл в Лондон для доклада правительству о ситуации на Дону и на Юге в целом.

Приказ генерала, дошедший в Батум, был проигнорирован британским командованием, а сам Пул, по его прибытии в Великобританию, немедленно был отстранен от дел за излишние симпатии к русским союзникам. И даже обвинен в «недостаточном патриотизме», ибо хотел жертвовать жизнями английских солдат в интересах весьма неопределенных с точки зрения новой политики Лондона в отношении России.

Северный фронт на Дону рухнул под тяжестью натиска большевистских армий и в немалой степени из-за того, что казаки, уставши оборонять донские рубежи, стремились вернуться домой, уступая честь позиционной войны регулярным частям Вооруженных Сил Юга России. Так, уход всего трех казачьих полков с позиций образовал 40-километровую брешь в обороне Дона, куда незамедлительно вошла 9-я армия большевиков в составе девяти дивизий и продолжила свой путь по Дону походным порядком, без боев занимая станицу за станицей. Генерал Фицхелатуров был вынужден начать отступление, прикрывая от 8-й армии большевиков фланги со стороны Харькова, торопясь, чтобы красные не успели отрезать его войска от Дона. В это время Мамантов вывел свои части к главной линии обороны Царицына, овладев южным опорным пунктом поселком Сарептой. В ожидании дальнейших приказов из штаба Донской армии он задержался у стен Царицына, а когда пришли вести о падении Северного фронта и маловероятной поддержке его основными силами, Мамантов приказал отступить. Воспользовавшись замешательством Мамантова, кавалеристы Думенко совершили рейд по его тылам и ускорили его отход от города.

В декабре 1918 года началась война между Грузией и Арменией, отразившаяся на армянском населении Сочинского

района, занятого грузинскими войсками. Через своего представителя при штабе Деникина армяне попросили белогвардейцев о помощи, которую Деникин предоставил им в феврале 1919 года, направив из Туапсе в Сочи корпус генерала Бурневича. На подходе белогвардейцы стремительно атаковали грузинские войска в отсутствие их командующего, генерала Кониева, гулявшего на свадьбе сослуживца, и заняли Сочи. Узнав об этом, генерал Кониев приказал шоферу как можно быстрее возвести его на поле боя. Шофер быстро домчал генерала до места боевых действий, где уже находились деникинские части, прямиком в плен, а генерал Бурневич двинул свой корпус дальше и, заняв Гагры, остановился на рубеже реки Бзыбь, по границе Кутаисской губернии. Грузинское правительство направило 6 батальонов «народной гвардии» на защиту «страны», однако по пути грузинские батальоны были остановлены британскими формированиями, занявшими мост через реку Бзыбь. Британцы направили телеграмму в штаб Деникина, предлагая вывести войска из сочинского округа, однако в ответной телеграмме штаб Деникина отказал в удовлетворении британской просьбы. Сочи осталось за Россией.

Если на Дону красные одерживали победу за победой, то их положение на Ставрополье становилось все менее прочным. Две красные армии 11-я и 12-я образовали собой Каспийско-Кавказский фронт. Численность сил фронта доходила до 200 тыс. человек, и решающий удар намечался в станцию Невинномысскую, которую планировалось взять 4 января 1919 года. Разгадав замысел большевиков, Деникин повелел начать наступление на красные армии на несколько часов раньше, избрав для основного удара 3-ю Таманскую дивизию красных, численностью в 3 тысячи человек. 3-я Таманская состояла из мобилизованных красными ставропольских крестьян, не особенно обученных и неохотно воювавших против ВСЮР. При появлении первых признаков опасности, эти части старались перейти на сторону противника или просто сдаться, что ускорило прорыв большевистского фронта. В образовавшуюся брешь немедленно ворва-

лась конница генерала Врангеля, двинулась по тылам противника, взрывая на своем пути линии коммуникаций и железнодорожное полотно. Часть 3-й Таманской начала отступать на Св. Крест и Благодарное, преследуемая по пятам кавалеристами С.Г. Улагая. Большевики попытались выровнять положение и задержать Врангеля 1-й Ставропольской красной кавалерийской дивизией, но связь между штабами и дивизией уже была нарушена и эта попытка оказалась бесполезной. В штабе Каспийско-Кавказской армии уже начались разговоры, куда отходить. С. Орджоникидзе настаивал на отходе во Владикавказ. Командиры, понимая пагубность такого маневра, сулившего армиям оказаться прижатыми к горным массивам, возражали ему, а общий развал и дезорганизация большевистских сил продолжались. Врангелю удалось захватить железнодорожный переезд Св. Крест — Георгиевск, парализовав подвоз свежих сил, но это бы и не спасло положения: армия начала разваливаться на отдельные части и отряды, уходя, кто куда мог. В основном бежали за Маныч, на север, где впоследствии из 20 тыс. спасшихся человек красные образовали Особую красную армию, захватив район в Сальских степях возле села Ремонтного. Вытеснив красных из Св. Креста в степи, Улагай захватил значительные обозы с боеприпасами и продовольствием. Остававшиеся в Георгиевске большевики попали в кольцо из частей барона Врангеля и Дроздовской дивизии, и к 20 января 1919 года их остатки капитулировали перед превосходящими силами белых. На Пятигорск и Минеральные Воды походным маршем шли части Шкуро. 19 января 1919 года красные поспешно оставили Пятигорск, погрузившись на поезда, отходившие в распоряжение 12-й большевистской армии, дислоцированной во Владикавказе. Белыми было взято невероятно огромное количество пленных — около 30 тысяч человек. Те, кто сумел бежать, оставляли военную технику, бронеавтомобили и бронепоезда, отходя в сторону Астрахани. Конница генерала Покровского неотступно преследовала отступающих большевиков. В огромной степи при низких температурах и отсутствии какого бы то ни было при-

станции, бегущие от Покровского большевики становились легкой добычей отрядов калмыков, которые некогда были беспощадно истребляемы ими, как «нетрудовой элемент» и «буржуазные националисты», и казаками, шедшими за своими недавними мучителями по пятам. Бригаде красного командира Кочубея удалось оторваться от преследования, сохранив вооружение и боевой дух. В пути Кочубей зарубил комиссара бригады, объявив отступление изменой. Узнав про это, С.М. Киров приказал арестовать Кочубея, а бригаду разоружить и предать революционному трибуналу в зависимости от степени тяжести содеянного каждым из ее бойцов. Кочубей не стал дожидаться расстрела и бежал в степь, где был пойман казачьим разъездом, узнан и без лишних проволочек повешен. Белые соединения продолжили свое движение на Владикавказ, на пути к которому встречали незначительное сопротивление разрозненных и деморализованных отрядов красных, которые не могли ни замедлить продвижение белых, ни тем более остановить его. В ходе недельного боя Владикавказ был оставлен красными; разгромленные остатки 12-й армии разбежались по окрестностям. Орджоникидзе и его небольшой отряд бежали в Ингушетию; несколько полков под командой красного командира Гикало бежали в Дагестан, где соединились с повстанческими отрядами мусульман под командованием дагестанского имама Узун-Хаджи, объявившего белым джихад из-за того, что Деникин дал ясно понять всем представителям горских народов, населявших Северный Кавказ, что никаких самостоятельных автономий на территории России Белая армия не потерпит. Взамен из штаба Деникина в горные районы направлялись военные губернаторы и чиновники. Деникин считал, что разумнее было назначать губернатора или представителя гражданской администрации из проверенных «императорских» кадров, но местной национальности. Так была достигнута договоренность с другим дагестанским имамом Гоцинским, который стал воздерживаться от прямых столкновений с Белой армией, отведя свои отряды в район Петровска (ныне Махачкала). Активность деникинцев в рай-

оне нефтяных скважин Грозного и Махачкалы вызвала бурную активность англичан. Они высадились в район Петровска, намереваясь до прихода деникинцев охватить своим контролем всю территорию Чечни и Дагестана, однако Деникин опередил их, и 8 февраля 1919 года белогвардейские части вступили в Грозный и продвинулись до Дербента, охватывая все Каспийское побережье. Оставшиеся три дивизии из разбитой 11-й красной армии, окопавшиеся в Кизляре, попытались наступать на энергично продвигавшиеся белые части, однако были скоро рассеяны по горным районам несколькими атаками передовых белых полков. Белая армия растекалась по Северному Кавказу, постепенно восстанавливая привычные государственные институты власти и внося в жизнь мирных жителей определенность и спокойствие. Спустя неделю после неудачной попытки англичан охватить своим влиянием Дагестан и Чечню, союзное командование направило нового представителя Великобритании генерала Бриггса.

Бриггс был наделен еще меньшими полномочиями и проинструктирован таким образом, чтобы по любому вопросу он немедленно обращался к британскому экспедиционному корпусу в Константинополе, а о стратегически важных вещах докладывал прямо в Военное министерство в Лондоне. 19 февраля 1919 года в порту Новороссийска появился первый британский транспорт с оружием и обмундированием.

Начало 1919 года для Дона было не самым удачным: казачья армия, под воздействием климатических факторов, свирепствовавшей эпидемией тифа и находясь под воздействием большевистской пропаганды, погибала, а в отсутствие хорошего командующего (назначенный командовать Южной армией генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов, один из участников прессинга на царя по поводу отречения в марте 1917 года в памятном поезде на станции Дно, заболел тифом и умер) казачьи соединения быстро деморализовались и оставили фронт. Напрасно Краснов разъезжал по станциям с уговорами, обращенными к каза-

кам, вернуться на передовую и драться с большевиками. Действительность доказывала обратное: оружие, обещанное союзниками, не поступало, бригады англичан и французов так и не появились на донском фронте, но главное и более всего разочаровавшее казаков — Деникин не мог прислать достаточного количества войск не только для контрнаступления, но даже для обороны Дона. Казаки считали, что Деникин намеренно желает их гибели, памятуя недоразумения времен «Ледяного похода», и отказывались сопротивляться большевикам, переходя на сторону красных, как это случилось у Бахмута и Миллерово уже 12 февраля 1919 года, когда 4 казачьих полка перебежали к большевикам в полном составе. В районе станицы Каменской Краснов пытался срочно формировать боеспособные части, которые могли бы, ударив навстречу красным в районе Макеевки, остановить их быстрое проникновение на Дон, однако катастрофа на фронте неожиданно дополнилась политическим проигрышем самого Краснова. Войсковой казачий Круг потребовал отставки двух казачьих генералов, отличавшихся крайним честолюбием и метившим в «донские Бонапарты» — Полякова и Денисова. Краснов, выдвигавший некогда обоих генералов в командующие войсковыми частями, был крайне уязвлен и сообщил Кругу, что недоверие, выраженное его генералам, он относит и к себе лично, а следовательно, считает невозможным продолжать работу в должности атамана. Большинство голосов Круг принял отставку Краснова, передав полномочия временно исполнять обязанности атамана Африкану Петровичу Богаевскому, который, по мнению Круга, больше соответствовал этой роли в данный момент. В роли командующего Донской армией Кругу виделся генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов, человек *«высокой доблести, неподкупной честности, большой твердости и исключительного такта...»*¹⁸; в качестве начальника его штаба генерал Райский. Избранный донским атаманом А.П. Богаевский, в свою очередь, ходатайствовал перед Деникиным о назначении на должность командующего Донской армией генерал-майора Владимира Ильича Сидорина,

а начальником его штаба — генерал-лейтенанта Генштаба Анатолия Киприановича Кельчевского. Деникин, верный соглашениям между Донским правительством и Добровольческой армией в Торговой, согласился. Немногим позже, в марте 1920 года, генералом Врангелем оба генерала Донской армии были арестованы за «сочувствие казачьим сепаратистам», отрешены от должности и преданы суду под председательством генерала А.М. Драгомирова. Генерал Сидорин был уволен Врангелем из армии без права ношения мундира, что явилось альтернативой 4-м годам каторжных работ, к которым приговорил его суд. Ушедший в отставку Краснов направился навестить своего брата-ботаника в город Батум. Войсковое соединение, собранное в последние недели атаманства Краснова при активной поддержке генерала Денисова, успело нанести контрудар большевистским войскам, продвигавшимся по Дону даже без высылки охранений своих боевых порядков. Деникин распорядился, чтобы Шкуро выступил из Владикавказа на помощь казакам. 23 февраля 1919 года отряды Шкуро вступили в Новочеркасск, встреченные бурным ликованием местных жителей. В городе снова началась организация добровольческой сводно-партизанской дивизии, создание которой координировал сам генерал-майор Иммануил Федорович Семилетов. Первыми записавшимися в нее, как и прежде, стали студенты, юнкера и гимназисты старших классов. Семилетов руководил дивизией немногим более полугода; в конце 1919 г. он тяжело заболел тифом и скончался от этой болезни в самом конце года в Новочеркасске, незадолго до прихода большевиков. Большевики же стремились на Дон целенаправленно. Не для переговоров о нейтралитете и не для того, чтобы доказать преимущества советской власти «темному казачеству». В нем советская власть видела постоянно тлеющую угрозу своим южным рубежам. 24 января 1919 года Оргбюро ЦК одобрило циркуляр, проект которого был предложен Свердловым, о проведении массового террора против «богатых казаков», имеющий своей целью поголовное их истребление; кроме того, развязать террор против тех казаков, которые, по име-

ющимся у представителей советской власти на местах сведениям, принимают или принимали прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. Кроме того, предписывалось изымать сельскохозяйственную продукцию, излишки продовольствия и организовать в срочном порядке переселение «бедноты» из центральных российских губерний на земли казачества, то есть принять экстренные меры по размыванию и разобщению казачьей среды. Троцкий призывал командование Красной армии устроить казакам «черный Карфаген». Поскольку вступившие на Дон красные части фактически не применяли силу в силу открытости фронта, который казаки сами и бросили, РВС Южного фронта требовал от командиров применения массового террора на казачьих территориях. Статистику расстрелов и казней предполагалось возложить на комиссаров, которые должны были отчитываться перед членами РВС фронта о проделанной работе. В первые недели комиссары получили нарекание от И.Э. Якира, члена РВС 8-й красной армии об отсутствии статистики по применению насилия в отношении казаков. Комиссары требовали от командиров регулярных частей количественных показателей расстрелов «белоказиков»; командиры были обязаны проводить беседы с подчиненными и настаивать на показательных казнях. Красноармейцы и добровольные помощники большевиков в станицах не заставили себя долго упрашивать: начался грабеж населения, изъятие скота, лошадей, самозахват казачьих жилищ, расстрел офицеров, учащихся военно-учебных заведений, священнослужителей и классных чиновников по спискам. Дойдя до Северного Донца, части красных окопались на берегу реки, по которой на время стабилизировался фронт. На захваченной территории началось то, что с легкой руки Троцкого называлось «расказначивание».

Станицы обкладывались «контрибуцией», во главе станичной администрации ставились комиссары, чаще всего из немцев, австрийцев или евреев. Комиссары следили за своевременной уплатой «контрибуции», и если в трехдневный срок таковая не поступала, следовал расстрел уклонившихся.

ся. Расстрелу подлежали лица, служившие в начале века исправниками, полицейскими или служащими судов и исправительных учреждений. Расстреливали семьи ушедших с белыми казаков. Решение о расстрелах принималось так называемыми «революционными трибуналами», однако и без них убийц хватало: ими становилась учрежденная большевиками «милиция», карательные отряды, ЧК, а также комиссары станиц. Количество расстрелянных чрезвычайной комиссией за день порой достигало 80 человек. Расстреливали при помощи пулеметов, чтобы охватить как можно больше «врагов», так как в отчетах полковых комиссаров нужны были впечатляющие цифры отчетов в РВС фронта и далее в Оргбюро ЦК в Москве.

Так продолжалось четыре недели, а затем чаша терпения казачьего населения переполнилась и по Дону прокатилась волна восстаний. Казаки больше не желали сидеть и ждать трибунальной команды с пулеметами для очередного массового избиения народа. Большевики были прогнаны из пяти станиц; в самих станицах началось формирование казачьих сотен и назначения их командиров. За этим последовала организация конных разъездов для изучения положения на местности и связи с соседними станицами, а также вылавливания комиссаров, чекистов и членов карательных большевистских отрядов. Казачьи сходы приняли решение о мобилизации всех казаков от 16 до 70 лет; запылал в огне восстаний весь Верхне-Донской округ. Центром восстания стала станица Вешенская. Высылаемые карательные большевистские отряды беспощадно уничтожались, порой при отсутствии огнестрельного оружия, карателей просто рубили шашками и били кинжалами. Казаки направили своих делегатов в Новочеркасск, которые прибыли туда по Дону на лодках, пробравшись через большевистские заслоны. Однако ВСЮР, обремененные обстоятельствами падения Крыма и взятием красными Одессы, прорывами красных на флангах — у Царицына и Донбасса, едва ли могли оказать им действенную помощь людскими ресурсами. Единственное, что еще как-то могло облегчить борьбу казаков, — от-

сутствие у красных достаточных сил для подавления их восстания. Основные силы Красной армии по-прежнему были скованы войсками Вооруженных Сил Юга России. Впрочем, это давалось им немалой ценой. В марте 1919 года красные нанесли два концентрированных удара в Донбассе, силами 8-й и 13-й красных армий, разделяя части ВСЮР и казаков, а ударом 10-й армии из Царицына в направлении Тихорецкой, разделяя Кубань и Дон. Завязались тяжелейшие бои. Навстречу красным были переброшены части Шкуро, Дроздовский, Марковский и Корниловский полки. Командовать этой группировкой Деникиным был назначен барон П.Н. Врангель: «Обсудив вместе с начальником штаба (Романовским. — *Авт.*), остановились на генерале бароне Врангеле. Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии — это должно вызвать обиды. Но в последних, славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство маневра. Назначение барона Врангеля состоялось...»¹⁹ Командовать 1-м конным корпусом вместо Врангеля был назначен генерал Покровский. Начальником штаба у Врангеля был назначен генерал-лейтенант Генерального штаба Яков Давыдович Юзефович. Генерал Казанович, считавший назначение Врангеля несправедливым, подал Деникину рапорт о своей отставке. Главнокомандующий скрепя сердце принял отставку «первопоходника» и боевого товарища. Остальные генералы ВСЮР, поворчав, согласились с назначением. Тем временем силами 8-й и 13-й большевистских армий был нанесен удар в среднем течении Северного Донца. План удара разрабатывался М.Н. Тухачевским. При огромном численном перевесе большевикам не удалось смести устойчивую оборону белых частей, бившихся за каждую пядь земли. Ожесточение схватки было невероятным; командующий объединенными белыми частями барон Врангель за время руководства боями получил тяжелый нервный срыв и просил Деникина отпустить его в отпуск по болезни. Командование временно принял на себя генерал Юзефович. Временами белые части ухитрялись

наносить превосходящим силам красных ощутимые контрудары, дойдя до пригородов Луганска. Штаб 8-й красной армии был вынужден эвакуироваться в Миллерово. Красное командование объявило всеобщую мобилизацию шахтеров для защиты Луганска и остановки продвижения белых. Две дивизии 11-й армии отошли в Сальские степи, где в селе Ремонтное объявили себя Особой соединенной армией. Еще в феврале 1919 года, когда в низовьях волги произошла реорганизация красных войск, в Астрахани была вновь собрана 11-я армия, в которую влились остатки разбитых частей. 10-я большевистская армия перешла в наступление на Тихорецкую, по пути подчинив себе Особую соединенную армию и Каспийско-Степную группу Дм. Жлобы. 8 марта 1919 года 20-тысячная красная Ставропольская группа, состоявшая из кавалерийской и стрелковой дивизий, пошла на станцию Великокняжескую, обходя части генерала Мамантова с фланга и тыла, а на направлении Котельниково белых атаковали 4-я кавалерийская дивизия Буденного и 37-я пехотная. Казаки не выдержали удара, откатываясь за реку Маныч или просто уходя в степи, и вслед за Северным рухнул и Восточный фронт обороны Дона. ВСЮР предпринимал все попытки поддержки Донского фронта, вплоть до того, что в Екатеринодаре начали формировать офицерский отряд из офицеров тыловых служб. Отряду предполагалось придать несколько английских танков и отправить на стабилизацию фронта. Области, охваченные казачьими войсками, были окружены красными заградительными отрядами; попытки кого бы то ни было выйти или проникнуть в окруженные станции пресекались расстрелом на месте. В директиве РВС 8-й красной армии И.Э. Якир требовал полного уничтожения лиц, поднявших восстание, расстрела на месте всех, при ком было найдено хоть какое-то оружие и, в довершение, спускал план на 50%-ное уничтожении мужского населения восставших станиц. Для усиления красных войск на Дон прибывали все новые силы. С кораблей снимались флотские экипажи, в бой гнались резервные полки, прибывали латышские карательные соединения, формировались «комму-

нистические дружины» и направлялись «красные курсанты». Все перебрасываемые из Центральной России части, немедленно вводились в бой на разных участках, поочередно, и неизбежно все эти части терпели поражения. Главной проблемой повстанцев, организовавшихся в количестве 35 тысяч человек под командованием станичных офицеров, была нехватка боеприпасов. Производство патронов было поштучное, а выдавались они в расчете по 100 штук на одну дивизию. К апрелю 1919 года терпению ЦК в Москве приходит конец. Ленин требует от Сокольниковых скорейшего подавления восстания, сетуя на то, что сам процесс подавления непростительно затянулся. К восстанию в Верхнедонском округе присоединился еще и Хоперский. В начале мая 1919 года казакам удалось наладить авиасообщение с Новочеркасском. Восставшие просили А.П. Богаевского о немедленной помощи. На аэропланах из Новочеркасска восставшим пересылались патроны и по несколько трехдюймовых снарядов ежедневно. В мае 1919 года высшим командованием Красной армии была поставлена задача расчленить и уничтожить ВСЮР. Направлением главного удара был выбран Ростов-на-Дону, на котором должны были сойтись два удара красных войск. С востока планировался удар силами 10-й армии под командованием Егорова, располагавшейся в 80 километрах от города, а с запада — силами 2-й Украинской, 8-й и 13-й армиями. Руководить столь масштабной операцией на фронт прибыл лично Троцкий в собственном поезде, привезя с собой эшелоны бригад «красных курсантов». Тухачевский в Красной армии считался недурным стратегом, и его план выглядел на первый взгляд блестяще: основные силы 10-й армии, переправившись через реку Маныч, входили бы на захваченный ранее плацдарм. 4-я кавалерийская дивизия Буденного тем временем наносила бы белым удар на правом фланге и, захватив станицы Ольгинскую и Грабьевскую, шла бы по тылам обороны белых войск. Однако тактический гений поручика Тухачевского не мог еще в полной мере состязаться с таковым генерал-лейтенанта Деникина. Тот сосредоточил корпуса

С.Г. Улагая и Покровского. Дождавшись, когда красные переправились через Маныч, Деникин направил их вперед, чтобы те прорубались через большевистский фронт с тем, чтобы охватить 1-ю армию в кольцо. Как только части Егорова вошли в столкновение с противостоящими силами ВСЮР, с двух флангов кавалеристы Покровского и Улагая начали обходное движение. 4-я кавалерийская дивизия Буденного с удивлением обнаружила не плохо защищенные тылы белых, а атакующих казаков Покровского, смявших красных конников встречной атакой. Буденный распорядился об отходе. На другом фланге С.Г. Улагай атаковал дивизию Дм. Жлобы и продвинулся вглубь большевистской обороны. 32-я и 6-я дивизии красных оказались отрезанными от своих и обнаружили, что окружены со всех сторон. Большевикам пришлось с боями вырываться из кольца окружения, однако, выйдя из одного, они сразу же попадали во второе, получившееся за счет гулявших по красным тылам частей Улагая.

С большими потерями красные отступили в село Ремонтное, куда подошла и дивизия Буденного, прикрывавшая отход всех частей арьергардными боями. Собравшись с мыслями, Егоров и его штаб решили остановить белых у реки Сал и дать «генеральное сражение» у села Ремонтное. Конные части были объединены в сводный корпус под командованием Думенко, и 25 мая 1919 года Егоров направил все 12 собранных красными кавалерийских полков навстречу белой коннице, однако они были разбиты. Тяжелые ранения получили и сами Егоров и Думенко, два красных командира дивизии и сам комиссар дивизии. Конница Врангеля вновь погнала 10-ю красную армию, бросившуюся прочь на Царицын. В тыл красным ударила конница Мамантова. На западном фланге ВСЮР части Май-Маевского в количестве 9600 человек противостояли надвигавшимся махновцам, которые занимали Мариуполь, Волноваху, станцию Кутейниково, расположенную севернее Таганрога. 1-й корпус Кутепова, в который входили Марковский полк в составе 200 человек, Дроздовский в количестве 500 штыков, Корни-

ловский в количестве 400... В распоряжении Кутепова находился первый и единственный отряд английских танков, которые он ввел в бой 19 мая 1919 года, во время наступления его корпуса на стык махновцев с 13-й красной армией. Под станцией Гришино корпус Кутепова успешно разгромил 5 красных полков и пошел вдоль фронта 13-й красной армии, давя его единой, монолитной силой. 23 мая 1919 года в образовавшийся прорыв глубиной в 100 километров Май-Маевский немедленно направил корпус Шкуро. В трехдневных боях корпус Шкуро разгромил отступавшие части Махно. Преследуя разбитые части махновцев, белая конница устремилась к Днепру. В стане большевиков, как это водится, поднялась паника. Был оставлен Луганск. В 13-ю армию прибыл Троцкий, немедленно распорядившийся начать расстрелы командиров, виновных, по его мнению, в катастрофе: белыми были разбиты наголову Еврейский коммунистический полк, Воронежский, 2-й Интернациональный и Особый кавалерийский полк красных... *«Особенно озверели казаки, когда им пришлось столкнуться с батальонами еврейских коммунистов, шедших в бой с голубым национальным знаменем. Дрались эти батальоны очень плохо и трусливо, пытаясь сдаваться при первом же хорошем натиске. Казаки рубили их беспощадно. Однажды под Екатеринославом, каким-то чудом, батальон мобилизованных евреев был взят в плен живьем. Я отослал их в тыл в сопровождении собственного конвоя. — Рубить, рубить! — кричали казаки со всех сторон, но конвой все-таки доставил их благополучно к поезду»*²⁰.

Дойдя до Бахмута, корпус Кутепова получил в пополнение Алексеевский полк и начал развивать успех, двигаясь вдоль Северного Донца, продвигаясь на Славянск, Изюм и далее на Харьков. 6 мая 1919 года Ленин нетерпеливо телеграфировал в РВС Южного фронта, возмущаясь промедлением с расправой над казаками и, спрашивая, не нужно ли направить еще и дивизии чекистов для полного и окончательного подавления восстания. Троцкий дал распоряжение подготовить особый экспедиционный корпус, командовать которым было поручено некоему Хвесину. Корпус состоял из двух ди-

визий (по одной от 8-й и 9-й армий), а также 14 маршевых рот, подразделений, состоявших из красных курсантов, нескольких полков и флотских команд; в общей своей численности экспедиционный корпус достиг 40 тысяч человек. Началось наступление, однако уже на второй день был окружен Кронштадтский полк, напуганный трещотками казаков, имитирующими пулеметную стрельбу, потерял управление, был прижат к Дону и вырублен шашками. Артиллерия экспедиционного корпуса обрушила на позиции казаков десятки сотен снарядов; отвечать казакам было нечем. Они отходили, удерживая наседающую лаву красных на каждом возможном рубеже. К 25 мая Троцкий снова выпустил приказ, содержащий призыв к полному уничтожению станиц, которые могут оказать сопротивление на пути экспедиционного корпуса. При каждом крупном подразделении были учреждены команды факельщиков для поджога домов в занятых станицах. И.Э. Якир приказал расстреливать каждого второго из не успевших убежать из сопротивлявшихся станиц мужчин, стариков и детей. На непокорные станицы обычно обрушивался град снарядов, продовольствие отнималось, а домашние животные уничтожались. У станицы Вешенская день и ночь работала переправа, позволяя бегущим от красных карателей жителям перебираться на другой берег Дона. На низком берегу Дона казаки заняли свою последнюю линию обороны. Укреплялись, рыли траншеи, возводили спешным порядком блиндажи. Красные части вышли на правый берег Дона и начали обстрел лагеря беженцев, разнося ветхие временки непрерывным артиллерийским огнем. Окопавшиеся пулеметные расчеты красных открывали огонь по любой движущейся цели, которую могли заметить при дневном свете. От каждой казачьей сотни назначались 1—2 отменных стрелка, которых снабжали достаточным количеством патронов, чтобы прицельно бить по пулеметчикам и красным наблюдателям.

В эти непростые для судеб русских армий дни в Ставрополе 6 мая 1919 года состоялся Южно-Русский Церковный Собор, образовавший временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России, объединившее все находя-

щиеся вне советской власти епархии. Отдельно управлялись сначала епархии в Сибири и на Дальнем Востоке, не установившие связей со Ставрополем. *«Учреждение Высшего Церковного Управления и его постановления получили признание Патриарха Тихона и органов его управления и таким образом... стало вполне каноническим учреждением и по способу учреждения (Собором) и по призванию его Центральной Всероссийской Церковной Властью»*²¹.

Это сугубо церковное событие явилось значительным поддерживающим и воодушевляющим фактором для представителей Белого движения, придающим освященность всему Белому делу, вопреки распространявшейся большевиками версии о том, что Святейший Патриарх Тихон «не поддерживал Белого движения».

6 июня 1919 года раздраженный Ленин вновь пишет Сокольникову о необходимости скорейшего подавления восстания, но исправить что-либо красным было уже поздно: Донская армия в количестве 15 тыс. человек перешла в наступление. Корпус генерал-майора Исаака Федоровича Быкадорова форсировал Северный Донец, у станицы Екатеринославской в качестве отвлекающего маневра, а на следующий день 9-я конная дивизия генерал-лейтенанта Александра Степановича Секретева ударила в стык красных 8-й и 9-й армий, прорвала боевые порядки красной 12-й армии, разгромила ее тылы и пошла на соединение с восставшими казачками в Вешенской. Красные предприняли попытку разбить повстанцев и идущую им на помощь дивизию Секретева, стараясь переплыть Дон, но повстанцы успешно отбивали их попытки, а переправившихся красных убивали в рукопашных схватках. 13 июня 1919 года разъезды Секретева соединились с повстанцами, завершив таким образом 3-месячную блокаду казаков, которые, в свою очередь, в едином порыве воспрянули духом и, влившись в ряды Донской армии, погнали красный экспедиционный корпус. Красные уходили, теряя свой боевой порядок и взаимодействие между частями. Их отступление, как это часто бывало в те годы, приняло характер хаотичного бегства.

8-я и остатки 13-й красных армий оказались в полукольце между казаками и частями ВСЮР, продвигавшимися на Харьков. 9-я красная армия оказалась в «кольце», отрезанная от всех путей сообщения, зажата с одной стороны Донской армией и повстанцами, а с другой — частями Врангеля, вышедшими к Царицыну, и берегом Дона. Отступая, части Красной армии уничтожали арестованных и заложников, истребляя казаков целыми семьями. Тотальный террор поощрялся ЦК РКП(б), Лениным и Троцким. Генерал Шкуро замечал в своих записках о взаимоотношениях национальностей на Дону: *«Не только простонародье, но и интеллигенция были страшно настроены против евреев и положительно натравливали казаков против них. Постепенно у казаков выработался отрицательный взгляд на еврейство. Однако... нас встретили одинаково радушно как русское, так и еврейское население. Явившиеся ко мне депутации высказывали возмущение деятельностью своих единоплеменников большевиков. Уже ходили слухи о готовящихся еврейских погромах, и евреи просили защитить их. Было зарегистрировано несколько случаев, когда толпа водила казаков для отыскания мнимых складов оружия и наворованного имущества у евреев, причем не обошлось без насилий и отдельных случаев грабежей. Однажды в еврейском квартале начался погром. Толпа в несколько тысяч человек, в числе коих было десятка два казаков, разгромила несколько еврейских домов. При этом некоторые женщины были изнасилованы. Когда мне доложили об этом, я бросился туда со своей Волчьей сотней и прекратил безобразие. Арестованные при этом коноводы и крикуны были переданы мною полковому суду. Среди них оказалось шестеро одетых в казачью форму. Из числа этих шести казаков пятеро оказались не казаками, а обывателями, переодетыми в казачью форму для этого случая. Эти шестеро погромщиков были повешены по приговору суда на городском бульваре с надписью «За дезертирство и грабеж»*²². Откат красных армий принял обвальный характер. Деморализованные войска не задерживались долго на новых рубежах и продолжали бегство. С занятием станицы Усть-Медведицкой белыми положение характеризовалось красными как «катастрофическое». После

разгрома 9-й красной армии на Балашовском направлении, в образовавшиеся два прорыва вошла Донская армия под командованием Генштаба генерал-лейтенанта Владимира Ильича Сидорина, поведя наступление на север. За допущенное поражение Троцкий немедленно снял командующего Княгицкого и командира экспедиционного корпуса Хвесина. На его место был спешным порядком возвращен Миронов, который застал лишь 3 тысячи деморализованных бойцов из некогда сильного 15-тысячного корпуса. Миронов объявил мобилизацию в Усть-Медведице и Хоперском округах, призывая казаков не идти к белым, но после 3-х месяцев геноцида желающих служить у красных не находилось... 20 июня 1919 года А.И. Деникин, находясь в освобожденном Царицыне, издал «Московскую директиву». В стратегическом отношении директива подразумевала нанесение главного удара по сходящимся к центру направлениям — на Курс и Воронеж, прикрываясь к западу движением по Днепру к Десне. «Поход на Москву получил поддержку далеко не у всех лидеров ВСЮР. В числе противников похода был генерал барон Врангель и командующий Донской армией генерал-майор Владимир Ильич Сидорин. Отношение Сидорина к директиве объяснялось психологическим фактором колебавшегося донского и кубанского казачества о выходе за пределы казачьих областей. Он считал, что перед дальним походом необходимо создать устойчивую материальную базу на освобожденных территориях. Врангель считал необходимым нанесение главного удара через Урал и поход на соединение с армиями А.В. Колчака. В своих работах Врангель характеризовал «московскую директиву» «смертным приговором Вооруженным Силам Юга России». Тем не менее в официальной переписке, Врангель сообщал Деникину, что его армия *«почти не встречая сопротивления, идет к Москве...»*²³. Деникин в те дни отмечал, что *«...не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был оптимистом... Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги.»*²⁴

Директива Деникина предписывала свершение ряда действий пяти командующим генералам Врангелю, Сидорину, Май-Маевскому и Добровольскому, а также командованию Черноморского флота для обеспечения движения на Москву. Врангель должен был выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов и продолжить наступление на Пензу, Рузаевку и Арзамас, двигаясь далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву. Сидорину ставилась задача выйти на фронт Камышин — Балашов и развивать удар в направлении на Москву через Воронеж, Козлов, Рязань, Новый Оскол, Елец и Каширу. Май-Маевский должен был наступать на Москву в направлении Курска, Орла и Тулы. Для обеспечения с запада ему предстояло выдвинуться на линию Днепра и Десны, занять Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск. Добровольский должен был выйти на Днепр от Александровска до устья Днепра, имея дальнейшим в виду занятие Николаева и Херсона. Черноморский флот, по замыслу Главнокомандующего, должен был блокировать Одессу. Деникин замечал впрочем, что стратегия не допускает разброски сил и требует соразмерной им величины фронта. *«Мы же расходились на сотни верст временами преднамеренно, временами вынужденно...»*²⁵. В ходе выполнения директивы возникли трения между командующими генералами Врангелем и Сидориным, тянувшими 1-й Донской корпус каждый в своем направлении: Врангель командовал корпусом следовать в Камышин, а Сидоров отдавал приказ о переброске его к Балашову. Неожиданно Шкуро взял Екатеринослав, не предвидя того, что для обороны этого района потребуются значительные силы. В итоге, признавался Деникин, *«мы занимали огромные пространства, потому что, только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно сил»*²⁶. Отданная Деникиным директива связывалась еще и с ростом массового антибольшевистского сопротивления в прилегающих к фронтам районах и, как следствие этого, к росту числа добровольцев в ВСЮР: *«Мы понимали, что деремся за Россию, что деремся за саму*

душу нашего народа и что драться надо, — писал Туркул. — Мы уже тогда понимали, какими казнями, каким мучительством и душегубством обернется окайненный коммунизм для нашего обманутого народа. Мы точно уже тогда предвидели Соловки и архангельские лагеря для рабов, волжский голод, террор, разорение, колхозную каторгу, все бесчеловечные советские злодеяния над русским народом...».²⁷ Поход на Москву начался...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
2. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
3. Сборник «Красный Террор в годы Гражданской войны» / Под ред. д.и.н. Ю.Г. Фельштинского и д.и.н. Г.И. Чернавского. М.: Терра-Книжный клуб. 2004.
4. Фостиков М.А. Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
5. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
6. Руденко-Миних И.И. Дроздовский и дроздовцы: «Крестonosцы распятой Родины...» // Белая Россия, СПб-Москва. Посев. 2002.
7. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
8. Баумгартен фон А., Литвинов А. Кирасиры Ее Величества в гражданской войне // Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. М.: Центрполиграф. 2002.
9. Указ. соч.
10. Розеншельд-Паулин В. Кирасиры Его Величества. Участие в Белом Движении. Жизнь за рубежом. Париж. Издание объединения кирасир Его Величества. 1944.
11. Розеншельд-Паулин В. Кирасиры Его Величества. Участие в Белом Движении. Жизнь за рубежом. Париж. Издание объединения кирасир Его Величества. 1944.

12. Звегинцов В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. Париж. Издательство Е. Сияльской. 1938.
13. Елисеев Ф.И. С Хоперцами // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
14. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
15. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
16. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
17. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
18. Врангель П.Н., барон. Воспоминания, часть II. Франкфурт-на-Майне. Посев. 1969.
19. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
20. Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
21. Русская Православная Церковь за границей / Под редакцией графа Соллогуба. Нью-Йорк. 1968.
22. Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
23. Деникин А.И. Вооруженные силы на Юге России // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
24. Указ. соч.
25. Деникин А.И. Вооруженные силы на Юге России // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
26. Указ. соч.
27. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЕВЕР И ЗАПОЛЯРЬЕ В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИЗМОМ

После того как окончилась Великая война и открылась первая послевоенная навигация, в Архангельск, где в портовых складах накопились большие запасы стратегических грузов и материалов для снабжения действующей армии, были высажены союзные войска для их охраны и эвакуации, в случае необходимости.

Несмотря на то, что Архангельская губерния находилась под охраной сравнительно небольшой 20-тысячной белогвардейской Северной армии под командованием генерала Марушевского, британское правительство решило для обеспечения охраны материалов и грузов, направить британских добровольцев в помощь Северной белой администрации, возглавляемой генерал-лейтенантом Евгением Карловичем Миллером.

Другая причина, по которой требовалось усиление охраны военных грузов, была планируемая передача части имущества, скопившегося на архангельско-мурманских складах, на Восточный фронт Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Авторитет генерала Миллера на северных территориях был высок: его уважали в войсках Северной армии, был он популярен и у населения северных русских городов. Стараниями Миллера на оторванном от остальной России Севере был налажен розыск, регистрация и обеспечено надежное хранение запасов, оставленных во время Великой войны союзным командованием. Миллер много работал над созданием эффективной системы снабжения населения Архангельска, Мурманска и прилегающих губерний.

В обращение были выпущены так называемые «северные деньги», отпечатанные при помощи британских союзников в Великобритании и обеспеченные активами британских банков и, по сути, являвшиеся легко конвертируемыми: из расчета за 1 фунт стерлингов давали 40 северных рублей. Северные деньги охотно принимались международными подрядными организациями, готовыми предоставлять за них услуги и продукцию. 20-тысячная Северная армия генерала Марушевского была прекрасно обеспечена продовольствием, вооружением, поставленными британскими союзниками. Дневной рацион, состоявший из вариаций рыбы, оленины и дичи, испытывал лишь незначительный недостаток хлеба, выдача которого оставалась нормированной. Заработная плата рабочих и служащих была значительно выше, чем в иных регионах России, где усиливающаяся экономическая нестабильность порождала необратимые инфляционные процессы, а частые смены правительств и власти порождали противоречивые, порой исключаящие друг друга монетарные системы. В Северной армии денежное довольствие офицеров и солдат оставалось на довольно высоком уровне. Семьи военнослужащих получали существенное денежное пособие и могли претендовать на дополнительную материальную помощь администрации в случае потери трудоспособности кормильца. В Северном крае действовали судебные и законодательные ведомства, в основе своей деятельности руководствовавшиеся не Сводом законов Российской империи, а законами и подзаконными актами, изданными Временным правительством, отличавшимися сравнительным либерализмом в части наказаний за преступления, и в том числе воинские. Смертная казнь была применима только на фронте и только за тяжчайшие воинские преступления. Основной задачей, стоявшей перед Северной армией, было сдерживание наступления большевистских орд, рвавшихся установить советскую власть на всем Севере, а также обеспечение мира и порядка на подконтрольной ей территории. От большевиков были освобождены обширные районы на Печоре, Пинеге и Мезени, а также некоторые другие уезды

Вологодской области: большевики были изгнаны из Устьсы-
сольского, Холмогорского и Яренского уездов.

Для охраны речных и морских границ была создана флотилия под командованием Георгиевского кавалера, капитана 1-го ранга Георгия Ермолаевича Чаплина, ставшего с июля 1919 года командующим флотилии Северного Ледовитого океана, командующим флотом Белого моря и Двинской речной флотилии. Белый флот на Севере России пополнялся офицерами и гардемаринами Балтийского флота: «...В Архангельск стали стекаться через Мурманск, леса Карелии и другими путями в порядке личной инициативы офицеры всех родов оружия и прежде всего... офицеры ... флота... разогнанные Троцким: Морского корпуса, Отдельных гардемаринских классов и Морского инженерного корпуса, чтобы принять активное участие в свержении советской власти в Северной области»¹.

Большевицкое правление в занятых на русском Севере областях и уездах, мало чем отличалось от такового в других географических широтах. Так, например, в 1919 году на железнодорожной ветке Вологда — Череповец ежедневно курсировал некий большевицкий поезд «особого назначения»: «...Карательный отряд преимущественно состоял из латышей и матросов. «Поезд» останавливался на какой-нибудь станции и по своему усмотрению или доносу начинал производить обыски, реквизиции, аресты и расстрелы»². Террор на Севере усилился многократно больше сразу после отбытия войск генерала Миллера и беженцев, когда для разбора с виновными в связях с «миллеровщиной» был направлен уполномоченный Особого отдела ВЧК Кедров. Он руководил массовыми расстрелами и отправкой в архангелогородские концентрационные лагеря «за активные контрреволюционные действия в период чайковщины и миллеровщины» тысяч человек с такой интенсивностью, что в 1920 году зарубежная эмигрантская пресса, на основе репортажей своих корреспондентов из России, называла Архангельск «городом мертвых»: «Вот сцена, зафиксированная «Волей России», из расправ Кедрова на севере: в Архангельске Кедров, собрав 1200 офицеров, сажает их на баржу вблизи Холмогор и затем по ним

открывает огонь из пулеметов — «до 600 перебито!». — Вы не верите? Вам кажется это невероятным, циничным и бессмысленным? Но такая судьба была довольно обычна для тех, кого отправляли в Холмогорский концентрационный лагерь»³. Но все это начнется потом, а пока ведущее сравнимо обеспеченный образ жизни, население Севера России, жаждая демократического плюрализма, позволяло себе пестовать легальную левую оппозицию, состоявшую из эсеров, возглавляемую ни много ни мало Председателем земской управы П.П. Скомороховым, деятельность которой была направлена на разжигание пораженческих настроений на фронте, агитацию против существующего режима и за установление мирного диалога с большевиками. Местная печать, как водится, стонала под «бременем цензуры», о чем ежедневно сетовала в своих публикациях. Так, например, в духе своих либеральных воззрений, эсеровская газета «Возрождение Севера» высказывалась о Верховном правителе Колчаке: «...теперь всякий проходимец пытается захватить власть путем обещания доставить голодному народу хлеб».

Эсеры настаивали на «реконструкции власти», недовольные отсутствием «демократических свобод», и требовали у военной администрации амнистии заключенных, арестованных за «большевизм». Либеральное Северное правительство на этой волне начало кампанию по «персональному» пересмотру дел осужденных большевиков, отпуская одного за другим на свободу. Рабочие профсоюзы, видимо, за неимением других проблем, организовали массовую забастовку в Архангельске, выступая за немедленную отмену смертной казни и... окончание Гражданской войны. Рабочие отказались участвовать в погрузке снарядов на баржи, предназначенные для Северной армии, начавшей в этот день наступление на противника. Либеральная печать убеждала северян в том, что слухи о зверствах большевиков невероятно преувеличены, что пребывание британских охранных подразделений в портах Мурманска и Архангельска есть не что иное, как вмешательство международного империализма во внутренние русские дела. Профсоюзы призвали рабочих к созданию Стаечного коми-

тета и проведению повсеместных актов гражданского неповиновения. Обыватели, незнакомые с ужасами большевизма, искренне полагали, что живут в условиях жесточайшей военной диктатуры и лишены широких гражданских свобод и прав. Подобные настроения проникали и в действующую армию, созданную за счет мобилизационных усилий в северных уездах и укомплектования частей пленными красноармейцами. С армией Марушевского взаимодействовали и белые партизаны — крестьяне прифронтовых земель, объединявшиеся в отряды для отражения набегов большевиков и защищавшие свои поселения и земельные наделы.

Волна бунтов в армии прокатилась по нескольким Северным полкам, расположенным в Двинском укрепленном районе и на Онеге. Подстрекаемые большевистскими агитаторами, солдаты расстреляли несколько офицеров и перебежали через линию фронта к большевистским частям под командованием Уборевича.

Обеспокоенные союзники приняли решение усилить военное присутствие, и в Архангельск прибыл отряд «австралийских охотников», добровольно участвовавший в боевых действиях рука об руку с русскими солдатами Северной армии против большевистских частей на фронте. Командир австралийского добровольческого отряда за проявленную храбрость на полях сражений был награжден русским командованием Георгиевским оружием. Глава британской военной миссии генерал Айронсайд был воодушевлен успехами добровольческого отряда и, испросив разрешения генерала Миллера, совершил поездку по нескольким тюрьмам в сопровождении военного прокурора, для выявления добровольцев, раскаявшихся в своих политических заблуждениях и желавших идти на фронт. Таковых набралось на целый батальон, который был назван в честь погибшего на Севере британского капитана Дайвера. Мало разбиравшийся в тонкостях русских национальных политических предпочтений заключенных и привыкший верить на слово, Айронсайд был воодушевлен единым порывом раскаявшихся большевиков. Генерал распорядился о выдаче британского обмундирова-

ния добровольцам (на фуражки британского образца крепились русские кокарды), вооружить их, выдать британский паек и прикомандировал в батальон несколько британских и русских офицеров.

В июле 1919 года, выбрав удобный день, батальон амнистированных большевиков взбунтовался. Британские и русские офицеры были арестованы и немедленно расстреляны. Большевики попытались перебежать через линию фронта, навстречу частям Уборевича, но были окружены верными своему долгу солдатами 3-го Северного полка. Не вступая в перестрелку, часть из окруженных мятежников сдалась на милость победителей, нескольким большевикам, в том числе бывшему уездному комиссару, зачисленному в батальон знаменосцем, удалось бежать. Британское командование приказало расстрелять пойманных мятежников без суда и следствия, поздно осознав свою ошибку. Генерал Айронсайд тяжело переживал свою неразборчивость в местных людях и нравах. Инцидент с батальоном Дайвера стал достоянием британской прессы, а впоследствии был озвучен на парламентских слушаниях в Лондоне. Британская общественность призывала Министерство Войны (War Ministry) вывести британский экспедиционный корпус на родину. Аргументы в пользу вывода войск поддерживались и недавними неудачами Колчака, вынужденного откатываться вглубь Сибири, что делало поставку хранившихся на северных складах материалов и вооружения на Восточный фронт невозможным. Главнокомандующий генерал Марушевский не мог противиться настроениям, витавшим в британской миссии. Перспективы военных успехов, которые могли бы задержать британцев на русском Севере, не просматривались, о чем тот честно сообщал союзникам, а в довершении всего, считая себя повинным в ослаблении дисциплины в войсках и, как следствие того, прокатившейся волне мятежей, подал рапорт об оставлении армии. Это было последней каплей, перевесившей на британских политических весах чашу за отвод экспедиционных войск. Главнокомандование войсками принял на себя Евгений Карлович Миллер. В июле 1919 года,

для организации британской эвакуации, в Архангельск прибыл фельдмаршал Роулинсон. С ним прибыли ударные части шотландских стрелков, большое количество военных и гражданских транспортов. С его прибытием было осуществлено последнее совместное русско-британское наступление против большевиков, известное более как Двинская наступательная операция. Был нанесен внезапный удар по частям Уборевича, в ходе которого взят в плен большевистский полк вместе со штабом. В начавшихся переговорах Роулинсона с Миллером фельдмаршал предлагал ему переброску Северной армии силами британского флота на любой иной фронт — на Северо-Запад, к Юденичу и Родзянко, или на Юг, в расположение Деникина. Миллер запросил телеграммой Верховного правителя относительно его мнения, на что Колчак отвечал ему разрешением действовать на собственное усмотрение. Фельдмаршал Роулинсон предложил новому Главнокомандующему эвакуацию 10 тыс. беженцев, на условиях, что ими будут лишь те лица, кто подвергает себя смертельной угрозе при вступлении на Север большевиков.

12 августа 1919 года Миллер созвал совещание командиров полков и отрядов для обсуждения складывающейся ситуации. Были рассмотрены все доводы за и против эвакуации, и совещавшиеся пришли к общему согласию о том, что с концом навигации, пути к возможному отступлению из северных портов будут отрезаны из-за замерзающего Белого моря. Самостоятельно выйти в море, используя тоннаж имеющегося русского флота, также не представлялось возможным: сказывалось отсутствие угля. Все эти доводы говорили в пользу эвакуации с помощью союзников. В довершение, и более всего, ни один из командиров полка не мог поручиться за находившихся в его подчинении солдат, пораженных разлагающей большевистской пропагандой, почти уверенные в том, что в любой момент может начаться новый мятеж или какая-нибудь часть откроет противнику фронт. Штаб Миллера все же настаивал на том, чтобы остаться. Успех прошедшей Двинской операции вселял некоторую надежду, что большевики не осмелятся предпринимать новых

наступательных операций, пережив недавнее сокрушительное поражение. Часть чинов штаба высказала свои соображения о том, что оставление северных территорий с населением, не ведавшим в полной мере последствия воцарения большевизма, станет крайне негуманным актом по отношению к не ведающим, что творят, обывателям.

Как следствие этого, совещание приняло резолюцию отказаться от предложения британцев и защищать русский Север всеми имеющимися силами и средствами. Решение это принималось и в надежде на то, что «московская директива» Деникина на юге, готовящийся удар на Петроград Юденича и перегруппировка колчаковских войск для контрудара под Челябинском еще получают свое положительное развитие и бросить северный участок кольца, сдерживающего рвущуюся из центральных губерний гидру большевизма будет очень некстати. О решении было доведено до сведения Роулинсона и его штаба. Британцы пытались уговаривать Миллера пересмотреть пагубное для него и армии решение, но Главнокомандующий сообщил союзникам, что готовится новое наступление на фронте и он не видит причины оставлять армию и население в тылу в преддверье возможного перелома в позиционной войне с большевизмом.

1 сентября 1919 года Северная армия повела планируемое наступление на большевиков, отбив г. Онегу и взяв в плен свыше 7 тысяч пленных красноармейцев. Отчасти этот успех был предрешен отсутствием у большевиков опасений за свой Северный фронт, откуда накануне были сняты и переброшены войска под Петроград, отчасти тем, что северный участок фронта, по мнению большевистских стратегов, не угрожал пока жизненно их важным районам. Для Северного фронта большевиками была лишь усилена пропагандистская работа, направленная на создание у противника пораженческих настроений и комплекса собственной незначительности, а в феврале 1920-го, когда у красного командования появились необходимые для этого силы, было принято решение покончить с Северным фронтом Миллера. Словно предчувствуя это, штаб Миллера начал разработку планов отхода сил на Мурманск.

Слухи о готовящемся отъезде британских сил по-разному отозвались в русском обществе, усилив антиправительственную агитацию всех левых сил и породив череду нападок на работу правительства Миллера. В ответ Главнокомандующий предпринял энергичные меры по высылке неблагонадежных элементов. Арестовал и выслал на Печору пресловутый Стаечный комитет, подверг высылке на остров в акватории Баренцева моря до полутора тысяч осужденных за административные и уголовные правонарушения. Вместо уходящих британских охранных отрядов было создано земское ополчение численностью в 2 тысячи человек для несения охранной службы.

Британская миссия помещала объявления об отходе каждого своего транспорта с приглашением всех желающих к отъезду, однако число отъезжающих было по-прежнему незначительным. Отбывали те, кому позволяло материальное положение, или те, кто имел хорошие родственные связи в Прибалтике или на Западе. Большая часть населения оставалась на месте, чаще всего из-за отсутствия достаточных средств или той неизвестности, которая ждала русских за границей.

Отбывающие британцы неожиданно для русских соратников начали уничтожение боевой техники. Сжигались немногочисленные аэропланы, склады с обмундированием и продовольствием. Подрывались броневые автомобили и выводились из строя орудия. На запрос штаба Миллера британское командование отвечало, что предпринимает означенные меры для предотвращения попадания материальных ценностей в руки большевиков, чей приход в Архангельск теперь лишь вопрос времени. На предложение передать подготовленные к уничтожению активы в Северную армию британское командование отвечало, что в свое время уже передало такое генералу Марушевскому в необходимых количествах.

В ночь на 27 сентября 1919 года из порта в Архангельске ушли последние британские транспорты. В городе, на случай ожидавшихся беспорядков, было введено осадное положение. Однако все оставалось внешне спокойным, и к середине октября 1919 года осадное положение было отменено.

Новый 1920 год принес надежды на упорядочение государственной жизни путем созыва губернского Земского собрания, призванного заменить военное правительство Миллера.

3 февраля 1920 года, после многочисленных нападков на Северное правительство, едва не окончившихся его полной отставкой, было наконец открыто Земское Собрание, принявшее неожиданную резолюцию о «контрреволюционности» правительства Миллера, требующую его немедленной отставки. Земское собрание, в котором верховодили левые и либералы, собиралось даже провести манифестацию, направив ее к Миллеру для ультимативного требования его отставки. Человек военный, Евгений Карлович поднял по тревоге комендантскую роту, переполошившую Земское собрание, отделавшееся посылкой к Миллеру двух делегатов с декларацией о деятельности собрания.

В ту же ночь на Двинском направлении большевистские войска перешли в наступление после массивного многочасового артиллерийского огня. 41-Северный полк и партизанский Шенкурский были вынуждены отступать под напором превосходящих сил противника, брошенных на прорыв фронта.

4 февраля 1920 года Миллер выступил в Земском собрании, объяснив делегатам пагубность их антиправительственной деятельности в условиях внезапно изменившейся обстановки на фронте. Пораженные услышанными от Главнокомандующего новостями с фронта, либералы тотчас же приняли воззвание к войскам продолжать борьбу с большевизмом до полной победы.

На фронте продолжала складываться угрожающая для Северной армии обстановка, говорящая о намерении большевиков покончить с этим фронтом во что бы то ни стало. Атаки не прекращались по всему фронту, сдерживаемые героическим сопротивлением белых партизан шенкуровцев и тарасовцев, бившихся к тому же и за родные деревни, что подогревало их решимость. Неожиданно был раскрыт заговор матросов, снятых с военных транспортов для участия в сухопутных операциях, имевший своей целью открытие фронта

большевикам. 8 февраля, не дожидаясь арестов всех сообщников, заговорщики подняли в тылу Северной армии восстание, которое было подавлено массивным артиллерийским огнем батарей. В этот момент большевики предприняли еще одну массированную атаку, пытаясь охватить батареи с флангов и подавить обстрел, что при перевесе в силах им и удалось. Белые артиллеристы были вынуждены отойти. Путем непрерывных атак большевикам удалось наконец прорвать фронт, о чем стало известно Земскому собранию, выславшему своих делегатов к большевикам и предлагавшему им мирные переговоры на условиях выдачи всех офицеров и «виновников гражданской войны», в обмен на условия оставления на северных территориях земли в руках крестьян, как это было при миллеровской администрации. В тылу либералы Земского собрания стали распространять слухи о том, что сам Миллер уже бежал из Архангельска и что пора начать серьезные переговоры с большевиками для установления мира и порядка.

Прорыв фронта ликвидировать не удавалось. Регулярные части, направляемые генералом Миллером для затыкания образовавшейся брешии, под воздействием пораженческой пропаганды разбегались, не доезжая до передовой. Силы оборонявшихся белопартизанских соединений и верных правительству войск таяли под непрерывными атаками красных. В Архангельске тем не менее мерами, предпринятыми Миллером, обстановка оставалась спокойной, на улицах царил образцовый порядок довоенного образца. Эвакуация не объявлялась. Штаб Миллера считал, что даже в случае продолжения неудач на фронте, какое-то время он еще будет существовать, если вообще не стабилизируется, и тогда можно будет неторопливо подумать о дальнейших шагах. Тем не менее Миллером был отдан приказ чинам оперативного отдела штаба и контрразведки в походном порядке выступить на Мурманск. Построившись в колонну, те по глубокому снегу выступили из города, успев в первый день похода пройти лишь 15 километров.

К 18 февраля 1920 года Северный фронт постепенно рухнул. Войска начали бросать свои позиции по всему фронту.

Часть войск предполагала отойти пешими порядками в сторону Мурманска, но основная масса войск бежала, предоставляя большевикам быстро продвигаться по всему фронту. Но пока что молниеносного броска на Архангельск большевикам не удалось предпринять из-за условий бездорожья и из-за оторванности передовых отрядов от их штабов, а также пагубной привычки к митингам, организованным ими на всем протяжении фронта, и «братанием» с солдатами Северной армии, сопровождавшимся многочасовыми монологами ораторов и «заслушиванием уполномоченных».

На счастье архангелогородцев, в порту оказалось три маневренных ледокола, два из которых — «Сусанин» и «Канада» — заправлялись углем в 50 верстах от города на особой пристани, а третий, под названием «Минин» — в самом архангельском порту, прибыв туда с полпути в Мурманск, отозванный радиোগраммой. После объявленной Миллером эвакуации, именно на «Минин» стали направлять эвакуирующихся раненых и больных из городских лазаретов, а также направлять стихийно возникших беженцев. Для обеспечения безопасности плавания, на борт «Минина» поднялась команда вооруженных офицеров флота из-за сведений о ненадежности команды ледокола, заняв ключевые посты у рубки, в котельной и у угольных отсеков. Было решено, что из-за недостатка мест на самом ледоколе к нему будет привязана яхта «Ярославна», которую тот должен вести на буксире.

На яхту были погружены: военное и гражданское ведомство, оставшиеся раненые из лазаретов, команда датских добровольцев, прибывших сражаться с большевиками, члены семей чинов Северной армии, отдельные небольшие смешанные офицерские и солдатские отряды, сохранившие верность правительству Миллера.

Сам Главнокомандующий пытался отправиться на фронт, чтобы призвать войска к порядку, однако офицеры его штаба смогли убедить Евгения Карловича не делать этого, убеждая его, что фронта как такового больше не существовало. Погрузка на два транспорта продолжалась всю ночь. Отбывая, Миллер передал власть некоему Рабочему исполкому для избежания

мстительных расстрелов большевиками мирных жителей, как бы добровольно передавая управление этому почти советскому органу власти. Для снятия возможной паники, Миллер приказал держать в неведении гарнизон Мурманска о падении фронта, а председатель Земского собрания П.П. Скоморохов, во время проходившей эвакуации, направил предложение в Мурманск чинам Северной армии сложить оружие, ибо Архангельск уже пал под ударами большевиков.

В городе вовсю шли митинги, и толпы разнузданных матросов с красными знаменами по обыкновению, митинговали, посылая проклятия свергнутому режиму. Поднялся красный флаг и на стоявшем в порту броненосце «Чесма», обстрел эвакуировавшихся которым не произошел лишь по случайной случайности неподвоза на него вовремя снарядов.

Завершив погрузку, ледокол, взявший на буксир переполненную «Ярославну», двинулись в море, проходя вдоль устья Двины, с берегов которого по судам стреляли отдельные «революционные» матросы и поднятая со дна революционная чернь, разжившаяся оружием с разграбленных складов. Выстрелами были ранены некоторые беженцы. С «Ярославны» по ним дали два орудийных залпа, разогнавших революционную толпу прочь. Путь «Минина» лежал к удаленной пристани «Экономия», где планировалось заправиться углем ввиду предстоящего долгого похода, но подойдя ближе, стало ясно, что на двух оставшихся ледоколах уже развиваются красные флаги, вывешенные командами по причине незнания обстановки на фронте, «на всякий случай». Команды ледоколов, как и положено, митинговали, а офицеры с «Канады» и «Сусанина», увидев третий ледокол, перебежали к нему по сковавшему море льду. «Минин» развернулся для выхода в Белое море и взял курс на Мурманск, однако очень скоро выяснилось, что движение сквозь застывшие ледяные поля затрудняется из-за буксирования яхты «Ярославна». С нее были сняты запасы угля, трехдюймовое орудие и запасы продовольствия, а также все находившиеся на ней люди и переведены на сам ледокол, вместивший в 10 раз больше пассажиров, чем предусматривалось по его параметрам.

20 февраля 1920 года двинувшийся в путь ледокол «Минин», заметил стоявшие ледоколы «Таймыр», «Русанов» и «Сибиряков», вышедшие из Мурманска и застрявшие во льдах на полпути к Архангельску. Из переговоров с капитанами этих судов стало ясно, что уверенности в их командах нет никакой, и с них были сняты и переведены на «Минин» все офицеры и чиновники гражданских ведомств во избежание конфликтов. С «Сибирякова» на «Минин» были перегружены остатки угля. 21 февраля, во время продолжающейся погрузки угля, на горизонте показалась погоня, организованная по инициативе Архангелогородского Совета рабочих и крестьянских депутатов, устремившаяся за «Минин» на ледоколе «Канада», на который были погружены артиллерийские орудия. Погоня возглавлялась местными большевистскими энтузиастами, комиссарами Бубновским и Дубровским, приказавшими артиллерийской прислуге на борту открыть огонь по «Минину» с дистанции, надеясь расстрелять и потопить перегруженное и безоружное гражданское судно, однако не учли того, что при оставлении яхты во льдах с нее все же было снято одно орудие. С «Минина» ответили удачным выстрелом, ознаменовавшимся точным попаданием, несказанно удивившим комиссаров, которые отдали приказ срочно ретироваться. «Канада» ушла.

Перегруженный ледокол «Минин» продолжал свой путь. За ним первоначально отправились и три оставшихся ледокола, но затем отстали. Холод и сжатие льдов достигали порой такой силы, что даже «Минин» был вынужден остановиться. По радио была получена весть о том, что 21 февраля 1920 года войска Северной армии в Мурманске бросили фронт под воздействием пораженческой пропаганды и призывов председателя Земского собрания Скоморохова сдаваться, начав мирные переговоры с наступавшими большевиками.

Большевики в Архангельске призывали мурманских соотечественников выслать погоню на перехват «Минина», и тогда на ледоколе было принято решение идти в Норвегию. 22 февраля 1920 года из-за переменившегося ветра разошлись плотные льды, сдерживающие продвижение ледокола далее.

«Минин», стараясь держаться подальше от берега, шел с погашенными огнями в сторону норвежского берега. На пути ледоколу повстречался пароход «Ломоносов», уведенный офицерами Северного флота из-под носа у большевиков в порту Мурманска. На пароходе, кроме русских офицеров, расположился отряд английских авиаторов и бельгийские добровольцы. Вместимость «Ломоносова» позволила перегрузить на него часть пассажиров с «Минина», и оба судна продолжили свой путь к Норвегии, куда и прибыли 26 февраля 1920 года, войдя в порт Тромсе. Прием норвежцев превзошел все самые смелые ожидания Миллера. Правительство этой страны направило Миллеру предложение перевезти всех беженцев, одежду и продовольствие в г. Трондхейм. Местные жители начали сбор средств и пожертвования на нужды русских беженцев, размещенных в хороших помещениях, украшенных живыми цветами. Для детей беженцев ежедневно местными жителями собирались фрукты и шоколад, в местных магазинах и лавочках владельцы отказывались брать с русских плату. Со временем все желающие перебрались из Норвегии в другие страны, а оставшиеся русские не только не испытывали притеснений, но получили существенные денежные пособия и возможность подыскать работу по способностям и вкусам. Сам Миллер избрал местом своего проживания Париж, где и оставался до конца своих дней, будучи похищенным и убитым уже в 1936 году специальными агентами НКВД.

Оставшиеся в России разбитые и деморализованные части Северной армии на Архангелогородском направлении были обречены на большевистский плен, отступая к городу и застав там уже установившуюся советскую власть. На Мурманском направлении части Северной армии в количестве полутора тысяч человек отступили в Финляндию, пробираясь через тайгу и замерзшие карельские болота в течение полумесяца. Части, вышедшие походным порядком из Архангельска во время его эвакуации, преодолевая то там, то здесь вспыхивающие пробольшевистские восстания и разгоняя их с первого удара, вышли наконец к Мурманской же-

лезной дороге, где были встречены огнем большевистских бронепоездов и огнем стрелковых полков, ожидающих прорыва белых частей на этом участке. Но прорыва не получилось из-за чрезмерной усталости войск, только что преодолавших беспрецедентный 400-километровый переход по глубоким снегам. Эти части вступили в переговоры с большевиками о сдаче в плен и после предварительных совещаний сдали оружие и стали смиренно ожидать своей участи. Лишь маленькая группа непримиримых борцов с большевизмом успела на лыжах уйти со стоянки своих частей и подалась в Финляндию. Большевики, не зная, что делать с пленными, просто... расстреляли капитулировавших, под предлогом неожиданного контрреволюционного восстания в рядах пленных 28 февраля 1920 года. Именно в этот день, можно с уверенностью сказать, что Северная армия генерала Миллера прекратила свое существование.

Счастливо избежавшие большевистских расправ, бежавшие в Финляндию чины армии не были встречены там с воодушевлением, подобно их товарищам в Норвегии, но этим им удалось избежать всех ужасов большевистского плена.

И последовавшего за пленом немедленного или постепенного физического уничтожения, проходившего в активно создаваемых в Архангельской губернии концентрационных лагерях.

Вместе с ЧК, продразверсткой и богоборчеством, ставшими неотъемлемой приметой устанавливавшейся в этом краю советской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кадесников Н.* Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917—1922 годах // Флот в Белой борьбе. М.: Центрполиграф. 2002.
2. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М.: Посткриптум. 1990.
3. Указ. соч.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Старого мира — последний сонъ:
Молодость — Доблесть — Вандея — Донъ.*

М.И. Цветаева

НЕУДАЧИ «МОСКОВСКОЙ ДИРЕКТИВЫ» И ОТХОД НА ЮГ 1919—1920 ГГ.

Один из наиболее ярких эпизодов Похода на Москву стал знаменитый рейд 4-го Донского корпуса генерала К.К. Мамантова в августе 1919 года. В составе корпуса, специально созданного как ударная сила для прорыва фронта и действий в тылу противника, вошли лучшие казачьи подразделения, закаленные в боях под Воронежем и Царицыным в минувший год. После тщательной подготовки корпус смог провести глубокий конный рейд, результатом которого явились взорванные большевистские склады, разрушенные сообщения всего Южного фронта, рухнувшие мосты и многие сотни пленных красноармейцев. В ходе рейда на освобожденных территориях восстанавливались органы земского и городского самоуправления, формировались отряды самообороны, вооружаемые оружием, взятым в боях у красных. Так было в Воронеже, Ельце и Тамбове, в котором полученное от мамантовцев оружие было использовано в ходе крестьянского восстания 1920—1921 гг. под руководством Антонова.

На главном направлении наступления ВСЮР находился 1-й корпус Добровольческой армии под командованием генерала Александра Павловича Кутепова, в который входили части алексеевцев, дроздовцев, корниловцев и марков-

цев. Именно на этом направлении к началу октября 1919 года Добровольческая армия достигла наибольших успехов. 17(30) сентября 1919 года от красных был очищен Воронеж, 1(14) октября 1919 года части Корниловской дивизии заняли Орел. Конные разъезды корниловцев дошли до Мценска, а Партизанский генерала Алексеева полк, овладев местечком Новосиль, оказался в пределах Тульской губернии. До Москвы оставалось немногим более 250 верст. Состав ВСЮР с мая по октябрь 1919 года возрос с 64 до 150 тысяч человек, из которых 20 тысяч были оставлены на Черноморском побережье Кавказа для борьбы с Грузией и горцами Дагестана и Чечни, бандами в Северной Таврии, где с бандитами первоначально воевали гвардейские части, а также со всякого рода «национальными» формированиями из Астрахани и Азербайджана. Еще с января 1919 года в штабе ВСЮР был учрежден отдел, ведавший войсковыми их формированиями. Войска всех родов оружия организовывались обыкновенно в тылу и на фронт поступали в виде готовых формирований. Особым злом, по мнению Деникина, *«было стихийное стремление к формированиям под лозунгом «возрождения исторических частей российской армии»¹*. Главнокомандующий отмечал, что *«ячейки» старых полков, в особенности в кавалерии, возникали, обособлялись, стремились к отделению, обращая боевую единицу — полк — в мозаичный коллектив десятков старых полков, ослабляя ряды и силу его... Такие формирования возникали... превращая иной раз идейный лозунг «под родные штандарты» в прикрытие шкурничества...²*. Это замечание Деникина со всей полнотой относилось и к гвардейским формированиям, определяя их задачи на первых порах как сугубо конвойные или милицейские функции на не самых сложных участках фронта. Этим объясняется пребывание, например, Кирасир Его Величества в Феодосии и их дальнейшая дислокация в местах проживания немецких колонистов в Таврии, так называемых «колониях»: *«Все нижние чины Сводного полка Кирасирской дивизии, кроме Конной Гвардии, расположенной отдельно, размещены в громадном здании Эйгенфельдской школы. Там же офицерское со-*

брание, цейхгаузы и комната дежурного офицера. В первые дни пребывания в кол (онии) Эйгенфельд все кирасиры лейб-эскадрона помещались в большой зале верхнего этажа, но ввиду неудобства этой комнаты, проходной к помещению Кавалергардов, вскоре переселились в нижний этаж, где повзводно заняли два класса...»³. В это же время ударные части 1-й Добровольческой армии озабочены совсем иным: «В зимних боях (1919 года. — Авт.) мы измотались. Потери доходили до того, что роты с двухсот штыков докатывались до двадцати пяти. Бывало и так, что наши измотанные взводы по семь человек отбивали в потемках целые толпы красных. Все ожесточели. Все знали, что в плен нас не берут, что нам нет пощады. В плену нас расстреливали поголовно. Если мы не успевали унести раненых, они пристреливали сами себя...»⁴. В то же время в Северной Таврии повседневная жизнь Сводно-кирасирской дивизии текла своим чередом: «Каждый день, после окончания уборки лошадей, идут интенсивные занятия: пеший строй, владение оружием, езда на попонках, стрельбы из пулемета и т.д... В свободное время — спевки, изредка, по праздникам, раздается чарка водки... Все офицеры Сводного полка Кирасирской дивизии обедали и ужинали вместе в Офицерском собрании, что имело большое значение для сближения между собой представителей всех полков дивизии... Питание ввиду очень стесненного материального положения офицеров было довольно плохое и лишь иногда сдабривалось глотком водки из единственной рюмки, которой хозяин Собрания, штабс-ротмистр Похвиснев, лично обносил всех присутствующих»⁵.

В армейских частях ВСЮР было и иное поветрие, выражавшееся в формировании всякого рода «частей особого назначения», возможных перенятого ими у большевиков с их ЧОНами. Так, у барона Врангеля ротмистр Баранов возглавлял «Летучий отряд Особого назначения Кавказской Добровольческой армии». Предназначение отряда, определенное Барановым, была «борьба с крамолой». Генерал Шкуро был известен своими «волчьими сотнями», которые несли функцию его личной гвардии, однако со временем утратили свое боевое значение из-за обремененности добычей, ко-

торую чины «волчьих сотен» таскали за собой по фронтам. Ставропольский военный губернатор генерал Глазенап создал «карательные отряды», ставшие, по замечанию главнокомандующего, «лейб-охраной богатых местных овцеводов»... Со всеми этими явлениям штаб ВСЮР боролся, но в целом, они не были изжиты до самого конца Белой армии. В подборе новых генералов штабом ВСЮР были приняты меры по просеиванию и тщательному выбору кандидатур Особой комиссией под председательством генерала Дорошевского, а впоследствии Болотова. Штаб армии шел на это, чтобы наладить взаимодействие между всеми ее чинами, в особенности в преддверии крупного похода: «Трудно было винить офицерство, что оно не желало подчиняться храбрейшему генералу, который, командуя армией в 1917 году, бросил морально офицерство в тяжелые дни, ушел к буйной солдатчине и искал популярности демагогией... Или генералу, который некогда, не веря в белое движение, отдал приказ о роспуске добровольческого отряда, а впоследствии получил по недоразумению в командование тот же, выросший в крупную добровольческую часть, отряд. Или генералу, безобиднейшему человеку, который имел слабость и несчастье на украинской службе подписать приказ, задевавший достоинство русского офицера...»⁶. Генерал-квартирмейстер ВСЮР Юрий Павлович Плющевский-Плющик предлагал Деникину усилить в ходе отбора генералитета и офицерства для ВСЮР органы контрразведки бывшими жандармскими офицерами, однако эта идея поддержки демократически настроенного Главнокомандующего не получила.

...Одну из трудностей тыла накануне Похода на Москву, являли собой и военно-морские силы Юга России. На одном только Севастопольскому рейде находились остатки императорского Черноморского флота, линейный корабль «Воля», крейсер «Кагул», более десятка миноносцев, несколько подводных лодок, старые линейные корабли и множество вспомогательных судов. Большинство из судов требовали капитального ремонта. Штаты морских учреждений росли непомерно, «собравшееся в большом числе морское офи-

церство томилось бездельем, а боевая готовность даже ничтожного числа судов... подвигалась плохо...»⁷.

Главкомандующий стоял перед трудным выбором подходящей фигуры для командования белым флотом. Не имея знакомств в морской среде, Деникин был вынужден полагаться на мнение моряков, известных ставке Главкомандующего. При всем кажущемся многообразии выбора, Деникин признавался, что в итоге «получалась картина полного безлюдия»; лишь два имени, назывались в качестве достойных кандидатур для того, чтобы возглавить белый флот. Князь Михаил Борисович Черкасский, по мнению знавших его офицеров, затерялся где-то в необъятных пространствах Советской России. На самом деле, плененный большевиками в декабре 1918 года в Полтавской губернии, он был расстрелян ими в январе 1919 года. Кроме него был и вице-адмирал Михаил Павлович Саблин, о котором в штабе ВСЮР было известно, что какое-то время назад он был начальником Новороссийского порта при большевиках, но в данный момент, по некоторым сведениям, находился где-то за границей. В итоге выбор пал на полного адмирала Василия Александровича Канина. Скрепя сердце Деникин назначил Канина исполняющим дела Черноморского флота, ибо, несмотря на его авторитет в морской среде и авторитетное имя, Василий Александрович «качествами белого вождя» не отличался. Канин продержался до марта 1919 года, когда отыскавшийся Михаил Павлович Саблин прибыл в распоряжение Главкомандующего и сменил на посту незадачливого Канина. Прибыв, Саблин распорядился направить дредноут «Генерал Корнилов», три подводные лодки, включая знаменитую белую подводную лодку «Тюлень», и пять миноносцев в доки Новороссийска, где ремонтные бригады порта приступили к их немедленному ремонту и вооружению, а морской штаб — к укомплектованию личными составами. К лету 1919 года, ко второй попытке ВСЮР овладеть Новороссией и Крымом, в составе белого флота числился 1 крейсер, 5 миноносцев, 4 подводных лодки, двадцать вооруженных пароходов, лодок и барж. К осени того же года

к ним добавился дредноут «Генерал Алексеев» и некоторые суда, ранее захваченные союзниками и теперь возвращенные Деникину.

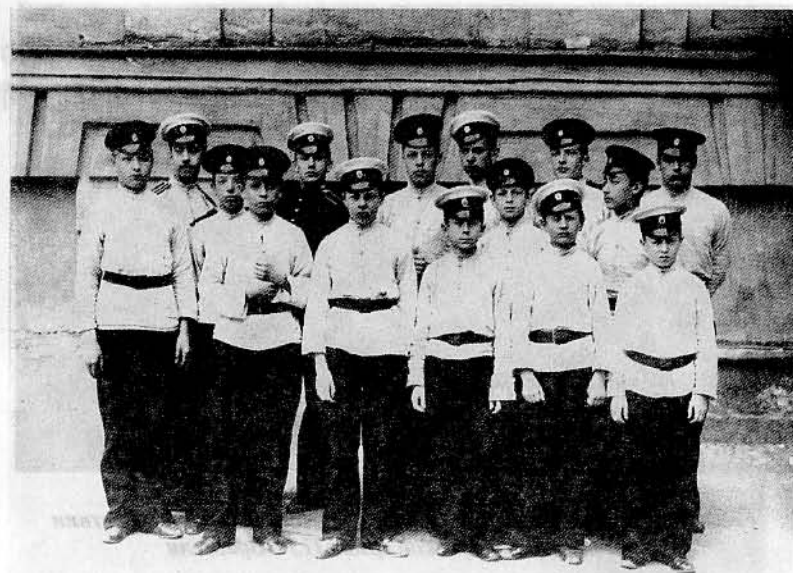
Итак, Поход начинался, и опасения, что трудности ждут ВСЮР с самого начала, начинали рассеиваться. Ведь при наличии некоторой техники Врангель в два дня покончил с Царицыным, Добровольческая армия без особого труда справилась с «неприступными крепостями» большевиков в Харькове и Екатеринославе, части Бредова и Шкуро форсировали широкий Днепр...

Советское командование предпринимало чрезвычайные усилия, чтобы приостановить откат своих армий и восстановить весь Южный фронт. К июлю 1919 года большевики вновь имели 180-тысячную армию при 700 орудиях. На Южном фронте не покладая рук работал революционный трибунал, стягивались заградительные и карательные отряды, на фронт ехали сотни агитаторов, чтобы вдохновить увядший дух армии. Красными была объявлена дополнительная мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, что дало новый приток людской силы на Южном фронте.

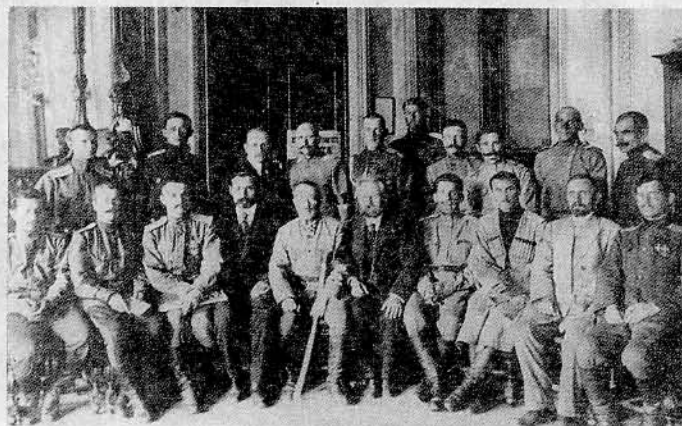
Переломным для Похода на Москву, в сущности, оказался октябрь 1919 года, когда растянувшийся на тысячу верст фронт ВСЮР, устремленный к Москве, оказался сломленным на самой своей вершине, в районе Орла. С середины октября части ВСЮР сталкивались со все более нараставшим сопротивлением красных, как обычно, численно превосходивших соединения ВСЮР. 28 сентября (11 октября) 1919 года началось крупное контрнаступление собранного воедино Южного фронта. Части 1-го Добровольческого корпуса под командованием А.П. Кутепова стойко выдерживали натиск красных в течение первых двух недель наступления, но 7 (20) октября, после кровопролитных боев Корниловская ударная дивизия, потеряв более половины личного состава, оставила Орел, конные части Шкуро и Мамантова не выдержали натиска 1-й Конной армии Буденного, и 11 (24) октября 1919 года был оставлен Воронеж. 21 (3.11) октября 1919 года Марковская часть оставила Ливны, а 24 (6.11) дроздовцы покинули

Брянск: «Минувшие бои ясно показали, что противник стал силен не только «числом», но и умением». Уменьше внесли в Красную армию десятки тысяч бывших генералов, офицеров, унтер-офицеров. Над этим приходилось серьезно думать и решать, как воевать лучше. Требовался разбор боев, выявление ошибок и упущений. Но только в ротах, отчасти в батальонах разбирались в деталях все мелочи хода исключительно сложных и тяжелых боев»⁸.

...Началось великое отступление Вооруженных Сил Юга России, приведшее их в марте 1920 года в Крым. Однако все это случилось в конце года, а пока, исполненные сил и энтузиазма, Вооруженные силы Юга России начали свой великий Поход. В начале июня 1918 года Врангель попытался штурмовать Царицын силами приданной его корпусу конницы, однако штурм «с ходу не удался» из-за удобного оборонительного положения города, и мощный артиллерийский заслон сделал свое дело: атака кавалерии была отбита. Пришлось оставить попытки захвата города «на ура» и перейти к решению задач по ремонту подвижного состава и путей железной дороги Тихорецкая — Царицын, чтобы получить возможность подвезти к городу бронепоезда, тяжелую артиллерию и английские танки. Кроме того, нужно было подготовить аэродромы для авиации, которую Врангель планировал использовать при захвате города. Кроме техники, по железной дороге была перебросена 1-я Добровольческая дивизия генерал-майора Николая Степановича Тимановского, умершего в конце 1919 года в Екатеринодаре от сыпного тифа. 30 июня 1919 года, после двухдневного штурма, Царицын пал. Долгожданного соединения с Колчаком тем не менее не состоялось, ибо к концу июня войска адмирала были отброшены превосходящими силами красных от Волги и бились с ними уже где-то под Челябинском. 3 июля 1919 года был отслужен торжественный молебен в городе, на котором присутствовал А.И. Деникин со штабом. Между тем войска барона Врангеля развивали успех. 28 июня 1919 года его части заняли Камышин и, устремляясь за отступающим противником, вышли на окраины Саратова. Из Астрахани за продвижением бе-

Кадеты 1-го Александровского корпуса Санкт-Петербурга

Чины Добровольческой армии в Ростове-на-Дону

Есаул К. Поздеев (четвертый слева в первом ряду), впоследствии генерал-майор Русской армии П.Н. Врангеля

Сестры милосердия. Путь многих из них лежит с Первой мировой войны на Гражданскую

*Последний портрет
А.В. Колчака,
подаренный атаману
А.Ф. Богаевскому*

Н.Н. Юденич

А.В. Колчак обходит строй

О.В. и П.Н. Врангель

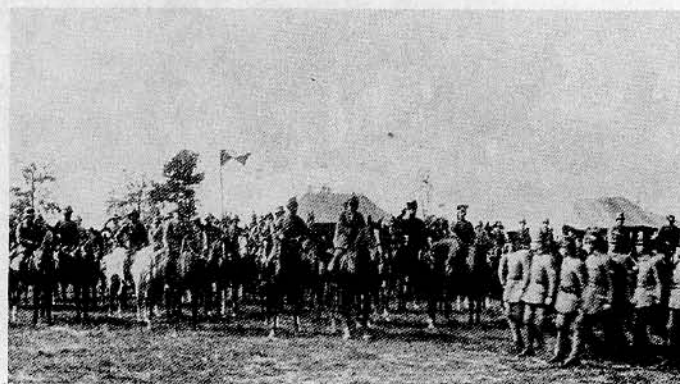
*Донской генерал-майор
И.М. Коновалов*

Генерал Рюдигер фон дер Гольц и полковник П.Р. Бермондт-Авалов

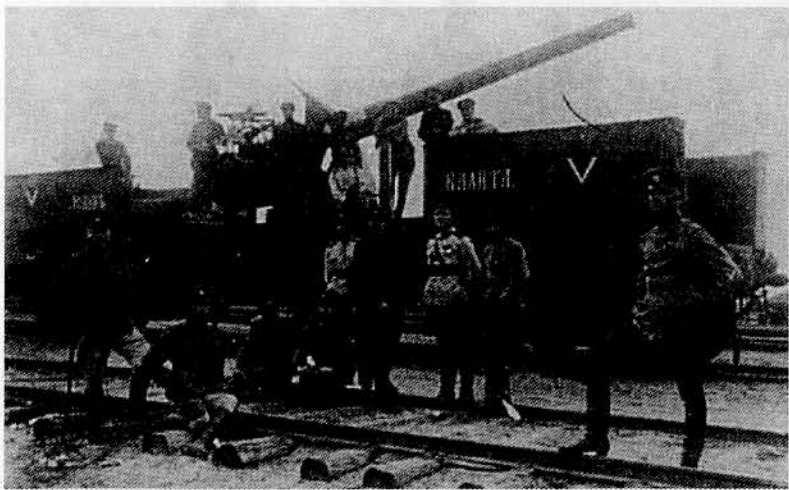
*П.Р. Бермондт-Авалов (в центре) в окружении чинов
Западной Добровольческой армии. 1919 г.*

*Смотр добровольцев Западной армии, принимаемый
генералом Рюдигером фон дер Гольцем (в центре)
и полковником П.Р. Бермондт-Аваловым (справа)*

Кирасиры Его Величества в Гражданской войне. 1919 г. Сев. Таврия

*Бронепоезд Добровольческой армии «Калита».
Справа — командир бронепоезда*

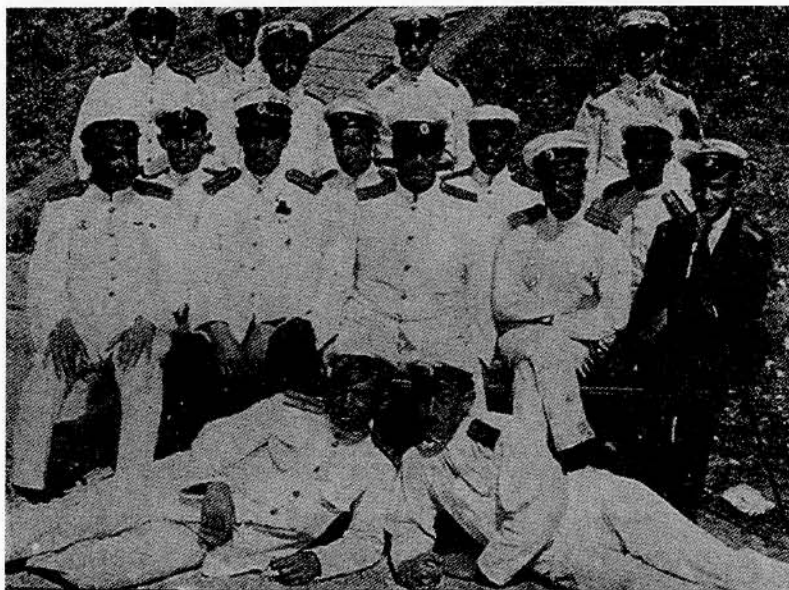
Генерал-лейтенант В.И. Сидорин с чинами своего штаба

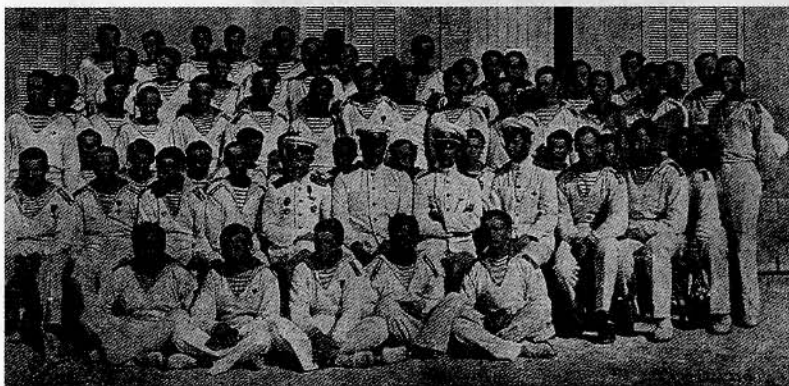
Летчики Северо-Западной армии в Пскове. 1919 г.

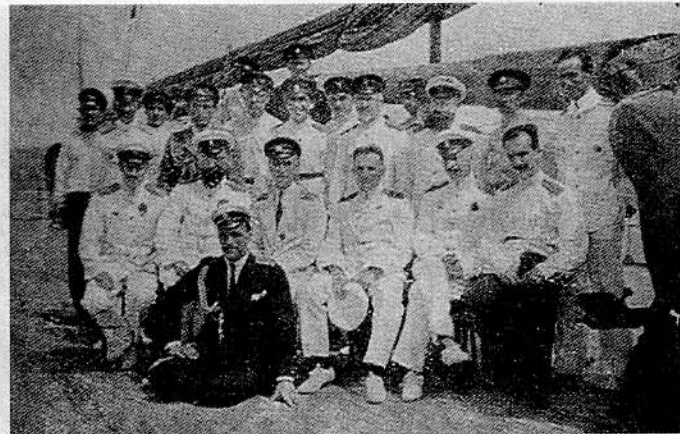
*Летчики эскадрильи
генерал-майора
В.М. Ткачева*

Морские офицеры — участники Белой борьбы. 1920 г.

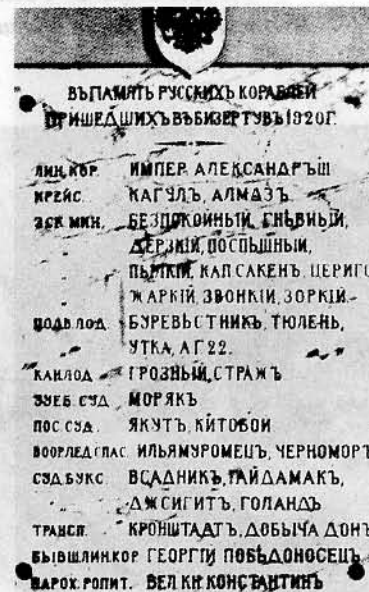
Выпуск «белых» гардемарин в Севастополе. 1919 г.

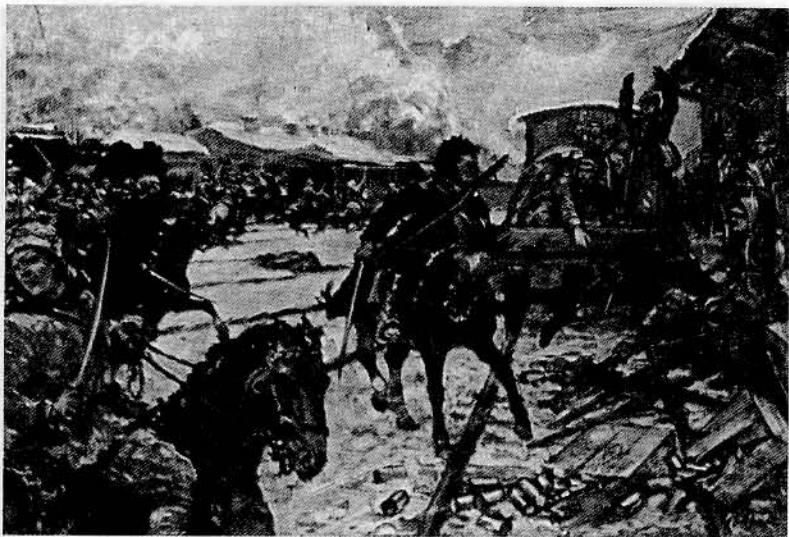
Вице-адмирал М.А. Кедров с офицерами. 1920 г.

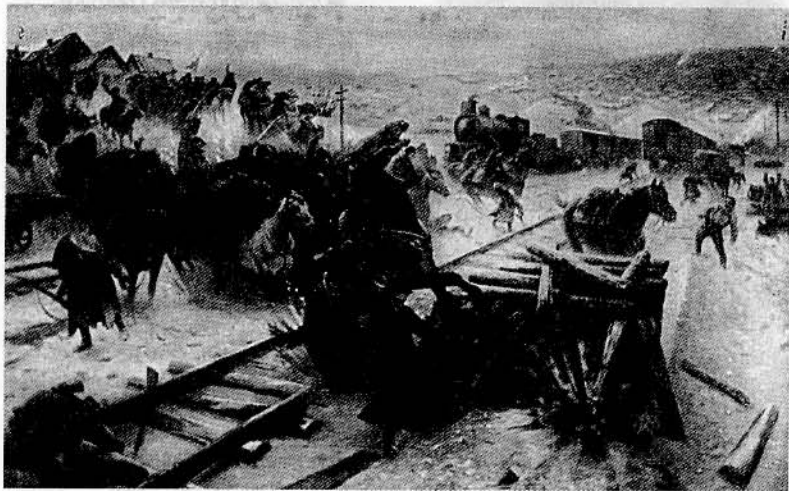
Вице-адмирал М.А. Кедров

Памятная доска в Бизерте
(Тунис) кораблям русского
флота, пришедшим из Крыма

Взятие большевиками станции Касторная 19 ноября 1919 г.

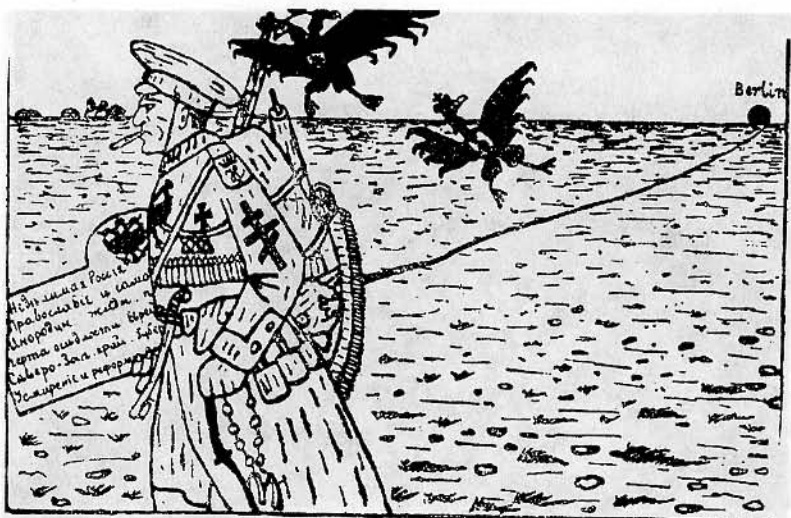
Прорыв Красной Армии к Ростову 8 января 1920 г.

Бой у станции Егорлыкская 1—2 марта 1920 г.

Окружение частей генерала Крижановского 1-й Конной армией у станции Белая Глина в феврале 1920 г.

*Карикатура на Северо-Западную армию Юденича,
помещенная в латвийской прессе 1919 г.*

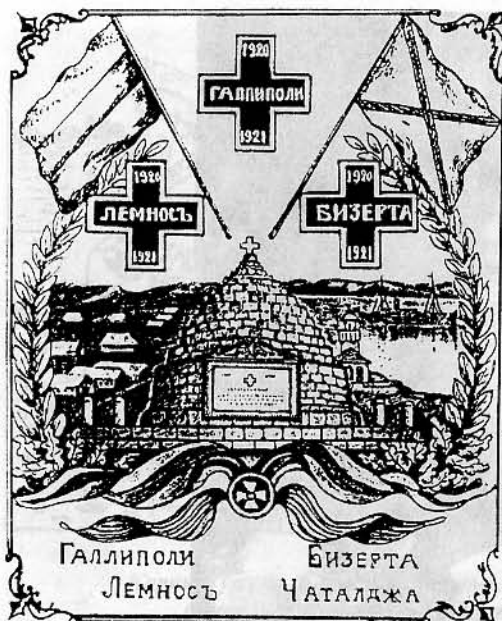
Большевистский агитационный плакат

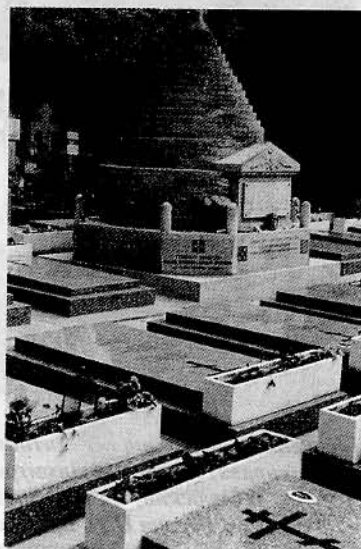
**Блаженный Митрополит Антоний (Храповицкий),
духовный вождь Белого воинства**

*Блаженный Митрополит Антоний
(справа) и епископ Димитрий
(Сербский) на похоронах
барона П.Н. Врангеля*

*Проект памятника русским воинам
в Галлиполи 1921 г.*

*«Галлиполийский памятник»
чинам Русской армии
барона П.Н. Врангеля
на Сен-Женевьев-де-Буа.
Париж, Франция*

*Памятник казакам — беженцам
из большевистской России
в штате Нью-Йорк, США*

*Символическая могила генерала
от инфантерии А.П. Кутепова
на Сен-Женевьев-де-Буа*

*Плиты усыпальниц чинам сводного армейского полка Русской армии
князю А.Н. Искандеру и маркизу В.А. Паулуччи.
(Кирасиры Его Величества). Русское кладбище
Кокад в Ницце, Франция*

Памятник есаулу Донской армии
Карташову-Ломакину
на Сен-Женевьев-де-Буа

Памятник «дроздовцам»
на Сен-Женевьев-де-Буа

Плита «семейного» склепа
Н.Н. Юденича
на кладбище Кокад в Ницце

Плита усыпальницы дипломатического представителя Белого движения С. Сазонова, бывшего императорского министра иностранных дел

лых частей внимательно наблюдала 11-я армия под командованием С.М. Кирова, однако активных действий против белых предпринять она не могла. Конная дивизия и пластуно-кая бригада генерала Говорушенко были переброшены на левый берег Волги, а 1 августа 1919 года у озера Эльтон передовые разведки ВСЮР встретились с разведками уральских казаков генерала Толстова... В штабе ВСЮР много говорили о красной «крепости Курск», окруженной окопами и рядами колючей проволоки. Кутепову казалось необходимым задержать при атаке тяжелую артиллерию. Его начальник штаба генерал-майор Евгений Исаакович Доставалов был противником штурма города без предварительной артиллерийской подготовки и считал защитные сооружения, возведенные красными, практически неприступными для атаки пехоты. «Я даже буду доволен, что атака будет проведена без согласия генерала Кутепова. По крайней мере, Доставалов не будет знать времени начала атаки», — сказал генерал Тимановский своим офицерам, решив взять город внезапной атакой корниловцев и марковцев. Наступление силами марковцев началось 31 августа (14 сентября) 1919 года, за день до того, как остальные части обрушились на противника. В первых же столкновениях Марковский полк потерял до 80 человек убитыми. До Курска дивизии Таимновского предстояло еще пройти 50 верст, отбросить красных с их передовых позиций на укрепленную полосу, расположенную в 12—15 верстах впереди Курска, захватить эту полосу и перейти вброд реки Рать и Сейм. Отбросило на укрепленную полосу красных лишь при поддержке танкового отряда. 4 дня неослабевающего сопротивления красных требовало новых резервов и даже храбрость отдельных участников атак со стороны белых, умудряющихся захватывать целые батареи большевиков, не приблизившись к скорой победы. Однако уже к 6 (19) сентября 1919 года марковцы повели атаку уже на отброшенных к своим укрепленным позициям большевиков. Были розданы ножницы для резки колючей проволоки. Пошла атака укрепленной позиции: «Под сильным огнем батальон шел на сближение и залег, не доходя до проволоки несколько сот шагов. В это время по око-

нам красных открыли беглый огонь батареи. Пять, десять минут, может быть, и больше бьют они. Красные разбегаются... Артиллерия красных продолжала стрелять, когда батальон шел вперед, преследуя в беспорядке бегущие толпы противника, оставляющие позади себя убитых и раненых. Нагонять противника поскакали командир батальона, капитан Перебейнос, начальник пулеметной команды поручик Стаценко, с верховыми... Взяв... окопы мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же без потерь мы взяли так хорошо оборудованную позицию...»⁹. 7 (20) сентября 1919 года начинается атака города с форсированием двух рек. К Тимановскому для усиления подошли два бронепоезда: «Единая Россия» и «Офицер». Накануне ночью, починив железнодорожное полотно, ремонтная бригада дала возможность бронепоездам подойти к городскому вокзалу Курска и открыть огонь из всех орудий и пулеметов. «Среди красных поднялась такая паника, что команда их бронепоезда «Кронштадт» бросила состав... Без потерь «налетчики» с этим ценным трофеем отошли назад...»¹⁰. И снова красная администрация, военные учреждения и части большевиков, охваченные паникой, покидали город. Иначе как безудержным бегством этот отход было назвать трудно. Обрадовавшись победе белогвардейцев, большая часть мобилизованных большевиками солдат начала с нескрываемым облегчением просто расходиться по домам: «Трудно передать словами, что представляло собой в этот день шоссé. Оно сплошь на всем протяжении до самого Курска было забито идущими нам навстречу красноармейцами. Это была целая армия здоровых людей, уроженцев юга России, с нескрываемой радостью возвращавшихся «к себе по домам». Они шли к нам в тыл, никем не сопровождаемые. Их была армия, нас горсточка...»¹¹. После краткого привала, части Тимановского прошли по городу, улицы которого были запружены народом: «То и дело раздавались возгласы: «Христос Воскресе!», и на это в толпе же отвечали: «Воистину Воскресе!» У большинства, как у жителей, так и у нас, были на глазах слезы...»¹². А на следующий день генерал Кутепов уже принимал парад батальона корниловцев и двух Марковских батарей. На правах командира кор-

пуса Кутепов сделал выговор Тимановскому за ослушание, однако в скором времени в знак признания его полководческого таланта Николай Степанович был произведен в генерал-лейтенанты.

Под Белгородом, в прилегающих селах, шла ожесточенная борьба: красные наносили ощутимые удары белым частям, в их тактике боев появились изменения, произошедшие с учетом полутора лет войны. Впервые белые части несли значительные людские потери: «Ужасную картину представляла утром церковная площадь Погореловки. Свыше ста убитых и раненых марковцев и красных лежало на ней... Без преувеличения, площадь вся была залита кровью. И не только площадь, но и соседские дворы наполнены ранеными и убитыми... Мобилизованы жители. Сестры и санитары перевязывают раненных и уносят убитых. Появляется какой-то корреспондент с фотоаппаратом. «Запрещаю! Если и сняли, не опубликовывать», — сказал ему полковник Наумов. На одном дворе лежало несколько раненых... и среди них тяжело раненный их командир, капитан Верецагин. На его груди белел орден Св. Георгия. Капитан Верецагин и раненые рассказывали о схватке 7-й и 8-й рот на площади с резервом красных. К раненому Верецагину подошел красноармеец и сорвал орден, но тут оказался красный командир, который набросился на сорвавшего, напомнил ему о приказе и сам приколот обратно орден»¹³.

Всего за месяц до описываемых событий корпус генерала Мамантова, в количестве 6600 человек при 12 пушках, разбил брошенную против них у Воронежа 40-ю большевистскую дивизию. На гребне успеха он пошел гулять по тылам красных, перерезав 11 августа 1919 года железную дорогу Грязи-Борисоглебск, взяв с налета сразу 3 тысячи красноармейцев в плен, а затем распустив пленных по домам. Мамантовцы двинулись дальше и захватили мобилизационный пункт большевиков, где находилось до 5 тысяч мобилизованных крестьян, ожидавших отправки в Красную армию. К великой крестьянской радости, Мамантов приказал распустить мобилизованных по домам с наказом больше не слушать мобилизационные увещевания большевиков. Пять тысяч

человек моментально растаяли по окрестным деревням и селам, словно их и не было. На близлежащей станции казаки Мамантова без особого труда захватили несколько эшелонов с боеприпасами и имуществом. Завидев казачью лаву еще издали, охрана большевистских эшелонов сочла за благо тихо удалиться, не вступая с мамантовцами в пререкания. Командование красных забеспокоилось затянувшимся рейдом по их тылам и стало высылать навстречу казакам красноармейские части, которые бывали по обыкновению разбиты или распущены по домам. 56-я красная дивизия группы Шорина, располагавшаяся в г. Кирсанове, бросилась наперерез Мамантову с единственной целью задержать продвижение его корпуса. В верховьях реки Цна шедшие в авангарде большевистские части натолкнулись на боковое охранение казаков, после короткой схватки с которым перестали существовать как таковые... Для охраны железнодорожной ветки Тамбов — Балашов была послана кавалерийская бригада 36-й советской дивизии. Войдя в соприкосновение с мамантовскими кавалеристами, коммунистическая бригада была рассеяна и пропала. 18 августа 1919 года корпус Мамантова атаковал и штурмом взял Тамбов. Потери большевиков составили 15 тысяч человек пленными, главным образом мобилизованными тамбовскими крестьянами, которые, как это уже случалось ранее, были распущены по домам. За время штурма корпус Мамантова понес потери убитыми и ранеными в количестве 20 человек... Содержимое большевистских вещевых и провиантских складов было роздано местному населению Тамбова. Штаб Южного фронта большевиков, располагавшийся в 70 километрах от Тамбова, был обеспокоен опасным соседством и выпустил приказ по войскам защищать город до последнего патрона. Агитаторы не жалея сил призывали горожан на борьбу с «белоказаками». Штаб Южного фронта напряженно ждал новостей из Тамбова. При поступлении таковых с указанием того, что казачьи разъезды замечены в нескольких верстах от Козлова, началось повальное бегство большевистских институтов власти в Орел. Мамантов вступил в Козлов, за которым

потянулась целая вереница городков центральных губерний. То там, то здесь местным большевистским органам власти шли сообщения о том, что казаки Мамантова появились то в Рязанской, то в Тульской губернии. Троцкий в связи с создавшимся положением в Центральных губерниях, убыл в Москву. Прибыв в столицу, он немедленно выдвинул незамысловатый лозунг: «Коммунисты, на передовые посты!», призывая товарищей по партии в центральных русских губерниях противостоять «деникинской стае волков», однако это отчего-то не прибавило рязанским и тульским коммунистам особого воодушевления. В Москве, в ЦК, был поднят вопрос о создании Внутреннего фронта и найден командующий, некий Лашевич. Несколько губерний переводились на военное положение. Внутреннему фронту придавались дополнительно 3 дивизии, одна из которых была переброшена с Восточного фронта. В дополнение к этому Лашевичу были приданы латышские карательные части и неременный в таких случаях чекистский полк. Казаков Мамантова предписывалось в плен не брать. В корпусе Мамантова было не принято расстреливать пойманных коммунистов, комиссаров и чекистов без суда, поэтому всех их мамантовцы вели с собой за линию фронта и сдавали белому командованию в Харькове для последующего суда. Рейд Мамантова продолжался 40 дней и, оставив некогда занятые городки, поредевший на несколько тысяч шашек корпус переправился через Дон и, уничтожив по пути большевистский полк, соединился с корпусом Шкуро, наступавшим на Воронеж с юга, увозя в качестве трофеев обоз, растянувшийся за корпусом на 60 верст...

Шкуро вспоминал: *«Я просил, чтобы мне было разрешено пробиваться на соединение с корпусом Мамантова для дальнейшего, по соединению, совместного рейда для освобождения Москвы... Однако Врангель и Кутепов сильно восстали против него. Врангель, вследствие своего непомерного честолюбия, не мог перенести, чтобы кто-нибудь, кроме него, мог сыграть решающую роль в Гражданской войне. Кутепов же опасался, что его правый фланг, вследствие моего ухода, повиснет в воздухе, и он будет отрезан*

от донцов... — Лавры Мамантова не дают вам спать, — сказал мне генерал Романовский. — Подождите, скоро все там будем... В разговоре с генералом-квартирмейстером Плющевским-Плющиком я сказал ему частным образом, что, невзирая на запрещение, на свой страх брошусь на Москву. — Имей в виду, — предупредил он меня, — что возможность такого шага с твоей стороны уже обсуждалась и что в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и предан, даже в случае полного успеха, полемому суду... Пришлось подчиниться...»¹⁴.

В начале октября 1919 года под Царицыным сильный удар северным и южным группам большевиков нанес барон Врангель. Позднее он сообщал Деникину о том, что успех взятия Царицына стал возможен лишь ценою полного обескровливания армий и большим напряжением моральных сил «тех начальников, которые еще не выбыли из строя». Но взятием Царицына не могли ограничиваться задачи всей армии, и начальник штаба Деникина Иван Павлович Романовский направил запрос Врангелю, какие силы он может выделить в центральную ударную группу. Врангель считал, что пересылка одной — двух неполных дивизий не решит ситуацию по существу и не изменит общей обстановки. Альтернативно Врангель предлагал взять из состава своей Кавказской армии четыре дивизии и, сведя остающиеся силы в отдельный корпус, передать его генералу Покровскому..

Утром 25 октября (7 ноября) 1919 года ударная группа Буденного, спеша успеть ко «второй годовщине революции», силами в количестве 10 000 сабель и до 5000 штыков попыталась опрокинуть корпус Шкуро, для которого были выделены три бронепоезда и 4 танка, взяла село Касторная, выйдя в тыл Вооруженным Силам Юга России, но безуспешно. Красные атаковали еще несколько дней, и наконец к 3 (16) ноября 1919 года на корпус белых навалились 13-я и 14-я советские армии, находившиеся во взаимодействии с конницей Буденного. Неся большие потери, и с упорством отбивая каждый рубеж, Белая армия отходила на своем правом фланге на Юг: «День был ясный, и можно было видеть маневрирующие лавы. Уже за полдень, но кавалерийский бой идет

на том же месте. И вдруг роковое: «Наши отходят!» Части генерала Шкуро саживали назад...»¹⁵. И хотя белые части дрались упорно, в воздухе носилась тревожная нота поражения. Очевидность численного превосходства красных, их настойчивые и умело организуемые боевые операции оставляли все меньше надежд дойти до Москвы, а со временем и вообще победить поднимающийся колосс большевизма.

«Как будто бы ждали, куда шатнет темную Россию с ее ветрами и гулками выюгами. Движение исторического маятника, если так можно сказать, в те дни еще колебалось. Маятник колебался, туда и сюда, то к нам, то к ним. В конце октября 1919 года он ушел от нас, качнулся против...»¹⁶. К середине ноября 1919 года был оставлен Курск. На курском направлении разгорались новые бои. Дроздовцы и корниловцы вновь противостояли превосходящим силам противника и были вынуждены отступать. В ноябре ударили морозы, и шел снег. Донская армия не смогла помочь чем либо Добровольческой, оставаясь прикованной к своему фронту. Еще к сентябрю 1919 года части 9-й красной армии появились на рубеже Дона, установив фронт протяженностью 150 километров, атаковав и захватив станицы Вешенская, Букановская и Еланская. Казаки отошли на правый, высокий берег Дона, на заранее подготовленные оборонительные позиции. Оборону против армии Шорина держало казачье ополчение; главные же силы казаков были отведены в тыл для переформирования и подготовки к новым операциям. Ополчение не позволило частям Шорина форсировать Дон в районах известных бродов, и фронт на линии реки Дон на время стабилизировался. Новое наступление на Дон началось лишь в ноябре 1919 года. 11 ноября 1919 года кавалерийский корпус Думенко с боем взял станицу Урюпинскую, вклинился между 1-м и 2-м Донскими корпусами и прорвал оборону по реке Хопер.

10-я красная армия попыталась наступать на Царицын, но потерпела неудачу, отброшенная значительно поредевшими частями Врангеля.

В тылу ВСЮР начинались восстания мелких банд, на усмирения которых приходилось выделять соединения и

части. Последние, свежие подкрепления, снятые с Сочинского фронта и Северного Кавказа, были двинуты на север, в помощь отчаянно сдерживающей натиск красных частей Добровольческой армии. На Северном Кавказе еще летом восстал Дагестан, угрожая восточному флангу ВСЮР. Местный имам Узун-Хаджи провозгласил Северо-Кавказский Эмират на основе шариатской монархии под своим руководством и сразу же объявил священный джихад против неверных белогвардейцев, собрав под своими знаменами 70 тысяч своих последователей. Восстание было поддержано и финансировалось правительствами Азербайджана, Турции и Грузии. Последняя не только пропускала через свою территорию караваны с оружием, идущие к Узун-Хаджи из Турции, но даже направила в распоряжение новоявленного эмира военных советников, руководимых грузинским генералом Кереселидзе. В состав вооруженных сил эмирата входила одна большевистская дивизия, прикрывавшая Узун-Паши со стороны Владикавказа, находившаяся под командованием некогда разбитого на Ставрополье Н. Гикало. Армия эмира, угрожавшая Дербенту, Темир-Хан-Шуре и Петровску, превосходила численностью части Вооруженных Сил Юга России, уступая им в боевой подготовке и боеспособности. По-немногу начиналось дезертирство горцев из ВСЮР, уходивших поодиночке и небольшими группами и уносивших с собой оружие. Они сбивались в небольшие банды и терроризировали местное население, нападали на казачьи станицы. Со временем набеги горцев приобрели постоянный характер, и терский атаман Вдовенко просил штаб Деникина прислать сил для охраны станиц.

Наряду с тревожными сводками положения на фронтах в штаб Деникина тем временем стали приходить тревожные сигналы о возрастающих недочетах генерала Май-Маевского, превосходно зарекомендовавшего себя в Каменноугольном районе. Поговаривали, что командующий 3-й Добровольческой дивизией злоупотребляет алкоголем и постепенно роняет престиж власти, выпуская из рук вожжи управления вверенными ему частями. Хорошо осведомленный об этом ба-

рон Врангель решил поставить вопрос на совещании в Ставке о выделении ему отдельной конной армии, которую можно будет составить из всех разрозненных частей под единым командованием Врангеля. Деникин согласился с предложением барона и даже пошел дальше, назначив Врангеля командующим Добровольческой армией, и распорядился о включении в нее конной группы генерала Мамантова. Деникин полагал, что это придаст армии новый импульс и сможет сплотить разрозненные части, вынужденные отступать с тяжелыми боями для нового броска против большевизма. Врангель получил совершенно неожиданную для себя полноту власти, о которой он и не мечтал. Май-Маевского Деникин поспешил уволить. Отставленный от службы и покинутый своими недавними соратниками, он *«прожил в нищете и забвении еще несколько месяцев и умер от разрыва сердца в тот момент, когда последние корабли с остатками Белой армии покидали Севастопольский рейд...»*¹⁷. Отход Добровольческой армии сопровождался взрывом мостов, водокачек, бронепоездов. Ухудшавшаяся день ото дня погода гнетуще действовала на отступавшие белые части, двигавшиеся как по дорогам, так и по пересеченной местности: *«Отходим по мерзлой пахоте без дорог, в лютую стужу, в потемках. Падают кони... Люди ложились на дороге. Пулеметы тащили на полковых кухнях, снаряды волокли в санях... Дороги превратились в вязкую трясины, грязь — по брюхо коням. Застревают, захлебываются грязью патронные двуколки...»*¹⁸.

5 декабря 1919 года Конная армия Буденного пошла на прорыв, вбивая глубокий клин между белыми армиями в районе Старобельска. Конный корпус Мамантова смог нанести фланговый удар, смяв 42-ю красную дивизию, обеспечивавшую Буденному прорыв со стороны Харькова, но подошедшая из Курска 9-я большевистская дивизия помогла восстановить положение, и через четыре дня части Мамантова были отброшены продолжавшей наступление на юг красной армией.

В штабе Деникина началось обсуждение путей отхода Добровольческой и Донской армий. Врангель высказал мне-

ние о целесообразности отхода в Таврию и Крым. Деникин возражал ему на это, что отрыв Донской армии от Всевеликого Войска Донского отрицательно повлияет на настроение казаков, и не желал оставлять казачество, с которым он некогда вместе начинал борьбу с большевиками. На Дону и Северном Кавказе, ставшими за последнее время глубоким тылом для Добровольческой и Донской армий, находилось на излечении несколько десятков тысяч раненых, располагались основные лечебные и тыловые учреждения ВСЮР. Уход основных сил в Крым предполагал оставление огромного числа людей на произвол судьбы. Деникин принял решение для армии отходить только до Ростова. 2 декабря 1919 года конница Думенко захватила городок Калач, а прибывшие свежие части красных сломили оборону казаков на Хопре, войдя в станицу Усть-Бузулуцкую. Контрудары кавалерии генерала Коновалова не привели к ожидаемому результату: конница Думенко неустанно продвигалась вперед, маневрируя и избегая сложных для себя тактических ситуаций. От Воронежа и Лисок наступала 8-я красная армия, пытавшаяся прорвать фронт на Дону с севера-запада. Генерал Сидорин приказал своим частям отступить за Дон. Последние подкрепления добровольцев снимались с грузинской границы, но их малочисленный состав не решал уже исход сражений, в которые они вовлекались. На юге свирепствовала эпидемия тифа, косившая не только солдат и офицеров Добровольческой армии, но унесшая за собой и генерал-лейтенанта Тимановского: *«Мы ошиблись дорогой и поспешили к ростовскому вокзалу. Давно я не видел города и теперь не узнал его. Вокзальные залы, коридоры, багажные отделения были превращены в огромный лазарет. Люди лежали вповалку. На каждом шагу надо было обходить кого-нибудь, прикрытого шинелью, преступать через чьи-то ноги, руки. Вокзал стал мрачным лазаретом. Это был сыпняк»*¹⁹.

К середине декабря 1919 года фронт Вооруженных Сил Юга России едва держался на линии Константинград — Змиев — Купянск. Попытка Уборевича прорвать его силами 8-й

кавалерийской дивизии окончилась ее разгромом под Лозовой и рассеянием оной по степям. 12-я советская армия вышла на южные рубежи Черкасс и Кременчуга, пройдя по левому берегу Днепра, оставив части полковника Федора Эмильевича Бредова, оборонявшие Киев, на узком плацдарме, который мог быть отсечен свежими силами красных в любой день. 16 декабря 1919 года части Бредова начали отступление в надежде соединиться с подразделениями генерала Шиллинга, назначенным Деникиным на общее командование белыми силами на Южной Украине. Ему также было поручено прикрывать Крым, Северную Таврию и Одесский район. 1-я Конная армия Буденного рвалась к Северному Донцу, создавая непосредственную угрозу захвата Луганска. Оказание организованного отпора Буденному затруднял некий уклон в «партизанщину» Константина Константиновича Мамантова, который иногда позволял себе действовать на свое усмотрение, игнорируя приказы штаба ВСЮР. Барон Врангель издал приказ об отстранении генерал-лейтенанта Мамантова от дел «за преступное бездействие», приказав Сергею Георгиевичу Улагаю принять дела у опального отныне генерала. Мамантов отбыл на Дон, передав бразды правления преемнику без особого энтузиазма. С ним вместе на Дон отбыли и его сторонники. Видя, как эмоционально реагируют «национальные» казацкие объединения на попытки штаба ВСЮР регулировать их деятельность, Врангель приказал отправить кубанские воинские соединения поближе к дому, на Кубань для переформирования, однако этот приказ Главнокомандующего Добровольческой армией был воспринят кубанцами чуть ли не как демобилизация. Их части стремительно таяли, оставляя фронт, и, ослабляя тем самым, и без того обескровленные передовые части ВСЮР. 23 декабря 1919 года части Буденного форсировала Сев. Донец. Штаб Главнокомандующего разослал приказ об оставлении Ростова. Ставка Главнокомандующего ВСЮР переводилась в Батайск, а правительственные и гражданские учреждения подлежали эвакуации в Новороссийск и Екатеринодар. Сергей Георгиевич Улагай, в арьер-

гардных боях, сумел отодвинуть на время продвижение 1-й Конной армии Буденного, разбив ее передовые отряды у станции Япопасная, но от полного разгрома их спасли кавалеристы О.И. Городовикова, подоспевшие ударить в стык казаков и добровольческих частей: *«На самом рассвете они пошли в наступление и прорвали фронт 3-го Дроздовского полка; конница Буденного смяла и тяжело порубила офицерскую роту. Английские танки с английскими командами пошли на выручку и застряли в красных цепях. Я приказал полку развернуться для атаки. Под звуки старого егерского марша удалые роты 1-го полка, четко печатавая шаг, с оркестром двинулись в огонь. Англичане рукоплескали. Наша атака выручила 31-полк и освободила все английские танки, застрявшие на пашне...»*²⁰. 2-й кавалерийский корпус Думенко форсировал Дон и повернул на юг, выйдя к 22 декабря 1919 года к Миллерово, столкнувшись с конницей генерала Коновалова. После короткой ожесточенной схватки части Коновалова отошли в город, на ходу готовясь к его обороне. Кавалеристы Думенко не рискнули брать город с ходу, и только 27 декабря 1919 года, усиленные 2 пехотными дивизиями, они штурмовали и взяли Миллерово. 28 декабря 1919 года Деникин приказал оставить Царицын и отойти западнее, заняв оборону по рубежу реки Сал, для прикрытия с этой стороны Ставрополя и Кубани. После того как войска под командованием Покровского оставили Царицын, 3 января 1920 года в него вошли 50-я дивизия из 11-й красной армии красных вместе с некоторыми частями 10-й армии. Кавказская армия ВСЮР отходила на Тихорецкую по линии железной дороги, давая бой сразу пяти красным дивизиям, преследующим ее отход. После занятия Царицына 11-я красная армия пошла по Каспийскому побережью на Чечню, Осетию и Дагестан, навстречу оборонявшим их частям генерала Эрдели. 6 января 1920 года красные вышли к берегам Азовского моря, рассчитывая разбить Вооруженные Силы Юга России на части и уничтожить их поодиночке. 4-я кавалерийская дивизия Буденного, в стремительном рейде ворвалась в Ростов. 9 января 1920 года корниловские и дроздовские части получили

приказ командования к отступлению: *«Потом в станице Гниловской мы сменили корниловскую дивизию, а корниловцы повели наступление на Ростов. Ростов заняли ненадолго и опять ушли. Там все было разбито и глухо. Как будто обмер обреченный город. Последнее мое воспоминание о Ростове: сыпняк, серая вша, заколоченные пустые магазины, разбитое кафе «Амбир»...»*²¹. Первый Добровольческий корпус начал свой отход на Новороссийск. После нескольких уличных боев в Ростове добровольцы вырвались за его пределы и вышли на левый берег Дона. Красные части попытались форсировать Дон, преследуя отступавших, но были отбиты арьергардами белых с большими для себя потерями.

Захваченные «белые столицы» Ростов, Новочеркасск и Екатеринодар подверглись разграблению и погромам. Винные подвалы города были захвачены победителями, и в течение многих дней Первая конная армия Буденного праздновала победу. Особый офицерский отряд ворвался в Екатеринодар, чтобы освободить гробы с останками генералов Дроздовского и Туцевича, погребенных в кафедральном соборе. Взяв их, отряд возвращается и идет в основных дроздовских частях по направлению к Новороссийску.

На первой неделе февраля 1920 года перед Сводно-гвардейским кавалерийским полком, стоявшим восточнее окраины Батайска, была поставлена задача — взять Ростов. Впереди гвардейцев должны были выступить корниловцы, в чью задачу входил захват станицы Гниловская, как только корниловская дивизия обеспечит плацдарм, Сводно-гвардейская кавалерийская дивизия должна была обойти Ростов с западной стороны и пробиваться в город со стороны Темерника. Дул сильный северный ветер, температура опустилась до —25 градусов, пошел снег, перешедший в пургу. Гвардейский полк стал в резервную колонну перед широким рукавом Дона, на льду, перед самым городом. Корниловцы ворвались в Гниловскую, застав красный гарнизон спящими и перекололи штыками весь командный состав, захватив пути товарной станции и несколько домов станицы. Командующий Сводно-гвардейской дивизией генерал-майор Данилов

приказал Кирасирам Его Величества следовать в колонне по трое, в сторону открытого поля под Темерником. За полком тронулись две пулеметные тачанки и два горных орудия на выюке лейб-гвардии конной артиллерии под командованием Фитингофа-Шелля. Из Темерника навстречу гвардейцам двинулись большевистские цепи, открыв огонь по кавалерии с предельного расстояния. Пули начали косить следовавших, как на параде, фланговым маршем кирасир и конно-артиллеристов. Генерал Данилов скомандовал к построению фронта, и развернутый строй стал заходить левым плечом, чтобы захватить правый фланг противника и поскакал впереди полка. Гвардейцы налетели на сбившуюся в кучу пехоту большевиков и те от неожиданности, воткнув штыками в снег винтовки, подняли руки вверх. 800 пленных красноармейцев, под конвоем лейб-драгун, были отправлены назад, в Гниловскую, чтобы быть сданными корниловцам. Те, увидев надвигающуюся колонну, открыли по ней пулеметный огонь, и пленные разбежались по полю. Лейб-драгунам снова пришлось собирать их и строить в колонны, предварительно направив своих представителей с просьбой больше не стрелять.

На круговой железнодорожной ветке показался бронепоезд «Вся Власть Советам!», идущий задним ходом. На открытых платформах его были установлены морские орудия и были прицеплены несколько салон-вагонов. За ним появился второй бронепоезд «Советская Россия». Барон Фитингоф приказал снять горные пушки с передков и поставить их на прямую наводку. Был дан залп по паровозу, однако первый бронепоезд прошел мимо, не отвечая огнем. Проехав немного, бронепоезд остановился и стали заметны фигурки убегающей его команды матросов. Кирасиры бросились через железнодорожное полотно за убежавшими, и на поле разразились одиночные поединки между убежавшими и преследовавшими их драгунами и кирасирами. На рассвете следующего дня Сводно-гвардейский кавалерийский полк вошел в Ростов, следуя в колонне, и направился вглубь города по Нахичеванскому проспекту. *«Тут произошло после-*

днее приключение, окончившееся, по счастью, благополучно. Я вел свой эскадрон за командиром полка, по ветру развевались наши значки на пиках, на значке нашего эскадрона был двуглавый орел... Вдруг прямо на нас несется советский броневик с красными звездами, двумя пулеметами, и ясно видна красная надпись «Мефистофель». Что делать? Почему он не стреляет? Броневик несется прямо на нашу колонну и может смести нас! Генерал Данилов командует «Стой!», но тут происходит нечто невероятное: броневик направляется влево и въезжает в огромный сугроб, где его колеса беспомощно буксуют. Открывается задняя дверь, и из машины вылезла тройка: какой-то комиссар в шубе, с хорошим воротником, девица в козынке сестры милосердия и шофер. Тут мы поняли, почему броневик не стрелял. Внутри был ящик табака и мешки с сахаром, не позволявшие добраться до пулеметов. Эта тройка была арестована, у броневика поставлен караул, а позже добыча была роздана по эскадронам»²². Более лаконично звучит рассказ об этом эпизоде у другого кирасирского офицера: «На нас выскакивает броневик «Мефистофель», который, встретившись с колонной полка, въезжает в сугроб и не может выехать из него. В нем шофер, жид-комиссар и сестра милосердия. Их тут же расстреливают. Поймали также командира 4-й батареи Баторского, на котором нашли партийный билет. Он так же кончил свою жизнь...»²³. Спустя день обстановка переменилась. Ночью пришел приказ штаба армии покинуть Ростов и отойти на левый берег Дона. Конница Буденного переправилась в Новочеркасске через Дон и выходила в тыл Добровольческой армии. «Ростов был покинут ночью и наш эскадрон был оставлен заслоном в кожевенном заводе, на острове против Нахичевани. Оттуда мы видели возвращение большевиков в Нахичевань и их вход в Ростов»²⁴.

...Независимо от локальных успехов или неудач Вооруженных Сил Юга России, в окружающем мире стали назревать процессы, способные повлиять на ход дальнейшей борьбы с большевизмом и на судьбы белых армий в частности. Ориентированное на практическую выгоду британское правительство, наблюдая военные неудачи Добровольческой и Донской ар-

мий последних месяцев, оценило обстановку на территориях, занятых белыми, как нестабильную. В то же время военные и политические успехи большевиков не могли не быть очевидными, что создавало возможность вхождения и захвата рынков России при ее новом правительстве. Героические усилия ВСЮР по поддержке и восстановлению государственности перестали интересовать британских политиков и концессионеров. В британском парламенте был распространен документ под названием «Экономические аспекты британской политики в отношении России», в котором указывалось, что большевики вернули или возвратят в ближайшем будущем все важнейшие сырьевые районы России, в связи с чем экономическая, политическая и военная блокада ее станет нецелесообразной. Британский премьер вынес на обсуждение Верховного Совета Антанты вопрос об экономическом взаимодействии с большевиками, после чего ВСА вынес резолюцию об обмене товарами на основе взаимности между русским народом, союзными и нейтральными странами. «Торговать можно и с каннибалами», — цинично добавил британский премьер, де-юре не признававший полномочий Советского правительства. Оппозиционно настроенный к лейбористам Уинстон Черчилль заверил русского представителя в Париже В. Маклакова в том, что британское содействие белым армиям будет продолжено и заявление действующего премьера не отразится на поставках вооружения и продовольствия. Несмотря на столь нелестный внешнеполитический шаг Великобритании, Деникин, будучи глубоко уязвлен первым шагом к признанию большевистской власти союзными государствами, продолжал работать с британскими военными представителями над стратегически — важными вопросами самого недалекого будущего. Сторонами было достигнуто соглашение о том, что вне зависимости от исхода Гражданской войны британское военное командование будет принимать участие в помощи эвакуации русских беженцев за границу, в огромном количестве скопившихся в Новороссийске.

Сторонами был определен ее следующий порядок. В первую очередь право эвакуации предоставлялось больным и ра-

неным воинам, далее семьям военнослужащих ВСЮР, потом семьям гражданских служащих и прочим лицам при наличии времени и места. Руководство ВСЮР, по договоренности с британцами, подлежало эвакуации в последнюю очередь. Британские транспорты доставляли беженцев в Салоники, Принкипо, везли на Кипр и в Королевство СХС. Регулярности рейсов не существовало, иногда британские корабли прерывали эвакуацию по различным политическим мотивам, однако конвейер по вывозу российских граждан не переставал работать. Вывезенные беженцы размещались с минимальными удобствами и даже могли найти какую-нибудь работу в местах своего расселения. Считалось, что все русские, выехавшие до осенней эвакуации в октябре/ноябре 1920 года, были относительно удачливы в сопоставлении с теми, кто покидал родину с последними кораблями, ибо ничто не могло сравниться с ужасом последней эвакуации, ее человеческими драмами и жертвами, о которых пойдет речь в другой главе нашего повествования.

В тылу ВСЮР дела в начале 1920 года обстояли далеко не блестяще. Правительство Кубани, окончательно запутавшееся во внутриполитических склоках и раздорах, перестало нести ту функцию, которая была возложена на нее согласно договоренностям между Добровольческой армией и Радой. Пополнения на фронт с Кубани полностью прервались. Кубанское правительство считало, что не должно посылать казаков воевать за некие эфемерные «общегосударственные интересы». Оно словно забыло, что, по выражению одного из рядовых участников Белого движения, *«Белая идея — идея свободной жизни в освобожденной стране»*, что *«она не фраза, хотя бы и высокого смысла, а побуждение к должным действиям»* и *«носителями ее должны быть все»*²⁵. На границе с Грузией было тоже неспокойно, ибо оттуда на Адлер и Сочи выдвинулась 2-тысячная армия так называемого Комитета освобождения Черноморья, созданная из остатков разбитой 11-й советской армии, чьими идейными вдохновителями были бежавшие в Грузию русские провинциальные меньшевики и эсеры, и чьими инструкторами служили офицеры

грузинской армии. У ВСЮР не было достаточно сил, чтобы остановить продвижение этой группировки, так как граница с Грузией прикрывала лишь одна 52-я бригада добровольцев, созданная из бывших пленных красноармейцев и объединенная в несколько батальонов, под громким названием «бригада». Армию Комитета освобождения Черноморья поддерживали и местные бандитские формирования, носившие в то время общее название «зеленых» за свою приверженность партизанской войне под прикрытием «зеленых дубрав и лесов». 52-я бригада не выдержала натиска бандитов и отступила из Адлера, а затем оставила Сочи. Комитет провозгласил создание независимой Черноморской республики и повел наступление на север. В отсутствие людских резервов командующий Черноморским фронтом Генерального штаба генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский подал прошение Деникину об отставке по причине невозможности выполнять свои обязанности по противостоянию бандам и отрядам так называемой Черноморской республики, однако регулярные части белых продолжали бои с многочисленными бандами.

11 февраля 1920 года армия Черноморской республики заняла Лазаревскую и стала угрожать Туапсе. 25 февраля 1920 года она заняла Туапсе, где произошел внутренний переворот, организованный служившими в Черноморской армии большевиками, которые быстро организовали «фронтальный съезд», отказались признавать Черноморский комитет, избрали ревком и мобилизовали крестьян в некую Черноморскую красную армию. Сложная ситуация сложилась и с группировкой генерала Шиллинга. Два корпуса остались на правом берегу Днепра, участвуя в прикрытии Одессы и Херсона от нападения большевиков, а корпус Якова Александровича Слащева был направлен для защиты Северной Таврии и Крыма. Состав двух корпусов Шиллинга уступал в боеспособности ударным войскам марковцев или дроздовцев, и единственным, динамичным и активным ядром его войск был корпус генерал-майора Якова Александровича Слащева. На Днепре обстановка складывалась тяжелая:

12-я советская армия, наступая от Кременчуга и Черкесс, переправилась на правый берег Днепра и туда же направлялась 14-я советская армия. Железная дорога Александровск — Кривой Рог — Долинская контролировалась бандами Махно; в селах крестьяне объединялись в вооруженные отряды и порой занимались неприкрытым грабежом. У Екатеринослава и Умани бродили петлюровские части. Связь между подразделениями Белой армии была ненадлежаще налажена, в результате чего возникла хаотическая обстановка, в которой отдельные части и соединения корпусов Шиллинга двигались в разных направлениях, принимая решения о вступлении в бой с петлюровцами и бандитами на усмотрение младших офицеров, отягощая себя бесконечными вереницами обозов и беженцев. Вся эта человеческая лава медленно, но верно откатывалась на юг. Деникин не видел необходимости удерживать Одессу, считая, что больший смысл имела бы концентрация отступающих подразделений и их перестроение под Херсоном, откуда можно при необходимости было бы пробиться в Крым. Союзные миссии, напротив, были настроены на оборону Одессы, о чем не замедлили известить Деникина, с чем тот был вынужден согласиться, попросив союзные миссии в случае катастрофы обеспечить эвакуацию войск плавсредствами союзных армий, а также уведомить Румынию о необходимости пропуска отступающих воинских подразделений и беженцев. Глава французской военной миссии генерал Франше д'Эспере оповестил Деникина, что Румыния согласна пропустить на свою территорию некоторые части и беженцев при соблюдении некоторых дополнительных условий силами ВСЮР. В середине января 1920 года, взяв Кривой Рог, большевики двинули свои силы на Николаев. Генерал Шиллинг срочно призвал конный корпус полковника Федора Эмильевича Бредова, находившийся под Вознесенском, чтобы нанести наступающим большевикам фланговый удар, оставив части генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Промптова на прикрытии Одесского района. Когда 24 января (7 февраля) 1920 года 2-й корпус Промптова оказался у Одессы, город

был оставлен белыми войсками, а последние транспорты вышли на рейд. Шиллинг направил директиву Промптову перейти через Днестр у переправы и установить маяки, чтобы, выйдя в Румынию, ожидать кораблей для отправки своего корпуса в Крым, но при первых попытках переправиться на румынскую территорию, 2-й корпус был обстрелян румынами и был вынужден двинуться вдоль русской границы Днестра на север, где и соединиться с конным корпусом полковника Бредова в Тирасполе. Вместе с войсками Бредова корпус генерал-лейтенанта Промптова совершил поход вдоль Днестра до районов, занятых польскими войсками, и 25—26 февраля 1920 года оказался интернированным в Польше, помещенным вместе с солдатами и офицерами корпуса в концентрационный лагерь, откуда смог вернуться с товарищами по оружию в Крым лишь летом 1920 года: *«В лохмотьях, босые, некоторые в одном грязном нижнем белье»*²⁶.

4 февраля 1920 года генерал Шиллинг опубликовал приказ об эвакуации Одессы. *«К утру 6 февраля доносившаяся с севера артиллерийская стрельба, которую вели, вероятно, отходившие к Одессе бронепоезда, становилась все слышнее и в городе создавалось если не паническое, то, во всяком случае, нервное настроение. Тысячи людей толпились у молов, где стояли большие пароходы. Взамен нашедших на них место людей все время подходили новые толпы военных и гражданских лиц, женщин и детей. В эти дни стояли морозы около 5—10 градусов, и море на подходах к Одессе было покрыто довольно густым плавучим льдом, образовавшим в порту от движения судов ледяную кашу...»*²⁷. В ночь на 7 февраля генерал Шиллинг со своим штабом перешел на пароход «Анатолий Молчанов». В 6 утра 8 февраля 1920 года части советской 41-й стрелковой дивизии вошли в Одессу со стороны Пересыпи и Каяльника. Комendant Одессы полковник Стессель с группами офицеров и небольшими отрядами солдат из разных частей расчистил путь для беженцев к западным окраинам города. Колоннами, беженцы потекли в сторону румынской границы, собираясь в 20 верстах от города, в немецкой колонии Гросс Либенталь. Те из беженцев, кто, не задерживаясь в колонии, пустился в

путь в сторону Тирасполя, успели догнать конный корпус полковника Ф.Э. Бредова, однако очень скоро дорога на Тирасполь оказалась захваченной красной конницей, напустившейся на обозы беженцев, вырубая их безо всякого сожаления. Из колонии оставшиеся полтора десятка тысяч беженцев тронулись вдоль черноморского побережья на Овидиополь, чтобы переправиться по льду днестровских лиманов, выйти к румынской границе. Румынские пограничные части встретили поток беженцев артиллерийским огнем. После переговоров с парламентариями от беженцев согласились пропустить их через свою границу, наскоро устроив фильтрационные пункты, где придирчиво изучали документы беженцев. В итоге через румынскую границу были пропущены лишь иностранцы, а русские были оставлены на льду лиманов на ночь и под оружейным огнем принуждены вернуться назад. Красные части шли по пятам беженских обозов. Уже на рассвете красные атаковали отставшие обозы. На защиту обозов поднялись раненые, которые могли держать оружие, дети-кадеты, офицеры и городские стражники. Встреченная огнем, большевистская конница временно отстала. Беженские обозы продолжали свое движение, не делая привалов или остановок на ночь. Лошади падали от усталости, люди отставали и бывали настигнуты красными отрядами и убиты на месте. 15 февраля 1920 года пустившиеся в преследование беженцев большевистские части предприняли вторую массированную атаку на обозы, используя артиллерию. Боеспособные мужчины в обозе смогли отразить и второй налет, но силы и боеприпасы были на исходе, к тому же среди беженцев ходили слухи, что на железнодорожную ветку Одесса — Тирасполь большевики подогнали бронепоезда, в ожидании появления обозов, чтобы начать обстрел практически незащищенных людей. Беженцы стихийно потянулись за Днестр, где вышли на румынскую территорию и расположились возле деревушки Раскаяц. Румынские пограничные части настояли, чтобы беженцы покинули их территорию к утру следующего дня, а поскольку беженцы не верили, что с ними румыны могут сделать что-то плохое, к утру на высотах у де-

ревни румыны подтянули пулеметы. Наутро, после 8 утра, они открыли огонь по толпе, хлынувшей назад, в воду, пытаясь спастись на русской территории, где их поджидали приехавшие местные банды в надежде пограбить. Однако бандиты не смогли унести награбленное, потому что подтянувшиеся красные части окружили и их, и беженцев и, разоружив, отправили по этапам в тыл. После массового побоища русских спаслись те немногие, кто уцелел на румынской территории, спрятавшись, а позже, прикинувшись поляками или латышами, за мзду были пропущены румынами вглубь своей территории.

В руководстве ВСЮР тем временем назревал давний конфликт между двумя яркими личностями, каковыми являлись Врангель и Деникин. Их противостояние историки относят к началу 1920 года, хотя оно проявилось еще во времена, когда Деникин лишь пытался обнародовать Московскую директиву. Оказавшись в 1919 году в Царицыне, на «второстепенном фронте», Врангель получил хорошую возможность проанализировать проигранные сражения и операции и подготовить предложения по проведению новых, с учетом накопленного опыта. Его проекты, отправлявшиеся в штаб Главнокомандующего ВСЮР, зачастую не находили отклика в силу различных взглядов на вопросы военной теории, а также отправлялись в долгий ящик из-за их практической невыполнимости, что не могло не вызывать раздражение импульсивного и исполненного эмоциональностью барона. Вступив в должность командующего Добровольческой армией и прибыв сменить несчастного Май-Маевского, Врангель воочию убедился в беспочвенности многих своих проектов ввиду того, что, в отличие от гладко выглядевших на бумаге корпусов, дивизий и полков, в реальной жизни они оказались горсточками военных энтузиастов, количественно непригодных для воплощения крупномасштабных операций. Деникин справедливо полагал, что в работе со штабом новый начальник Добровольческой армии вносит элемент нервозности и разлада, явившись не только полной противоположностью Романовскому, но и самому Деники-

ну. Главнокомандующий был убежден, что прожекторство Врангеля имеет одну тревожную тенденцию — барон упорствует в своих заблуждениях и не готов критически оценить свое стратегическое творчество. Вступив в хоровод политических событий на Кубани, до предела нервный Врангель стал ярым сторонником той идеи, что изначально неверно выстроенные отношения с кубанским правительством, начатые Деникиным во времена оны, постепенно привели Белое движение на Кубани в упадок, если не в антагонизм с Добровольческой армией. Барон начал вести приватные беседы с генералами Эрдели, Сидориным и даже Шкуро, зондируя почву относительно их настроенности на смену Главнокомандующего, однако большинство из них держались убеждения, что при любом отношении к Деникину смена власти в сложившейся для армии неблагоприятной ситуации ни к чему хорошему вести не может. Деникин, осведомленный от генералов о попытке Врангеля подкопаться под его пост, снес это довольно равнодушно, однако известия о закулисных переговорах не добавили в сознании Главнокомандующего положительных черт к личности Врангеля. Врангель понял, что он поспешил заключить мнение об общем недовольстве командованием и больше переговоры вести не стал, однако против его воли слухи просочились и к командованию союзников. Английский представитель Мак-Киндер прибыл в Россию в полной убежденности, что барон уже совершил свой «переворот», однако Деникин успокоил британца заверениями, что все слышанное им было не более чем усилиями злых языков, желающих вбить клин между белым командованием. Будучи смелым офицером и командиром, Петр Николаевич Врангель был необыкновенно популярен у армейской молодежи, передававшей из уст в уста истории о его конных атаках на большевиков; его умеренно-монархические взгляды импонировали консервативной части армейского офицерства и гвардии, прохладно относившихся к либеральным воззрениям самого Главнокомандующего, олицетворявшего для них плоть от плоти либерально-демократического стана начала XX века.

Став начальником Новороссийского округа и тяготясь решением задач скорее хозяйственных и технических, нежели боевых, Врангель приписывал свое назначение «цеплянием за власть» самого Деникина, старавшегося держать его подальше от лавровых венков его кавалерийской славы.

10 февраля 1920 года, не получив ожидаемого назначения, барон написал Главнокомандующему прошение об отставке его от должности Главнокомандующего Добровольческой армией, испросил отпуск и отправился в Крым собраться с мыслями и подлечить нервы. Человек, чьи нервы были не так расшатаны и кто не испытывал ложных эмоциональных порывов, Яков Александрович Слащев был откомандирован Деникиным для обороны Крыма и Северной Таврии. 5 января 1920 года корпус Слащева в 4 тысячи штыков подошел к Мелитополью. Изучив оперативную обстановку и проанализировав данные разведки, Слащев отдал приказ корпусу отходить в Крым. С севера на Мелитополь шли 13-й и 14-й советские армии, рассчитывая начать преследование отступавших частей ВСЮР. 23 января 1920 года 46-я стрелковая дивизия большевиков взяла ненадолго Перекоп, однако уже 24 января была выбита частями Слащева. Спустя 4 дня 8-я кавалерийская дивизия красных атаковала перекопские укрепления, но была выбита контратакой и рассеяна. 5 февраля, пройдя по льду замерзшего Сиваша, красные снова завладели Перекопом, но сразу же были выбиты дерзкой контратакой Слащева. 24 февраля 1920 года красные части атаковали перекопские укрепления, просочившись через Чонгарский перешеек, но были разбиты во встречной атаке и в беспорядке бежали прочь. Зимние холода подвинули Слащева на выбор особой тактики боев с красными. Его основные силы были отведены вглубь полуострова, где находились в отапливаемых домах и имели возможность укрываться от холодов и ветра. На узких перешейках Слащевым было выставлено лишь сторожевое охранение, которое легко сметалось красными, изрядно замерзшими и измученными ночевками в открытой степи, а когда большевики слали победные реликвии в тыл о взятии Перекопа, из удаленных селений подхо-

дили свежие силы Слащева и без труда выбивали измотанного противника назад, в степи.

15 февраля 1920 года в Крым прибыл Врангель. В атмосфере тыловых междоусобиц оппозиционные Деникину и назначенному им командовать генералу Шиллингу политики предложили барону принять командование армией на себя и сместить «скомпрометировавшего» себя Шиллинга, от чего тот благоразумно отказался. Слащев отправил извещение Врангелю, что подчиняться будет лишь приказам Деникина и Шиллинга. Лукомский, находившийся в то время в отставке в Крыму по семейным обстоятельствам, убедил Шиллинга в необходимости перемен в руководстве армии в Крыму. Шиллинг, подавленный морально из-за нападок общественности и прессы после падения Одессы, подчинил Врангелю Севастопольскую крепость, флот и тыловые части, чтобы любыми способами попытаться не допускать противоречия в высшем командовании до стадии борьбы за власть в столь тяжелое для Вооруженных Сил Юга России время. Деникин был категорически против передачи власти Врангелю по соображениям возможного резонанса, который может получить подобная передача власти в одном из отдельно взятых мест. Он предвидел, что этот пример может отрицательно сказаться на дисциплине в армии, и без того пошатнувшейся в свете последних громких поражений, а также подорвет авторитет командующих, которых, как увидят все, можно смещать и назначать лишь в зависимости от их индивидуальной популярности в армии. К Врангелю прибыл адмирал Герасимов, попросивший его на время уехать из Крыма, чтобы остановить пропаганду против главного командования. Оскорбленный Врангель отбыл в Константинополь, написав перед тем письмо лично Деникину, где упрекал его за «яд честолюбия» в борьбе за власть. Деникин был уязвлен написанным. В ответном письме он кратко дал понять возмущенному барону, что тот выбрал как нельзя лучшее время для отправки подобных эмоциональных писем, написанных в полевом ажиотаже.

Тем временем на сивашских перешейках продолжались бои. Яков Александрович Слащев продолжал успешно гро-

мить наступавшие красные части, пока, наконец, к 8 марта 1920 года две советские армии, сведенные в ударную группировку, не взяли Перекоп и продвинулись до местечка Юшунь. Здесь-то они и были наголову разгромлены контрударом слащевского корпуса и, отступая, бросили даже свои исходные позиции.

17 февраля 1920 года, незадолго до описываемых выше событий, 1-я Конная армия Буденного атаковала и заняла станцию Торговая, легко выбив почти не сопротивлявшиеся войска генерала Крыжановского. Части генерал-лейтенанта Александра Александровича Павлова, которые должны были противостоять частям Буденного, расквартированным в Торговой, двигались маршем вдоль реки Маныч, встречались с кавалерийскими дивизиями красных, разбивали их, и продолжали движение. Холода усиливались, в пустынной степи не встречались селения, а те зимовники, мимо которых проходили части, не вмещали в себя всех желающих отогреться. Более половины состава Павлова оказались отставшими или обмороженными. При появлении его передовых отрядов в Торговой буденновцы бросились убежать, но, увидев, что перед ними небоеспособные и замерзшие люди, организовались и ударом контратаки выбросили казаков в степь. Торговая снова оказалась в руках буденновцев, которые заняли в ней оборону по периметру, стараясь не допускать казаков в ее пределы пулеметным огнем. Атака казаков Павлова захлебнулась. Отойдя, всадники спешили и пытались развести костры в открытом поле, становясь мишенью для буденновских пулеметчиков. Наутро, ужаснувшись, во что превратился его корпус, Павлов спешным порядком повел его в отступление на станицу Егорлыкскую. Свыше 5 тысяч человек было потеряно убитыми и обмороженными лишь в ходе одного только рейда. Спустя еще день конница Буденного отправилась в преследование отступавших казаков Павлова, но атаковать его не решалась, остановившись всего в нескольких верстах около арьергардов корпуса. Силы атаковать красных не было и у казаков Павлова. От Егорлыкской Павлов повернул на Белую

Глину, но внезапная оттепель снова спутала карты его продвижения, вынуждая его войска из-за непролазной грязи двигаться в колонну по три, растянувшись на многие версты. Первая же атака Буденного смешала ряды павловцев, парализовав движение, и заставила в спешном порядке отходить прочь, оставляя обозы и артиллерию, увязшими в грязи. Во след им устремилась кавалерия Буденного. Прибыв в Егорлыкскую, потрепанные части Павлова были усилены Терско-Кубанской дивизией и добровольческой кавалерийской бригадой генерал-лейтенанта Ивана Гавриловича Барбовича, а также 2-м Донским корпусом. Основные силы Буденного были направлены на корпус генерала Крыжановского, отступившего к станции Белая Глина. Подчиненные Крыжановскому кубанцы сдавались или просто дезертировали. Фронт был прорван буденновцами, и остатки корпуса перестали существовать. Генерал Крыжановский покончил жизнь, выстрелив себе в висок. 26 февраля 1920 года Буденный двинулся на Егорлыкскую, где началось грандиозное кавалерийское сражение, продолжавшееся весь световой день. Ночью белые и Буденный были вынуждены отойти, а прибывшие 8-я и 9-я советские армии по приказу Тухачевского перешли в наступление на части генерала Сидорина. После того как большевистские армии переправились через Маныч и Дон, они легко отбросили ослабленные после вчерашнего сражения донские войска и начали теснить их к югу. Добровольцы, поставленные в низовьях Дона, продолжали стойко отбивать все атаки. Генерал Сидорин был вынужден отдать приказ донцам отступить на линию реки Кагальник, однако закрепиться там им не удалось и они продолжали пятиться, отступая под ударами советских армий. Части 11-й советской армии взяли Ставрополь 2 марта 1920 года, а другая группировка советских войск вышла в район Минеральных Вод, выйдя от Св. Креста. Северокавказские подразделения генерала Эрдели оказались отрезанными от остальных армий ВСЮР. Фронт обороны белых был разрушен. 17 марта 1920 года, после оставления Екатеринодара, вышел приказ Деникина об отводе всех войск за Кубань и Лабу и

об уничтожении всех переправ. Ставка Деникина переехала в Новороссийск, запруженный беженцами, дезертирами и всякого рода тыловиками, пытавшимися отсидеться здесь от войны. В штабе Деникина началось обсуждение возможной эвакуации Новороссийска морем, однако доклады морских чинов и служащих порта нарисовали перед Главнокомандующим безотрадную картину того, что эвакуировать всех желающих через новороссийский порт не удастся. Не хватало времени, чтобы планомерно организовать погрузку воинских частей без того, чтобы не бросить артиллерию, гужевого транспорт и имущество ВСЮР. Было принято решение о начале эвакуации в Новороссийске, а прибывающие с фронтов войска отводить на Таманский полуостров, удобный для обороны силами флотской артиллерии в случае, если противник будет преследовать отступавших. Флотилия Керченского порта постепенно могла бы перевозить армейские части через пролив. Штаб распорядился о переводе в Керчь дополнительных транспортов. Главнокомандующий решил отправиться со штабом в Анапу и далее отходить вместе с армией. Штаб Деникина выпустил последний приказ Добровольческой и Донской армиям удерживать плацдарм на реке Курге и держать оборону от устья Курги до Азовского моря. Этот приказ не был выполнен, потому что крушение фронта уже приняло обвальный характер. Белые части продолжали отбиваться от наседающего противника, однако в положении фронта уже ничто не могло повернуться лучшим для них образом. *«Вернувшись в Феодосию на следующий день 15 марта, я встретил наш Лейб-Эскадрон. Помню, что в тот же день князь Черкасский и я отправились повидать генерала Шапрона дю Ларрэ (адъютанта Деникина. — прим. авт.) в гостиницу «Астория», где стоял штаб Деникина... Генерал Шапрон, у которого мы просили информации, сказал нам, что ничего не изменилось, что борьба продолжается, но ни словом не обмолвился о том, что уже назначен новый Главнокомандующий. Сам же генерал Шапрон в тот же вечер сел с генералом Деникиным на английский миноносец и отплыл в Лондон»*²⁸. Эвакуация из Новороссийска Главнокомандующего

только подхлестнула беженцев и военных. Людей охватила самая разнообразная гамма чувств — от ощущения полной безысходности до панического ужаса перед надвигавшимися красными: *«Безветренная прозрачная ночь. Конец марта 1920 года. Новороссийский мол. Мы грузимся на «Екатеринодар». Офицерская рота для порядка выкатила пулеметы. Грузятся офицеры и добровольцы. Час ночи. Почти безмолвно шевелится черная стена людей, стоящих в затылок. Умола тысячи брошенных лошадей; они подходят к соленой воде, вытягивают шеи, губы дрожат: кони хотят пить...»*²⁹. Начальником обороны Новороссийска был назначен генерал-майор А.П. Кутепов. Его частям приходилось не только держать линию обороны города во время проходившей погрузки, но и сдерживать толпы обезумевших гражданских беженцев, продолжавших стекаться в порт. 26 марта 1920 года Кутепов доложил командованию, что оставаться в Новороссийске — «смерти подобно», потому что обстановка в городе, давно вышедшая из-под контроля, грозила неминуемым социальным взрывом; стоявшие в оцеплении юнкера Донского военного училища были тоже на грани нервного истощения. Были взяты все имевшиеся в новороссийском порту транспорты, включая баржи и мелкие баркасы и шлюпки. *«Всю ночь продолжаются грандиозные пожары и раздаются взрывы; долго продолжается трескотня ружейных патронов в подожженном складе. Картина пожаров величественная, красивая и жуткая... В районе Кабардинки также видны разрывы — это идет бой отходящих на юг казаков с отрезающими им путь красными...»*³⁰. Узнав, что в городе остался 3-й Дроздовский полк, прикрывавший отход армии, генерал Кутепов вернулся на миноносце «Пылкий» забрать его, и дал бой вступавшим в город красным передовым частям: *«Третьего полка не ждали, за него были спокойны: для его погрузки был отдан транспорт «Святой Николай». Но команда «Николая», не окончив погрузки, обрубил канаты и транспорт ушел... Помню святающееся небо, ветер в лицо... На «Пылком» ко мне вышел генерал Кутепов, окатил блеском черных глаз... — Полковник Туркул, сколько у вас непогруженных? — Приблизитель-*

но двести, ваше превосходительство... — Грузите к нам...»³¹. Из города в Крым выбралось около 30 тысяч офицеров и солдат и казаков, не считая гражданских служащих и генералов. Донские казаки и часть добровольцев, не попавших на отходившие транспорты, двинулись по берегу на Геленджик и Туапсе.

Новороссийская катастрофа оставила глубокий след во всех слоях армии и создала определенное недоверие по отношению к высшему командованию. По прибытии в Крым, в Севастополе 3 апреля 1920 года Деникин созвал совещание всех старших начальников для избрания преемника главнокомандующему Вооруженными Силами России; в список потенциальных кандидатов были включены Врангель, Юзефович, Боровский и Покровский. Председателем совета был назначен генерал от кавалерии А.М. Драгомиров. В ходе обсуждения генералу Деникину пришлось сложить с себя полномочия Главнокомандующего. В приказе № 2899, отданном в Феодосии 4 апреля 1920 года, своим преемником он был вынужден назначить барона Врангеля. Вечером того же дня Деникин попрощался с сотрудниками штаба, своим конвоем и охранной офицерской ротой, состоявшей из многих «первопоходников». Многие из чинов штаба и роты не смогли сдержать слез. Простившись, Деникин отправился на пристань, где вместе со своим старым другом генералом Романовским и британским военным представителем генералом Холменом поднялся на борт британского миноносца, доставившего их в Константинополь. Русское посольство, сославшись на нехватку жилых помещений, отказалось приютить бывшего главнокомандующего и начальника его штаба. Иван Павлович Романовский отправился договариваться относительно машины, которая могла бы доставить их в распоряжение британской миссии, куда оба генерала были давно званы. Неожиданно в холле посольства появился человек, одетый в офицерское пальто мирного образца с золотыми погонами, внезапно доставший из правого кармана «кольт» и трижды выстреливший в Романовского, сразив бывшего

начальника деникинского штаба наповал... Пометавшись по зданию посольства, стрелявший выбежал в одну из дверей, услужливо открытую одной из беженек, находившейся в посольстве.

Через день, потеряв своего последнего друга и соратника, на британском линкоре «Мальборо» Деникин направился в Великобританию. Сразу по принятии Главного командования, Врангель приступил к переформированию армии. Войска Вооруженных Сил Юга России были переименованы в Русскую Армию и разделены на пять корпусов: 1-й армейский корпус генерал-майора А.П. Кутепова, в который входили Алексеевская, Дроздовская, Корниловская и Марковская дивизии; 2-й армейский корпус генерал-лейтенанта Я.А. Слащева (в него вошли 13-я и 34-я пехотные дивизии и отдельная кавалерийская бригада); Донская бригада генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова, включавшая 1-ю, 2-ю и 3-ю Донские дивизии; Сводный корпус генерал-лейтенанта П.К. Писарева, в который входили 1-я, 2-я и 3-я Кубанские дивизии, а также Чеченская бригада) и Конный корпус генерал-майора И.Г. Барбовича (в ген.-лейт. произведен в июле 1920), состоявший из 1-й и 2-й кавалерийских дивизий. При каждой дивизии создавались запасные полки. Было основано военное училище и разнообразные курсы: инженерные, пулеметные и т.д. Начинаясь последний акт сражения с большевизмом на Юге России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
2. Указ. соч.
3. Розеншельд-Паулин В. Участие в Белом Движении в кн.: Кирасиры Его Величества. Париж. Изд. Возрождение. 1944.
4. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.

5. *Розеншельд-Паулин В.* Участие в Белом Движении в кн.: Кирасиры Его Величества. Париж. Изд. Возрождение. 1944.
6. *Деникин А.И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
7. *Деникин А.И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Голос. 1992.
8. Марковцы в походе на Москву // Поход на Москву М.: Центрполиграф. 2004.
9. *Павлов В.Е.* Поход на Москву // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
10. *Павлов В.Е.* Поход на Москву // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
11. Указ. соч.
12. Указ. соч.
13. *Головань Г.* Марковцы в походе на Москву // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
14. *Шкуро А.Г.* Записки Белого партизана // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
15. *Павлов В.Е.* Поход на Москву // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
16. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
17. *Деникин А.И.* Вооруженные Силы на Юге России // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
18. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
19. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
20. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
21. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
22. *Оношкевич-Яцына Е.* Взятие Ростова 7—8 февраля 1920 г. // Офицеры русской гвардии в белой борьбе. М.: Центрполиграф. 2002.
23. *Розеншельд-Паулин В.* Кирасиры Его Величества. Участие в Белом движении. Жизнь за рубежом. Париж. Изд. «Возрождение. 1944.
24. Указ. соч.
25. *Головань Г.* Марковцы в походе на Москву // Поход на Москву. М.: Центрполиграф. 2004.
26. *Врангель П.Н., барон.* Воспоминания, часть II, Франкфурт-на-Майне. Посев. 1969.
27. *Варнек П. А.* Эвакуация Одессы Добровольческой армией в 1920 году // Флот в Белой Борьбе. М.: Центрполиграф. 2002.
28. *Розеншельд-Паулин В.* Из дневника // Кирасиры Его Величества. Участие в Белом Движении и Жизнь за рубежом. Париж. Изд. Возрождение. 1944.
29. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
30. *Розеншельд-Паулин В.* Из дневника // Кирасиры Его Величества. Участие в Белом Движении и Жизнь за рубежом. Париж. Изд. Возрождение. 1944.
31. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕЛИКИЙ КОНСПИРАТОР СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

На холме русского «николаевского» кладбища Кокад в Ницце, в самом северном его пределе, расположен склеп генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, скончавшегося в 1933 году в соседнем с Ниццей городке Сен-Лоран-Дю-Вар. Полного генерала и Главнокомандующего похоронили вначале в алтаре каннского собора Михаила Архангела, рядом с усыпальницами русских Великих князей, но по какой-то причине перенесли на Кокад 9 декабря 1957 года, стараниями чинов РОВС и при посредстве представителя РОВС в Ницце генерала Михаила Андреевича Свечина.

Местный служитель русского некрополя Евгений Николаевич Веревкин, краевед и знаток множества историй из жизни русской эмиграции, лаконично намекнул автору этих строк, что сам вопрос о перезахоронении Юденича возник не случайно, что некоторые из Великих князей буквально настаивали, чтобы прах белого Главнокомандующего был перенесен из Канн прочь. «Cherchez le femme», — лаконично намекнул нам Веревкин.

С места последнего пристанища генерала Юденича открывается чудный вид на лазурь далекого Средиземного моря, дальние черепичные крыши, окруженные вечнозелеными кипарисами, и взлетную полосу городского аэропорта.

Здесь окончился долгий крестный путь одного из вождей Белого движения на Севере, недавнего героя Великой войны, отставленного Керенским от должности Главноко-

мандующего Кавказским фронтом 2 (15) мая 1917 года. Покинув Тифлис, Николай Николаевич с супругой переехал в пустующую квартиру адмирала Хоменко, что располагалась на Каменоостровском проспекте, в доме Страхового общества «Россия». «Генерал, будьте спокойны, мы вас уберем!» — пообещал знавший его старший дворник, руководивший переездом семьи Юденича на новую квартиру. В дни Октябрьского переворота Юденич пребывал в Москве, однако вскоре вернулся в Петроград для проверки возможности создания офицерской организации из числа знакомых генерала в бывших полках Российской императорской гвардии. Вскоре большевики демобилизовали все гвардейские полки, оставив лишь один лейб-гвардии Семеновский полк под новым названием «полка по охране города Петрограда». В 20-х числах ноября 1918 года, когда Юденич отбыл в Финляндию «*при помощи тайной организации*», он стал поддерживать связь в полку через курьеров. Офицерскую организацию поддерживал постоянно проживающий в Стокгольме финансист и банкир Ф.Ф. Лич, много сделавший для открытия Русско-английского банка, где были размещены активы, полученные впоследствии Юденичем от А.В. Колчака. В Финляндии Юденич начал переговоры с главнокомандующим финской армией, бывшим генерал-лейтенантом русской службы, кавалергардом Карлом-Густавом Эмилем Маннергеймом. «*Швед по происхождению, финляндец по образованию, этот образцовый наемник понимал службу, как ремесло. Он все умел делать образцово и даже пить так, чтобы оставаться трезвым...*»¹. Маннергейм, избранный финским парламентом главой государства и регентом 11 ноября 1918 года, оказался в нужном месте и в нужное время. Судьба вознесла его на вершину власти новообразованного государства. Гибнущая под распространяющимся большевистским игом Россия теперь мало его занимала. Иностранец, чуждый России и русским, он принимал от нее блага и чины до той поры, пока она оставалась сильной империей, однако в дни ее развала он также преуспел, выдвинувшись на идеях крайнего национализма и даже воинственной агрес-

сии против России. По существу, Маннергейму было неважно, смогут ли патриотически настроенные русские генералы и офицеры обуздать разгул большевизма. Для него, как и большевики, они оставались «этими русскими», что превосходно доказали действия 27-го финского егерского батальона при взятии Выборга для подавления восстания финляндских красногвардейцев: «... Они без разбора расстреляли вместе с финскими красногвардейцами и проживавших в Выборге русских офицеров из бывших финляндских стрелковых полков. Если этих «егерей» воодушевляла идея захвата Карелии, то они были более чем равнодушны к участию в освобождении Петрограда от большевиков»². Похоже, что Юденич не желал видеть этих антирусских настроений барона Маннергейма и его подданных. Он уповал, что союзники по Антанте, высадившись в балтийских портах России, смогут помочь одолеть большевизм в союзе с русскими добровольцами, о чем генерал говорил с британцами в декабре 1918 года, однако не встретил полного понимания своих устремлений. Британия не видела особенной выгоды в десантах, предложенных Юденичем, а внешнеполитический курс Лондона уже склонялся в сторону установления коммерческих связей с большевистским правительством. С большим пониманием к его идеям совместной с Антантой борьбы против большевизма отнеслись французы, однако ни к каким практическим результатам эти беседы так и не привели.

3 января 1919 года в беседах с Маннергеймом Юденич снова вернулся к вопросу участия финской армии во взятии Петрограда. На этот раз подготовившийся к разговору Маннергейм потребовал территориальных уступок в Восточной Карелии и на берегу Кольского полуострова в обмен на военную помощь, однако Юденич сознавал, что не наделен соответствующими полномочиями для того, чтобы представлять интересы России на международных переговорах. Юденич задумался о создании политической организации в Финляндии, где временно проживал, которая позволила бы ему выступить на переговорах от лица России. Для этого он связался с Русским политическим Совецанием в Париже, воз-

главляемым бывшим министром иностранных дел Императорской России С.Д. Сазоновым. Сазонов, признавший адмирала А.В. Колчака как Верховного правителя России, во встрече Юденичу не отказал. Для связи с правительством Верховного правителя в Сибири Юденич использовал контакты своего знакомого контр-адмирала В.К. Пилкина, который хорошо рекомендовал его в письме к своему другу, управляющему морским министерством в правительстве Колчака контр-адмиралу Смирнову: «Юденич, несомненно, очень умен. Никто его не обманет. Стоит посмотреть, как он слушает, поглядывая исподлобья на разный люд, являющийся к нему, кто с проектом, кто с докладом. Заметно, что он всех насквозь видит и мало кому верит. Если скажет что-нибудь, то слово его всегда метко и умно, но говорит мало, очень молчалив... При этом совсем не угрюм и в нем много юмора»³. Неизвестно, насколько данная рекомендация убедила Колчака впоследствии назначить Юденича Главнокомандующим Северо-Западным фронтом и перевести на его личный счет «значительные денежные суммы в иностранной валюте» для нужд Северо-Западной армии, но, памятуя о том, что Верховный правитель нередко слепо до трагизма доверял своим ближним, данное его решение выглядело неудивительным. Удивительно было то, что Колчак в обмен на назначение и денежные вливания не затребовал от Юденича презентации его стратегии, доверяясь убеждению, что опытный генерал знает, что нужно делать. В ходе своего пребывания в Гельсингфорсе, Юденичем владела навязчивая идея овладеть Петроградом совместно с финской армией: «— Слишком соблазнительная операция, чтобы отказываться от нее, — говорил он (Юденич. — Авт.) адмиралу Пилкину весной 1919 года. — Пока есть хоть один шанс, я не уеду»⁴. По замыслу Юденича, наряду с наступлением регулярных войск в Петрограде должно было вспыхнуть восстание подпольных групп и частей гарнизона. В ходе проходившего в Выборге съезда русских промышленных кругов, находившихся в Финляндии, был сформирован Национальный комитет, в котором Юденич получил официальное право вести

военными вопросами. Им был сформирован небольшой штаб из приближенных к нему контр-адмирала Пилкина и генерал-лейтенанта Кондзеровского, взявшего себе для благозвучия «русский» псевдоним Кондырев. Получив, таким образом, некоторую «легитимность», Николай Николаевич Юденич собрался было разрабатывать план дальнейшего взаимодействия с Маннергеймом, как из Парижа, словно ушат холодной воды на горячую старческую голову, обрушился запрет Сазонова на проведение Юденичем каких-либо переговоров с финским регентом. В своих инструкциях Юденичу Сазонов указывал, что подобные переговоры уместнее было бы проводить на нейтральной территории в Париже. Кроме того, Сазонов позволил себе замечание проявлять сдержанность и не давать представителю иностранной державы обещания, которые не уполномочен: *«Желательно, чтобы в Ваших беседах с Маннергеймом Вы бы высказались в подходящем смысле»*⁵. Колчак, человек, которому было свойственно убеждение, что единожды понравившемуся человеку можно безгранично доверять, и, будучи мало осведомленным о планах Юденича уступать территориальным претензиям Маннергейма, напротив слал из далекого Омска Юденичу теплые приветствия и желал всяческих успехов: *«Горячо приветствую Ваше дело, видя в нем новый решительный шаг к освобождению нашей родины. С радостью усматриваю, что все национальные усилия в разных частях России идут к быстрому объединению. Шлю Вам пожелание успеха»*⁶ и т.д. и т.п. Едва ли так думал Маннергейм, которому эти «национальные усилия» по возрождению сильной России были нужны менее всего и в случае успеха которых русский сосед смог бы легко, как в старое доброе время, поубавить разыгравшиеся территориальные аппетиты чухонского князька, невзирая на его прежнюю службу покойному государю. Наконец, Юденич понял, что по крайней мере стоило бы ознакомить Верховного правителя с местной обстановкой и своими великими стратегическими замыслами в рамках одного города. На посланные в Сибирь доклады Верховному правителю тот отвечал телеграммами, полными самого без-

граничного оптимизма: *«Создание Северо-Западного фронта на началах Вами проектируемых, признаю вполне целесообразным и подлежащим осуществлению... Занятие столицы нанесло бы большевикам тяжелый моральный урон... Уполномочиваю Вас принять Главнокомандование всеми русскими силами Северо-Западного фронта. Поход Маннергейма на Петроград чрезвычайно желателен... Мы считаем возможным согласиться, чтобы общее руководство военными действиями лежало на Маннергейме... по занятию Петрограда там будет установлена русская, Вам подчиненная, а не Финляндская администрация»*⁷. Адмиралу Колчаку очень хотелось верить, что добрые финны, добыв ценою кровопролитных боев русскую столицу, благодарно передадут бразды правления bravому генералу Юденичу и тихо удалятся в свои шхеры и леса под аплодисменты освобожденного Петроградского русского люда. Похоже, что в такой уверенности прибывал и сам Юденич, на радостях отбывший на французском миноносце в Ревель, где велел генерал-майору А.П. Родзянко доложить об обстановке и готовности к битве с большевизмом и изъявил желание повидать русскую армию. *«Армия, которую наконец увидел генерал Юденич, была раздета, воевала в основном трофейным оружием и сэкономила скупо отпускаемые эстонским командованием из запасов бывшей крепости Императора Петра Великого патроны и снаряды»*⁸.

Идея совместной с финнами борьбы против большевизма казалась Родзянко немного странной. Пробыв на эстонской территории сравнительно немного времени, он в полной мере успел вкусить «гостеприимства» независимых эстонцев и финнов, и теперь он пытался настойчиво поставить под сомнение вопрос подобного «боевого содружества» перед прибывшим Главнокомандующим: *«Сам генерал Родзянко отлично знал, что... финляндские власти не только не разрешали формировать части из русских добровольцев, но и всячески мешали офицерам, желавшим попасть в Северный корпус, отплыть легально из Финляндии в Эстонию»*⁹. Однако и эта очевидная враждебность финнов, все чаще начавшая проявляться после обретения ими «независимости», не

встревожила Юденича. От его взгляда, конечно, не укрылось и то, что имеющиеся части в силу своей малочисленности не могут иметь успеха в наступлении на Петроград, что упущен момент поддержки восстания в форте «Красная Горка» и само утверждение Родзянко о том, что *«всякая надежда на движение на Петроград отпала»*¹⁰. Отчего-то, по замечанию биографов, Юденич еще с большей настойчивостью продолжает стремиться к осуществлению своего стратегического замысла об ударе по Петрограду с Севера. Биограф оправдывал устремления Юденича его дальновидным замыслом последующего движения от станции Бологое к Москве, где будет возможно соединиться с частями Деникина, наступавшими с юга, хотя Деникину до Москвы было еще очень и очень далеко. Кроме того, нельзя было не сознавать, что на пути Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России стояли не малочисленные гарнизоны чухонских городков, а хорошо обученные и подготовленные большевистские армии во главе с опытными командирами, заставлявшими и таких опытных полководцев, как Деникин и его начальник штаба Романовский, иногда менять свои талантливые оперативные планы.

Юденич и Маннергейм, при участии представителя британской миссии генерала Гоффа, вновь встретились 6 июня 1919 года для обсуждения наступления на Петроград. Маннергейм торопил собеседников, говоря, что на носу президентские выборы в Финляндии, и что нужно торопиться провести блестящую операцию до того, как финнам вздумается избрать себе другого президента. 12 июня Маннергейм и Юденич подписали военно-политическое соглашение о выступлении финских войск на Петроград, о чем Юденич послал преисполненное радости сообщение адмиралу Колчаку. Казалось, что союз с финнами неизбежен и дни Петроградского наступления сочтены, но, как всегда, вмешалась политика. Перед Маннергеймом встал выбор: утвердить конституцию, согласно которой выборы президента становятся прерогативой парламента или, пользуясь правами регента, распустить финский парламент и попытаться составить полити-

ческий капитал на победоносной войне против русской столицы. Маннергейм опасался перехитрить самого себя, ведь даже поднявшись на мутной волне финского национализма, сам он не был финном по национальности, и в этом ему виделась определенная слабая сторона собственного политического будущего. Он выбрал конституцию, которую утвердил лично, за что благодарные финны выбрали своим президентом 25 июля 1919 года профессора Стольберга. За недавнего регента проголосовала лишь малочисленная Шведская национальная коалиционная партия. Поняв, что просчитался, Маннергейм покинул Финляндию с ее благодарным населением и ожидавшим лавры совместного, боевого содружества Юденичем и *«надолго отбыл за границу»*. Следом за ним уныло отбыли в Ревель и Юденич с Пилкиным. Казалось бы, здесь бы и возмутиться Верховному правителю, обретавшемуся в далеком Омске: «Позвольте, господа, а как же финансирование блестящих стратегических замыслов совместной русско-финской борьбы с большевизмом в одном отдельно взятом городе? Благоволите объясниться...» Но отчего-то Колчак не стал докапываться до причин неудачи, предоставив Юденичу полную свободу выбора дальнейших действий.

Однако, если с осени 1918-го по лето 1919 года Юденич пребывал в бесконечных переговорах и плетении сети заговоров против большевиков в Петрограде, перемещаясь из Стокгольма в Гельсингфорс, а из Гельсингфорса в Ревель и обратно и получая средства на невероятные стратегические инициативы, был занят их размещением в английском банке и т.д., реальную повседневную вооруженную борьбу с большевизмом на Северо-Западе вели тысячи обыкновенных офицеров и солдат, русских и иностранцев, с каждым днем приближая крах советского режима в Прибалтике. Эти люди были руководимы даже не генералами, а штаб и обер-офицерами бывшей императорской армии, которые видели свой долг перед Отечеством в противостоянии злодейскому режиму с оружием в руках. И едва ли в ведении сложных дипломатических интриг с историческими недоброжелателями своего Отечества в уютных переговорных салонах Европы.

Еще осенью 1918 года в Прибалтике сложилась весьма непростая политическая ситуация. На территории Латвии еще продолжали оставаться германские войска, что вызывало опасения Великобритании. Союзники по Антанте покровительствовали самопровозглашенным независимостям Латвии, Литвы и Эстляндии, однако относились с некоторым подозрением к Балтийскому ландверу и русским частям. Генералу Юденичу пришлось согласиться на создание навязанного ему союзниками Северо-Западного правительства, которое было представлено различными левыми элементами. Основой создания Северо-Западной армии послужил Особый Псковский добровольческий корпус, формировавшийся с сентября 1918 года в Пскове как часть Северной армии, создававшейся, как и Южная, в Киеве правыми русскими группировками и призванной быть с ними одним целым. Сформировались Псковский, Островский и Режицкий полки по 500 человек каждый, а также отряды полковников Неплюева, Афанасьева и Бибикова. В ожидании прибытия назначенного Деникиным возглавить Северную армию генерала от кавалерии графа Федора Артуровича Келлера, в командование армией с 21 октября 1918 года вступил генерал А.Е. Вандам. Начальником его штаба стал генерал-майор Б.С. Малявин. 2 ноября 1918 года из Красной армии перешел конный отряд ротмистра С.Н. Булаховича, численностью в два дивизиона, и к белым прибыли три судна Чудской флотилии, под командованием капитана 2-го ранга Д.Д. Нелидова. К концу ноября корпус насчитывал 4500 человек, треть из которых были офицерами. После того как большевики заняли Псков, корпус с боями отошел на территорию Эстонии. Часть офицеров, отступавших от Пскова, направились в Ригу, где полковник А.П. Родзянко пытался объединить Балтийский ландсвер и части Псковского корпуса. В Эстонии в это время находился Особый корпус Северной армии, состоявший из Восточного и Западного отрядов, численность которого по договору от 4 декабря 1918 года с эстонским правительством не должна была превышать 3500 человек. Отношение эстонского правительства к корпусу было крайне недоброжелательным.

В Ревеле были сформированы отряд Русской Дружины под командованием генерала В.А. Геннингса и отряд полковника К.Г. Баденька. Всего русских войск, находившихся в прибалтийских государствах к середине февраля 1919 года, насчитывалось уже 31 920 человек, а к лету того же года все русские части были преобразованы в Северную, а вскоре и Северо-Западную армию. В то время как в Пскове создавалась Северная армия, по всей Прибалтике продолжалось формирование антибольшевистских частей, начало которым было положено созданием ротмистром Светлейшим князем Анатолием Павловичем Ливеном и капитаном К.И. Дыдовым. В ноябре 1918 года был создан Рижский отряд охраны Балтийского края. Тогда же в Риге создались три отдельных батальона, общее командование над которыми принял полковник А.П. Родзянко, однако его начинание не получило должного развития и Родзянко отдал приказ русским добровольцам перейти в Либаву. 6 января 1919 года пришло известие о гибели графа Келлера в Киеве от рук петлюровцев. Либавский добровольческий отряд был расформирован.

В Пскове расположилась Северная белая армия, однако ее формирование было далеко не завершено, вооружение было слабым, но главное — во главе армии не стояло авторитетного и опытного командования. 25 ноября 1918 года большевики начали вторжение в Прибалтику. Белые части, в количестве 3 тыс. штыков, под командованием полковника Генриха фон Нефа, выдвинулись на позиции восточнее Пскова, храбро атаковали большевиков правым своим крылом, продвинулись и захватили большевистский бронепоезд и несколько броневиков. Большевики навалились на левый фланг фон Нефа, а в городе вспыхнуло восстание большевистского подполья, хорошо вооружившегося за счет покупки оружия и боеприпасов у разложившихся германских частей, спешно покинувших город, отступая без боев к Изборску.

Обойдя белые части, они заняли город. Штаб Северной армии, тыловые офицеры, остававшиеся в городе и не имевшие связи с войсками на передовой, поездами спешно эвакуировались в Ригу. Войска Нефа оказались в окружении.

Снявшись с позиций, они штыками проложили себе путь через улицы города, к реке Великая. Преследуемые большевиками, пробившиеся части Нефа, кто на лодках, кто через мосты, переправились через реку и стали откатываться в западном направлении, преследуемые большевистскими частями. Отставшие от общего отступления отряды истреблялись красными авангардами, а также добивались местными жителями, недружественно относившимися к русским. Войдя в Псков, большевики, как обычно, начали с расстрелов «белогвардейцев». В число последних попали владельцы гостиниц, где жили офицеры Северной армии, рабочие мастерских, получивших армейские заказы, и все те, кто так или иначе был занят в обслуживании армии. Список убитых в первые дни большевистского правления составил 300 человек. Остатки Северной армии добрались до Валги, где Нефу удалось снова сформировать из разрозненных отрядов более или менее боеспособное соединение: *«Из Острова, из Пскова, в буран, шла горсть офицеров и солдат неизвестно куда, с врагом на пятах. Днями голодали и крепче завязывали на онучах телефонные провода, отставшие погибали. Без шинелей лежали на морозе и стреляли раненые с дровен, ледяные затворы горели в руках... Весною, в талую воду по первой траве ходили в атаки босиком, патроны отбивали у противника... Без отдыха, не зная смены, без поддержки, раздетые, сражались и побеждали, «сынками» звали бабы в деревнях...»*¹¹. Отрезанный от своих штабов в Риге, теснимый большевиками к северу, в середине декабря 1918 года Нефф заключил договор с Эстонским правительством о присоединении к частям эстонского ополчения, срочно создаваемого для защиты провозглашенного суверенитета. Большевики, нацеливающиеся захватить власть в республике, уже провозгласили создание эстонского советского правительства в Нарве 29 ноября 1918 года. Части Нефа сосредоточились у Ревеля, и это помогло эстонцам отстоять город от большевиков.

Основной удар большевиков был нацелен на Ригу. На этом направлении сосредотачивались лучшие ударные части, в числе которых было и две дивизии приснопамятных латышских

стрелков. Германские войска, которые должны были оборонять Ригу, категорически противились вступать в какие-либо стычки с большевиками, распродавали казенное имущество и за деньги уступали большевикам один городок за другим. Рижане, обеспокоенные создавшейся ситуацией, стали спешно собирать отряды земской самообороны, получившие название Балтийский ландсвер. В быстром порядке формировались национальные батальоны — латышский, немецко-балтийские и русские. Германские добровольцы, желавшие поддерживать дисциплину в быстро разваливающейся национальной армии, сформировались в Железную дивизию. В это же время в Риге скопилось достаточное количество русских офицеров, не желавших возвращаться в отступившую на эстонскую территорию Псковскую армию, некоторые из которых пытались воздействовать на полковника Нефа, убедив его отступить через Ригу и обосноваться в Курляндии и Митаве для проведения дальнейших переформирований русских частей. Для связи в Ригу командировался генерал-майор А.П. Родзянко для объединения под общим командованием Балтийского ландсвера и остатков Псковской армии, но успехом это начинание не увенчалось из-за противодействия еще сильного германского командования и разногласий в рядах самих русских офицеров.

К стоявшим на рижском рейде британским крейсерам, на которых расположись представители английского союзного командования, направились Родзянко и Светлейший князь Анатолий Павлович Ливен для доклада английскому адмиралу Синклеру о положении дел и с просьбой о поддержке антибольшевистской борьбы. Делегаты были вежливо встречены английским адмиралом, однако ожидаемого обещания в поддержке не получили: у Британии была четкая ориентированность добиться ослабления России в этом регионе. На восточной окраине Риги большевики прорвали фронт, высланные им навстречу в Хинценберг небольшие части Балтийского ландсвера попали в окружение и едва избежали полного уничтожения превосходящими силами красных. 2 января 1919 года, получив большие потери, Бал-

тийский ландвер отступил и оставил Ригу. В городе начались беспорядки: люмпены грабили магазины и склады, убивали людей в офицерской форме, отставших немецких солдат, а 3 января на рижских улицах появились передовые большевистские части. В городе началась череда арестов и ставшие повседневной практикой большевистской администрации расстрелы «белогвардейцев» и сочувствующих: *«Распласталась на здании окружного суда пятиконечная колючая звезда, корчился в узорной тени листвы бородатый Маркс на бульваре — он в сумерках напоминал сатира. Трепались по ветру плакаты со стен: — Смерть врагам трудового народа!»*¹². На стенах домов вывешивались так называемые плакаты «правительства Р.С.Ф.С.Р.», гласившие, что ввиду того, что в городе *«...имеются сторонники капитализма, наемники Антанты и другая белогвардейская сволочь, ведущая буржуазную пропаганду, — вменяется в обязанность каждому коммунисту: усмотрев где-либо попытку опозорения советской власти и призыв к возмущению против нее, — расправляться с виновниками немедленно на месте, не обращаясь к суду»*¹³.

Отступая, Балтийский ландвер, две латышские роты и русская рота капитана Дыдорова, а также чины германской Железной дивизии попытались задержаться в Митаве, но были выбиты оттуда наступавшими красными частями. Тем временем в Либаве проходило переформирование всех добровольческих частей. Сюда же переехало новое латышское правительство во главе с премьером Ульманисом. Поскольку по условиям перемирия германцы должны были эвакуировать Курляндию, организация всех добровольческих отрядов шла за счет латышского правительства, однако при отсутствии средств это правительство обратилось за помощью к Германии, которая согласилась предоставить на взаимнообразных началах обмундирование, снаряжение и вооружение добровольческим частям, формируемым в Латвии. Германские добровольцы и весь командный состав считались на службе у Латвии. Идея формирования русского добровольческого отряда не оставляла Светлейшего князя Ливена, пытавшегося объединить разрозненные группы рус-

ских офицеров и солдат для создания полноценного войскового объединения, противостоящего большевизму: *«Сформировать при таких условиях русский добровольческий отряд было весьма трудно. Латыши, естественно, не доверяли такой формации, которая боролась за восстановление России, германофильствующие балтийцы косились, союзники видели в русских германофилов, а германцы — англофилов. Ввиду таких затруднений, генерал Родзянко и граф Пален были в Ревель, и я остался один в Либаве, но, поддержанный группой энергичных русских офицеров-патриотов, продолжал проводить свою организацию»*¹⁴.

Выход был найден путем временного подчинения Либавского добровольческого отряда Балтийскому ландверу, до той поры, пока отряду не будет возможно отправиться на соединение с Северо-Западной армией. Отряд, создаваемый Светлейшим князем, был *«чисто русский, принципы его были те же, что и в Добровольческой армии, то есть борьба с большевиками до восстановления Великой России и для доведения ее до Учредительного собрания»*¹⁵.

По замыслу его создателя, отряд не должен был вмешиваться в политику Прибалтийского края и в случае внутренних конфликтов должен был оставаться нейтральным.

При таком принципиальном подходе отряд мог сохранить свой национальный облик. На службу в отряд принимались только офицеры императорской армии и подданные России в качестве добровольцев. Бывших чинов германской армии в отряд не принимали. Служба в отряде отвечала уставу военной службы и законам Российской империи, принятым до 28 февраля 1917 года. В устав были внесены лишь те поправки, которые существовали уже в Добровольческой армии Деникина: вместо выражения «нижний чин» вводилось название «стрелок» или «доброволец» или наименование по роду оружия.

Обращение к добровольцам было установлено на «вы», обращение добровольцев к офицерам, включая полковника, было «господин поручик» и «господин полковник», отдание чести во фронт отменялось, генералы именовались

«ваше превосходительство». Отряд считался подчиненным Главнокомандующему Добровольческой армии Деникину, точно так же, как и адмиралу Колчаку, в статусе Верховного правителя России. В июле 1919 года пришел ответ от адмирала о назначении Светлейшего князя Ливена командиром русских стрелковых частей в Курляндии с подчинением генералу Юденичу в Финляндии как Главнокомандующему фронтом. Флагом отряда был утвержден русский национальный триколор. Обмундирование отряда состояло из германской формы, но с русскими погонами и по мере возможности, с русскими пуговицами. На левом рукаве носилась угловая нашивка бело-сине-красного цвета, а под ней был расположен белый четырехгранный крест. Фуражка чинов отряда имела голубой околыш с русской кокардой. Целью борьбы отряда было провозглашено восстановление в России порядка, а не уничтожение большевиков вообще: *«Все арестованные большевики передавались в военно-полевые суды, составленные из старших офицеров, исключительно по обвинению в определенном преступлении... при недоказанности суд выносил оправдательный приговор, даже если обвиняемое лицо состояло на службе у большевиков»*¹⁶.

Двигаясь на протяжении 500 километров от Пскова к Виндаве, большевистское наступление стало выдыхаться. Латышские части, оказавшись на родине, становились малоуправляемыми, и в красных частях возросло число дезертирств. Несмотря на то, что фронт стабилизировался, настроение населения Либавы было близким к панике: в городе скопилось большое количество беженцев из Пскова, Риги, Митавы. Все гостиницы, общежития, бараки и частные квартиры были переполнены. Первая волна эвакуации, благодаря германской административной аккуратности, протекала более или менее нормально. Главные силы большевиков были сосредоточены по реке Виндаве, южнее Голдингена. Здесь им противостояли незначительные по численности ландверные национальные части. Общее руководство фронтом было сосредоточено в руках генерала графа фон дер Гольца, чей штаб был расположен в Либаве. Командный язык в частях ландве-

ра был русский, и настроение военной молодежи ландвера было явно русофильское, что смущало германский штаб, решивший подчинить ландвер своему влиянию. Это началось с вопросов командного состава, командного языка и методов обучения. Командиром ландвера, вместо генерала русской службы барона Фрейтаг-Лорингофена, были последовательно назначены полковник Розен, а затем майор Флетчер. Для обучения строю в каждую роту ландвера были командированы германские унтер-офицеры. Был создан ударный отряд под командованием лейтенанта барона Ганса Мантейфеля, в количестве 1200 штыков, в составе которого более половины чинов составляли германские офицеры. В этот отряд входили еще две артиллерийские батареи и одна саперная рота. Латыши, численностью в 2000 штыков, были сведены в отряд под командованием полковника Колпака. Они носили свою особенную форму в виде красного околыша на фуражке и красные петлицы с белой полоской. Командным языком отряда стал латышский.

Уже 31 января 1919 года, спустя всего 2 недели после формирования отряда, часть его под командованием светлейшего князя Ливена выступили из Либавы в Газенпорт, а оттуда в Априкен, для образования левого фланга фронта, защищавшего Либавский плацдарм от большевиков. Активные боевые действия против большевиков начались со 2 марта 1919 года. Отряды Светлейшего князя Ливена и лейтенанта Мантейфеля, погрузившись на подводы, помчались к городку Виндава, атаковали оказавшихся там большевиков и... прорвали фронт: *«...В полдень мы были уже в центре города, и началась очистка его от спрятавшихся по домам большевиков. Насколько неожиданно для них (большевиков. — А.т.) было это наступление, видно из того, что на тот самый вечер назначен был маскарад в местной лютеранской кирке»*¹⁷. В городе отряды белых нашли сотню трупов погибших германских солдат, по-видимому, сдавшихся большевикам добровольно. Тела убитых германцев были страшно изуродованы. Позже выяснилось, что глумление над останками убитых произвели местные литовские большевички:

«Вообще, в Прибалтике большевистские женщины отличались наибольшим озверением и жестокостью, за что немцы их прозвали *Flintenweiber* (ружейные бабы)»¹⁸.

Через четыре дня опомнившиеся большевики попытались обойти город с западной стороны. В Виндаве майор Флетчер оставил лишь одну роту, а сам, посадив свои немногочисленные части на те же подводы, отправился в городок Голдинген, попытаться противодействовать красным, однако те не стали дожидаться прибытия подвод braveго майора Флетчера и, обстреляв город из орудий, спешно отбыли на свой берег реки. Спустя всего несколько дней большевики снова попытались провести наступление на Виндаву. И снова майор Флетчер, погрузившись со своими стрелками на подводы, направился в атаку на большевиков. Однако и теперь рота Радена, оставленная в городе, не только отстояла город, но, выдвинувшись в обход, по сельской местности, произвела повреждение железнодорожных путей и, напав на стоявший большевистский бронепоезд, перебила прислугу и захватила его.

После этих маневренных боев местного значения настала пора общего наступления на большевиков, начавшегося 13 марта 1919 года. Объединившиеся белые отряды, на всем протяжении 130-километрового фронта, начали наступление на восток порядками, состоящими из пяти колонн. Северная колонна силою в 1200 штыков, под командованием лейтенанта Мантейфеля, выйдя вперед, вошла в городок Туккум по дороге, лежащей чуть севернее железнодорожного полотна Московско-Виндавской железной дороги, откуда бежал немногочисленный большевистский гарнизон, увозя с собой узников местной тюрьмы и арестованных. С юго-западной стороны к Туккуму подходил эскадрон барона Гана и колонна Эйленбурга, численностью в 800 штыков. Русский отряд, численностью в 2500 штыков, направлялся в восточном направлении, имел задачу выйти на дорогу, идущую в Митаву, лежавшую верстах в 20 южнее Туккума. Вскоре, уже вечером, Русский отряд натолкнулся на передовые посты большевиков, по которым было дано несколько выстрелов

из единственного имеющегося в отряде орудия. Большевики, которые располагались на ночлег, были застигнуты выстрелами орудия врасплох и бежали. Майор Флетчер решил мгновенным броском достичь Митавы и выступил со своим отрядом, не дожидаясь подхода Железной дивизии и латышской национальной роты. Бой произошел в городском пригороде, разбитые большевики откатывались, оставляя в Митаве склады с имуществом и боеприпасами, а также санитарный поезд, выходом которого из города никто из большевистского командования не озаботился: *«После взятия Митавы первый день прошел спокойно. Производилась чистка города, и разыскивались многочисленные трупы расстрелянных большевиками, которые, едва зарытые в землю, заполняли дворы и сады вокруг губернской тюрьмы»*¹⁹.

Положение передовых белых отрядов было не из легких: взятая наскоком Митава была не подготовлена к длительной обороне. Позади оставались рассеянные, но не уничтоженные большевистские соединения, пытавшиеся выйти из окружения, которое белые силы не могли сдерживать длительное время. Большевики предприняли попытку отбить Митаву, подогнав два бронепоезда и несколько броневиков и ведя фронтальное наступление на город. Отряд Ливена отбил две яростные атаки, после чего попытка взять город повторилась на следующий день, но безуспешно. 21 марта 1919 года, обойдя Митаву с севера, большевики стали накапливаться в ближайших лесах, окружающих город, и распространяться по ним. На борьбу с засевшими в лесах красными был отправлен Русский отряд и германская добровольческая пулеметная рота, вступившие в бой около мызы Шведгоф, верстах в пяти от города. Оказавшись под непрерывным пулеметным и артиллерийским обстрелом, большевики 15-го латышского полка дрогнули. Затем пытались равномерно отступать, но, увидев преследование, бросились спасаться бегством, увлекая за собой только что прибывший батальон 10-го советского полка.

После этого столкновения большевистское командование было уверено в том, что наступление добровольческих отря-

дов на Ригу — уже решенное дело и приступили к эвакуации города загодя. Улицы, по которым намечалась эвакуация, заранее очищались от «буржуев» и «шпионов» Антанты: *«Расстрелов было столько, что солдаты отказывались производить их, и работа расстрела поручалась коммунистическим девушкам-добровольцам, которые находили особое удовольствие в истязании своих жертв до окончательного их расстрела»*²⁰.

О серьезной обороне города большевики не задумывались. Из Риги на восток выходили поезда с награбленным имуществом, вывозились многочисленные выросшие как на дрожжах за время оккупации города советские учреждения. В городе оставалось около 11 тыс. красноармейцев, однако эти части готовили для отхода, не помышляя о вступлении в бой с подходящими частями генерала фон дер Гольца, который тоже не спешил атаковать Ригу до той поры, пока не налажены будут коммуникации между отрядами, не выловлены отдельные бродячие красноармейские группы в тылу и не налажен подвоз боеприпасов и продовольствия, а кроме того, отработан механизм присылки пополнений. Германское правительство не желало в сложившихся политических обстоятельствах разрешать германским частям двигаться дальше реки Курляндская Аа, возлагая на них лишь охрану своих восточных границ от возможного продвижения большевиков, но ни в коем разе не проводить серьезных наступательных операций. Кроме того, взятие Митава уже как нельзя лучше отвечало этим целям германского правительства. Однако позиционная война для русских добровольческих частей была также не лучшим исходом. В частях начался тиф. В середине апреля Русский отряд был отведен в тыл для проведения санитарно-гигиенической обработки. В апреле 1919 года в тыл северных добровольцев от большевиков перелетело 3 аэроплана, во главе с капитаном Андржевским. Перебежчики привезли с собой карты Красной армии и другие ценные документы. Так у добровольцев появилась своя небольшая эскадрилья.

...Неожиданно в Либаве в середине апреля 1919 года разыгрались политические страсти: ударный батальон Балтий-

ского ландвера 16 апреля 1919 года сверг правительство Ульманиса и арестовал некоторых министров: *«Путч», совершенно не подготовленный, руководимый некоторыми молодыми политически неопытными офицерами ударного отряда ландвера, во главе которого стояли некоторые члены семьи Мантейфель, оказался ударом впустую. На место свергнутого правительства, нельзя было найти нового»*²¹. Предложение возглавить новое правительство поступило Светлейшему князю Ливену, от которого тот не замедлил отказаться, мотивируя, что он являлся человеком, стоящим вне балтийской политики. Во главе правительства встал пастор Недрис, известный латышский националист и писатель, поддержанный германскими оккупационными властями, но в пику последним не признанный союзниками. Свергнутый Ульманис продолжал играть роль благородного изгнанника. Солдаты одной из германских добровольческих частей ворвались в расположение латышей в районе порта и обезоружили их, а затем ограбили. В ответ латышские стрелки арестовали нового главу правительства, тайно увезли его за город, откуда с большими для себя приключениями ему удалось бежать в одной рубашке до ближайшего германского поста. Бурлящий котел балтийских противоречий, к счастью, мало отразился на фронтовых событиях в те дни. Ливен отбыл в Берлин, где заручился поддержкой германского Генерального штаба в своих планах формирования антибольшевистских соединений, и со второй половины мая 1919 года на фронте начались новые боевые операции. Сначала Русский отряд занял совместно с латышскими ротами Кальнецемский плацдарм, который большевики пытались отбить назад в течение 18—22 мая 1919 года, но безуспешно. К концу дня 22 мая в штаб Ливена стали поступать сведения о стягивании большевиками сил для организации нового наступления. Не дожидаясь, пока красноармейцы нанесут удар, Русский отряд в ночь на 23 мая атаковал большевистские позиции, прошел в их тыл и начал ускоренным походным маршем движение на Ригу, с расчетом захватить городские мосты до того, как большевики смогут туда добраться и уничто-

жить их. Из Митавы по шоссе тронулась Железная дивизия Бишофа. В два дня, 23 мая, Мантейфель с отрядом подошел к рижскому городскому понтонному мосту, а по Митавскому шоссе потянулись бронеавтомобили, шедшие в авангарде Бишофа. О том, что белые в городе, рижские большевики узнали только когда в западных предместьях города разгорелись бои. Мантейфель с ударным отрядом ворвался в город и сразу был убит. Его отряд направился к переполненной городской тюрьме, стремясь спасти заключенных там заложников прежде чем местные чекисты успеют их перебить, однако большевикам удалось вывезти некоторое количество заложников на подготовленных для этой цели грузовиках. В шесть вечера в город вступил Русский отряд и был направлен в северную часть города для очистки ее от засевших там красных. Одной из задач, ставившихся перед вошедшими белыми частями, была охрана имущества обывателей и предотвращение грабежей. Наутро началась очистка от большевиков правого берега Двины, вплоть до устья реки у Магнусхофа, напротив Усть-Двинска, отрядом капитана Дыдорова, что тот незамедлительно исполнил, вернувшись в город с большим количеством пленных и военных трофеев. Одним из трофеев оказался брошенный красноармейцами исправный бронеавтомобиль, окрещенный «Россия», который впоследствии участвовал в походе на Петроград. *«Пленных у нас скопилось громадное количество, исчисляемое тысячами. Красноармейцы, бросая оружие, толпами возвращались в город и сдавались нам. Впечатление при взятии города от душевного и физического состояния горожан было удручающее. Рассказы о большевистском терроре и лишениях превосходили все, что проникло до тех пор в печать. Рассказы эти подтверждались при находке массы расстрелянных и изуродованных трупов. Ко всем бедствиям присоединились... голод и эпидемия тифа»*²². Добровольческие отряды пресекали все попытки еврейских погромов, которые нет-нет и провоцировались темными обывательскими силами в освобождаемых от большевиков городах: *«Как-то вечером зашел я к моему приятелю еврею. У него застал смятение и скорбь... Все были смер-*

*тельно напуганы уличными сплетнями и подметными анонимными письмами. В тот же вечер... я передал эту сцену полковнику Видягину. Его сумрачные глаза вспыхнули. — Я не допущу погромов, с какой бы стороны они не грозили! — воскликнул он. — Жидов я, говорю прямо, не люблю. Но там, где Северо-Западная армия, там немыслимо ни одно насилие над мирными гражданами. Мы без счета льем свою кровь и кровь большевиков, но на нас не должно быть ни одного пятна обывательской крови. Садитесь и сейчас же пишите внушение жителям. К ночи воззвание было подписано графом Паленом и скреплено начальником штаба»*²³.

24 мая 1919 года, едва Рига была освобождена, часть отряда во главе со Светлейшим князем Ливеном покинула город для преследования большевиков, отступавших на восток по Псковскому шоссе, до линии реки Лифляндская Аа, а в Ригу въехали представители союзных миссий и американская продовольственная миссия, организовавшая снабжение продовольствием и питание детей. Вслед за ними подтянулось и правительство Недриса.

(...) Еще до того, как Юденич и Пилкин приплыли в Ревель, генерал Родзянко решил ознакомить Главнокомандующего с тем, что происходит в подчиненных тому войсках. Заодно он хотел предложить Юденичу иной тактический план занятия Петрограда, нежели тот, что виделся Юденичу в его благостных размышлениях, которым генерал предавался на лоне благодатной природы, сидя на добротной финской даче тестя и тещи его товарища Гарденина. Мечты эти были по большей части о «блицкриге», поддержанном восставшими горожанами, и повсеместном, триумфальном изгнании большевиков, словом, о том, чтобы все устроилось само по себе. Примечательно, что даже боевыми действиями Юденич предпочитал руководить из эмиграции: *«Генерал Юденич только раз показался на театре военных действий, а именно тотчас же после взятия Гатчины. Побывал в ней, навестил Царское Село, Красное и в тот же день отбыл в Ревель. Конечно, очень ценно было бы, в интересах армии, если бы генерал Юденич, находясь в тылу, умел... воздействовать на*

англичан и эстонцев, добиваясь от них обещанной реальной помощи»²⁴. В противоположность ему Родзянко и граф Пален постоянно присутствовали в своих частях, знали ситуацию не по слухам и оба: *«высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку, впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы. Там Перемикин ездил впереди танка, показывая ему путь под огнем из бронепоездов, под перекрестной пальбой красных цепей, сидя на своей серой лошади»*²⁵.

...Родзянко предлагал отрезать Петроград от Москвы, заняв Чудово, прикрытое болотами, озером Ильмень и рекой Волхов. Далее окружить бывшую столицу и вынудить противника прорываться из окружения, эвакуируя многочисленные советские учреждения, что впоследствии может облегчить восстановление легитимных институтов власти в городе и снизит количество самих большевистских служащих. Вместе с этим Родзянко был вынужден признать, что даже в случае успеха удерживать город силами Северо-Западной армии по причине ее малочисленности почти невозможно. Скепсис Родзянко был основан на недавних событиях, в памятном 1917 году, когда против регулярной армии, ее офицерства и командования либеральным Временным правительством была развязана беспрецедентная по своим масштабам травля, перешедшая в избиения и убийства тех, кто осмеливался показаться на улице в военной форме. Кроме того, Родзянко справедливо полагал, что питерский пролетариат, развращенный большевиками невиданной вседозволенностью и страстью к митингам, станет в оппозицию к регулярным белым войскам, увидев в них выразителей монархической идеи. Юденич не спорил с высказываниями Родзянко, но критиковал тактику предложенного наступления, справедливо полагая, что растягивание фронта малочисленной Северо-Западной армии на 250 километров нарушит связь частей со штабами и подвергнет риску вклинивания большевистских отдельных частей. Весь успех в подобной операции, считал Юденич, лежал в быстром, маневренном темпе наступления, внезапном упреждающем ударе, лишавшем красных возмож-

ности перегруппировки резервов и ответного удара. Родзянко не посчитался с соображениями более опытного пожилого генерала и сознательно не выполнил его приказа, оставив Ямбург и перейдя через Лугу, закрепившись на ее рубеже. Юденич, напротив, настаивал на сохранении Ямбура, что оставляло бы выгоду активной обороны Луги, и что позволило бы в будущем, не форсируя Лугу, быстро провести наступление на Петроград по кратчайшему направлению, идущему вдоль балтийской железной дороги.

В начале августа 1919 года, после того как под ударами красных пал Ямбург, Юденич решил ознакомить Верховного правителя в далекой Сибири с тяжелым положением дел в Северо-Западной армии. Он сообщил тому о бедственном положении армии, нехватке обмундирования, перебоях в снабжении и вынужденной экономии боеприпасов, заболеваниях тифом и цингой в частях, продолжающих бои вот уже третий месяц подряд. Историографы Юденича видят в этой телеграмме косвенный упрек союзникам, на чью совесть так желал повлиять Главнокомандующий всех русских войск на Севере, нежели просто довести до сведения высшей инстанции всю тяжесть подлинных трудностей, с которыми столкнулись добровольцы на Севере. Однако остается совершенно непонятным, отчего Юденичем не были использованы те «огромные валютные ресурсы», переданные ему Колчаком для совместного русско-финского проекта наступления на Петроград. Куда они делись, и отчего Главнокомандующий не проявил расторопности и не занялся вопросом снабжения и медицинской помощи армии? Почему он бездействовал, дожидаясь, пока армия придет в плачевное состояние, а затем слал завуалированные упреки нерадивым союзникам? Воистину, в Юдениче пропадал великий конспиратор, однако на Северо-Западном фронте, как представляется нам, нужно было не только и не столько маккиавелиевская хитрость, но и хорошие администраторские способности его Главнокомандующего.

Биограф Юденича, пытаясь придать ему не совсем свойственные генералу черты опытного хозяйственника, пишет,

что «Юденич успешно занимался вопросами снабжения армии», однако тут же простодушно замечает, что *«благодаря настойчивости генерала Г.В. Леруа в Лондоне и умению специально посланного ему в помощь полковника А.В. Владимирова... в самом конце июля и в начале августа в Ревель начали прибывать транспорты с вооружением»*²⁶. Хорошо. Но при чем здесь Юденич, сидящий в Эстонии? Для сравнения, представьте себе на минуту барона Врангеля, «успешно занимающегося вопросами снабжения» Русской армии, сидящего где-нибудь в Болгарии или Королевстве СХС. И оттуда призывающего «расторопных и умелых» генералов организовать поставки продовольствия или вооружения на Юг России. Не правда ли, это выглядело бы странным?

Любопытно, что британцы, видимо, по-своему оценив вклад Юденича в снабжение армии, предложили ему стать военным министром в составе Северо-Западного правительства. Вероятно, они желали приблизить блестящего теоретика к обычной практической работе для спасения армии, вместо удобного пребывания за пределами собственного Отечества с раздачей распоряжений всем и вся и необременительной перепиской с Верховным правителем. Попутно британцы решили использовать голос Юденича в качестве легитимного одобрения «русского правительства» создания удобного для британских интересов буферного государства — Эстонии. Юденич ухватился за эту идею британских союзников, послав тут же свое согласие «от лица России» признать независимость Эстонии, чтобы после того робко попросить Лондон благословить участие эстонских войск, сообразно навязчивой идее Главнокомандующего, в походе на Петроград.

Тем временем от Верховного правителя в Омске, еще до занятия Петрограда, что, по мнению его Ставки, было делом решенным, шли рекомендации Колчака Главнокомандующему на Северо-Западе России. Тон рекомендаций не оставлял сомнения в том, что главным в данный момент является даже не само наступление, а то, кого стоит назначать на роль Городского главы по занятии бывшей столицы, и

какие общественные деятели более подходят для привлечения к административной работе.

Странно, что никто в Ставке Колчака или в штабе Юденича не задались вопросом, что вначале было бы хорошо подготовить армию к наступлению на город и организовать его оборону и удержание, после чего начать обсуждать вопросы городского самоуправления. Вероятно, и в Ставке, и в штабе Главнокомандующего считали, что вопрос взятия Петрограда — вопрос решенный. Неожиданно британцы сменили дружеский тон на ультимативный, потребовав образовать «демократическое правительство» на Северо-Западе, угрожая, что в случае отказа Юденича союзники просто бросят его и армию на произвол судьбы. Помимо всего прочего, британцы посчитали, что поспешили соглашаться с участием эстонских частей в походе на Петроград. Они тут же предложили Юденичу «просто так» признать Эстонию независимой, без каких бы то ни было дополнительных условий. Предвидя возражения Главнокомандующего, британцы прямо намекнули соратникам Юденича, что «на всякий случай», если те откажутся от признания эстонского правительства, то у союзников *«готов другой главнокомандующий... Генералы Гофф и Марш пригласили вскоре генерала Булак-Балаховича на завтрак на флагманском крейсере английской эскадры»*²⁷.

Все было подписано, как желали британцы, но с незначительным оговорками, ничего, по сути, не меняющими. Юденич поспешил согласиться с немедленным формированием марионеточного правительства, указав британцам на то, чтобы те поскорее убрали Булак-Балаховича подальше с его глаз, ибо ни сам Николай Николаевич, *«ни армия не потерпят дальнейшего пребывания на ответственной должности генерала Балаховича»*²⁸. Британцы не возражали. Благодарные эстонцы тут же закрыли для русских свою границу и запретили провозить через свою территорию продовольствие и медикаменты для русской армии. *«Отношение эстонского войска и населения были враждебные, но тогда еще терпимы... Не так давно правительство (Северо-Западное. — Авт.) заключило договор с Эстонией о разрешении ему находиться на*

эстонской территории, подписав все условия эстонцев, но через сутки было выслано на правый берег Наровы, будто бы из-за недостатков помещений для него. Эстонское правительство в своем скрыто-враждебном отношении ко всему русскому находит поддержку со стороны масс, войска и печати. Имелись случаи избиения и срывания погон в Нарве... эстонскими солдатами»²⁹.

По-видимому, эти обострившиеся отношения с эстонцами сразу после его опрометчивого признания «независимости» из страха потерять должность Главнокомандующего, тогда мало занимали Юденича, и он продолжил свою подготовку наступления на Петроград, озаботившись наконец увеличением ее численного состава. Для этого 24 августа 1919 года был отдан приказ Главнокомандующего о частичной мобилизации в Ямбургском и полной в Гдовском уездах. 30 августа 1919 года Юденич распорядился организовать комиссии в Нарве и Гдове для проверки тыловых учреждений Северо-Западной армии. Проверка имела целью поиск и перевод в строевые части всех пригодных для строевой службы офицеров. Результатом мобилизации явилось пополнение из 9 тысяч человек, влившихся в ряды армии. Особые надежды Юденич возлагал на уже прошедшие боевое крещение наступательными операциями отряды светлейшего князя фон Ливена, а также прибывшие из Германии отряды полковника Бермондта и полковника Вырголича. Оба отряда сформировались из офицеров и солдат императорской русской армии, оказавшихся в германском плену и изъявивших желание вернуться в Россию, чтобы биться с большевизмом. Еще в июле Юденич приказал всем трем отрядам прибыть в Нарву, что было исполнено лишь Светлейшим князем Ливеном. Двое других командиров отказались, сославшись на подчиненность германскому командующему генералу фон дер Гольцу. В результате 6500 чинов этих отрядов бесполезно застряли в Митаве. К октябрю 1919 года отряд Бермондта, переименованный в Западный добровольческий корпус имени генерала графа Келлера, вырос до 10 тыс. штыков.

Юденич продолжал требовать прибытия отрядов Бермонда и Вырголича в распоряжение Северо-Западной армии вплоть до начала октября 1919 года, попутно отдавая Бермондту различные приказы относительно направления его частей в разные географические точки Прибалтики, но тот отчего-то не торопился исполнять приказы Юденича. Главнокомандующий прибыл в Ригу лично, удивляясь такому бесцеремонному к себе отношению. К тому времени Бермондт объявил себя князем Аваловым, а свои разношерстные части Западной армией. Напрасно Юденич прождал самопровозглашенного князя. Тот так и не явился на встречу с прославленным Главнокомандующим. Бермондт-Авалов был всецело занят подготовкой к захвату Риги и свержению правительства Ульманиса, что вполне входило в планы германского командования.

8 октября 1919 года «Западная армия» Бермондт-Авалова начала наступление на Ригу, захватила ее предместья, в то время как английская эскадра, позабыв про обещанную поддержку Северо-Западной армии, вышла на рейд в Финский залив, для обстрела прогерманского соединения Бермондт-Авалова.

Расстроенный Юденич, наметивший план своего наступления на Петроград во вторую декаду октября 1919 года, отправил Бермондт-Авалову сообщение, в котором назвал этого политического авантюриста «изменником», исключив его из списков Северо-Западной армии, что, по-видимому, не особенно расстроило самозванного князя, увлеченного политическими играми сверх всякой меры. Погоревав над несостоявшимся увеличением своих войск, в тот же день Юденич утвердил штаты Северо-Западной армии. Исследователь с сожалением замечает: *«Они остались прежними, какими были при генерале Родзянко. Но у генерала Юденича не было выбора. При нем не было никого (на Вандама, часто нетрезвого, положиться было нельзя). Кто бы мог сменить генерала Ветренко, или беспомощного, хотя и энергичного начальника штаба 1-го стрелкового корпуса, недавно еще поручика, а теперь полковника Видякина...»*³⁰ Не правда ли, весьма надеж-

ное окружение сложилось у Юденича накануне воплощения его давнего стратегического замысла? Более того, по признанию трепетного биографа Юденича, накануне воплощения этого «дела всей жизни» Главнокомандующего выяснилось, что *«из всех тех немногих близких сотрудников генерала Юденича, кто прибыл с ним из Финляндии, никто не обладал оперативным опытом...»*³¹.

Любопытно, было ли это известно Верховному правителю до того, как он столь беззаботно собрался финансировать затею Юденича, вознеся его до высот Главнокомандующего всех русских армий на Севере России? Или такие мелочи, как отсутствие оперативного опыта в штабе Главнокомандующего на стратегическом направлении, уже более не считались важными в Ставке Колчака, где этим тоже мало кто мог гордиться? Чины штаба Юденича с поразительной откровенностью, накануне наступления, вдруг начали заявлять о своей некомпетентности: *«Пилкин всегда подчеркивал свою некомпетентность, как он выражался, «в сухопутных делах»... генерал Кондзаревский, как он сам о себе пишет, не выходил из канцелярии дежурного генерала со времени своего капитанского чина и не занимал никакой другой штабной или строевой должности... генерал-лейтенант Владимиров был в прошлом военным прокурором... но никогда не служил в строю»*³².

Преклоняясь перед честностью чинов штаба Юденича, нельзя не упомянуть, что, несмотря на полную неспособность к оперативному опыту, эти несчастные были назначены на высокие посты в Северо-Западной армии, а канцелярист Кондзаревский стал (ни много ни мало!) начальником штаба фронта.

При таком количестве милых, но некомпетентных людей, наступление на Петроград, оставалось назвать лишь авантюрой, оплачивать которую пришлось кровью и жизнями простых белых добровольцев — солдат и офицеров, погибших в схватке с большевиками.

Учет всего вышеизложенного, отсутствие достаточного количества войск и боеприпасов, усталость армии не были

приняты в расчет Юденичем и не повлияли на его план похода на Петроград. Оказывается, что «генерал Юденич пришел к выводу, что успех операции по занятию Петрограда может быть обеспечен лишь в случае взаимодействия внезапного, короткого удара на Гатчинском направлении с (!) восстанием в самом Петрограде, в расчете на присоединение к нему...», — разъясняет нам верный биограф Главнокомандующего. Прекрасный расчет по части конспиралогии, но только восстание в голодном и затерроризированном чекистами городе едва ли оказалось бы успешным и едва ли смогло успешно соединиться с малочисленной и измотанной боями Северо-Западной армией, у которой даже не было сил, чтобы удерживать город сколь бы то ни было долго. Представим себе на минуту, что восстание удалось и что Северо-Западная армия вошла в Петроград, но не смогла удержать его. Город был бы отбит превосходящими силами красных. Новый красный террор обрушился бы на жителей города, отступающая Северо-Западная армия была бы настигнута разъяренными ордами большевиков и полностью разгромлена. Уцелевших чинов большевики, по сложившейся традиции, расстреливали до тех пор, пока оставался хотя бы один живой доброволец. Странно, что подобные картины не приходили в голову умудренному жизненным и боевым опытом генералу, а его маниакальное упорство захватить Петроград возобладало над здравым смыслом.

Юденич направил тайную депешу чинам бывшего лейб-гвардии Семеновского полка, призвав их к захвату важнейших объектов в Петрограде во время приближения Северо-Западной армии к Петрограду. *«Станным, загадочным, непонятным было существование Семеновского полка после революции и особенно отношение к нему большевиков. Этот полк, так круто расправившийся с московским восстанием в 1906 году, жил в прежних казармах, по прежнему укладу, нес караульную службу по охране Государственного банка, Казначейства и других верных пунктов и как бы находился под особым покровительством. Зайдя в тыл белых у Выры, он с музыкой перешел в Северо-Западную армию, убив сначала своих комиссаров и красных*

фельдфебелей... Полк так и сохранил навсегда свое старинное *Петровское имя*»³³. Вероятно, связи Юденича с Семеновским полком в ту пору были неважными, потому что Главнокомандующему даже было неизвестно, что большевиками этот полк уже выдвинут на фронт и покинул город, расположившись на станции Сиверская. «В дни, когда под Лиговым, под Пулковым, в Царском Селе и Павловске решалась судьба сражения за Петроград», у Юденича вдруг возникло прежнее, необъяснимое влечение заполучить финские войска в союзники при готовящемся наступлении на Петроград. Генерал направил французскому представителю союзной миссии в Прибалтике, генералу Этьевану телеграмму о том, что было бы неплохо привлечь финнов для усиления частей его армии. Тот перенаправил пожелание министру иностранных дел Финляндии Хольсти, который слово в слово повторил уже ранее сформированные территориальные требования к России и отчего-то в дополнение скромно попросил «признания независимости Финляндии». Сидящий в Париже министр иностранных дел Верховного правителя Сазонов поразительно легко согласился на признание финской независимости, добавив, что это будет сделано без труда... после взятия Петрограда. Здесь Сазонову возразил адмирал Колчак, справедливо полагавший, что территориальные вопросы лежат в полной компетенции Учредительного собрания.

Неожиданно к участию финнов в походе на Петроград призвал из зарубежного далека появившийся «обиженный» барон Маннергейм, ожидавший и на этой сомнительной операции нажать новую популярность и, кто знает, вернуться в политический бомонд. Подумав над предложением бывшего регента в течение трех недель, финское правительство Стольберга, со свойственной ему национальной скоростью, направило 5 ноября 1919 года свое официальное уведомление об отказе от военного выступления.

О сомнениях, царивших в прибалтийских «независимых» государствах относительно военного союза с Юденичем, стало известно большевикам. Уже 17 октября 1919 года большевистское командование 7-й советской армии получило ди-

рективу, подписанную С.С. Каменевым и его начальником штаба П.П. Лебедевым. Директива предписывала использовать разногласия между русскими и прибалтами «для решительного и окончательного поражения армии Юденича». Для этой цели большевиками была сосредоточена ударная группа в составе 3-й бригады 21-й стрелковой дивизии из Тулы и бригада красных курсантов из Москвы. Для усиления ударной группы были направлены два батальона московского ЧК и некоторых других частей, как, например, 8-й, 162-й и 479-й стрелковые полки, снятые с Восточного и Северного фронтов. В общей своей массе ударная группа составила 7000 штыков и 470 сабель. Ударная группа сосредоточивалась в районе Колпина, под командованием бывшего полковника Генерального штаба Харламова. Количественно она превосходила общую численность подошедших к петроградским предместьям трех небольших дивизий 1-го стрелкового корпуса графа Палена. 6-я большевистская стрелковая дивизия под командованием бывшего Генерального штаба подполковника Любимова, при поддержке отрядов революционных матросов в районе Петергофа, была нацелена во фланг и тыл Отряда светлейшего князя Ливена. Между этими направлениями ударов, сосредоточенных на флангах Северо-Западной армии, в районе Пулково — Царское Село, была собрана группа под командованием бывшего Генерального штаба генерал-майора С.И. Одинцова, состоявшая из 2-й стрелковой дивизии, Финских и Петроградских красных курсантов, а также частей, переброшенных с Карельского фронта. В ее задачу входило удержание во что бы то ни стало Пулковских высот. Большевистские стратеги настаивали и на участии 15-й советской армии с 7-й, однако перегруппировка сил не позволила 15-й армии начать наступление ранее 27 октября 1919 года. 21 октября в контрнаступление двинулась VII-я советская армия в количестве 40 000 бойцов, поддержанная 6 бронепоездами, 9 бронеавтомобилями, при 453 орудиях и 708 пулеметах. По оценке исследователей, этим было достигнуто пятикратное превосходство над частями Северо-Западной армии Юденича. Группа красного

командира Харламова выбила добровольцев из Ям-Ижор, но все атаки на Павловск были успешно отбиты Красногорским и Темницким полками Северо-Западной армии. Из Павловска добровольцы были выбиты лишь при поддержке полков кремлевских курсантов и латышских стрелков. *«Курсанты дрались отчаянно. Они бросались на белые танки с голыми руками, вцеплялись в них и гибли десятками. Красные вожжи обманули их уверениями, что танки поддельные: дерево-де выкрашенное под цвет стальной брони. Они же внедряли в солдат ужас к белым, которые, по их словам, не только не дают пощады ни одному пленному, а, напротив, прежде чем казнить, подвергают лютым мукам»*³⁴. Вслед за этим из Царского Села отошла 2-я дивизия генерала Ярославцева. При поддержке двух бронепоездов группа большевистского командира Одинцова захватила станцию Александровская. 2-я дивизия генерала Ярославцева в упорных боях 24—25 октября безуспешно пыталась снова подойти к Царскому Селу. Отряд светлейшего князя Ливена оборонял занятый плацдарм дольше других, до тех пор, пока в ее тыл, едва прикрытый Конно-Егерским полком, не ударила в ночь на 22 октября 1919 года 6-я советская стрелковая дивизия под командованием большевистского командира Любимова. На следующий день она заняла Русское Копорье и Ропшу, выйдя в тыл отряду Ливена и угрожая захватить его штаб в Красном Селе. Рано утром генерал Раден атаковал Русское Копорье, захватил 400 большевиков в плен, приняв решение двигаться на Петергоф, куда отошла 6-я большевистская дивизия, но во время атаки Раден был убит, а его части снова вернулись в Красное Село. Под угрозой окружения части полковника Дыдорова были вынуждены оставить 26 октября 1919 года Красное Село. Юденич приказал перебросить 1-ю дивизию генерала Дзерожинского и 4-ю дивизию князя Долгорукова в Гатчину, тем самым оголяя свой тыл, для доведения своего маниакального плана овладения Петроградом до воплощения. Отчего-то Юденич был уверен, что в городе немедленно вспыхнет восстание. Конечно, все случается в истории, однако как Юденич планировал удержать город при пяти-

кратном перевесе противника, даже если он смог оказаться в Петрограде и местные повстанцы попытались сломить внутригородское сопротивление большевиков? 30 октября 1919 года 15-я советская армия начала наступление в глубоком тылу Северо-Западной армии. 10-я советская стрелковая дивизия выдвинулась в направлении на Гдов, 31 октября 1919 года 11-я и 19-я большевистские дивизии, после яростных боев с бригадой полковника Григорьева, заняли Лугу. 30 ноября 1919 года 19-я советская дивизия заняла станцию Мшинская и на железнодорожной ветке Мшинская — Усово стала угрожать окружением частям Северо-Западной армии, сосредоточенным в Гатчине. Наступление в тылу заставило Юденича 3 ноября 1919 года отдать приказ по армии об отступлении. 11 ноября 1919 года отходящие части Северо-Западной армии оказались прижатыми к эстонской границе. И еще один раз Юденич смог убедиться в «благодарности» эстонцев за своевременное «признание» их независимости: *«На все просьбы генерала Юденича разрешить тыловым частям, обозам, а также пленным, нуждающимся в отдыхе, перейти границу, эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер неизменно отвечал, что этот вопрос может решить только эстонское правительство. А новое правительство Теннисона отдало приказ о немедленном разоружении всех частей Северо-Западной армии при переходе эстонской границы, причем сам глава правительства заявил, что «Эстония ни в коем случае не должна служить базой русской реакции»*³⁵.

Примечательно, что эстонский глава правительства опасался именно «русской», а не «большевистской» базы реакции в своем новом государстве. В последние месяцы и дни Юденич безуспешно пытался придумать, как поступить с армией. О переброске добровольцев на юг, к генералу Деникину, не могло идти речи, из-за отказа союзников предоставить морской транспорт и которые *«даже задерживали в своем распоряжении русские суда Добровольческого флота»*. Финляндия также отказалась принять на своей территории остатки Северо-Западной армии. Эстония согласилась принять части добровольцев, но предварительно разоружив их

и уничтожив знаки различия, в качестве «беженцев». На подобное унижение русского боевого духа не пошел даже симпатизировавший их «независимости» Юденич. Признательное за спасение от большевиков Риги, латвийское правительство также отшатнулась от Северо-Западной армии, как от «чумных», несмотря на посредничество французского военного представителя генерала А. Нисселя. 20 декабря 1919 года Колчак направил телеграмму Юденичу, предлагал последнему выехать в Париж для обсуждения дальнейшей судьбы армии с союзниками. К чести Главнокомандующего, он не воспользовался предложением Верховного правителя, сделанного в завуалированной форме, и, несомненно, из самых добрых побуждений, бежать, решив остаться с армией до ее конца.

3 декабря 1919 года Юденич и неразлучный с ним контр-адмирал Пилкин сделали уже никому не нужное заявление о выходе из состава «Северо-Западного правительства», о котором уже и думать забыли даже его авторы — британцы.

9 декабря 1919 года немногочисленные части оставили восточный берег реки Наровы: *«При переходе на другой берег Наровы, после 9 декабря 1919 года, эстонцы отбирали у частей Северо-Западной армии не только вооружение (винтовки, пулеметы, орудия), но и остатки продовольствия и обмундирование, сохранявшееся в обозах. Происходил открытый грабеж ценностей и личного имущества у офицеров при сдаче оружия»*³⁶.

Через полтора месяца Юденич обнародовал приказ по Северо-Западной армии о демобилизации всех ее чинов и об образовании Ликвидационной комиссии, *«на обязанностях которой лежит разрешение вопроса о людях»*. 30 января 1920 года Юденич передал Ликвидационной комиссии 227 000 фунтов стерлингов. Эстонские власти тоже было попытались претендовать на получение каких-нибудь средств от Юденича, но он справедливо указал им на то, что они и так уже захватили огромные склады армии, тысячи груженных военным имуществом вагонов и 26 паровозов. Мстительные эстонцы аннулировали визу Юдени-

ча, ставя его пребывание в стране в положение нелегального. 24 января 1920 года, в прощальном приказе по армии, Юденич говорил: *«Отъезжая от Армии, я считаю своим долгом, от имени нашей общей матери-России, принести мою благодарность всем доблестным офицерам и солдатам за их великий подвиг перед родиной. Беспримёрны были Ваши подвиги и тяжелые лишения. Я глубоко верю, что великое дело русских патриотов не погибло. Генерал от инфантерии Юденич»*³⁷. Но благополучно отбыть в Париж генералу было не суждено: 27 января 1920 года к нему в гостиницу «Коммерц» явился его конкурент С.М. Булак-Булахович и потребовал Юденича для разъяснения неких «финансовых дел». Выкинутый силами двух приближенных к Юденичу генералов и его адъютантом, Булак-Булахович вновь появился в ночи, сопровождаемый тремя эстонскими полицейскими. Юденич был арестован и доставлен на вокзал, откуда его должны были депортировать в Советскую Россию, куда, по вполне понятным причинам, тот ехать не желал. Эстонцы затолкали гениального стратега в вагон и отправили его было навстречу большевистским пограничникам, однако вмешательство английской и французской миссий оказали нажим на «независимое» правительство Эстонии, и эстонцы вернули перепуганного Юденича назад, в Ревель, где генерал с супругой перебрались 28 января 1920 года в пользующуюся дипломатическим иммунитетом британскую военную миссию. Эстонцы, по своему обыкновению, недолго задумались над выдачей Юденичу выездной визы, и спустя почти месяц Юденич отбыл в Ригу, а оттуда при первой okazji, в Стокгольм. Началась эмигрантская страница жизни Николая Николаевича, которую он прожил, если верить мемуарам супруги, на свои скромные сбережения, взятые в 1917 году из Петроградского банка, да на проданные дома в Тифлисе и земли в Кисловодске. Вырученных от этих нехитрых операций деньжат с лихвой хватило семье Юденичей еще почти на полтора десятилетия безбедного существования в Париже, на ферме Сан Лоран дю Вар, в благодатном климате французского Юга:

«Средства эти дали возможность и нам жить, и многим... многим помочь»³⁸. На заснеженных полях сражений Северо-Запада России и Прибалтики остались лежать десятки тысяч солдат и офицеров разбитой и «ликвидированной» ее Главнокомандующим армии. Поход на Петроград не удался, ну что же, бывает... *C'est la vie*. Вот только кто бы объяснил это родным погибших добровольцев?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Игрантьев А.А., граф 50 лет в строю* // Кавалергады. М.: Воениздат. 1995.
2. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
3. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
4. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
5. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
6. Указ. соч.
7. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
8. Указ. соч.
9. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
10. Указ. соч.
11. *Енш А. С Белым крестом* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
12. *Енш А. С Белым крестом* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
13. *Пермикин Б. О Северо-Западной армии* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
14. *Ливен А.П. Светлейший князь. Основание отряда* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
15. Указ. соч.

16. *Ливен А.П. Светлейший князь. Основание отряда* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
17. *Ливен А.П. Светлейший князь. Основание отряда* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
18. Указ. соч.
19. *Ливен А.П. Светлейший князь. Основание отряда* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
20. *Ливен А.П. Светлейший князь. Основание отряда* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
21. *Ливен А.П. Светлейший князь. Основание отряда* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
22. *Ливен А.П. Светлейший князь. Основание отряда* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
23. *Куприн А.И. Купола Св. Исаакия Далматского* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
24. *Куприн А.И. Купола Св. Исаакия Далматского* // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
25. Указ. соч.
26. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
27. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
28. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.
29. Доклад Главнокомандующему ВСЮР о положении дел на Западном фронте вообще и об армии полк. Бермондта-Авалова в частности к 15 октября 1919 года // Белый Архив, т. I, Париж. 1926.
30. *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича*. М.: Русский путь. 2002.

31. Указ. соч.
32. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. М.: Русский путь. 2002.
33. Куприн А.И. Купола Св. Исаакия Далматского // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
34. Куприн А.И. Купола Св. Исаакия Далматского // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.
35. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. М.: Русский путь. 2002.
36. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. М.: Русский путь. 2002.
37. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. М.: Русский путь. 2002.
38. Юденич А.Н. Воспоминания // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф. 2003.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Такой хороший офицер!.. С чего хороший? Уж Врангель подтянет. — Врангель всех, господа подтянет.

Г. Венус. «Зяблики в погонах»

КРЫМ И ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА ВРАНГЕЛЯ

Главной задачей, стоявшей перед принявшим командование Врангелем, было обещание, данное им соратникам, «с честью вывести армию из тяжелого положения». В складывающихся для юга России обстоятельствах эффективной борьбы с придвигающимся все ближе красным фронтом Русская Армия пока вести не могла. Барон принял армию далеко не в лучшем моральном состоянии: сказывались месяцы непрерывных боев, поражений и отступлений. За спиной сражавшейся армии находился разложившийся тыл, население Дона, Кубани и Терека не давало желаемого притока людской силы, а союзники скорее затрудняли оборону в череде непрекращающихся интриг, нежели по-настоящему помогали оказавшейся в трудном положении Русской Армии: «На мой вопрос «Неужели при таком превосходстве наших сил нет возможности рассчитывать хотя бы на частичный успех — вновь овладеть Новороссийском и тем обеспечить снабжение, а там, отдохнув и оправившись, постараться вырвать инициативу у противника?» генерал Улагай безнадежно махнул рукой: — Какое там? Казаки драться не будут. Полки совсем потеряли дух. Мне стало ясно, что дело совсем безнадежно»¹. Впрочем, сказанное распространялось далеко не на всех казаков. В феврале 1920 года в Севастополь прибыл лейб-гвардии Казачий полк во главе с временно назначен-

ным своим командиром полковником Константином Ростиславовичем Поздеевым, человеком отменной храбрости, известным многим еще по беспримерному походу в Великую войну во главе казаков-разведчиков на Юго-Западном фронте, в июне 1917 года, через реку Стоход за германскими «языками». После революции Поздеев умудрился спасти знамя и полковую кассу, перевезя их в Новочеркасск, в котором принимал участие в борьбе за город с ордами большевиков. Начальник Поздеева, генерал Абрамов, охарактеризовал боевую работу своего подчиненного, как «блестящую»: *«Сколько порыва, смелости и личного примера в самых сложных положениях вверенных... частей»*². Впоследствии генерал-майор Константин Поздеев прожил долгую жизнь, оставаясь верным хранителем Музея Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка в Брюсселе и председателем соответствующего объединения, и скончался в 1981 году, когда советские войска вот уже два года как штурмовали пески Афганистана.

Многие добровольческие части прибыли в Крым без обозов, пулеметов и артиллерии или даже лошадей. Состояние некоторых казачьих подразделений было до того угнетенным и близким к отчаянию, что, по согласованию с донским атаманом А.П. Богаевским и командующим Донской армией генералом В.И. Сидориным, бывший Главнокомандующий не решился доверить им оборону Керченского пролива. Он приказал грузить донцов на транспорты и перебросить их в район Евпатории, предварительно отобрав у полков последнее вооружение. Фронт удерживался за счет тактического мастерства Крымского корпуса Я.А. Слащева численностью не более 3500 штыков и 2000 шашек, о личности которого осталось немало противоречивых свидетельств современников, которые можно открыть зарисовкой начала его карьеры: *«За несколько лет до войны в лейб-гвардии Финляндский полк поступил молоденький румяный офицер, тихий, скромный, старательный и исполнительный. Он редко участвовал в кутежах, водки не пил, а любил сладкое, принося с собой в офицерское собрание плитки шоколада. За это товарищи добро-*

*душно над ним подсмеивались, называя красной девицей»*³. Во времена описываемых событий Слащев стяжал славу одного из самых молодых и самых храбрых генералов Добровольческой армии, который пользовался у офицеров и солдат исключительной популярностью. Впрочем, по уверениям некоторых близко знавших его людей, было известно о его *«неумеренной склонности к употреблению вина и кокаина»*⁴. Похоже, что времена генералов-аскетов, славившихся своей непримиримостью к человеческим порокам, усугублявшимся во время Гражданской войны, таких как Дроздовский и Марков, прошли. На смену им в Белом движении возникали новые, столь же бесстрашные личности, однако державшие иных моральных установок: *«Но вот генерал Слащев садится на коня и во главе своего конвоя врезывается в ряды наступающих большевиков... Совсем как в описании крестовых походов: Готфрид Бульенский с несколькими верными рыцарями врезался в ряды сарацин и т.д...»*⁵.

Однако героизм отдельных личностей и даже их таланты не могли повлиять кардинально на этом этапе войны на ее благополучный для Белой армии исход, и перед новым Главнокомандующим открывалось несколько возможностей решить судьбу армии. Одной из них оставалась переброска всех частей с помощью флота союзников на другие театры военных действий, туда, где оставались очаги сопротивления большевизму: Дальний Восток, Северо-Запад России или Польшу. В совещаниях со штабом вырисовывалась картина перемещения войск в одну из нейтральных стран, которая дала бы согласие на временное размещение у себя вооруженных частей Белой армии и не была бы связана дипломатическими обязательствами с большевистским правительством в Москве. В качестве нейтральных стран рассматривались Королевство СХС, Болгария и Греция. Разведка доносила в штаб Главнокомандующего о постоянном усилении противника, об его очевидной подготовке к штурму Крыма. Большевики стягивали крупные силы: четыре стрелковые и одну кавалерийскую дивизии, штатной численностью в 15 тыс. человек каждая. По железной дороге подвози-

лась тяжелая артиллерия; происходило развертывание авиационных частей. Несмотря на наличие 35 тыс. человек, находившихся в Русской Армии, Врангель считал положение «далеко не устойчивым».

В тылу находилось большое количество офицеров, приехавших в Крым, спасаясь от тягот военной службы или не желавших участвовать в боевых действиях. Этот «балласт», по наблюдениям очевидцев, доходил до 100 тыс. человек, в то время как на фронте пребывало лишь 25 тыс. бойцов.

Некоторые командиры решали проблему «балласта» на свой лад: *«В Севастополь мы пришли к вечеру. Квартирьеры мне доложили: — Господин полковник, офицерства по городу шляется до пропасти... Я выгрузил офицерскую роту и приказал занять все входы и выходы Морского сада, где было особенно много гуляющих. В тот же вечер мы учинили в Севастополе внезапную и поголовную мобилизацию всех беспризорных господ офицеров»*⁶. По замечанию другого мемуариста, несмотря на тяжелое положение на фронте обороны Крыма, в тылу почему-то продолжали оставаться резервные части, формирующиеся боевые единицы, большое количество высших воинских кадров. Кроме всего прочего, в тылу располагалось невероятное количество тыловых учреждений, с большим штатом действительных и мнимых служащих. *«...Большинство офицерства и штатских щеголяли в чистом обмундировании, тратили огромные деньги по ресторанам и трактирам. Главным занятием в тылу была торговля, спекуляция с валютой, продажа казенных вещей. Жутко было смотреть на толпы бездельников, здоровую молодежь, к тому же требующих продовольствия, квартир и жалованья... Такая постановка дела не могла кончиться хорошо, это я, как фронтовик, понял уже после двух дней, это трагедия, а не оборона от врага»*⁷.

13 апреля 1920 года большевики силами Латышской дивизии разбили передовые части Слащева, захватили Турецкий Вал и продолжили наступление на юг. На Чонгарском направлении выдвинулась 8-я кавалерийская дивизия красных. Слащев приказал контратаковать противника. Это остановило продвижение красных, однако отбросить Латыш-

скую дивизию дальше Турецкого Вала части Слащева не смогли: к красным шла постоянная помощь со стороны свежих сил, подходивших из тыла. На утро 15 апреля остатки красных частей были выбиты с Перекопа усилиями беспрекословно атаковавших бойцов Слащева. Навстречу 8-й кавалерийской дивизии красных на Чонгарское направление вышла конная бригада полковника Василия Ивановича Морозова, которая, после ожесточенного боя под Тюп-Джанкоем, повернула красных кавалеристов вспять и прогнала прочь. В этот же день, собрав силы «цветных полков» воедино, придав им в помощь несколько бронеавтомобилей, Врангель нанес контрудар по позициям большевиков, попытавшись прорвать их оборону, однако дальнейшего успеха развить не удалось: атака отогнанной на время 8-й красной кавалерийской дивизии, подошедшей на помощь стрелковым дивизиям, выровняла положение сторон. Пехотные дивизии из состава 13-й советской армии снова перешли в наступление. Для развития успеха частей Слащева против большевиков Врангель приказал осуществить два фланговых удара, высадив десанты: алексеевцы водным транспортом были доставлены в район Кирилловки. Несколько аэропланов высланных Ткачевым, обнаружив транспорты с войсками, подвергли их усиленному бомбометанию, потопив следовавшую за транспортами баржу с боеприпасами. Части дроздовцев должны были прибыть на узкий песчаный полуостров Хорлы. Десантом командовал генерал Витковский, 2-м полком — Туркул, а 1-м — Харжевский. По ходу движения к месту высадки десант алексеевцев был обнаружен авиацией красных, совершавшей разведывательные полеты над местностью. Несколько аэропланов, обнаружив транспорты с десантом, подвергли их усиленному бомбометанию, потопив следовавшую за транспортами баржу с боеприпасами. На высадившийся десант алексеевцев большевики бросили силы 46-й дивизии. Дроздовцы, высадившись в Хорлах, провели военный совет под председательством генерала Витковского. Владимир Константинович, несмотря на все трудности, возникшие в ходе высадки десанта, наста-

ивал на выполнении боевой задачи до конца: пробиться с перешейка по тылам противника к Перекопу. Военный Совет решил выступать наутро. Корабли, высадившие десант, ушли в море и находились далеко от берега. Если бы красным удалось сбросить десант в море, то его удалось бы легко перебить в воде.

«Часов в восемь утра мы уже тронулись на деревню Адамань, пробиваться на Перекоп. Нас еще нес порыв ночного боя, стремительность победного удара. Красные отступали. Мы накатили на Адамань. В бою под Адаманью конными разведчиками 1-й Дроздовской батареи совместно с генералом Витковским, выехавшим в атаку на автомобиле с пулеметом Люиса, была взята красная батарея... И под залпами, в губительном огне, со своими ранеными и убитыми, которых несут, нестройная толпа расстреливаемых людей... идет. В колонне за подводами наши полковые сестры милосердия, жены и сестры дроздовцев: Мария Васильевна, Александра Павловна Слюсарева, Вера Александровна Фридман. Лица молодых женщин бледны, точно окаменели. При каждом взрыве снаряда они крепятся»⁸.

После двухдневных изматывающих боев, пройдя с боями 60 верст, отвлекая на себя силы противника, дроздовцы пробились к белым частям, стоящим на Перекопе. За этот рейд Врангель, приехавший на смотр дроздовцев в Армянск, пожаловал полковника Туркула чином генерал-майора. Маскированный штурм Крыма в который раз был сорван. Для подготовки нового наступления большевикам требовалось еще несколько недель, для подвода дополнительных войск, а на это время красное командование приняло решение «запереть» Русскую Армию на полуострове. Красные инженерные роты возводили линии заграждения, подтягивалось значительное количество артиллерии, подходили бронепоезда и новые эшелоны с пехотой. Выпавшая временная передышка для Врангеля позволила Главнокомандующему заняться решением неотложных задач, связанных с армией, в том числе и по укреплению дисциплины, сократить многочисленные штабы и усилить боеспособными кадрами боевой

состав полков. Врангель встретился и с митрополитом Вениамином, для того чтобы поговорить о духовном воспитании чинов Русской Армии: *«Работы духовенства в войсках почти не было. Я не мог с этим не согласиться. Управляющий военным и морским духовенством протопресвитер Шавельский, находясь безотлучно при Ставке Главнокомандующего, был, видимо, весьма далек от войск... Войсковое духовенство сплошь и рядом было не на высоте... я считал совершенно необходимым провести не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и целый ряд мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе духовно-религиозного воспитания»⁹.*

Некоторые пастыри, например протоиерей о. Владимир Востоков, одержимый идеями создания военизированной церковной организации «Братства животворящего креста», часто увлекался проповедями, по выражению Врангеля, «чисто погромного характера»: *«Каждое воскресенье, после службы в кафедральном соборе, он произносил с амвона горячие речи, призывая к борьбе с еврейством... Речи его были талантливо и сильны и производили огромное впечатление. Народ валом валил в собор уже не на молитву, а только чтобы послушать полные человеконенавистничества речи церковного пастыря»¹⁰.* Речи Востокова, собиравшего многочисленных слушателей в Севастополе и других крымских городах, подталкивали толпу на противоеврейские выступления: *«На третье воскресенье толпа уже не вмещалась в собор. Востоков вышел на паперть и говорил с ее возвышения возбужденной толпе, в которой начались истерические взвизгивания женщин и слышались грозные крики: «Бей жидов!»¹¹.*

Признавая ораторские способности проповедника, Врангель не мог позволить тому расшатывать напряженную обстановку в Крыму: *«Отличный оратор, умеющий захватывать толпу, он имел, особенно среди простого люда, значительный успех»¹².* Главнокомандующему даже пришлось вызвать о. Востокова к себе, чтобы объяснить гибельность его работы, после чего последний прекратил свои проповеди. Врангель издал указ, в котором говорилось: *«Запрещаю всякие пуб-*

личные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь... Нарушивших..., невзирая на сан, чин и звание, буду высылать из наших пределов»¹³.

Настоящее успешное взаимодействие по окормлению белого воинства установилось у Главнокомандующего с митрополитом Антонием (Храповицким). Владыка неустанно заботился о боевом духе в Русской Армии, стремясь довести до военного командования идею духовной поддержки чад православной церкви. Знакомство митрополита Антония с Главнокомандующим началось с его курьезного визита в Ставку Главнокомандующего: *«Владыка Антоний посетил генерала Врангеля. (Тут надобно заметить, что в те далекие времена митрополитов, т.е. таких архиереев, которые носят белый клобук, можно было бы пересчитать по пальцам одной руки.) Адъютант Главнокомандующего был, как видно, не семи пядей во лбу, а поэтому почтительно осведомился у прибывшего иерарха: — Как прикажете доложить? — Скажи генералу, — невозмутимо отвечал Митрополит, — пришла Марь Ванна в белой шляпке...»¹⁴.*

На полуострове вводились меры по укреплению дисциплины в войсках путем активизации деятельности военно-полевых судов, пресечению случаев грабежей и мародерства по отношению к местному населению. Генерал Кутепов провел беспощадную серию мероприятий по наведению дисциплины в своих подразделениях, приговаривая грабителей к смертной казни, против чего протестовала местная либерально-демократическая оппозиция, возглавляемая симферопольским городским главой Усовым. Врангель вызвал Усова на прием и имел с городским главой краткую беседу, сообщив тому, что на нем как на Главнокомандующем лежит ответственность перед армией и населением и что он действует так, как повелевают его ум и совесть. *«Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе. Однако во главе русского дела судьба поставила не вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему*

делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы...»¹⁵.

На уровне командующих крупными подразделениями, ведущими политику раскола и смуты, как, например, командующий Донским корпусом генерал Сидорин и его начальник штаба Кельчевский, открыто высказывавших пожелания отделения Донского корпуса и ухода его из Крыма, Врангель повелел провести служебные расследования, отдал обоим генералов под суд и выслал за границу. На смену Сидорину был назначен генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, а дела у Кельчевского принял генерал-майор А.И. Кислов. Начальника политического отдела Донского корпуса и по совместительству редактора газеты, сотника графа дю Шайля, тяжело ранившего себя при попытке ареста, по излечении Врангель также приказал выслать за границу. Следом за бывшим донским командованием за границу выехали генералы Покровский, Ростовский и Боровский, что положило конец штабным интригам. Особое внимание Врангель уделял вопросам снабжения оказавшейся запертой на крымском полуострове армии. Уголь по-прежнему поставлялся британскими союзниками. Первоочередные меры, которые предпринял Врангель в гражданской части своего правления в Крыму, были направлены на улучшение хозяйственного положения, удешевление предметов первой необходимости, увеличение запасов муки в городах. Крым обладал в необходимой мере запасами сырья, соли, в порту и на складах было большое количество железного лома, по геологическим данным на территории полуострова имелись залежи серы, туфов и угля, пласты которого были обнаружены в районе станции Бешуй, где должны были начаться геологические изыскания. В считанные недели Врангель намеревался провести сокращение штатов различных учреждений и управлений, сократить излишние штаты, наладить соответствие окладов служащих в различных ведомствах и провести нормировку рабочих ставок. Главнокомандующим ставилась задача контроля над расходами городских и земских

самоуправлений, которые зачастую направляли поступающие многомиллионные вливания на повышение окладов собственных служащих. В части внешнеэкономической деятельности Врангелем были отданы распоряжения по закупке нескольких миллионов порций солонины и мясных консервов из Болгарии, а также жиров, поставляемых в Крым из Константинополя. Генерал Вильчевский докладывал Врангелю, что при условии расходов не более одного фунта хлеба в сутки на человека муки в Крыму может хватить до следующего урожая 1921 года.

В финансовой части Врангелем был заслушан и.о. начальника управления финансов Б.В. Матусевич о причинах падения российского рубля. Врангелем было предписано образовать особую комиссию, которой поручалось наметить ряд мер по улучшению налоговой системы и увеличению доходов казны. Отдельным вопросом стояло усиление цензуры прессы, ибо в обстоятельствах «осажденной крепости» Врангель считал невозможным для себя потакать либерализации прессы, нередко служившей рупором оппозиции и нагнетания истерии в обществе. На встрече с редакторами газет, проходившей у Врангеля, Главнокомандующий напомнил приглашенным редакторам, что их пожелания по отмене цензуры, мягко говоря, несвоевременны, и что по законам военного времени действия, наносящие вред военному и гражданскому руководству Крыма и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. В ходе беседы многие редакторы согласились с тем, что их требования относительно полной отмены цензуры были преждевременны.

Одним из существенных нововведений Врангеля стало учреждение ордена Св. Николая Чудотворца, приказом от 30 апреля 1920 года. Мера эта была обусловлена тем, что за последние два года, при главнокомандующем Деникине награждение офицеров и нижних чинов происходило главным образом за счет перевода их в следующий чин; эта практика привела огромное количество людей в штаб-офицеры, а некоторых даже в генералы при некотором игнорировании

того, что само по себе звание генерала требовало и некоторой практической и житейской мудрости, не говоря уже о практическом опыте и соответствующей подготовке. Новый орден представлял собой черный металлический крест с изображением Святителя Николая и надписью «Верую спасется Россия» на трехцветной национальной ленте. Определение подвигов и личностей, достойных награждения орденом Св. Николая Чудотворца, возлагалось на орденскую следственную комиссию и на кавалерскую думу ордена.

Во второй декаде мая 1920 года была объявлена мобилизация мужчин призывного возраста, родившихся в 1900—1901 годах.

2 мая 1920 года в Севастополь прибыл командующий британским оккупационным корпусом генерал Милн. Он осведомился о пожеланиях Врангеля относительно поставок и поинтересовался, имеются ли у того какие-либо пожелания, распорядился об отпуске бензина из оккупированного британцами Батума и предложил направить британский броненосец к берегам Трапезунда для прикрытия погрузки старого русского оборудования, оставшегося там с довоенных времен. Врангель поблагодарил представителя союзников и счел своим долгом сказать о тяжелом экономическом положении Крыма, а также о том, что дальнейшее пребывание в Крыму грозит армии и населению голодом. При этих условиях, сообщил британскому генералу Врангель, он не видит другой возможности, как попытаться расширить занятую Русской Армией территорию. От подробных комментариев по поводу планов возможного расширения территории барон уклонился.

Большевистское командование продолжало сосредоточение свежих сил перед фронтом Русской Армии. Там сосредоточились 3-я, 46-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии, 85-я бригада 29-й стрелковой дивизии, 124-я бригада 42-й стрелковой дивизии, 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова, прибывшая с Кубани из числа бывшего корпуса Думенко, запасная кавалерийская бригада Федотова из частей управления формирований 1-й Конной армии Буден-

ного, полк Льва Каменева, Особый отряд Ревкома Крыма, карательный чекистский отряд, караульный батальон и несколько мелких вооруженных формирований. Общая численность красных формирований составляла 15—16 тысяч штыков, 3—4 тысячи сабель. Контрразведка сообщала в штаб Главнокомандующего Русской Армии, что красное командование готовит новое наступление в самые ближайшие дни. Русская Армия численно превосходила противника. Войска, выставленные Врангелем против красных, были сведены в четыре корпуса: 1-й армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта А.П. Кутепова, в который входили Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии и 1-я кавалерийская и 2-я конная дивизии, 2-й армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Я.А. Слащева, в который входили 13-я и 34-я пехотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада. Сводный корпус генерал-лейтенанта П.К. Писарева — Кубанская дивизия и 3-я конная дивизия, состоявшая из Астраханцев и «туземцев». Донской корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова — 2-я и 3-я донские дивизии и гвардейская донская бригада. Боевой состав Русской Армии насчитывал 25 тыс. штыков и сабель. В своей директиве от 21 мая Врангель поставил перед командующими корпусами следующие задачи: генералу Слащеву, после того как его части будут сменены частями генерала Писарева, погрузиться в Феодосии и высадиться в районе Кирилловка — Горелое. По высадке перерезать железнодорожную ветку Сальково — Мелитополь и далее, совместно с частями генерала Писарева, действовать в тылу Перекопской группировки большевиков. Генералам Писареву и Кутепову — атаковать красных на рассвете 25 мая, разбить и отбросить за Днепр. Генералу Абрамову — с Донским корпусом оставаться в резерве Главнокомандующего в районе станции Джанкой. Ввести часть флота в Днепровский лиман для поддержки левого фланга наступательной операции. Накануне выступления Врангель выпустил известный приказ № 3226, где призвал крымское население к защите Родины и мирного труда русских людей. 22 мая 1920 года части генерала

Слащева начали погрузку в военные транспорты для отправки к месту высадки. Барон Врангель нашел, что *«войска имели отличный вид. Сам генерал Слащев был настроен весьма бодро и уверенно»*¹⁶. В обстановке полной секретности Азовский отряд судов с десантом на бортах вышли в море, прошли через Керченский пролив в Азовское море и только там капитаны кораблей, перевозившие десант, вскрыли пакеты от Главнокомандующего, где указывалась конечная цель их маршрута. *«Чтобы держать противника возможно дольше в заблуждении, отряд судов Каркинитского залива утром того же 6 июня произвел демонстрацию у порта Хорлы, и три вооруженные баржи, став на якорь, обстреляли порт. Вскоре береговая батарея красных открыла ответный огонь, и суда, отойдя от порта, оставались в видимости целый день»*¹⁷. Произошла высадка у Кирилловки. Большевики спешно перебросили туда полторы тысячи штыков, а также направили несколько аэропланов для поддержки с воздуха. Десант Слащева с ходу разбил красных и направился на Мелитополь. 7 июня 1920 года Кутепов ударил по Латышской и 3-й стрелковой дивизии, а Писарев по 46-й, состоявшей из «революционных эстонцев». На прорыв укрепленной полосы Русской Армией были брошены танки и броневики. Началось упорное беспощадное сражение. Красная артиллерия не жалела снарядов, расстреливая наступающих прямой наводкой. Потери с обеих сторон невероятные. За день в Латышской дивизии красных было убитыми и ранеными свыше тысячи человек. Дроздовцы теряют почти половину командного состава. И вот оборона большевиков сломлена. Кутепову удалось продвинуться вглубь линии фронта на 10—15 верст, но к концу дня, подкрепив себя новыми резервами, красные заставили отступить корпус Кутепова назад, до самого Перекопа. К 9 июня 1920 года в ходе борьбы двух сторон наметился некоторый перелом. Слащев подошел к Акимовке, разбил бывшие там красные части и ворвался в Мелитополь, перерезав железнодорожную ветку Симферополь — Синельниково. Эту транспортную магистраль использовала 13-я советская армия для переброски свежих

подразделений к Перекопу, однако подход основных сил к Слащеву запаздывал, и его частям приходилось драться в некоторой изоляции. Ставка Врангеля перешла в Мелитополь. Обложенный с трех сторон корпус Слащева несколько дней отбивал атаки противника, не пуская его в город. Сам барон продолжал жить в поезде.

10 июня 1920 года красные навалились на белые тылы в районе села Новоалексеевка, где базировался штаб и Чеченская бригада вместе с командующим генералом Ревизиным. После короткого боя красная конница разгромила бригаду и пленила ее командира.

11 июня красные снова пошли в контрнаступление и завязались тяжелые встречные бои. Им навстречу был выведен Донской корпус генерала Абрамова. 12 июня был взят город Алешки, выйдя на левый берег Днепра от его устья до Каховки. Десантный отряд капитана 1-го ранга В. Машукова, высаженный канонерскими лодками «Урал» и «Грозный», на несколько дней занял Бердянск и соединился с войсками Слащева. На северном направлении фронт остановился у поселка Васильевка, не дойдя полсотни верст до Александровска. Операция по выходу из Крыма завершилась. Русская Армия захватила около 10 тыс. военнопленных и почти полсотни орудий противника. В ходе операции по выходу белых корпусов к Днепру 13-я советская армия оказалась разбитой на две части: одна часть оставалась на левом берегу Днепра, а другая — на правом. Русская Армия освободила территорию в 300 верст и обеспечила себе выход в богатые продовольствием места Северной Таврии. В 20-х числах красные не оставляли попыток переломить ситуацию, ворвавшись в г. Большой Токмак. При поддержке танков противник был выбит из города и отброшен на север. Одновременно большевики повели наступление против 34-й пехотной дивизии, вдоль линии железной дороги Александровск — Мелитополь и к ночи 22 июня заняли Михайловку. На следующий день красные части были атакованы частями Сводного корпуса генерала Писарева во фланг и отступили к северу. Части 1-го и 2-го армейских корпусов очи-

щали от красных район Большого Токмака, Щербаковки и Янчокрака. 23 июня противник начал отход по всему фронту. Победа досталась Русской Армии нелегкой ценой: «Тяжелые непрерывные бои в течение пяти недель вывели из строя массу людей. Ряды армии таяли. Новые пополнения не могли возместить всех потерь. Нужно было искать новые источники пополнения...»¹⁸. Особенно быстро исчезали с трудом собранные пополнения гвардейских подразделений, порой теряя за один бой более трети своего состава. Командиры и старшие офицеры гвардейских частей Русской Армии отличались, как правило, необыкновенной личной смелостью и готовностью к самопожертвованию во имя высоких идеалов. Среди десятков Оболенских и Трубецких, воевавших в рядах Русской Армии в Крыму, были и отдельные, почти легендарные персоналии, такие, как князь Александр Николаевич Искандер, сын высланного в Ташкент за «внутриармейную провинность» императором Николаем Вторым Великого князя Николая Константиновича. Бывший лицеист, князь Искандер вышел в гвардейский кавалерийский полк из вольноопределяющихся, участвовал в борьбе с большевизмом в Фергане в 1919 году в рядах ташкентского офицерского отряда, и с марта 1920 года в чине ротмистра командовал эскадроном своего полка вплоть до самой эвакуации. Но таких людей были по-прежнему единицы, и Врангелем были приняты решительные меры по сокращению штабов и расформировано более трехсот учреждений, а также рядом приказов было предложено военным и гражданским ведомствам немедленно отчислить в строй всех здоровых воинских чинов за исключением специалистов и лиц, занимавших должности не ниже начальников отделений. Главному интенданту было поручено принять меры к выяснению точной численности всех войсковых частей и снять с довольствия всех лишних людей. Кроме того, источником пополнения рядов Русской Армии могли стать чины разгромленных Северной и Северо-Западной армии, а также части генерала Бредова, интернированные в Польше. Врангель написал всем русским военным представителям принять все

зависящие от них меры для направления в Крым всех боеспособных офицеров и солдат. Возникшие трудности с техническим обеспечением боевой техники и аэропланов решались исключительно благодаря находчивости и самоотверженности офицеров, в чьих руках они находились. Бензин, масло и резина закупалась за границей, но и в них ощущался большой недостаток. Все необходимое закупалось в Румынии или Болгарии, порой в Грузии. Попытки вывезти русское имущество из Трапезунда натывались на тихое противодействие британских властей, которые задерживали доставку груза под любыми предлогами. Эти препятствия обходили всевозможными усилиями, пользуясь доброжелательным отношением чинов британской военной миссии в Константинополе, однако, по признанию Врангеля, *«терялось огромное количество времени и напрасных усилий»*¹⁹.

Однако большевистское оперативное командование фронтом занималось подготовкой массированного контр удара, отступая в Северной Таврии. Из Северного Кавказа был переброшен 1-й отдельный корпус Дм. Жлобы, созданный на основе кавалерийского корпуса Думенко, силой в 12 тысяч сабель, при наличии броневиков и артиллерии. С польского фронта в Таврию направлялась 52-я, а к ней добавлялись 42-я и 40-я стрелковые дивизии, 2-я кавалерийская дивизия Дыбенко и 9 аэропланов для бомбометания и разведывательных полетов. Идея удара красных сводилась к тому, чтобы сходящимися ударами отсесть Русскую Армию от крымских перешейков, раздробить и уничтожить ее силы в Северной Таврии, не дав возможности отхода в Крым. Основной удар должен быть нанесен на Мелитополь, где располагался штабной поезд Врангеля, и после захвата города, обходами, красные планировали направиться в тылы белых корпусов для их окружения. Красные начали свою операцию 28 июня 1920 года. В районе станции Большой Токмак Кавалерийский корпус Жлобы накинута на 2-ю Донскую дивизию Абрамова. С ходу было уничтожено два полка казачьей конницы, отсекая их от спешащих на выручку других полков Донской дивизии. Конница Жлобы повернула в глу-

бину позиций Русской Армии. 40-я советская стрелковая дивизия отбросила 3-ю Донскую и вышла в районе Ногайска к Азовскому морю. 1 июля 1920 года началось красное наступление, в ходе которого красные части переправились через Днепр и в ходе упорных боев заняли Каховку. Продвинуться далее большевики не смогли из-за начавшихся контратак Русской Армии, заставившей их приступить к обороне. Части Жлобы наступали на Мелитополь. Врангель отдал приказание генерал-майору Вячеславу Матвеевичу Ткачеву, полному Георгиевскому кавалеру в русской авиации за боевые вылеты 1914 и 1916 годов, начальнику авиации Русской Армии, поднять в воздух имеющиеся в распоряжении ВВС аэропланы и остановить продвигавшуюся на рысях красную конницу. Два десятка боевых машин, одной из которых управлял сам генерал Ткачев, поднялись в небо и, разогнав аэропланы красных, сбрасывали бомбы и обрушивали пулеметный огонь на конницу Жлобы. Пользуясь расстройством боевых порядков красных, пехота Русской Армии контратаковала, заставляя снижать темпы продвижения. Это вынудило Жлобу распорядиться о движении конницы в ночных маршах, что снизило скорость наступления его дивизии. 3 июля 1920 года Русская Армия перешла в общее и контр наступление, сбила большевистские части с плацдарма под Каховкой и выбила их на другой берег Днепра. Бой с частями Жлобы кипел всего в полутора десятках верст от Мелитополя. 2-я Ставропольская дивизия Дыбенко прорвала оборону корниловцев, но была вынуждена откатиться назад из-за прилетевших вовремя на помощь аэропланов эскадрильи генерала Ткачева. Части Дыбенко начали отход, другие советские части были вытеснены в район станции Токмака, где они попали под огонь бронепоездов. Красные выходили из-под удара мелкими группами; пробились к своим, преследуемые частями Русской Армии. Из рейда назад, к основным частям красных, вернулось лишь менее четверти изначального состава. Русская Армия захватила свыше 11 тысяч пленных, 60 орудий, несколько броневиков и аэропланов противника.

9 июля 1920 года высаженный Азовским отрядом судов в составе канонерских лодок «Страж», «Грозный», «Алтай» и «Урал», миноносца «Живой» и двух барж десант 23 июня, под командованием полковника Назарова, занял район Александровка — Грушевка в 35 верстах от Новочеркасска. Отряд состоял из 900 донских казаков, двух полевых орудий, одного броневика и радиостанции. Для его ликвидации красными была создана целая группировка, включавшая в себя одну пехотную и две кавалерийские дивизии. 15 июля, после тяжелых встречных боев, Назарову удалось прорвать оборону красных и отправиться в рейд по станицам, в которых, по мере его продвижения, в отряд вливались новые силы, увеличив его почти наполовину. Большевистские силы преследовали отряд Назарова буквально по пятам, прижав его в районе станицы Константиновской к Дону. В решающем сражении отряд был рассеян превосходящими силами противника, Назаров бежал за Маныч, где он был настигнут преследователями и добит окончательно. Спасшийся Назаров сумел выдать себя за солдата, был арестован за дезертирство, но во время этапа сбежал и самостоятельно добрался в Крым к началу осени 1920 года. Увы, восстания на Дону не получилось, ибо силы донских казаков были уже истощены, а ресурсы Дона активно эксплуатировались установившимся там большевистским режимом. Единственным, положительным результатом десанта Назарова явилось то, что на время охота за ним и преследование сняли с крымского фронта значительные силы красных. 10 июля 1920 года ударная группа Врангеля — весь конный корпус и Дроздовская дивизия сосредоточились в районе Б. Токмака, откуда 12 июля все части Кутепова перешли в наступление. К полудню конница генерал-лейтенанта Николая Петровича Калинина вошла в городок Орехов: 13 июля 1920 года Кубанская казачья дивизия с двумя полками Дроздовской дивизии вела бой в районе Орехова: *«Идем тремя колоннами: кавалерийская бригада и 3-й полк на село Жеребец, западнее Орехова, 1-й и 2-й дроздовские полки на Орехов, а на село Большую Камышеваху, за Ореховым, двигались, блистая в пыли, ка-*

*валерия генерала Барбовича. Орехов — ось нашего движения... 1-й Дроздовский полк занял Орехов, выставил сторожевые охранения...»*²⁰. Врангель был недоволен действиями конницы Калинина, из-за переходящего из рук в руки города: *«Действия генерал Калинина... были... неудачны. Сперва, по недостаточно проверенным сведениям, он двинул 1-ю конную и Кубанскую дивизию на Копани, заняв дроздовцами высоты западнее Орехова... Между тем конница противника всеми силами обрушилась на 2-ю конную дивизию генерала Морозова, потеснила ее и беспрепятственно заняла Орехов... Генерал Калинин бросился туда. К ночи дроздовцы овладели Ореховым...»*²¹. Однако уже к 15 июля Донской корпус Ф.Ф. Абрамова разгромил 40-ю дивизию большевиков в районе Юльевки и захватил до полутора тысяч пленных, 7 орудий и 35 пулеметов. Донцы потеснили большевиков назад, за железнодорожную ветку. *«Генерал Калинин продолжал топтаться на месте»,* — недовольно констатировал Врангель. 16 июля противник перешел в наступление в районе Сладкой Балки, потеснив корниловцев, а кавалерия большевиков заставила отойти 3-й Дроздовский полк и небольшой отряд марковцев, заняв обширный район Юльевки — Веселого — Новогригорьевки. Эти части не были поддержаны конницей Калинина, и Врангель направил ему телеграмму, в которой объявил об отчислении его от должности и назначении вместо него генерал-лейтенанта Николая Гавриловича Бабиева. Про этого кавалерийского генерала сам главнокомандующий Русской Армией отмечал, что тот был *«совершенно исключительного мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерам и казаками...»*. Современники Бабиева держались того же мнения: *«Сухопарый, черноволосый, с кавалерийскими ногами немного колесом, с перерубленной правой рукой. В конных атаках генерал рубился левой. Этот веселый и простой человек был обаятелен. В нем все привлекало: и голос с хрипотцой, и как он ходил, немного перегнувшись вперед. Привлекала его нераздумывающая, какая-то ликующая храбрость»*²². Уже 17 июля Донской корпус нанес большевикам новый удар, захватив полтысячи пленных

и три бронепоезда, несколько артиллерийских орудий и пулеметов. Бабиев направил 1-ю конную и Кубанскую дивизии, которой командовал генерал Барбович, в охват левого фланга конной группы противника. Вместе с этим 2-я конная дивизия генерала Морозова была двинута на Аул, где вступила в бой сдвигающейся на Новопавловку конницей большевиков. С 18 по 20 июля был развит успех корпусом генерала Бабиева, разбившего красных у деревень Васиновки и в районе селения Аул. Большевики начали отход на север. За неполные девять дней Русская Армия захватила свыше 5000 пленных, свыше 30 орудий, 150 пулеметов и 4 бронепоезда. Немалая доля успеха лежала на своевременно назначенном решительном генерале Бабиеве, а также Барбовиче, в конных частях которого воевали и гвардейские полки, активное участие которых в войне началось еще на Перекопе. 1 июля газета «Феодосийский вестник» поместила небольшую заметку об участии некогда привилегированных гвардейских частей в боях на Перекопе: «...Разбив противника на этом направлении, наши доблестные кавалергарды и кирасиры преследовали противника, изрубив более 600 человек и захватив 250 пленных, 4 пулемета, пулеметные ленты и тысячи патронов...»²³. К вечеру 20 июля 1920 года поезд Врангеля вернулся в Севастополь, выйдя из Мелитополя. Наступила короткая передышка перед новой схваткой. Большевистское командование свело остатки разбитого корпуса Жлобы и несколько других соединений в так называемую Вторую конную армию, общей численностью в 9 тысяч сабель, командовать которой был назначен О.И. Городовиков. Командовать 13-й советской армией был назначен Уборевич, а авиация сосредоточилась под командованием красного командира И. Павлова, бывшего офицера лейб-гвардии Волынского полка. Про него было известно, что он «талантлив, очень энергичен, умеет действовать на массы и лично храбр — всегда впереди»²⁴.

Новое наступление на Врангеля планировалось на август, однако части генерала Кутепова ударили по красным в районе Александровки и Екатеринослава уже 25 июля, не до-

жидаясь наступления большевиков. 3-я и 46-я советские стрелковые дивизии были отброшены силами дроздовцев и марковцев. В образовавшийся прорыв мгновенно ворвался корпус генерала Барбовича. Русская Армия вновь заняла Орехов. Наступление продолжилось, ознаменовавшись занятием крупного железнодорожного узла Пологи и выходом на Александровск, взятый в ходе кавалерийского рейда уже 2 августа. На восточном фланге Донской корпус под личным командованием А.П. Богаевского разгромил 40-ю советскую армию. 4 августа Русская Армия оставила Александров, отходя на прежние позиции, 6 августа были оставлены Орехов и Пологи, а 8 августа — Бердянск. В ночь на 7 августа большевики форсировали Днепр силами 52-й и 15-й дивизий и заняли Каховку. На противоположном берегу Днепра красные инженеры сразу же занялись наведением понтонного моста для прохода главных сил. Корпус Слащева, оборонявшего Днепр, не смог сдержать удара прорвавшихся большевиков, основной удар которых пришелся прямо по его штабу, расположенному в Каховке. К полудню следующего дня Слащев пытался контратаковать, однако было поздно: с другого берега Днепра переправилось уже довольно много большевистских сил. Красные начали теснить 2-й кавалерийский корпус Слащева в сторону Перекопа. На захваченный плацдарм Каховки начали прибывать части большой 51-й советской дивизии. В. Блюхер, назначенный комендантом «укрепленного района» Каховки, приказал мобилизовать все «нетрудовые элементы», включая женщин соседнего Херсона, переправить их на баржах в Каховку и «круглосуточно вести работы по укреплению района», выражавшиеся в рытье окопов и установке проволочных заграждений. 2-я Конная армия Городовикова снова тронулась в направлении Мелитополя, ей удалось прорвать фронт и к 11 августа она оказалась в тылу Русской Армии, выйдя к станции Токмак. Корпус Кутепова нанес 2-й Конной ощутимый удар во фланг, разбив 20-ю кавалерийскую и 1-ю стрелковую дивизии, разбив 2-ю Конную на две части. Вечером того же дня оказавшаяся впереди часть 2-й Конной бросилась в обрат-

ный прорыв к своим, пробиваясь в жестоких схватках с Русской Армией. Тем временем красные части продолжали наступление. Врангель направил корпус Барбовича, придав ему броневика на левый фланг Русской Армии, где красным уже удалось продвинуться на два десятка верст. Слащев, соединившись с Барбовичем, остановил продвижение большевистских полков и погнал их назад, к Днепру, однако вскоре натолкнулись на ставший достаточно укрепленным район Каховки, остановленные сильным артиллерийским огнем. Атака следовала за атакой, однако Каховка усилиями красных превратилась в крепкий орешек. Слащев ходатайствовал об отчислении себя от должности в ответ на телеграмму Главнокомандующего, где тот выражал свое неудовольствие по поводу Каховской операции. Ценил его заслуги в прошлом и прощая ему многое, Врангель посчитал, что оставление Слащева далее во главе корпуса является невозможным. Приказом № 3505 от 6 (19) августа 1920 года Главнокомандующий присвоил Слащеву титул «Слащев-Крымский» в ознаменование его прежних заслуг, однако тут же направил его в отпуск, по состоянию здоровья, поставив во главе корпуса генерал-лейтенанта Владимира Константиновича Витковского, которого считал человеком большой личной храбрости и прекрасно разбиравшимся в обстановке, хорошим организатором. О Слащеве Главнокомандующий высказывался: *«Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами... Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответственен за свои поступки. 5 августа Слащев прибыл в Севастополь. Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы беспрерывно текли по щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнения, что предо мной психически больной человек... В изъятие из общих правил я наметил зачислить генерала Слащева в свое распоряжение с сохранением содержания, что давало ему возможность спокойно заняться лечением»*²⁵.

Вопреки рекомендации Главнокомандующего, Слащев не поехал за границу, переселившись из личного вагона,

в котором он проводил большую часть времени в атмосфере хаоса и беспорядка, посреди разбросанной одежды, карт местности и оружия и в окружении своих нескольких пернатых питомцев — журавля, ласточки, скворца и вороны, — в Ялту: *«Мне передавали недоумение одного английского генерала, посетившего Слащева на фронте. Слащев все время разговаривал с ним, обсуждая стратегические вопросы с попугаем на плече»*²⁶.

Русская Армия, вышедшая из Таврии, по-прежнему оставалась запертой на Крымском полуострове. Большевистское командование продолжало подвод новых сил и вооружения. И хотя Великобритания возобновила угасавшую периодичность поставок, а Французское правительство опубликовало заявление о признании правительства Врангеля фактическим правительством Южной России, в штабе Главнокомандующего стали рассматривать необходимость взятия стратегической инициативы в свои руки, для чего требовался поиск новых кардинальных решений. Изучив обстановку, сложившуюся на Кубани, захваченной большевиками, штаб Врангеля пришел к выводу, что при удачно высаженном десанте на Кубань, где по расчетам разведки насчитывалось три десятка крупных формирований казачьих повстанцев, стратегическая инициатива может оказаться вырвана у красных. Штаб Русской Армии полагал, что в этом случае ситуация сможет перемениться, как на Дону, во время восстания в станице Вешенской в 1919 году. Особые надежды связывались с крупнейшим соединением повстанцев — «Армией Возрождения России» генерал-майора М.А. Фостикова, под чьим контролем находился Баталпашинский и Лабинский отделы, захваченные повстанцами Фостикова, изгнавшими оттуда большевиков. Численно «Армия Возрождения России» насчитывала более пяти с половиной тысяч человек, у повстанцев имелись десять орудий и три десятка пулеметов.

Для установления связи с отрядом Фостикова Врангель направил генералов Муравьева и Султан-Келеча, однако генералы изначально действовали без координации между со-

бой, не облегчая тем самым вопрос соединения кубанских повстанцев и частей Русской Армии. Фостиков негодовал: «...прибыл ко мне из Грузии генерал Муравьев, посланный генералом Врангелем для поднятия восстания на Черноморском побережье и Кубани... Генерал Муравьев официально сообщил мне о десанте и месте высадки его, но предупредил, что возможен десант небольшой группы около Туапсе. Кроме того, от Муравьева мне стало известно, что подробный план десанта и намеченных операций находится у генерала Султан-Келеча, которому все это передано официально... до меня доходили слухи, что он не желает подчиниться мне, зная, что я все группы повстанцев объединяю и подчиняю себе...»²⁷.

В десант Главнокомандующим направлялись 1-я конная и 2-я Сводная Кубанская пешая дивизия генералов Бабиева и Шифнер-Маркевича, а также Сводная пехотная дивизия генерала Казановича. Десанту были приданы восемь аэропланов и несколько броневых автомобилей. Командовать десантом Врангель назначил генерал-лейтенанта Сергея Георгиевича Улагая. Всего Азовская флотилия высадила 16 тыс. человек, орудия, запасы снаряжения, продовольствия, обозы, а также несколько тысяч кубанских беженцев, прибывших к десанту. Военные транспорты Азовского отряда, включая два вооруженных ледокола — «Гайдамак» и «Джигит», блокировали красный флот в Таганрогском заливе, в то время как другие корабли этой флотилии прикрывали высадку десанта. Погрузка на транспорты проходила в Керчи, где был посажен авангард, и Феодосии, где на борт военных транспортов поднялись главные силы и беженцы. В ночь с 31 июля по 1 августа 1920 года транспорты вышли в море, а на рассвете 2 августа авангард десанта был высажен в 14 километрах от станицы Приморско-Ахтырской, на косе Ясенской. Береговые батареи большевиков были уничтожены дальноточными орудиями военных судов, и десант высадился без потерь. После того как станица Ахтырская была взята, там и произошла высадка основных сил десанта, а также лошадей, орудий и всей материальной части. Конная дивизия генерала Бабиева быстро продвигалась вперед. Были взяты

станицы Тимашевская, Поповичевская, Брюховецкая. Кубанские казаки разъезды едва не доходили 40 верст до Екатеринодара. Против десанта большевиками была брошена малочисленная 1-я Кавказская кавалерийская дивизия с 9 орудиями, со временем к ней были подтянуты кавалерийская бригада некоего Балахонина и один бронепоезд, но высадившая 1-я конная дивизия Бабиева с ходу атаковала красные части и разгромила противостоящих им большевиков. Бригаде Балахонина удалось вырваться и уйти, но 1-й кавказский кавалерийский корпус был сметен атакой Бабиева. Бронепоезд был взорван и оставался недвижим. В результате атаки конницы Бабиева сам командующий 9-й советской армией Левандовский едва спасся бегством. Генерал Драценко, назначенный Врангелем незадолго до высадки десанта начальником штаба Улагая, предупредил командующего о пагубности расхождения войск «широким веером», настаивая на том, чтобы от внимания командующего не ускользали фланги десанта. В тактике захвата Кубани Улагай придерживался принципов 1918 года, состоявших из стремительного марша вперед, победы, возникновения общего восстания и изгнания недальновидных большевиков. Два года гражданской войны произвели перемены и в тактических успехах большевиков. Подтянув с севера дополнительные силы, они оценили обстановку и, увидев расходящийся веер десанта, решили перерезать его у основания, ударом его в слабо защищенную немногочисленным заслоном станицу Бриньковскую. Сбив охранение Русской Армии у Бриньковской, красные силы направились к железнодорожному полотну Приморско-Ахтырская — Тимашевская, чтобы, захватив его, отсечь главные силы Русской армии, продолжавшей наступление от их тыловой базы. Генерал-лейтенант Даниил Павлович Драценко просил в срочном порядке вернуться Бабиева, чтобы ликвидировать прорыв красных, что тот незамедлительно и сделал. Однако сразу же после ликвидации усилий большевиков по захвату железнодорожной ветки и последовавшего за этим изгнания их из Бриньковской, Бабиев вновь направился на Брюховецкую,

предоставив охранять станицу незначительному подразделению юнкеров.

18 августа 1920 года Врангель высадил еще один десант между Анапой и Абрау-Дюрсо на мысе Утриш, в составе полутора тысяч чинов корпуса генерала Бредова, Корниловского юнкерского училища и черкесского дивизиона под общим командованием генерал-майора Александра Николаевича Черепова. Ему удалось продвинуться вглубь территории лишь на восемь верст, после чего части Черепова были атакованы 22-й советской стрелковой дивизией. Красные артиллеристы, подведя и установив до 30 орудий, обрушили шквал артиллерийского огня на десант. Черепов приказал грузиться на подошедшие транспорты, ушел на Тамань. Сам Черепов был тяжело ранен в ногу и отправлен Врангелем на излечение в Королевство СХС.

Тем временем против частей генерала Улагая красные начали новую операцию. Пользуясь уходом белых кораблей прикрытия, посчитавших свою задачу по доставке десанта выполненной, к Приморско-Ахтырской подошла красная Азовская флотилия, открывшая огонь из всех имеющихся бортовых орудий. Одновременно с этим с севера красными была вновь предпринята атака на железнодорожную ветку, с целью отсечь главные силы от их тыловой базы. Юнкера, охранявшие Бриньковскую, едва держались перед наступающими на них превосходящими силами противника, а штаб десанта, находившийся под непрерывным обстрелом в Приморско-Ахтырской, утратил всякую возможность поддерживать связь со своими главными силами, ушедшими далеко вперед. В создавшейся обстановке штабом десанта было принято решение погрузиться в железнодорожный состав и по свободной пока ветке пробиваться к ушедшим вперед главным силам. На поезд были посажены и прибывшие с десантом беженцы, и вскоре он тронулся в сторону станицы Тимашевской. Эшеленом была сделана остановка у станицы Ольгинской, которую едва удерживали поредевшие ряды юнкеров. *«Последней опорой России была ее героическая молодежь, с винтовками, в походных шинелях. У красных — Число, там серое,*

*валом валяющее Всех Давишь, у нас — отдельные люди, отдельные смельчаки. Число никогда не бывало за нас. За нас всегда было качество, единицы, личности, отдельные герои... Большевики как ползли тогда, так ползут и теперь — на черни, на бессмысленной громаде двуногих...»*²⁸. Все способные держать в руках оружие чины штаба и беженцы высадились в Ольгинской, чтобы помочь им отбить атаки большевиков, а затем, погрузившись и забрав оставшихся юнкеров на едвадвигающийся эшелон, продолжить свой путь на Тимашевскую. Едва проскочили, и сразу после этого большевиками была перерезана железная дорога. Десант был отрезан от берега. 28 августа 1920 года станица Тимашевская была атакована силами 2-й Донской дивизии и отдельной бригадой, была ненадолго захвачена десантом Улагая, однако красным удалось выбить десантников и под напором наваливавшихся на десант сил красных Улагаям была дана команда об отходе. В поселке Ачуев наспех сооружалась пристань, штаб и тыловые учреждения переводились в станицу Гривенскую. 9 (25) августа 1920 года Врангелем был направлен еще один десант — на Тамани, где высадилось около 3 тыс. человек под командованием генерал-майора Виктора Викторовича Харламова. Станица Таманская была взята без боя, потому что большевики увели все силы на борьбу с десантом Улагая. К 13 августа были взяты еще две станицы, а еще через пять дней, после упорных боев и еще две станицы были освобождены от красных — Старо-Титоровская и Камышеватая. Большевики, почувствовав неладное, стянули большие силы и выбили десант Харламова к 20 августа, когда генерал был вынужден отдать приказ о погрузке на транспорты: *«К вечеру наши части были потеснены. Начальник отряда генерал Харламов доносил, что несет большие потери и вынужден отходить. К ночи отряд генерала Харламова, понесший чрезвычайно большие потери, отошел к станице Таманской. Я приказал начать погрузку войск для переброски в Керчь»*²⁹.

К 7 сентября 1920 года завершилась эвакуация главных сил Улагая, проходившая в условиях усиливающегося шторма на воде. Несмотря на изменявшиеся погодные условия,

при помощи генерал-квартирмейстера Коновалова, отправленного Врангелем в помощь Улагая аэропланом, она прошла успешно. На суда были погружены раненые, беженцы, лошади и даже броневики. Русская Армия продолжала оставаться запертой в Крыму и Таврии. Десант Улагая возвращался даже в большем количестве, чем отбывал, ибо по ходу боевых действий к нему присоединилось несколько тысяч кубанских казаков, а также были вывезены 6 тыс. свежих лошадей, что позволило усилить кавалерийские части Русской Армии в Крыму. Вскоре силы большевистских армий были обращены против «Армии Возрождения России» генерала Фостикова. Находясь на грани уничтожения с двумя тысячами казаков, Фостиков отходил к границе Грузии, по пути давая бои местного значения красным: в Адлере, в Хосте. Со стороны Туапсе на части Фостикова надвигались свежие части красных. Казаки Фостикова отошли за границу Грузии и были интернированы грузинскими войсками в Батуми. Фостиков снесся с Врангелем, прося его прислать транспорты для эвакуации казаков в Крым. Ему были присланы несколько транспортов. Грузины противились вывозу казаков, боясь осложнений с большевиками. Операция по спасению казаков была разработана Фостиковым и согласована с командующим прибывшей к берегу, где грузины держали интернированных казаков, небольшой флотилии: «С темной транспорты «Дон», «Ялта» и «Крым» с болиндером и катерами, взяв направление на три костра, приблизились к берегу... Грузины подняли тревогу. Их негодование я разбил двадцатью лошадьми (было выяснено, что лошадей грузить мы не можем), но вскоре из Гагр прибыл летучий грузинский отряд, чей командир грозил мне смертью, если я не прекращу посадку. Некоторые стали стрелять по казакам»³⁰. Погрузку пришлось отложить, хотя Фостиковым было погружено уже около 1500 казаков и получено немного продовольствия, запасы которого были истощены за время интернирования. Тем временем охранявшие казаков грузинские пограничники, пользуясь тем, что отряд оставался обезоруженным, проявляли себя не с лучшей стороны: «Вооруженные грузины на-

чали подходить к биваку казаков и их беспрепятственно обстреливать. Я выразил острый протест коменданту Гагр, который мало чем помог. Грузины и дальше силой входили в лагерь, происходили драки между ними и казаками, а охрана ничего не предпринимала и шла навстречу этим разбойникам. С казаками они обращались зверски, били их, издевались и вели себя хуже большевиков»³¹. Полковник грузинской службы, некто Сумбатов, сообщил Фостикову, что получил из Тифлиса секретную телеграмму о том, что грузинское правительство решило выдать казаков большевикам. Для этого из Тифлиса выехала специальная министерская комиссия вместе с представителями большевиков. Узнав об этом, Фостиков направил телеграмму Врангелю о создавшемся положении и просил разрешения действовать по обстановке. Ночью к Фостикову прибыл офицер с крейсера «Алмаз», привезя с собой разрешение Врангеля располагать оружием для спасения казаков и во что бы то ни стало погрузить их всех на присланные пароходы. Для этого из числа находившихся на крейсере «Алмаз» казаков Фостиков сформировал десант в 500 человек, посадил на болиндер, пришвартованный к крейсеру, укрепил болиндер двумя пулеметами. Далее последовала молниеносная операция по спасению оставшихся казаков, когда из болиндера на берег высадились вооруженные казаки: «...Пулеметы открыли стрельбу поверху! Казаки моментально выскочили и перешли в наступление, офицеры на бегу стреляли из револьверов. Грузинская стража растерялась, бросила оружие и побежала; некоторые начали стрелять, и были прикончены казаками. Цепь десанта развернулась по берегу, и началась спешная посадка, которая с 12 до 17 часов продолжалась беспрепятственно... Перестрелка затихла быстро, так как грузинский батальон бежал в горы, по пути их батарея выпустила по нас два снаряда, но невпопад... В 4 часа посадка закончилась»³².

Днем, около пяти часов, на внешнем рейде появился пароход, везший грузинскую и большевистскую комиссию. Навстречу ему был послана подводная лодка «Утка», заставившая пароход ретироваться назад в Сухуми. Посаженные

на болиндер казаки во главе с генералом Фостиковым прибыли на крейсер, взявший курс на крымские берега.

Проходивший в Москве 5 августа пленум ЦК РКП (б) постановил признать приоритет врангелевского фронта перед польской кампанией. Перед военным и большевистским руководством ставилась задача сходящимися ударами отрезать Русскую Армию от Крыма, окружить ее и уничтожить. Предполагалось направить 2-ю конную и 13-ю армии с северо-востока на Мелитополь, направить 51-ю дивизию В. Блюхера в том же направлении, а 15-я, 52-я и Латышские дивизии направить наступать на Перекоп. 20 августа 1920 года грандиозная операция большевистских армий началась. Полки Блюхера и Саблина обрушились на 2-й корпус генерала Витковского. Южнее, под прикрытием прорыва Блюхера продвигались три дивизии, нацеленные на Перекоп. 21 августа 1920 года в районе Токмака началось наступление: красные обрушились на 1-й корпус Кутепова и Донскую бригаду генерала Морозова. Артиллерия 1-го корпуса выпустила 40 тыс. снарядов по наступающим большевикам. В ответ большевистские батареи отвечали ураганным огнем до 200 тыс. снарядов. 1-й корпус нес большие потери. Дроздовцы ходили в атаки в строю под ураганным огнем, следя, чтобы цепи маршировали в ногу.

Отразив все атаки на восточном фланге, Врангель снял Корниловскую и 6-ю пехотную дивизии, а затем и корпус Барбовича, бросив их на ликвидацию прорыва, чтобы остановить продвижение Блюхера и Саблина. Кое-как это удалось сделать контратаками. Конница Барбовича, ударив во фланг Блюхеру, заставила их повернуть назад.

2-й Конной армии Городовикова было поручено прорвать фронт, разбить резервы Врангеля и отправиться на юго-западном направлении, ударить в тылы Русской Армии, сражавшейся у Нижних Серогоз, соединиться с 51-й стрелковой советской дивизией для дальнейшего похода на Мелитополь. 29 августа Городовиков прорвал оборону Русской Армии и отправился в рейд по тылам. Генерал Ткачев, обнаружив продвигавшуюся кавалерию противника, поднял в

воздух аэропланы, пытаясь замедлить ее продвижение бомбометанием и пулеметным огнем. Наперерез 2-й Конной Врангель тотчас же направил группу под командованием генерала Калинина, в которую входила 2-я Донская кавалерийская дивизия, отдельная бригада донского пехотного полка и отряд марковцев. После ожесточенных столкновений Городовикову пришлось отвести свои части в станицу Новоекатериновку для приведения их в порядок. Не дождавшись подхода 2-й Конной, Блюхер стал отводить части на Каховский плацдарм. Когда 1 сентября 1920 года 2-я Конная смогла наконец выйти походным порядком на помощь Блюхеру, того уже и след простыл. Обнаружив это, 2-я Конная поплелась вслед за откатывающимся фронтом на Каховку. Потеснив атакой Саблина корниловцев и Барбовича, 2-я Конная смогла проскользнуть назад, в Каховский укрепленный район. Городовикова сразу отстранили от командования 2-й Конной, выведя ее в резерв на переформирование. Командовать ей был назначен Буденный, а новым командующим армией назначили Миронова.

На каховском плацдарме скопились разнообразные части, куда входила и изрядно потрепанная 2-я Конная армия, а также четыре стрелковых дивизии и одна кавалерийская бригада. Врангель решил атаковать Каховку в расчете на существующий дух пораженчества и моральный надлом всех этих частей, собранных теперь у Каховки воедино. Штурм Каховки поручили генералу Витковскому, под началом которого в наступление на укрепленный район направилось 7 тыс. человек, которые были поддержаны броневиками и танками. Наступление было встречено мощным артиллерийским огнем артиллерии, надежно защищенной от лобовой атаки. Многорядные проволочные заграждения бойцы Витковского стали рубить штыками, пытаться ослабить проволоку голыми руками и все это под непрерывным огнем орудий, выкаченных большевиками по такому случаю на прямую наводку. Пять дней и ночей части Витковского атаковали укрепленный район Каховки. Решающий штурм укреплений произошел в ночь с 4 на 5 сентября. Русская Армия

несла потери в боевой технике: были подбиты или застряли во рвах несколько танков. Вся площадь перед укреплениями была хорошо пристреляна артиллерией, и она была по рассчитанным с математической точностью квадратам, нанося невероятные потери атакующим. К 6 сентября 1920 года наступательный порыв Русской Армии выдохся. Части Витковского за время штурма потеряли почти каждого второго бойца и 80% своей боевой техники, только танков было подбито 6: *«Отряд танков, прорвавшийся в Каховку, почти целиком погиб...»*. И тем не менее Русская Армия планировала нанести второй удар на западном направлении, за Днепр, в перспективе вырисовывалась возможность воссоединения с поляками, успешно наступавшими на большевиков по Украине — от Львова до Шепетовки. Ближайшую задачу, которую Врангель ставил войскам, — перейти Днепр у Никополя, обойдя с тыла Каховский плацдарм, разгромить находившуюся в Каховке 6-ю советскую армию и вырваться на Правобережную Украину. Прежде чем начинать Заднепровскую операцию, Врангелю предстояло разбить 13-ю советскую армию, нависавшую над его частями на востоке. 14 сентября 1920 года красных атаковал Донской корпус генерала Абрамова. В течение трех дней, существенно дезорганизовав и разгромив 40-ю и 42-ю большевистские стрелковые дивизии, он отбросил их на восток и северо-восток. Донской корпус занял Бердянск и станцию Пологи. Преследуя противника, донские казаки погнало его дальше, в сторону Донбасса. Вслед за ними тронулся 1-й армейский корпус. Обрушившись на правый фланг 13-й советской армии, он овладел Ореховым, а 19 сентября 1920 года большевики оставили Александров, пустившись в паническое бегство. Тем временем Донской корпус взял Мариуполь и приступил к Юзовке и Иловайской. Части 1-го корпуса продвинулись вперед, захватили Синельниково и вышли напрямую к Екатеринославу. В Москве большевистское руководство было напугано и обеспокоено. Срочно назначался новый командующий, которым стал М. Фрунзе. Он ввел в бой свежие силы, распространив по частям приказ «стоять насмерть».

Это остановило быстрое продвижение Донского корпуса, но и нанесло значительные потери большевикам. Так, например, 77-й большевистский полк выполнил приказание нового командарма буквально, будучи полностью выбит Донским корпусом Абрамова. Фрунзе распорядился продолжать работы по укреплению каховского плацдарма. Согласно его распоряжению на плацдарм была переброшена ударно-огневая бригада, состоявшая из огнеметных рот и 160 пулеметов. Для прикрытия переправ в район Никополя Фрунзе была отправлена переформированная 2-я Конная армия Миронова в составе 17 тысяч сабель. На Донбассе Фрунзе приказал начать наступление на восточный фланг Донского корпуса, выдохшегося в атаках и израсходовавшего боевой запас для своих орудий. На корпус навалились 5-я советская кавалерийская дивизия, с левого фланга, в центр ударили 9-я стрелковая, 7-я и 9-я кавалерийские дивизии, а на правый фланг была направлена большевистская Морская дивизия.

3 октября 1920 года прорывом кавалерии и угрозой охвата флангов большевики заставили Донской корпус отступать из Юзовки и, на следующий день, из Мариуполя. Это, однако, не повлияло на планы штаба Главнокомандующего о проведении Заднепровской операции, к которой он тщательно готовился в обстановке повышенной секретности. В ночное время части Русской Армии сосредотачивались в районе Александровска и напротив Никополя. Сюда же перебрасывалась конница Барбовича и Бабиева. 2-й корпус Витковского оставался на левом берегу для лобовой атаки Каховского укрепленного района. Готовился понтонный материал, лодки и плоты. В ночь 10 октября (23 сентября) 1920 года передовые батальоны Марковской дивизии начали переправу на остров Хортица: *«Еще до окончания постройки моста 2-й полк с батареей был переброшен на Хортицу и занял северную половину острова. Все части, бывшие на острове... приступили к работе по укреплению острова... имея наблюдательные пункты на Хортице, которая была связана со штабом дивизии телеграфом и телефоном. Таким образом,*

к 21 сентября (4 октября) остров Хортица был надежно занят нами и прочной мостовой переправой с левым берегом реки Днепра»³³. Марковцы отбросили от берега части командира Федько, а по наведенным мостам следом за ними двинулась Корниловская дивизия. Прикрывавшая этот участок 3-я советская дивизия была отброшена с большими потерями и обращена в бегство. За ними проследовала кавалерия Бабиева. Главные силы Русской Армии были направлены к Никополю, откуда навстречу им была выдвинута 2-я Конная армия. В ночь на 9 октября на юге от Никополя переправился корпус Барбовича, ударивший во фланг и тыл 2-й Конной, тем самым заставив ее отходить назад. Соединившись, части Бабиева и Барбовича заняли Никополь, двинулись на запад, продвинувшись на два десятка верст от Днепра. На восточном участке фронта наступали красные части, заняв 8 октября 1920 года Бердянск. Через два дня 5-я советская кавалерийская дивизия захватила Гуляй-Поле, однако на этом рубеже была остановлена. В телеграмме командующему 2-й Конной армией Миронову Фрунзе настаивал, что уход с берегов Днепра и оставление Каховского укрепленного района не допустимо. Из Сибири большевиками перебрасывалась 30-я дивизия, по размерам сопоставимая с 51-й; для укрепления сил 2-й Конной Миронову была передана Латышская, 15-я и 52-я дивизии. Все три вступили в бой при поддержке красной авиации. 13 октября (29 сентября) 1920 года завязалось большое и яростное сражение. Под ударами превосходящих сил противника части Русской Армии не выдержали и начали отход, были смяты конными атаками Миронова и побежали. «В девять часов утра была получена короткая телеграмма генерала Драценко: «Вчера, 30 сентября, снарядом убит генерал Бабиев». Все стало ясно. Со смертью любимого вождя умерла душа конницы, исчез порыв, пропала вера в собственные силы»³⁴.

Положение на смог спасти принявший командование и почти тотчас же раненный генерал Науменко. Связь между отходящими частями и командованием порвалась. На северном направлении на марковцев наседали части Федько.

На марковцев была возложена задача — прикрывать отход корниловцев и разрушить обе мостовые переправы, возведенные с такими стараниями и трудом. «Марковцы могли считать себя победителями, блестяще выполнив эту чрезвычайно сложную операцию. Но все знали, что наш успех частичный, и что, увы, мы побеждены. Об этом свидетельствовали и победные крики красных на правом берегу Днепра, как могильный звон раздававшиеся в наших ушах... Как участник этой небывалой по количеству положенных на нее трудов операции, как офицер Генерального штаба, могу засвидетельствовать, что в такой бессмысленной, лишенной всякой идеи операции мне еще никогда не приходилось участвовать»³⁵.

Русская Армия откатывалась к переправам. Перемешавшись, отходили конные и пехотные части, катились броневики, отбиваясь огнем от наседавшей красной конницы. Горели подбитые английские танки. Картина, представшая глазам командующего 2-й армией генерала Драценко, потрясла командующего корпусом. Он отдал приказ об отходе всех частей на левый берег Днепра. Врангель, получивший известие о провале Заднепровской операции, приказал генералу Витковскому атаковать Каховский плацдарм. Атака Витковского захлебнулась, большая часть его отряда танков была подбита и застряла в заграждениях. Не помогло Витковскому и использование авиации Ткачева. «Данные воздушной разведки об очищении каховского плацдарма оказались ошибочными», — вынужденно констатировал Врангель, сразу же обвинив генерала Драценко в неумелом командовании 2-й армией. «Последний с исключительным гражданским мужеством и подкупающей честностью сам признал это, прося освободить его от должности командующего армией. Заместителем ему я наметил генерала Абрамова, приказав, впредь до его прибытия, в командование вступить командиру 3-го корпуса генералу Скалону»³⁶. В отступлении за Днепр был смертельно ранен и поручик Кирасирского Его Величества полка Юрий Леонидович Собинов, сын известного русско-го певца Леонида Собинова. Уже раненного его втащила в санитарную повозку сестра милосердия княжна Зоя Оболен-

ская, получившая сабельный удар догнавшим повозку большевистским кавалеристом... Другая сестра милосердия, Клавдия Ивановна Оганец-Ободовская, была зарублена подсакавшими красными кавалеристами прямо на поле, где она подбирала брошенные пики для того, чтобы захватить их для плохо вооруженных кирасир.

Чтобы не позволить Врангелю снять с фронта подразделения Донского корпуса для усиления сил Витковского или в помощь отходящим за Днепр марковцам и корниловцам, Фрунзе направил в рейд по тылам Русской Армии 5-ю кавалерийскую дивизию. Она прошла от Бердянска до Б. Токмака, напав на гарнизон в селе Астраханка, взорвала около десятка вагонов на станции Б. Токмак и атаковала поезд Донского атамана Богаевского: *«Он едва был не захвачен в плен и вынужден был бежать со своим адъютантом»*³⁷. На рассвете, преследуемая белой авиацией, 5-я кавалерийская дивизия красных поспешно отошла к своим.

12 (28 сентября) октября 1920 года Польша, на которую Врангель возлагал определенные надежды в отношении создания III Русской армии, под нажимом стран Антанты, как это стало ясно из комментария польского военного представителя на Юге России князя В.С. Любомирского, заключила мир с большевиками. Списочная численность Красной армии на тот момент составила 5 миллионов человек. Высвободившуюся на Юго-Западном фронте 1-ю Конную армию переправляли на Южный.

На совещании в штабе Главнокомандующего Русской Армией Врангель предложил перейти к обороне, оставаясь в Северной Таврии, против чего высказался генерал-лейтенант Павел Николаевич Шатилов. Главнокомандующий поинтересовался у генерала Фостикова относительно его боевого опыта на Кубани. Фостиков спросил Врангеля, получал ли тот его донесения о положении дел на Кубани, на что Врангель признал, что, несмотря на полученную информацию, под влиянием ложного впечатления о положении дел на Таманском полуострове десант был высажен именно там. Генерал Шатилов заметил, что теперь кубанские верхи убе-

дились в невозможности собственными силами изменить положение на Кубани, что обидело Фостикова, ответившего Шатилову, что не стоило жертвовать тысячами верных бойцов на Кубани, чтобы доказать и так всем очевидное бессилие кубанских верхов, отсиживающихся в Крыму. *«Этот мой ответ был началом неприязненного ко мне отношения генерала Шатилова»*³⁸, — признавался позже кубанский генерал. Репутация генерала Шатилова у кубанцев и донцов, в особенности у тех из их начальников, кто лично привык водить людей за собой в бой, была неважная. Шатилов считался политиканом, сумевшим нажить политический капитал в постоянной интриге между Главнокомандующими белыми силами и краевыми военачальниками и руководителями. *«Генерала Шатилова, — вспоминал Фостиков, — храбрым войном я не считаю (как о нем говорят), так как имел много случаев лично убедиться в его «храбрости». Его отсутствие среди командования при станции Великокняжеской, когда он вместо того, чтобы повести атаку, сам вернулся в имение Пишванова (где не падали артиллерийские снаряды противника), а мне приказал занять станицу, что и было проведено с большими потерями. Его полная растерянность при первой попытке взять Царицын, где по его вине и отсутствию самообладания мы понесли большие потери и совершенно не имели успеха. Его ретировка с берега у Адлера, куда он пришел на миноносце, из-за нарастающей волны...»*³⁹. Возможно, в качестве начальника штаба Врангеля Шатилов и был на своем месте, однако в личной храбрости ему, увы, отказывали и другие современники. За успешно произведенную эвакуацию войск и беженцев в ноябре 1920 года Врангель пожаловал своего верного начальника штаба чином генерала от кавалерии.

Итак, на очередном совещании в штабе Главнокомандующего Врангель приказал ввести пополнения в 1-ю армию Кутепова в виде 1-го и 2-го корпусов, занявших оборону по Днепру на северном участке фронта. Вместо направленного в распоряжение Главнокомандующего генерала Драценко, Донкой корпус принял генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов.

В резерв были отведены части генерала Барбовича и принявшего команду вместо погибшего Бабиева генерал Канцеров. Общая численность боеспособных сил, находившихся в Русской Армии, составила 38 тысяч человек, при почти 250 орудиях, 1 тысяче пулеметов и эскадрильи в 32 самолета под командованием легендарного Ткачева.

У Фрунзе на Южном фронте было собрано 144 тысячи человек, 527 орудий, 2600 с лишним пулеметов, 17 бронепоездов и 45 аэропланов. По замыслу Фрунзе, 15-я и 51-я дивизии нацеливались на Перекоп, Латышская дивизия и 1-я Конная армия должны были ударить на восток, где должно было произойти их соединение с частями 2-й Конной армии и четырьмя стрелковыми дивизиями, выступавшими из Никополя для окружения и уничтожения 1-й армии Кутепова. После того совместно двигаться на Аскания-Нова в южном направлении, чтобы отрезать все дороги, ведущие в Крым. 4-я советская армия с севера и 13-я советская армия с востока наносили одновременно удары на Мелитополь для окружения и уничтожения Донского корпуса Ф.Ф. Абрамова. Бои начались наступлением дивизий, приданных 2-й Конной армии Миронова. Им удалось форсировать Днепр 26 (12) октября возле Никополя и потеснить поредевшие в недавних боях корниловские части, захватив два плацдарма. Через два дня пять армий Южного фронта перешли в общее наступление. Части В.К. Блюхера, наступая с Каховского плацдарма, обрушились на 2-й корпус генерала Витковского, заставив его стремительно откатываться назад, на север. В прорыв большевиками была пущена 1-я Конная армия, а с захваченного ранее Никопольского плацдарма — 2-я Конная армия, заставляя Донской корпус генерала Абрамова отступать. На следующий день части Блюхера вышли к Перекопу и попытались захватить Турецкий вал. Небольшой гарнизон перекопских укреплений отбил атаку противника. 1-я Конная армия направилась по тылам Русской Армии, собираясь повернуть на север для воссоединения со 2-й Конной, однако приказом Фрунзе она была развернута на 180 градусов, с приказанием двигаться на юг и

захватить две последние переправы в Крым — Чонгар и Арабатскую стрелку. Буденный рассудил по-своему и, разделив армию на две части по две кавалерийских дивизии в каждой, продолжил движение на воссоединение со 2-й Конной, лично со штабом отправившись занимать переправы. В конце дня его дивизии захватили Салькова и станцию Новоалексеевка, перехватив железную дорогу в Крым, а также близлежащие села Рождественское и Отрада. Окружение Русской Армии было закончено. Сам поезд Главнокомандующего, стоявший на путях в Джанкое, оказался отрезанным от фронта. Из штабного вагона к Кутепову полетел приказ об объединении 1-й и 2-й армий и организации прорыва назад, в Крым. Далее связи не было. Перешейки оставались открытыми для вторжения. Главнокомандующий затребовал из резерва юнкеров и двухтысячную бригаду Фостикова, частично остающуюся невооруженной или плохо обмундированной, о чем он не замедлил доложить Врангелю. «Барон по-прежнему настаивал на прибытии групп кубанских повстанцев, хотя бы и по сотне человек», — вспоминал генерал Фостиков. — *Меня и раньше удивляла бесполезность моих передвижений, — мои части все время находились на марше, не могли привести себя в порядок, а штаб не мог наладить связь с частями... Я... убедился, что в штабе генерала Врангеля царит хаос и причиной этому был полный неуспех операции в Северной Таврии, предложенной «стратегом» генералом Шатиловым»*⁴⁰.

Тем временем откатившиеся части генерала Кутепова, отойдя назад, быстро пришли в себя и начали оказывать 1-й Конной армии ожесточенное сопротивление. Более того, совместно с конницей генерала Барбовича кутеповский 1-й корпус атаковал большевиков, отбросил назад к Днепру 1-ю стрелковую и 16-ю кавалерийскую дивизии большевиков. Восемь часов 1-й корпус держался у станции Васильевка, отбивая при поддержке броневиков непрекращающиеся атаки 30-й советской дивизии. В это же время две большевистские дивизии из 13-й армии атаковали и захватили Большой Токмак и прорвали фронт, открывая путь на Мелитополь.

30 (16) октября 1920 года, дождавшись подхода броневиков, танков и артиллерии, части Блюхера атаковали Перекоп с его незначительной группой защитников, однако особого успеха не добились. В некоторых местах обороны большевикам удалось прорвать три ряда проволочных заграждений и даже взобраться на вершину Турецкого вала, но вскоре они были выбиты оттуда дружным огнем защитников или погибли в рукопашной схватке, оказавшись на Турецком валу.

Блюхер повелел штурмующим частям отойти и перешел к обороне. 11-я кавалерийская дивизия 1-й Конной армии под командованием некоего Морозова, продвигаясь навстречу 2-й Конной, натолкнулась на авангард конного корпуса генерала Барбовича, была им атакована, но положение было отчасти спасено подошедшей 6-й дивизией О.И. Городовикова. Произошла ожесточенная рубка конницы, продолжавшаяся несколько часов, до той поры, пока большевистская кавалерия не была отброшена в степь. На 2-ю Конную армию Миронова обрушился фланговый удар Донского корпуса генерала Абрамова, который прикрывал отход своих главных сил. Донские казаки разбили 2-ю Ставропольскую кавалерийскую дивизию большевиков и порубили весь ее штаб. Лишь необходимость разворота Донского корпуса для соединения с другими подразделениями Русской Армии спасла большевистскую конную армию от дальнейших ощутимых поражений.

31 (17) октября Фрунзе направил приказ Буденному держаться против отступающих частей Русской Армии, а Миронову — ускорить темпы продвижения на соединение с 1-й Конной армией. Кутепов двинул свой корпус на Отраду и Рождественское, прикрывшись от наседавшей Латышской дивизии частями корниловцев. В Отраде кутеповские части ударили по штабу Буденного и резервной кавалерийской бригаде, рассеяли их и выгнали из села. Ворошилов едва спасся из рук ворвавшихся в село казаков, пулей вылетев вслед за остатками разбитой резервной бригады. Буденный умолял командование выслать ему на помощь 4-ю большевистскую кавалерийскую дивизию Тимошенко, но на нее на-

валились донские части 3-го корпуса. В ходе боя кутеповские части отбили у красных Новоалексеевку, на 14-ю кавалерийскую дивизию А. Пархоменко, расположенную в Рождественской, ночью наскочил корпус Барбовича. Пархоменко отдал приказ войскам выбираться из боя самостоятельно, то есть кто как сможет. 1-я Конная была разгромлена по частям. Остатки 1-й и 2-й белых армий соединились. Подошедшая Латышская дивизия попыталась атаковать их, но Кутепов поднял полки в контратаку, окружил авангард Латышской дивизии и перебил его, не дожидаясь подхода ее основных сил. Поручив Марковской дивизии прикрывать фланг, Кутепов начал отвод своих частей в Крым.

1 (16 октября) ноября 1920 года Вторая конная армия подошла к Рождественскому и попыталась с ходу овладеть селом, что ей, разумеется, не удалось. Миронов стал готовить новый штурм, однако ночью в Рождественское стали подходить части 6-й белой армии и Донской корпус, вырвавшиеся из Мелитополя и, в свою очередь, нанесли 2-й Конной ощутимый фланговый удар. На следующий день 2-я Конная армия Миронова вновь начала атаковать арьергарды частей Кутепова, заняла Новоалексеевку и перехватила железнодорожную ветку и перекресток между Чонгарской и Генической переправами. Продолжая вести арьергардные бои, Кутепов отступал. Погода не сопутствовала ему. Грянули сильные морозы, температура опустилась до минус 10—15 градусов по Цельсию, а части Кутепова носили летнее обмундирование. Русская Армия была вынуждена греться у костров, искать возможные пути утеплиться, но в целом боеспособность ее резко упала. 3 ноября (21 октября) 1920 года большевики атаковали Чонгарский полуостров. Их первые атаки были отбиты, но красные части начали обход по песчаной косе. Марковцы, защищавшие полуостров именно на этом участке, стали отходить назад, к мостам, задерживая наступление большевиков на промежуточных рубежах. Вечером того же дня они завершили отход в Крым. Дождавшись, пока в Крым войдет последний бронепоезд, белогвардейцы взорвали железнодорожный мост и подожгли гужевой, по которому уже неслась конница Городовикова.

Ее встретили сильным ружейным огнем и повернули вспять. Был взорван и Генический мост. Фрунзе приказал частям 13-й советской армии наладить переправу у Арбатской стрелки, но на выручку сухопутным войскам пришел белый флот и открыл мощнейший огонь из всех бортовых орудий, настолько перепугавший красных, что они свернули наступление и бежали, оставив за собой Геническ. В результате отхода Русской Армии в Крым большевиками было захвачено свыше 100 орудий, огромное количество пулеметов, боеприпасов и два десятка тысяч пленных, состоявших из новобранцев, случайных людей и морально раздавленных чинов различных подразделений, измученных непрерывными боями и холодом. Наиболее активная часть солдат и офицерства пробилась в Крым продолжать вооруженную борьбу, точку в которой истории было угодно поставить уже очень скоро.

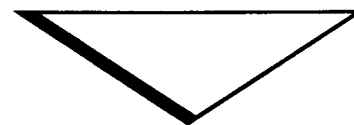
ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
2. *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и ВСЮР. М.: Астрель. АСТ. 2002.
3. *Оболенский В.А., князь.* Крым при Деникине // Белый Крым. М.: Издание РГГУ. 2003.
4. Указ. соч.
5. *Оболенский В.А., князь.* Крым при Деникине // Белый Крым. М.: Издание РГГУ. 2003.
6. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
7. Фостиков М.А. «Дневник» в сборнике «Дневники казачьих офицеров», М., Центрполиграф, 2004 г.
8. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
9. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.

10. *Оболенский В.А., князь.* Крым при Врангеле // Белый Крым. М.: Издание РГГУ. 2003.
11. Указ. соч.
12. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
13. Указ. соч.
14. *Ардов, о. Михаил (протоиерей).* Мелочи архи, прото и просто иерейской жизни. М.: 1998.
15. Указ. соч.
16. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
17. *Варнек П.К.* Действия флота в Северо-Западном районе Черного моря в 1920 г. // Флот в Белой Борьбе. М.: Центрполиграф. 2002.
18. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
19. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
20. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
21. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
22. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
23. *Звегенцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. Париж. Изд. Сияльского. 1938.
24. *Слащов А.Я.* Крым в 1920 году // Белый Крым. М.: РГГУ. 2000.
25. *Врангель П.Н., барон.* Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
26. *Слащов А.Я.* Крым в 1920 году // Белый Крым. М.: РГГУ. 2000.
27. *Фостиков М.А.* Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.

28. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.
29. Врангель П.Н., барон. Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
30. Фостиков М.А. Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
31. Указ.соч.
32. Фостиков М.А. Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
33. Битенбиндер А.Г. Действия Марковской дивизии на правом берегу Днепра // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
34. Врангель П.Н., барон. Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
35. Битенбиндер А.Г. Действия Марковской дивизии на правом берегу Днепра // Марков и Марковцы. М.: Посев. 2001.
36. Врангель П.Н., барон. Записки ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. т. 2. Минск. Изд. Харвест. 2002.
37. Указ. соч.
38. Фостиков М.А. Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
39. Фостиков М.А. Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
40. Фостиков М.А. Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*Звенит весенняя капель
На мартовском ветру,
Звенит серебряный напев
Кавалерийских труб.
И голуби, набив зобы,
Воркуют на снегу.
Я все забыл, я всех забыл,
А это не могу...*

Дм. Кленовский.
«Не забытое, не прощенное»

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ КРЫМА

26 октября 1920 года, вошедший на заседание правительства ординарец генерала Павла Николаевича Шатилова передал тому телеграмму. Пробежав ее глазами, генерал передал ее Врангелю: «От его превосходительства генерала Кутепова...». Взглянув на телеграмму, сообщавшую о прорыве противником позиций на Перекопе и приказ частям об отходе на укрепленные позиции в районе озер Киянское — Красное — Старое — Казак-карт, барон понял, что судьба Крыма висит на волоске...

Перед Врангелем явственно вставал вопрос о спасении остатков Русской Армии и населения Крыма путем эвакуации за границу. Барон вызвал из зала заседаний контр-адмирала Михаила Александровича Кедрова и в нескольких словах обрисовал ему сложившееся положение. Эмоциональный контр-адмирал воскликнул: «Боже, зачем я согласился нести этот крест!», но в присутствии Главнокомандующего постарался овладеть собой и доложил Врангелю о наличии в его распоряжении корабельного тоннажа, позво-

лявшего взять на борт 60 тыс. человек. Кроме того, ввиду прибывшего дополнительного запаса угля из Константинополя можно было задействовать дополнительные транспорты, на которых примерно, можно было эвакуировать еще 15 тысяч человек. Врангель распорядился, чтобы контр-адмирал обеспечил использование всех судов, что только могут держаться на воде. Отдельным приказом, сообщенным вначале Кедрову устно, барон приказал задержать все иностранные и коммерческие суда для возможного использования их тоннажа для вероятной погрузки беженцев.

Барон принял решение лично отправиться на фронт, чтобы убедиться в положении дел и заслушать донесения командующих армиями. 27 октября к вечеру поезд главнокомандующего прибыл в Джанкой. По пути к Врангелю присоединились командующий 2-й армией генерал Абрамов со своим начальником штаба генерал-майором Павлом Алексеевичем Кусонским. В Джанкое Врангель принял генерала Кутепова, который доложил Главнокомандующему общую обстановку. По донесению Кутепова, накануне ночью пехота большевиков перешла в атаку на северную оконечность Чувашского полуострова, называемую Турецкими батареями, но была остановлена у проволочных заграждений мощным огнем защитников рубежа. Под прикрытием спустившегося под утро тумана большевики перебросили силы для обхода Турецкой батареи с запада и продолжили наступление на Северный Чуваш. Этим же утром продолжилось большевистское наступление красных на Перекопский вал, стараясь охватить его с флангов. Собрав на Чувашском полуострове около двух стрелковых дивизий, красные двинулись от Старого Чуваша в юго-западном направлении. Ввиду создавшейся обстановки, которая угрожала обходом Перекопскому валу и прорывом позиции из-за порушенных проволочных заграждений, Кутепов приказал частям 1-го армейского корпуса отойти на укрепленную позицию по северо-западным окраинам четырех озер. Вместе с отходом был подтянут к Карповой Балке для намечающегося контрудара конный корпус генерала Барбовича. Утром 27 октября, нака-

нуне приезда Врангеля в Джанкой, кавалерийская часть корпуса Барбовича атаковала красных и отбросила их к Чувашскому полуострову, где была остановлена мощным артиллерийским огнем, а ободренные поддержкой красные части направились к хутору Тихоновка. Обнаружилось наступление значительных сил красных на перешеек между озерами Красным и Старым. Русская армия была вынуждена отойти на последнюю укрепленную позицию на Юшунь. Генерал Кутепов еще предполагал поутру перейти в наступление и захватить у противника утерянные позиции, однако признался главнокомандующему, что сам мало уверен в положительном исходе предпринятого дела из-за низкого морального духа войск, отсутствия старших начальников, чей пример вдохновил бы солдат и офицеров. Врангель соглашался с этими доводами, но считал необходимым удерживать позиции, чтобы выиграть время, возможно пять или шесть дней, во время которых в крымских портах будет погружен уголь, суда будут распределены по портам, а на суда, в свою очередь, будут перевезены раненые и больные из лазаретов Крыма, погружены тыловые учреждения и техника. Кутепов заверил Главнокомандующего, что сделает все, что в его силах, однако по тому, как он описывал положение, Врангелю стало ясно, что у того почти не осталось надежды удержать позиции своими силами.

Путь Врангеля лежал в Севастополь. Свой конвой он отослал в Ялту для ликвидации прокоммунистической банды Мокроусова, бежавшего в горы. Для охраны своего поезда Главнокомандующий распорядился направить роту юнкеров Алексеевского военного училища, ожидавшего поезд барона в Симферополе. Прибыв в город, Врангель принял губернатора А.А. Лодыженского и ознакомил его с обстановкой, дал поручение генералу Абрамову, в обстановке строгой секретности во избежание паники, обеспечить подготовку к эвакуации военных и гражданских учреждений Симферополя. Кроме того, необходимо было обеспечить погрузку раненых и больных офицеров, членов семей военнослужащих и чиновников гражданских ведомств, которым бы по

приходе большевиков в Крым грозила бы смертельная опасность. 28 октября 1920 года поезд Главнокомандующего прибыл в Севастополь.

В ночь на 8 ноября (24 октября) Фрунзе начал свою основную наступательную операцию против оборонявшей Крым Русской Армии. На Турецкий вал ударили четыре бригады 51-й большевистской дивизии под командованием В.К. Блюхера. Через Сиваш двинулся по трем бродам красноармейский десант. Общая численность атакующих составила 20 тысяч человек. Авангарды красных прошли по хорошо промерзшей сухой грязи. Двигавшиеся за ними основные силы шли по незначительной грязи, смешанной с осколками разбитой авангардами ледяной корки и образовавшимся лужам. Одна из наступающих дивизий, 52-я стрелковая, прошла около километра в густом тумане по пояс в ледяной и грязной сивашской воде, доходившей бредущим красноармейцам до пояса. Авангарды этой дивизии атаковали окопы с засевшими там кубанскими казаками генерала Фостикова около двух часов ночи и выбили их прочь. Из соседнего населенного пункта вышли несколько дроздовских батальонов, но реальной помощи оказать они не успели, так как во фланг им ударила 15-я большевистская дивизия. Дроздовцы отважно схватились с одним из ее полков, и в ходе рукопашного боя, оттеснили его к берегу, но на подмогу красному полку шли все новые и новые большевистские части, прибывающие с Сивашского направления. Дроздовцы и кубанские казаки начали отход, часть казаков предпочла сдаться на милость победителям, однако дроздовцы продолжали отбиваться от наступающих красных короткими и яростными контратаками. Из тыла им на помощь пришли части Корниловской и 34-й стрелковой дивизий, а также подошло немного бронеавтомобилей. Две бригады 51-й дивизии подошли из-за Сиваша лишь к 8 утра, были атакованы 2-м дроздовским полком и залегли в грязи сивашского дна. Перегруппировавшись и подождав, пока подтянутся арьергарды, бригады атаковали оборонявшихся чинов Русской Армии и попытались закрепиться на берегу, откуда

были снова опрокинуты дроздовцами в Сиваш спустя час. Удар по Турецкому валу, задержавшийся из-за обильного тумана, начался четырехчасовой подготовкой и продолжился пятью волнами наступлений, согласно замыслу Блюхера. Первой волне пришлось делать проходы в проволочных заграждениях Русской Армии, вторая волна повела наступление на Турецкий вал вместе с третьей, поддерживающей наступательный ее порыв. Четвертая волна занимает отбитые высоты и добывает оставшихся в живых защитников вала, а пятая, состоящая из кавалерии, преследует отступающих. Дроздовские части отбивались отчаянно и не намерены были отступать даже при чудовищно превосходящих их силах большевиков, с упорством ползущих на штурм. Первую волну наступающих дроздовцы положили у проволочных заграждений. Второй волне удалось преодолеть первую линию обороны дроздовцев, но была частично перебита, частично залегла под яростным огнем защитников Вала, потеряв несколько бронеавтомобилей, подожженных оборонявшимися.

Перед началом третьей атаки Блюхер провел артиллерийскую подготовку, выведя орудия на прямую наводку. Под артиллерийским огнем дроздовцы отошли назад. Фрунзе отдал приказание 9-й большевистской дивизии наступать по направлению на Арабатскую стрелку, однако она была остановлена орудийным огнем белой флотилии.

Большевистские дивизии, первоначально захватившие Литовский полуостров, едва удерживали его и под непрерывными атаками Русской Армии отходили, вызывая штаб Южного фронта о помощи. На помощь им были направлены 7-я советская кавалерийская дивизия и повстанцы Махно. В это же время Фрунзе получил известие о перемене ветра, сулившей возврат воды в Сиваш. Не долго думая, Фрунзе приказал согнать население окрестных сел, возводить дамбы имеющимися под руками средствами. Уклонившихся расстреляли, остальным было приказано сдерживать воду, чем угодно: заборами, досками и т.п. 7-я кавалерийская дивизия и махновские бандиты изменили и без того невыигрышное для Русской Армии соотношение сил. В помощь им Фрунзе

направил и 16-ю советскую кавалерийскую дивизию, в порядке усиления. Защитники Литовского полуострова отступали к Юшуну. В полночь Блюхер повел очередной штурм Турецкого вала, и к половине четвертого красноармейцы уже карабкались на гребень вала, тесня оборонявшихся корниловцев и дроздовцев, штыками проложивших себе дорогу из получившегося окружения. В конце дня 9 ноября (25 октября) 1920 года большевики вышли по всему фронту к позициям Русской Армии на Юшуну. К позициям красные подвезли артиллерию в количестве 150 орудий и обрушили огонь на окопы и проволочные заграждения, возобновив атаку на следующий же день. 51-я советская дивизия наконец смогла захватить 2-ю линию траншей, в то время как соседние наступающие большевистские 52-я и 15-я дивизии продолжали топтаться на месте. Узнав из донесений авиаразведки о перемещении конного корпуса Барбовича для защиты третьей линии обороны, Фрунзе отправил на Перекоп 2-ю Конную армию и приказал 4-й армии нанести удар по корпусу Барбовича с Чонгарского полуострова. В ночь на 11 ноября (27 октября) 1920 года 30-я советская дивизия под прикрытием тумана начала форсировать пролив возле Тюп-Джанкоя. На рассвете дивизия ударила по первой и второй линиям обороны. Вместе с этим, при поддержке бронепоездов, красные атаковали по основанию взорванного моста. Дивизия была разбита и выброшена Русской Армией прочь, но ее наступление отвлекло силы белых, удерживающих оборону на Тюп-Джанкойском участке фронта. Получив донесение о наступлении у Чонгара, Врангель приказал остаткам Донского корпуса отступить и повернуть на станцию Таганаш все исправные бронепоезда. Коннице Барбовича предстояло нанести контрудар противнику. Она атаковала 7-ю и 16-ю кавалерийские дивизии красных и, разгромив их, переключилась на 15-ю и 52-ю стрелковые большевистские дивизии. Красноармейцы дрогнули и побежали, преследуемые кавалеристами Барбовича, постепенно выходя в тылы 51-й и Латышской дивизиям. С моря успех Барбовича был поддержан огнем белой флотилии, вошедшей в

Каркинитский залив. Против конного корпуса была брошена 2-я Конная армия. Перед лобовым столкновением двух конных лавин Миронов приказал укрыть за своим конным строем 250 пулеметов на тачанках. Когда до сближения двух конниц оставались считанные десятки метров, ряды красных кавалеристов разомкнулись и по летящим вперед белым кавалеристам ударили пулеметы. Первые ряды были скошены, вторые, налетев на первые, спотыкаясь, сбрасывали всадников. После расстрела конницы в упор, красные кавалеристы атаковали замешкавшихся белогвардейцев, поддерживаемые возвращавшимися назад после недавнего бегства пехотными частями. Белые повернули вспять. Полоса Юшунских укреплений пала.

Под Чонгаром шли бои, в которых остатки Русской Армии побеждали с переменным успехом: едва донские казаки успевали вырубить авангард большевистских частей, а на смену ему уже приходили новые силы и с ходу вступали в бой. Казаки контратаковали, однако силы их таяли буквально по часам. В окружении красных дрался до последнего снаряда и патрона посланный им на помощь бронепоезд «Офицер». Уже подорванный, остановленный, он все еще отбивался из оставшихся пулеметов, пока не закончились последние патроны. В ночь на 12 ноября (28 октября) 1920 года большевики овладели станцией Таганаш. Армии Южного фронта начали входить форсированным маршем в Крым.

В тот же день, в 10 утра, поезд Врангеля прибыл в Севастополь. С вокзала Главнокомандующий отправился во дворец, пригласив на совещание Шатилова, Скалона, Кедрова и Кривошеина и отдал им последние распоряжения занять войсками главные учреждения, почтамт, телеграф, выставить караулы на пристанях и железнодорожном вокзале. На основании сведений данных, полученных от Кедрова, барон распределил тоннаж по портам. Для погрузки в Керчи отводилось 20 000 тонн, Феодосии — 13 000, Ялте — 10 000, Севастополе — 20 000, Евпатории — 4000. Кроме того, Главнокомандующий дал указания разработать порядок погрузки тыловых военных и гражданских учреждений, больных,

раненых, запасов воды и продовольствия, особо ценного имущества, чтобы в момент получения приказа погрузка могла начаться немедленно в соответствии с принятыми к сведению указаниями. После совещания с ближайшими соратниками, Врангель пригласил представителей иностранных военных миссий с просьбой оказания содействия иностранными судами в случае массовой эвакуации из Крыма. После того Врангель дал последнюю пресс-конференцию российским и иностранным журналистам, рассказав им о создавшемся бедственном положении Русской Армии. Тревожные вести распространялись по городу с быстротой молнии. Главнокомандующему непрерывно звонили по телефону, прося содействия или разъяснения ситуации, присылались депутации, запросы. *«Положение становилось грозным, остававшиеся в нашем распоряжении часы для завершения подготовки к эвакуации были сочтены. Работа кипела. Днем и ночью шла погрузка угля; в помощь рабочим грузчикам были сформированы команды из чинов нестроевых частей, тыловых управлений... Спешно грузились провиант и вода. Транспорты разводились по портам. Кипела работа в штабе и управлениях, разбирались архивы, упаковывались дела»*¹.

Слухи докатились и до генерала Слащева, поразив его расстроенное воображение сверх всякой меры. *«В своем фантастическом костюме (белый ментик, отороченный мехом с золотым шнурами. — Авт.) он появлялся на улицах, беседовал с толпой, собравшейся перед витриной телеграфного агентства, давал интервью представителям печати... Я послал предписание генералу Слащеву выехать немедленно на фронт в распоряжение генерала Кутепова; последнему приказал передать, чтобы он задержал генерала Слащева при себе, не допуская возвращения его в Севастополь... Слащев на автомобиле выехал в Джанкой»*².

Врангель мог вздохнуть с облегчением, ибо душевное состояние Слащева уже давно беспокоило его.

Теснимые противником, части Русской Армии продолжали свой отход. К вечеру части Дроздовской дивизии, Кон-

ный и Донской корпусы отошли в район Богемки. Остальные подразделения 1-го армейского корпуса сосредоточились у села Тукулчак. Врангель приказал войскам, оторвавшимся от преследования противником, идти в порты на погрузку. 1-й и 2-й армейские корпуса отправились в Евпаторию и Севастополь. Конному корпусу Барбовича предписывалось двигаться на Ялту. Кубанцы генерала Фостикова направлялись в Феодосию. Донской корпус Абрамова и Терско-Астраханская бригада направлялись в Керчь. Для ускорения передвижения пехоту было приказано посадить на повозки, а коннице прикрывать отход.

29 октября 1920 года Врангель издал приказ, предупреждающий население Крыма об оставлении Русской Армией родной земли, и подготовлено сообщение правительства о предстоящих тяготах эвакуации и морского похода, а также о том, что ни одна иностранная держава не дала своего согласия на данный момент на прием эвакуированных. В сообщении подчеркивалось, что правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания помощи эвакуируемым как в пути следования, так и в дальнейшем и призывает всех тех, кому не угрожает непосредственная опасность со стороны большевиков, оставаться в Крыму. Поздно ночью начальник штаба контр-адмирала Кедрова, капитан 1-го ранга Машуков разбудил Главнокомандующего и сообщил ему о только что полученном по советскому радио предложении Фрунзе о сдаче, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем сложившим оружие. За предложенную Русской Армии бескровную сдачу Фрунзе был строго отчитан Лениным: *«Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Удивлен уступчивостью условий. Если враг примет их, надо приложить все силы к реальному захвату флота, т.е. невыходу из Крыма ни одного судна. Если не примет, нельзя ни в коем случае повторять и расправляться беспощадно»*.

Врангель приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами. Погрузка лазаретов и учреждений тыла проходила в относительном поряд-

ке. По улицам города тянулись вереницы подвод, нагруженные вещами обывателей. Улицы города патрулировали чины комендатуры, в сопровождении юнкеров. В штабе генерала Скалона шла запись желающих выехать за границу. Неожиданно это количество оказалось столь велико, что заставило Главнокомандующего и его ближайших соратников задуматься о том, что рассчитанного на бумаге тоннажа может оказаться недостаточно. В связи с изменением погоды и устанавливающимся штилем адмирал Кедров предложил использовать все суда и баржи, которые могли держаться на воде, взяв их на буксир. *«В эти тяжелые часы, среди лихорадочной напряженной работы он проявил редкую распорядительность, не отдыхая ни днем, ни ночью, попевая всюду, требуя от подчиненных того же»*³.

Совместная служба адмиралов Кедрова и Машукова была как нельзя лучшим соединением двух энергичных и деятельных морских военачальников: *«На своем белом быстроходном катере с молодым Начальником Штаба, сам одетый в только что, срочно сшитую морскую форму с золотыми Контр-Адмиральскими погонами во флотской фуражке царского времени, носился по рейду Севастополя, обходя все свои владения... эти два человека неразлучно работали вместе. Всюду появлялись энергичные, бодрые, вдохновленные надеждами, создающие новые крепкие кадры команд, бодрящие падающих духом... Они собрали распадавшийся флот, обновили, освежили, очистили личный состав и приготовили к роковой минуте... К этому дню великой печали были готовы к отплытию в Севастополе 31 судно под Андреевским флагом... И еще множество кораблей — всего белого флота 132 корабля»*⁴.

Около полудня 30 октября 1920 года в штаб Главнокомандующего позвонил генерал Кутепов, находившийся на станции Сарабуз. Генерал доложил, что войска продолжают отступление, и что отход производится в полном порядке. Линия фронта проходила южнее станции Юшунь. В конце разговора Кутепов сообщил, что с Главнокомандующим желает поговорить Слащев. Врангель уклонился от беседы под предлогом нехватки времени, однако настойчивый Слащев

прислал телеграмму, в которой предлагал сформировать новый десант и без колебания атаковать красных до победного конца. Врангель просил Кутепова передать Слащеву, что предоставляет полную свободу всем желающим продолжить борьбу и что никакие десанты за неимением свободных транспортных средств, невозможны. Если Слащев собирается оставаться в тылу противника и формировать партизанские отряды, Главнокомандующий лишь благословит его на это начинание. Переданное через генерала Кутепова это послание, оскорбило Слащева в лучших чувствах, и он просил Врангеля в новой телеграмме дать ему срочный и исчерпывающий ответ на его первое обращение. Барон не отвечал. Ночью Слащев вернулся в Севастополь, но и тогда не был принят Главнокомандующим. Слащев поспешил сесть на ледокол «Илья Муромец». Вечером 30 октября 1920 года Врангель принял депутацию представителей городского самоуправления. Они выразили озабоченность обстановкой и попросили дозволить им организовать охрану города, портового завода и артиллерийских складов силами рабочих, для которых просили выделить оружие. Главнокомандующий согласился, и по его распоряжению рабочие были вооружены. После городских депутатов к Врангелю прибыл французский представитель граф де Мартель, сообщивший, что правительство его республики готово взять под покровительство всех беженцев, оставляющих Крым, и что для покрытия расходов на их содержание Франция согласилась взять в залог русский водный транспорт, на котором прибудут беженцы. Покидая ставку ночью, Врангель распорядился перевезти свои вещи в гостиницу «Кисть», стоящую на побережье, на Графской пристани, где уже разместилась оперативная часть штаба Главнокомандующего и куда уже перебрасывал штаб генерала Скалона.

На утро 31 октября (13 ноября) 1920 года прибывшие из Симферополя эшелоны начали погрузку на стоявшие в порту транспорты. Для раненых было отведено оборудованное под лазарет судно под названием «Ялта». Начальник санитарной части С.Н. Ильин руководил погрузкой и лично от-

давал распоряжения, наблюдая за погрузкой, хотя сам был тяжело болен и едва держался на ногах. Закончив накануне ночью посадку учреждений суда, с большой перегрузкой, выходили в спокойное, без волн, море. На рейде дежурили транспорты, дожидавшиеся погрузки кутеповских частей 1-й армии. В десять утра, по сообщениям в штаб Главнокомандующего, линия фронта подвинулась к Сарабузу. *«И тогда-то, на нашем последнем рассвете, 1-й полк перешел в контратаку. В последний раз, как молния, врезались дроздовцы в груди большевиков. Страшно рассекли их. Белый лебедь с отчаянной силой бил крыльями перед смертью. Цепи красных... отхлынули под нашей атакой, когда мы, белогвардейцы, в нашем последнем бою, как и в первом, винтовки на ремне, с погасшими папиросами в зубах, молча шли во весь рост на пулеметы»*⁵, — вспоминал Туркул. Теперь, когда части дроздовцев, разив и обратив в бегство на прощание наступавшие большевистские части, грузились на выделенные для этого транспорты, в историю уходили и их командиры, одному из которых было 25 лет, а другому 28: *«Генерал Туркул и генерал Маништейн — самые страшные солдаты самой страшной Гражданской войны. Генералы Туркул и Маништейн — это дикое безумие дроздовских атак во весь рост без выстрела, это немое бешенство непобедимых дроздовских маршей. Генерал Туркул и Маништейн — это беспощадные массовые расстрелы, лохмотья кровавого мяса и подбородки, раскроенные вороненой рукояткой нагана, и гарь яростных пожаров, вихрь безумия, кладбищ, смерти и побед»*⁶.

Части Русской Армии, почти не входя в соприкосновение с противником, планомерно совершали отход. Ближе к полудню Главнокомандующий в сопровождении адъютанта совершили пеший обход города, наблюдая за происходящим: *«Улицы были почти пусты, большинство магазинов закрыто, изредка встречались... спешившие к пристани одинокие прохожие. При встрече, как всегда, приветливо кланялись»*⁷.

Во второй половине дня, в ранних, осенних сумерках прибыл сам генерал Кутепов с чинами своего штаба. Он сообщил, что погрузка частей должна закончиться к десяти

вечера и что он предоставил свободу выбора всем, из чинов своих частей, кто пожелал остаться в Крыму. Таковых, по его словам, было совсем немного. Кутепов выставил заставы от своих частей по линии железной дороги до вокзала и далее к морю, для прикрытия погрузки кораблей. В помощь его частям Главнокомандующий возложил на генерала Скалона обеспечить прикрытия погрузки на северном направлении — от моря и до железной дороги. Для обеспечения выполнения возложенной задачи, Скалону были выделены юнкера пехотного Алексеевского, артиллерийского Сергеевского и Донского атаманского училищ. Врангель отправил директиву адмиралу Кедрову завершить погрузку людей к полудню 1 ноября (15) 1920 года, чтобы уже в час дня суда могли выйти на рейд. Уже к 10 часам утра 1 ноября, выехавший с инспекцией на катере Кедров, доложил, что погрузка почти закончилась. Снимались последние юнкерские заставы и юнкера прибывали на площадь, возле гостиницы. Главнокомандующий поздоровался с юнкерами, поблагодарил их за службу и, сказав краткую речь, отдал им приказание начинать погрузку. После того как юнкерские заставы произвели погрузку, катер с бароном Врангелем, провожаемый громогласным «ура», отошел от пристани, направляясь к крейсеру «Генерал Корнилов», на котором немедленно взвился флаг Главнокомандующего. Якорь был поднят и суда, один за другим, стали выходить в море. *«Мы стали на якорь у Стрелецкой бухты, и оставались здесь до половины третьего ночи, ожидая погрузку последних людей... и выхода в море всех кораблей, после чего пошли в Ялту, куда и прибыли 2 ноября в 9 часов утра»*⁸.

В Ялте Врангель сошел на берег вместе с начальником штаба флота капитаном 1-го ранга Машуковым и обошел суда, беседуя с офицерами и солдатами. Пока шел отход пехоты, конница прикрывала его, а затем, быстро оторвавшись от противника, усиленными переходами отошла к Ялте. Большевики значительно отстали, что давало время закончить погрузку частей вовремя. Всего из Ялты было эвакуировано 14 тысяч человек. В два часа транспорты с войсками

и флагманский крейсер с Врангелем на борту пошли на Феодосию. За ними следовал французский адмирал Дюменаль на крейсере «Вальдек Руссо», сопровождавшийся миноносцем. Погрузка частей в Феодосии проходила менее успешно, чем в других городах. Вечером 12 ноября в город прибыл со своим штабом генерал Фостиков, обнаруживший в недоумении, что *«вместо пяти пароходов, первоначально мне данных, я имел в распоряжении лишь два — «Дон» и «Владимир», так как «Аскольд» был выделен под раненых и учреждения... К вечеру подошел Кубанский партизанский пеший полк и некоторые части генерала Цыганка... В город непрерывно прибывали все новые партии чинов и части, которые должны были производить посадку в других пунктах... Я связался по радио с генералом Врангелем, донес ему о катастрофическом положении в Феодосии и о неприбытии двух пароходов... просил его отдать распоряжение генералу Абрамову не задерживать пароходы, предназначенные для кубанцев, у себя... просил генерала Абрамова спешно отправить ко мне пароходы, хотя бы к утру...»*⁹. С борта «Генерала Корнилова» Врангель отправил радиотелеграмму в Керчь генералу Абрамову, приказывая во что бы то ни стало дожидаться и погрузить прибывающих к нему 1-ю дивизию кубанцев генерала Дейнеги, которые не успели погрузиться в Феодосии из-за недостатка мест на транспорте и отправились посуху, на Керчь. 3 (17) ноября Абрамов отвечал, что погрузка кубанских и терских частей прошла успешно, однако ощущается крайняя перегрузка и некоторые баржи переполнены людьми сверх всякой меры. Капитан 1-го ранга Машуков лично вышел на ледоколе «Гайдамак», отдав приказ прибывшему из Константинополя транспорту «Россия» следовать за ним, в Керчь. Там на них были пересажены все те, кому едва хватало мест на отведенных для погрузки судах. Отбывая из Феодосии, наблюдательный Фостиков отмечал: *«Что меня поразило при эвакуации Феодосии, так это наличие там массы танков и тяжелой артиллерии... Это свидетельствует о том, что эти части на фронте не были, — для чего же они существовали и формировались? Почему эти части не были выдвинуты на Перекоп и*

*к Сивашу после военного совета и не упоминались в плане генерала Шатилова? Танки и тяжелая артиллерия были свалены с пристани в море по моему приказу, некоторых чинов этих частей пришлось, в силу необходимости, погрузить...»*¹⁰.

Вечером 30 октября (13 ноября) 1920 года Феодосия озагорелась заревом пожаров, организованных прокоммунистическим подпольем с целью дестабилизации обстановки, а на утро 14 ноября пожар полыхал уже в самом порту. Горели вагоны и пакгаузы, между которых лежали ящики со снарядами. Кубанцы Фостикова сбросили ящики в море. Около часа ночи 1 (14) ноября 1920 года большевиками были взорваны артиллерийские склады на окраине Феодосии и в селе Владимировка. Обстановка была крайне нервная. Прямо на пристани некоторые офицеры стрелялись, другие, кому не хватило места на транспортах, бежали в горы, но были и те, кто, сняв погоны, разбрелись по городу, в надежде пережить приход большевиков.

Вскоре на «Адмирале Корнилове» была получена радиogramма Машукова: «Посадка закончена, взяты все до последнего солдата. Для доклада главному везу генерала Кусонского. Иду на соединение». В 3 часа 40 минут «Гайдамак» возвратился.

В два часа дня французский крейсер «Вальдек-Руссо» произвел 21 выстрел в качестве последнего салюта русскому флагу в водах России и снялся с якоря. «Генерал Корнилов» отвечал. Корабли вышли в море и взяли курс на Босфор. На 126 кораблях из захваченной большевиками России было вывезено 145 693 человека. Из них было более 100 тыс. гражданских беженцев.

...На полуострове, после прихода большевиков, уже в декабре 1920 — январе 1921 года развернулась невероятная по своим масштабам кампания террора по отношению к обывателям и оставшимся чинам Русской Армии, тем, которые по личным мотивам не могли уехать за границу. На совещании московского партийного актива в декабре 1920 года Ленин заявил: «В Крыму сейчас 300 тысяч буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи

капиталистам...» Несмотря на объявленный мир, выезд из Крыма для населявших его граждан был закрыт. Главными палачами Крыма были назначены Председатель крымского ВРК Бела Кун и Секретарь крымского комитета РКП(б) Р.С. Землячка, назначенная вершить расправу, на основании ее предыдущего опыта подобного террора во времена, когда во время подавления Донского восстания она состояла в РВС 8-й большевистской армии. Сначала объявление местной власти предлагало всем офицерам, находящимся в Крыму, явиться на перерегистрацию согласно приказу № 4 Крымвоенревкома, подписанному Белой Куном и секретарем Яковлевым, в котором сообщалось: «...*Всем офицерам, чиновникам военного времени, солдатам, работникам в Учреждениях Добровольческой армии... явиться для регистрации в трехдневный срок... Не явившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по законам военного времени*»¹¹.

Многие из офицеров, кто полагал, что повторная регистрация — дело сугубо формальное, ибо в Красной армии служило немало мобилизованных офицеров и генералов: «*Эти мерзавцы не пошли к нам добровольно, не исполнили своего долга. Старались спрятаться и отсидеться. Но они не посмели ослушаться красной власти и пошли ей служить и служили усердно. Это каиново предательство не спасло их от концентрационных лагерей, тюрем, расстрела*»¹², приходили на пункты, чтобы быть внесенными в списки. В Феодосии, например, «*на регистрацию в установленный срок явилось более 4500 человек, их зарегистрировали и... распустили по домам... появилась надежда на то, что большевики выполнят обещания Смильги, Белы Куна и Фрунзе об амнистии сдавшимся и рыцарском отношении к населению, данное 11 ноября*»¹³.

Однако совершенно неожиданно вышел новый приказ о перерегистрации. Всех, кто в Феодосии явился добровольно, арестовывали и под конвоем отправляли в Виленские и Крымские казармы, превращенные большевиками в казармы. В них одновременно содержалось до 500 пленных. Утренняя побудка оставшихся в живых начиналась пением

«Интернационала» и «политзанятиями». Каждую ночь по команде «Рота! Встать!» комендант казарм будил заключенных, зачитывал списки приговоренных к расстрелу, несчастные отделялись от «личного состава» и отправлялись конвойными командами к месту расстрела. В декабре 1920 года массовые расстрелы проводились прямо во дворе Виленских казарм. Тела убитых сбрасывались в старые генуэзские колодцы. Когда колодцы заполнились, приговоренных выводили за пределы казарм, вели к угольным копиям, там заставляли рыть могилы и с наступлением темноты расстреливали.

Лишь единицы приглашенных солдат и офицеров для повторной регистрации в первые дни советской власти в городе усомнились, бежали в горы, к «зеленым». Большая часть крымского офицерства стала жертвой собственной дисциплинированности и доверия к советской власти. Так называемые фильтрационные пункты, где большевиками проводился отбор вероятных кандидатов на расстрел, описан очевидцем этих событий, корнетом Сводно-гвардейского кавалерийского полка А. Эдлербергом: «*В глубине большого двора пара сотен людей, и через открытые настежь ворота прибывали все новые... Большинство было явно из низов — солдаты; но осанка, одежда выдавали иногда офицеров, теперь бывших. Время шло, и двор почти заполнился людьми, когда неожиданно раздался резкий свисток: тотчас ворота захлопнулись, из стоявшего поодаль флигеля выбежали несколько десятков красноармейцев с примкнутыми штыками; двери... распахнулись, и с десятком матросов выкатили на широкое крыльцо два «максима». Громовая команда «Смир-р-но!» заставила нас привычно вытянуться и замереть. Потом я подумал, что это хитрый способ определить военную выучку, а следовательно, и звание пленных. Так начался отбор «чистых» и «нечистых»: по приказу мы по двое подходили к новоявленным «авгурам», которые безапелляционно, лишь взглянув, командовали — налево или направо. Сортировка продолжалась долго. К этому времени прибыла еще из Феодосии рота красноармейцев, окружила «левых», выстроившихся в колонну по четыре в ряд, и нас погнали обратно к городу...»¹⁴*

Еще до объявления регистрации как уловки для выявления чинов Русской Армии и тыла, расстрелы попавших в плен солдат и офицеров 2-го армейского запасного батальона, тыловых частей 52-го Виленского пехотного полка, чинов Одесских пулеметных курсов, служащих Сырецкого госпиталя Красного Креста, Феодосийского армейского эвакуационного пункта, полевого эвакуационного пункта № 16 начались со входом в Феодосию 9-й стрелковой большевистской дивизии под командованием Н. Куйбышева. После того как красные части заняли Феодосию, был сформирован ВРК Феодосийского уезда, занявший помещение городской гостиницы «Астория». Комиссар 9-й большевистской дивизии М. Лисовский и Председатель ВРК некто Жеребин провели первые показательные расстрелы пленных уже в ночь с 16 на 17 ноября 1920 года, на железнодорожном вокзале города, где находился эшелон с ранеными и выздоравливающими чинами 52-го Виленского полка.

Покончив с чинами Русской Армии, красные каратели переключились на обывателей и мирное население. Арестовывались члены семей бывших белогвардейцев, сотрудники гражданских ведомств, средств массовой информации, духовенство. Далее террор распространился просто на представителей дворянства, считавшихся виновными по определению. Истребив дворян, крымские чекисты перешли на организацию облав на людей, носивших приличную одежду, а следовательно, могущих принадлежать к «классу буржуазии». Людей доставляли в фильтрационный пункт, обычно располагавшийся в городских казармах, проверяли документы и решали, кому быть отпущенному, а кого отправить за город, на расстрел. Люди были лишены даже возможности выезда в Россию, ибо каждый пропуск подписывал лично Бела Кун. Вошедшая в Крым советская армия оказалась тяжелым бременем для полуострова, так как содержание ее представляло собой довольно трудоемкую задачу. Запасы крымского продовольствия были реквизированы и отданы в армию, ЧК и служащим советских учреждений, потянувшихся нескончаемыми обозами из Центральной России.

Местное население было обречено гибнуть от голода. Начинались эпидемии, с которыми большевики не боролись, только лишь блокируя ту местность, где они свирепствовали, и оставляя местных жителей на произвол судьбы. Крым походил в то время на один большой концентрационный лагерь, прообраз будущего ГУЛАГа в размерах одного полуострова... Террор распространился и на рабочих, работавших в железнодорожных депо и занимавшихся ремонтом и эксплуатацией подвижного состава при Врангеле. Так, ушедших с отступающими частями Добровольческой армии из Курска железнодорожников, обосновавшихся в походном лагере недалеко от Феодосии, в ночь с 19 на 20 ноября вывели вместе с женами и детьми из лагеря, прогнали пешком до мыса Св. Ильи и затем расстреляли. На месте опустевших рабочих бараков Особый отдел 9-й советской дивизии, в соответствии с директивами из РВС Южного фронта, распорядился создать концентрационный лагерь для военнопленных, который был очень быстро заполнен прибывающим новыми партиями арестованных. Ревком и Особый отдел выявили несколько «старост», которым поручалось разделить арестантов на тех, кто когда-либо служил в Красной армии и тех, кто воевал лишь на стороне Белой. Последних каждую ночь отправляли в колоннах по 100—150 человек с конвоем на мыс Св. Ильи и городское кладбище и расстреливали из пулеметов. Иногда арестованных связывали ключей проволокой и топили за Чумной горой в море. На мысе Св. Ильи тех, кто был расстрелян, сваливали в три параллельно идущие балки. Места расстрелов охранялись красноармейским батальоном Особого назначения, рассыпанным в цепь, чтобы не допускать родственников убитых забрать тела для погребения.

Тех, кто прежде служил в Красной армии, обирали до нитки, снимая даже нательные кресты и порой нижнее белье, и предлагали вступать снова в Красную армию. Тех, кто не соглашался, добавляли в колонны, идущие каждую ночь на мыс Св. Ильи или городское кладбище, но и тех, кто под влиянием пережитого соглашался, направляли в полевые

лагеря особых отделов 6-й и 4-й советских армий, располагавшихся под Керчью, Бахчисараем, Джанкоем и Симферополем, где их под предлогом отсутствия продовольствия или солдат для охраны, за ненадобностью, также расстреливали.

Для упорядочивания репрессивного аппарата, Бела Кун и Р.С. Землячка инициировали создание Крымской ЧК, во главе которой был поставлен С. Реденс, а начальником оперативного отдела — некто Я.П. Бизгал. Комендантом Крымской чрезвычайки назначили И.Д. Папанина, чья карьера, под воздействием пережитых ужасов, творимых его товарищами, закончилась долгим пребыванием в клинике для душевнобольных.

Прошло и доукомплектование (на 70%) Особого отдела 46-й советской дивизии, батальона особого назначения и комендантских команд чинами расформированной Эстонской стрелковой дивизии. Феодосийский Особый отдел, во главе которого встали некие Зотов и его заместитель Островский, человек палаческих наклонностей, поместился в картинной галерее Айвазовского, вместе с ними в галерею въехали местные чекисты и временно Морской отдел. Новоселы были отмечены грандиозным пьяным дебошем, в ходе которого было исколото штыками несколько картин великого художника.

Въехавшие в галерею чекисты, совместно с Особым отделом 46-й дивизии, разработали ежедневный план уничтожения арестованных, который не прекращал своей чудовищной работы вплоть до конца апреля 1921 года. Осенью 1921 года крымские большевики получили приказ уничтожить следы массовых расстрелов. Рвы и балки, куда на протяжении полугода комендантские команды сваливали расстрелянных людей, стали спешно засыпаться негашеной известью, однако «и весной 1996 года дожди вымывали из земли кости»¹⁵. Впоследствии чины феодосийского ЧК и особого отдела 46-й советской дивизии были расстреляны самими же большевиками «за злоупотребления» выездной оперативной командой Крым ЧК.

...А суда с беженцами и эвакуированной армией причалили к турецким берегам: «Взорам находившихся на палубах представилась удручающая картина. По правому борту показались унылые постройки казарменного типа, в которых по соседству с сенегальским батальоном французских колониальных войск, предстояло разместить Сергеевское училище. Дальше был маяк, а за ним потянулись серые развалины небольшого городка с редкой чахлой зеленью, неказистыми домиками на набережной...»¹⁶. Выбор Галлиполи, не самого райского уголка на земле, был далеко не случаен. Обратившийся за помощью в размещении беженцев митрополит Вениамин вспоминал: «Совершенно отказали в приеме русских итальянцы и вообще католические страны. Они наоборот воспользовались случаем, принялись буквально вылавливать детей русских беженцев, устраивая их в приюты и окатоличивания их там. Мне Синод поручил провести переговоры с папским представителем в Константинополе (архиепископом Дольче), чтобы они прекратили эту практику. Не оказали гостеприимства и союзники-румыны, и бывшие враги — немцы, и даже единоверцы-греки»¹⁷.

Выбор мест размещения лагерей русских беженцев, обсуждаемый Врангелем с союзниками и Турцией, был неслучаен. Франция и Англия как победившие державы получили по Мудросскому соглашению, а впоследствии и по Свερскому договору в сферу своего безраздельного господства европейскую часть Турции, включая Константинополь. Специально созданная союзническая особая комиссия, следившая за демилитаризацией черноморских проливов Босфора и Дарданелл и возможностью открытого плавания по ним судам всех государств, получила под свой контроль и полуостров Галлиполи. Этот полуостров, в ширину в районе одноименного города всего в 27 километров, отделяющий европейскую часть Турции от ее азиатской части и тянувшийся узкой полосой с северо-востока на юго-запад до 90 километров вдоль Дарданелльского пролива, был избран для устройства основного лагеря. В нем высаживались и размещались для переформирования все пехотные и артиллерийские ча-

сти Русской Армии, конница, штаб корпуса, военно-учебные заведения и тыловые учреждения.

Ушедшие из Крыма 30 кораблей Черноморского флота, с личным составом в шесть тысяч человек, включая последних гардемарин Морского кадетского корпуса, по указанию Французского правительства сосредоточились в тунисском порту Бизерта, на севере Африканского континента. Общее руководство всеми соединениями и частями оставалось за Врангелем, перебравшимся со штабом на яхту «Лукулл», которая встала на якорь на рейде Константинополя. 22 тыс. гражданских беженцев и два кадетских корпуса, после переговоров, были переправлены в Королевство СХС, 4 тыс. удалось переправить в Болгарию. Греция и Румыния наконец согласились принять по 2 тыс. человек. Оставшиеся перебрались в другие европейские страны или остались в Константинополе.

Великий русский исход завершился, и перед ушедшими поднимались новые задачи по налаживанию жизни на новом месте. Впереди их ждали новые разочарования и тяготы, годы труда и борьбы. Трагичен и велик их жизненный подвиг за границами Отечества, но это — тема для отдельного повествования в другой книге. Борьба с большевизмом продолжалась, принимала новые формы в новых условиях и продолжается она и по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Врангель П.Н., барон.* Записки. Ноябрь 1926 — ноябрь 1920 гг. т. 2. Минск. Харвест. 2003.
2. *Врангель П.Н., барон.* Записки. Ноябрь 1926 — ноябрь 1920 гг. т. 2. Минск. Харвест. 2003.
3. *Врангель П.Н., барон.* Записки. Ноябрь 1926 — ноябрь 1920 гг. т. 2. Минск. Харвест. 2003.
4. *Берг фон В.В.* Последние гардемарины. Париж. Изд. Е. Сияльской. 1931.
5. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918—20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. Мюнхен. Изд. Быль и Явь. 1948.

6. *Карпов Н.Д.* Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь. 2000.
7. *Врангель П.Н., барон.* Записки. Ноябрь 1926 — ноябрь 1920 гг. т. 2. Минск. Харвест. 2003.
8. *Врангель П.Н., барон.* Записки. Ноябрь 1926 — ноябрь 1920 гг. т. 2. Минск. Харвест. 2003.
9. *Фостиков М.А.* Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
10. *Фостиков М.А.* Дневник // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф. 2004.
11. *Бобков А.А.* Красный террор в Крыму 1920—1921 гг. // Доклад на международной научной конференции в Севастополе. М.: Посев. 2002.
12. *Мамонтов С.* Походы и Кони. Paris: YMCA-Press. 1981.
13. *Бобков А.А.* Красный террор в Крыму 1920—1921 гг. // Доклад на международной научной конференции в Севастополе. М.: Посев. 2002.
14. *Бобков А.А.* Красный террор в Крыму 1920—1921 гг. // Доклад на международной научной конференции в Севастополе. М.: Посев. 2002.
15. *Бобков А.А.* Красный террор в Крыму 1920—1921 гг. // Доклад на международной научной конференции в Севастополе. М.: Посев. 2002.
16. *Карпов Н.Д.* Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь. 2000.
17. Указ. соч.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЭПИЛОГ БЕЛОЙ БОРЬБЫ

По мере того как большевистская власть распространялась по поверженной и лежащей в руинах империи, а ее противники один за другим эвакуировались с российских берегов в неизвестность, территория, ставшая подвластной «интернационалу», все более возрастала. На карте России становилось все меньше точек сопротивления большевизму, а к июлю 1920 года, когда большевики почувствовали, что становятся хозяевами положения в стране, их усилия были перенесены на самые отдаленные уголки бывшей империи и, в частности, на Дальний Восток, где еще оставалось сильным влияние назначенного Колчаком атаманом всех казачьих войск Семенова, активно поддерживаемого Японией. Там же еще находили себе прибежище и другие ее недавние противники, принесшие коммунистическим войскам немало неприятностей, такие как молодой генерал Сергей Николаевич Войцеховский и другие. К 27 сентября 1920 года большевистским командованием был разработан и принят к осуществлению план так называемой Читинской операции. Основной удар предполагалось обрушить на Семенова, чьи силы насчитывали в то время около 29 тысяч человек, в чьем распоряжении находилось 9 бронепоездов и около двухсот орудий. Для удара по семеновским соединениям и частям большевиками были стянуты дополнительные силы регулярной армии и некоторое количество партизанских соединений. «Владения» атамана Семенова с севера и востока были надежно прикрыты

2-м и 3-м каппелевскими корпусами, расположившимися от Читы до станции Бырка. Вдоль железнодорожной ветки Чита — Манчжурия, располагавшейся на западе, находился 1-й семеновский корпус.

15 октября 1920 года, когда последний японский эшелон покинул Забайкалье, войскам Амурского фронта ДРВ был отдан приказ о наступлении, совместно с так называемыми «народоармейцами», названными большевиками для простоты наименования «повстанческой армией».

Наступление на первых порах явилось совершенной неожиданностью, но уже спустя два дня, 20 октября 1920 года, каппелевскими частями был нанесен ощутимый контрудар красным отрядам на центральном участке наступления и к северу от Читы. Против каппелевцев действовали многочисленные партизанские отряды, собранные для этого по всему Дальнему Востоку и превосходно вооруженные. Они наносили неожиданные удары, сбивали боевые порядки каппелевцев, оставляя регулярным красноармейским подразделениям довершать свое дело, опрокидывая белые войска. Целью большевистских ударов было отрезать семеновские части как можно быстрее от границы и не дать им уйти в Манчжурию, затем окружить и уничтожить. Под непрерывными ударами противника отошел из Читы корпус генерал-майора Виктора Михайловича Молчанова, пробиваясь на юг, но в целом каппелевские части успели нанести несколько увесистых контрударов большевикам под Храшаибири, Хадабулаком и под Борзеей. Под непрерывными атаками красных 1-й семеновский корпус разделился на несколько отрядов и частей, самостоятельно уходивших к китайской границе. Несколько подразделений 1-го семеновского корпуса отражали наступление красного 1-го Забайкальского корпуса у станций Борзя и Оловянная. С востока и запада каппелевские и семеновские части сходились у Манчжурской дороги, постепенно переходя в организованное наступление вдоль нее. У большевиков никак не получалось окружить белые части. Не могли они и препятствовать белому отходу за китайскую границу. К 21 ноября 1920 года оба каппелевских и семеновский корпуса благо-

получно пересекли манчжурскую границу, где были остановлены китайскими регулярными войсками, разоружены и переведены на положение «беженцев», расположившихся в Харбине и в полосе КВЖД. Атаман Семенов направился в Приморье, где еще сохранялось влияние японцев и существовало коалиционное правительство, пытаясь отстаивать идеи Белого движения, но по настоянию Владивостокского правительства был выслан в Китай и отправился в Порт-Артур в декабре 1920 года. Часть перешедшего русско-китайскую границу 1-го семеновского корпуса оказалась впоследствии рассеянной по монгольским, бурятским и тувинским улусам, самообразовавшись в повстанческие партизанские отряды под предводительством легендарного барона Романа Унгерн фон Штернберга и менее известных Бакича, Кайгородова и Казанцева. Еще одна часть бывшего корпуса, оставшись в Советской России, перешла на службу в Красную армию или подалась в «народные партизанские отряды», участвовавшие впоследствии в красном терроре против «тайных белогвардейцев» и «семеновских шпионов». После военной победы над атаманом Семеновым установившаяся безраздельная советская власть вновь ознаменовалась волнами террора против населения в городах и казачьих станицах. На фоне террора в Дальневосточной республике прошли выборы в Учредительное собрание, начавшее свою работу в феврале 1921 года. Подавляющее большинство мест в Учредительном собрании досталось крестьянам, поддерживающим коммунистов, за ними вторыми по численности шли большевики, чуть меньше — эсеры и незначительные в процентном отношении места достались представителям других партий и направлений, в частности, наиболее популярным генералам колчаковской армии Молчанову и Григорию Афанасьевичу Вержбицкому, не захотевшим приезжать ради такого случая из Китая в Читу. Работа Учредительного собрания затянулась до апреля 1921 года. За два месяца работы Собрания была принята «демократическая» конституция, определена территория, называемая Дальневосточной республикой, занимавшая теперь все пространство от Байкала до Владивостока, а под конец и само

Учредительное собрание было переименовано в Народное. К маю 1921 года было образовано коалиционное правительство, призванное продемонстрировать Японии и странам Запада классический «парламентаризм». Новое правительство состояло из представителей разных партий и объединений, но находилось под полным и безраздельным большевистским контролем. Вместе с работой парламентских групп развязанный большевистскими силами в Забайкалье террор против казаков не только не закончился, но и набирал новые обороты. Забайкальские казаки начали уходить в ближайшие страны — Монголию и Китай, где за некоторую плату вечно коррумпированным китайским чиновникам, им позволялось перегонять скот и строить зимовники. За несколько месяцев, начиная с зимы 1921-го по весну того же года в Китай перебравлась почти десятая часть всего Забайкальского казачества. Сравнительно прозрачные границы и легкость их пересечения в двух направлениях позволили большевикам совершить несколько карательных рейдов, направленных против казаков, когда отряды большевистского партизана Федорова совершили налет на казачьи заимки на китайской стороне, угнали скот и разграбили нескольких зажиточных казаков, а самих подвергли аресту. Чуть позже славный красный партизан Федоров осознал, что прав на арест казаков, проживающих на китайской территории, у него нет, а поэтому часть казаков была отпущена, а другая в спешке расстреляна. После чего красный партизанский отряд удалился домой, уводя за собой богатые трофеи, собранные в казачьих поселениях. Несмотря на очевидную нелепальность и жестокость подобных действий, сам инцидент, похоже, мало кого удивил. А самих казаков даже не подвиг на вооруженный отпор распоясавшимся большевикам. Казаки продолжали свое бытование на чужой стороне, надеясь, что в следующий раз Бог милует.

Как ни странно, именно тогда, в 1921 году, в ходе Гражданской войны, по-видимому, произошел некий надлом, свидетельствующий об изменении ее природы, — превраще-

нии ее из классической войны, с наступательными операциями и атаками под оркестр, каковыми ее делали Туркул и Дроздовский, планировали и осуществляли Деникин и Врангель, в войну почти партизанскую, с дикими набегами сторон друг на друга, переменным выхватыванием власти над населенными пунктами и областями и пирровыми победами, ничего, по сути, не меняющими.

В ней, этой новой войне, где по привычке фигурировали две противостоящие стороны — большевики и их противники, постепенно растворялась и сама Белая идея с ее принципами единой и неделимой России, отказом от территориальных уступок иностранцам, и главное, теперь эти тлеющие очаги сопротивления большевизму едва ли уже могли справиться с задачей возрождения России в целом. Это было еще долгое, но уже искаженное эхо противостояния повсеместно утвердившемуся злу.

...12 мая 1921 года было завершено формирование правительства Дальневосточной республики, а через две недели его потряс новый переворот, в результате которого вся полнота власти перешла к дальневосточным промышленникам братьям Меркуловым. Братья стали во главе Временного Приамурского правительства, в котором уже отсутствовали представители большевиков. Правительство было поддержано японцами. Для защиты собственной территории от захвата большевиками и гарантии своего более или менее стабильного существования правительство озабочилось вопросами создания боеспособной армии. Меркуловы повели переговоры с осевшими у КВЖД и в Харбине каппелевскими частями и их руководителями — 29-летним генералом Анатолием Николаевичем Пепеляевым и 35-летним генерал-майором Викториним Михайловичем Молчановым. Каппелевцы согласились вернуться в Приморье, а над свежесформированными их частями, насчитывающими 15 тыс. бойцов, был утвержден генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. Следом за регулярными частями в Приморье из Китая вернулась часть Забайкальских казаков. Из них было создано вспомога-

тельное казачье соединение под командованием генерала Глебова.

28 августа 1921 года в Дальяне была созвана конференция, имевшая своей целью обсуждение и урегулирование отношений на Дальнем Востоке Японии и Дальневосточной республики и о выводе японских оккупационных войск с российской территории. Контроль над оккупированной территорией становился все более тягостным для японских войск. Гарнизоны оккупантов сосредотачивались на крупных железнодорожных станциях, а прилегающие к ним территории оставались во власти местных партизанских отрядов, досаждающих японским гарнизонам постоянными нападениями и мелкими стычками. Организация карательных экспедиций, равно как и ведение полномасштабных, боевых действий, Японией исключались по двум причинам: практическая неуязвимость мелких отрядов, при необходимости растворявшихся в дальневосточных джунглях, и отсутствие уверенности, что другие державы мира поддержат начало боевых действий. Правительство Японии сочло за благо оставить Приамурье и отойти в Приморье, где у власти были братья Меркуловы, но главное, что стратегически Приморье было легче удержать в случае наступательных операций с запада и столь же легко организовать эвакуацию основных сил. Отход японских оккупационных войск сопровождал накат партизанских соединений Дальневосточной республики. Оставленный японскими частями Хабаровск был сразу же «взят» партизанами и поставлен под свой контроль. Путь партизан теперь лежал в Приморье, откуда навстречу им выдвинулись части под командованием генерала Дитерихса, не только отбившие первую волну партизанского натиска, но и перешедшие 30 ноября 1921 года в контрнаступление. В ходе него части Дитерихса, разгромив и разметав остатки дальневосточных партизанских отрядов по окрестностям, обрушившись на «регулярную» народную армию, шедшую за партизанами, вытеснили ее за Амур. После того прочно утвердились на позициях на северном берегу реки. Видя, что противник отсту-

пает, Дитерихс приказал организовать его преследование вдоль Транссибирской железной дороги. Одновременно с наступлением на западном направлении большевикам был нанесен удар и на севере. Дитерихс командировал отряд есаула Бочкарева с отрядом забайкальских казаков для занятия Петропавловска-Камчатского, что тот с успехом и сделал. Одновременно с этим поднялось восстание в Якутии против большевистского ига и произвола ЧК, проводившей расстрелы и экспроприации собственности «якутских богатеев». Восстание было возглавлено корнетом Владимиром Коробейниковым и учителем словесности Михаилом Артемовым. Организовав из якутских охотников небольшие партизанские отряды, они очистили от советской власти всю обитаемую часть Якутии и удерживали ее на протяжении зимы 1921—1922 годов. Для уничтожения вспыхнувших очагов восстания большевики сосредоточили многотысячную военную группировку под командованием В.К. Блюхера. 5 февраля 1922 года группировка была брошена в наступление, постепенно тесня численностью уступающие ей белые соединения и части и выйдя к 10 февраля 1922 к основному белому рубежу обороны — станции Волочаевка. Руководство обороной было сосредоточено в руках генерала Молчанова. Войска Блюхера предпринимали неоднократный штурм укрепленного района, но каждый раз стойко отбивались его защитниками. В ходе боев, потеряв большое количество оборонявшихся, укрепленный район был захвачен подведенными свежими силами большевиков, вынудив части Молчанова покинуть Волочаевку и отступить на восток. 14 февраля 1922 года большевики вошли в Харбин. Теперь большевистское командование на Дальнем Востоке могло переключить свои ударные силы на подавление восстания в Якутии, для чего командующий 5-й советской армией Уборевич откомандировал туда Гонготскую кавалерийскую дивизию под командованием Каландаришвили. Дивизия выдвинулась в Якутск, ожидая легкой победы над полярными охотниками, но неожиданно для себя попала в засаду в 30 верстах не доезжая Якутска и пол-

ностью погибла. Дивизия во главе со своим грузинским командиром, уверенным, что, не встречая сопротивления, по мере продвижения к городу, он заранее навел ужас на недалеких якутов с охотничьими ружьями, была уничтожена неожиданным ударом повстанцем.

Ярости Уборевича не было предела. Он срочно снимает прибывшие из Монголии большевистские части под командованием Карла Байкалова, в составе которых были артиллерийские батареи и пулеметные команды, и бросает их на борьбу с якутскими партизанами. Войска Байкалова ведут затяжные и кровопролитные бои с повстанцами всю весну и начало лета 1922 года и заставляют тех рассеиваться и уходить под непрерывными атаками, с предшествующим им артиллерийским огнем. Якуты отходят на Камчатку, к есаулу Бочкареву и к Охотскому морю, просачиваются охотничьими тропами в тайгу. Цель Байкаловым почти достигнута: повстанцы уже не являются сплоченной организованной силой, и он рапортует Уборевичу об освобождении Олекминского и Вилуйского округов.

Тем временем прошедшая Генуэзская конференция дала большевикам новый импульс в усилении подавления последних очагов антибольшевистской борьбы на Дальнем Востоке. На конференции европейскими державами было впервые де-факто признано советское правительство, публично объявившее присутствие японских частей на Дальнем Востоке «неспровоцированной агрессией», что ускорило вывод японских войск из Владивостока и предоставило большевикам полную свободу действия на захваченной территории. Примечательно, что на участие Советской России в Генуэзской конференции отозвались иерархи Русской зарубежной церкви за границей, обратившись к представителям мировых держав с воззванием: *«Среди множества народов, которые получили право голоса на Генуэзской конференции, не будет только представительство двухсотмиллионный народ русский, потому что невозможно же назвать его представителями, и притом единственными, его же порабитителей, как нельзя было в средние века при-*

знать гуннов представителями франкских и германских племен Европы, хотя среди всех гуннских вождей, конечно, успевали втереться несколько процентов предателей из народов европейских, как и среди наших коммунистов — евреев, латышей, китайцев — втерся известный процент русских, и то преимущественно не на первых ролях. Впрочем, если бы вожди большевиков и не были инородцами и иноверцами, то и тогда какая же логика может признать право народного представительства за теми, кто поставил себе целью совершенно уничтожить народную культуру, т.е. прежде всего то, чем народ жил почти тысячу лет — его религию, чем продолжал жить и теперь, перенося жестокое гонение на свою родную веру, будучи лишен самых священных для него — Московских Кремлевских — храмов и всех почти русских монастырей, бывших в его глазах светочами жизни, рассеянными по лицу всей земли русской. Завоеватели-большевики казнили сотнями тысяч русских людей, а теперь миллионами морят их голодом и холодом. Где было слышно, чтобы интересы овечьего стада представляли его истребители — волки. Если бы спросить еще не растерзанных волками овец, что бы они желали для своего благополучия, то в ответ послышался бы один дружный вопль: уберите от нас волков. Так было бы, если бы овцы могли говорить; так оно и есть с русским народом, который до того забит и терроризирован, что не может поднять голоса и лишен физической возможности дать себя услышать просвещенной Европе и всему миру...»¹ Обращение это было если и услышано, то почти проигнорировано европейскими державами, руководствовавшимися коммерческими соображениями в построении новых отношений с Р.С.Ф.С.Р. С ускорившимся уходом японских войск, правительство Меркуловых приняло решение о сложении с себя полномочий и о созыве Земского Собора, призванного решить судьбу края и избрать всенародно поддержанную власть. В августе 1922 года прошли всеобщие выборы, и Земский Собор начал свою работу, провозгласив Приморье Независимым Земским краем. Большинство участников Земского Собора высказались в пользу установления

сильной военной диктатуры, избрав единоличным правителем генерал-лейтенанта Дитерихса и, передав ему всю полноту военной и гражданской власти. После своего избрания генерал Дитерихс обратился к населению Приморья с призывом к борьбе с большевиками и приветствовал вывод японцами своих войск с русской территории. Японцы объявили о полной эвакуации своей армии не позднее 1 ноября 1922 года и стали выводить свои части к морским портам. К отъезду японцев готовились и большевики. В Читу был направлен командующий 5-й армией Уборевич со своим штабом и вверенные ему части армии. В конце сентября 1922 года Уборевич прибыл на передовые позиции 5-й армии для личного руководства ударной операцией. Весьма дальновидно Дитерихс при посредстве Н. Меркулова провел предварительные переговоры с властителем Манчжурии Чжан Цзолинем относительно возможной эвакуации войск, в случае военной неудачи, и размещении беженцев в полосе КВЖД, получил формальное согласие китайского правителя и отдал приказ о мобилизации добровольцев в соединения Земской Рати во Владивостоке для организации отпора большевикам, однако результаты работы добровольческих бюро оказались неутешительными. Население совсем не торопилось записываться в ряды Земской Рати, а при случае старалось избегать и призыва. Обратившись к представителям местных финансовых кругов, Дитерихс с удивлением для себя встретил отказ в финансировании войск и оплате снабжения Земской Рати. Проведя спешный учет боеспособных войск, Дитерихс увидел, что в качестве единственной боеспособной силы оставались части каппелевцев и забайкальские казаки, вернувшиеся из Китая. Численность этих двух сил доходила до 9 тысяч человек, всего при 24 орудиях, 80 пулеметах и 4 исправных бронепоездах. 4 октября 1922 года 5-я советская армия под командованием Уборевича начала общее наступление против Земской Рати и остатков каппелевских и казачьих соединений. Все атаки большевистских авангардов были отбиты стойкими каппелевцами, а наутро в контрнаступ-

ление двинулись юнкера Корниловского училища, Приволжский и Прикамские полки, под командованием генерала Молчанова. Столкновение двух противоборствующих сил было мощнейшим и кровопролитным, но не решило исхода в пользу одной из сторон. К вечеру два полка и юнкера были отведены на прежние позиции, а по белогвардейским тылам отправились гулять красные кавалеристы Вострецова и Кондратьева, а то время как основные силы Уборевича навалились с фронта. К концу дня 6 октября 1922 года большевики оттеснили белогвардейцев к Спасску, а наутро 7 октября, проведя массированную артиллерийскую подготовку, пошли на штурм семи укрепленных Спасских сопок. Наступление это было отбито земскими ратниками, но Уборевич бросал в атаки все новые и новые силы, чередуя атаки артиллерийскими обстрелами оборонявшихся. 9 октября, подтянув свежие силы, Уборевич отправил их на решающий штурм Спасска. Силы Земской Рати таяли буквально по часам, и вскоре большевики захватили почти все укрепленные «форты» города. Ратники отошли на последнюю линию обороны, к цементным заводам на южной окраине города, но очередного штурма решили не дожидаться из-за опасности обхода их сил с флангов и окружения. 10 октября 1922 года Земская Рать начала отступление, ведя жестокие арьергардные бои с наседавшим противником. Дитерихс пытался сдержать наступательный порыв большевиков и навязанный ими темп отступления Земской Рати у станций Мучная и Черниговка, отбиваясь контратаками, но части Уборевича попытались вновь охватить ратников с флангов и провести окружение белых частей, чтобы не дать им подойти к китайской границе и скрыться за ней. Большевицкая кавалерия захватила господствующие позиции возле поселка Монастырище и попыталась блокировать отступавшим путь к границе. Но 14 октября 1922 каппелевцы пошли на прорыв организованного большевиками заслона, укрепленного красными курсантами, и в яростной схватке пробили в нем брешь и стали отходить за реку Суйфун, двигаясь по на-

правлению к Посъету, откуда можно было повернуть пеши-ми порядками за границу, в полосу КВЖД. Об обороне Владивостока было нечего и думать: город был неподготовлен к длительной обороне, а имевшийся во владивостокском порту тоннаж был не подготовлен для взятия на борт огромного количества войск и беженцев. В довершение всего, в отсутствие опытного генерал-квартирмейстера и командующего флотом, эвакуации из Владивостока рисковала обернуться катастрофой и новыми жертвами. Помимо всего прочего, генерал Дитерихс, измотанный непрерывными боями и жестоко разочарованный в приморских обывателях, не поддерживавших идеи собственной обороны, не верил в успешный исход предпринятого дела, положившись на случай и старания контр-адмирала Старка, чья флотилия рассматривалась им в качестве средства возможной эвакуации оставшихся войск. До 15 октября 1922 года обстановка во Владивостоке оставалась вполне спокойной. Отъезд за границу на рейсовых пароходах не спешили предпринять даже самые осторожные владивостокские обыватели. 17 октября 1922 года большевиками был взят Никольск-Уссурийский, где, как обычно, начались грабежи, погромы и расстрелы мирного населения. Слухи об этом долетели до Владивостока, где всполошились обыватели, мгновенно образовавшие очереди в конторах иностранных судоходных компаний, немедленно взвинтившие цены на билеты и продававшие их паникующим гражданам с 1000% прибылью. Иностранные консульства во Владивостоке были переполнены лицами, ожидающими получить въездные визы, но число выдаваемых виз было директивно сокращено до минимума, чтобы снять ажиотаж, который от этого лишь набирал силу. Сначала отказали в выдаче виз американцы, за ними последовали англичане и французы, потом японцы, а вскоре визы прекратили выдавать даже в китайском консульстве, в котором до сей поры получить визу было проще простого.

19 октября 1922 года, когда большевицкие отряды находились уже в 20 верстах от Владивостока, ворвавшись на

станцию Угловая, все иностранные консульства во Владивостоке объявили о своем закрытии. Консульские работники под охраной своих военных перебирались на стоявшие в порту военные корабли собственных держав.

Японцы выслали на станцию Океанская свои военные заслоны, чтобы сдерживать рвущихся в город большевиков до окончания погрузки японских учреждений на военные суда. Малочисленные японские отряды даже вступили в бой с передовыми частями большевиков и отбросили их назад на 6 верст. Уборевич решил снять возникшую международную проблему путем переговоров с японским командованием. Японцы на переговорах с Уборевичем обязались покинуть Владивосток не позднее 25 октября 1922 года, однако потребовали отвода большевистских войск на прежние позиции. Уборевич согласился с условиями японцев и те сообщили адмиралу Старку согласованную дату последнего дня эвакуации. В это время во Владивосток стали стекаться отступавшие казаки, уходившие вместе с имуществом и семьями. Командующий казаками генерал Глебов начал переговоры об аренде японского транспорта для погрузки своих подопечных. 24 октября 1922 года завершилась погрузка последних японских войск и учреждений, а также казаков Глебова на транспорты. 25 октября 1922 года на японские корабли погрузились японские заслоны на пути войск Уборевича. Транспорты неторопливо выходили из бухты Золотой Рог и брали курс в открытый океан, а по улицам Владивостока уже шагали авангарды большевистских полков Уборевича. Транспорты с русскими беженцами взяли курс на Посъет, где оставалась лишь походная канцелярия Дитерихса, а части каппелевцев уже вышли походным маршем в сторону китайской границы. Русские части в Китае сразу же разоружили и расформировали, в нарушение предварительных договоренностей между представителем Дитерихса и администрацией Чжао Цзолиня. Эскадра адмирала Старка продолжила свой путь дальше, в порты, которые могли бы при-

нять 10 тысяч казаков и беженцев, находившихся на ее бортах. Эскадра дошла до Коре, где часть беженцев сошла, надеясь добраться до КВЖД, однако манчжурская администрация, обеспокоенная наплывом русских беженцев в этой полосе, распорядилась прекратить выдачу виз русским. Тем временем пришли известия, что Япония готова принимать беженцев, обладавших капиталом не менее полутора тысяч йен.

21 ноября 1922 года эскадра адмирала Старка снова вышла в открытое море. На кораблях были размещены морские стрелки, гардемарины, кадетские корпуса семьи, морских офицеров и Русско-Сербский отряд, а также неопределенное количество беженцев, которым некуда было податься и у которых совершенно не было средств. В конце ноября 1922 года эскадра пришвартовалась в Фусане для покупки угля, продовольствия и питьевых запасов, но уже 1 декабря 1922 года китайские власти потребовали от адмирала Старка покинуть порт, и эскадра тронулась по направлению к Шанхаю, попав в Желтом море в сильнейший тайфун, который разметал корабли по всему морю. Один из миноносцев погиб, остальные постепенно собирались в Шанхае, где всем русским было объявлено, что они являются персонами нон-грата и китайские власти потребовали оставления китайских территориальных вод. В это время обосновавшиеся во Владивостоке большевики снарядили флотилию, добравшуюся до Камчатки и, высадив там десант, обрушились на отряд есаула Бочкарева. В ходе коротких боев регулярные части красных дошли до Петропавловска и, осадив повстанческий отряд Бочкарева, окружила и разгромила его до основания, объявив в Петропавловске советскую власть.

Простояв на рейде до января 1923 года, оставшиеся суда эскадры адмирала Старка стали держать курс на Филиппинские острова и, в частности, в порт Манилы. Американские власти, контролировавшие этот район, приказали всем кораблям пришвартоваться в порту, а их команды были списаны на берег и переведены в лагерь, на скорую руку возведенный для этих целей. Часть русских беженцев осталась на

Филиппинах навсегда, другая часть перебралась в Австралию и Северо-Американские Соединенные Штаты в течение 1923 года.

В том же году у большевиков неожиданно возникла и еще одна проблема: в Якутске объявился перебравшийся из Харбина туда по Охотскому морю генерал Анатолий Николаевич Пепеляев, вдохновленный благородным порывом идти на помощь восставшим якутам. Организованная Пепеляевым дружина совершала смелые налеты на большевистские гарнизоны, освобождала целые районы и громила отряды ЧОН и ЧК, не успевавшие угнаться за маневренной пепеляевской дружиной. Успехи отряда молодого колчаковского генерала развивались в течение января — февраля 1923 года, пока спохватившиеся большевики не стали перебрасывать в Якутию свежие части, организовав охоту за пепеляевцами. Красный командующий Карл Байкалов вел непрерывные стычки с Сибирской добровольческой дружиной, пока, наконец, в марте 1923 года она не была разбита превосходящими силами красных и не отступила на восток, к побережью Охотского моря, откуда когда-то они начинали свой рейд по Якутии. С открытием навигации, в июне 1923 года, большевиками была направлена флотилия, везущая два батальона советской Приамурской дивизии для окончательного уничтожения дружины Пепеляева. Высадившись на берегу, они продвинулись к Охотску и атаковали город, перебив незначительный гарнизон белогвардейцев. Дальше большевики скрытно двинулись на Аян, ночью ворвались в городок с береговой линии, окружили штаб Пепеляева, отрезав его от дружины. Видя бесполезность сопротивления, Пепеляев приказал дружинникам сложить оружие и сдаться. Забрав с собой Пепеляева, Приамурские батальоны доставили его во Владивосток, где он был осужден и отбывал наказание до 1932 года. После был выпущен на волю, работал краснодеревщиком в Новосибирске, повторно был арестован в 1937 году и уже на следующий год расстрелян за «прежние грехи».

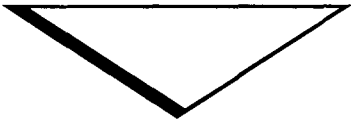
Так, в июне 1923 года, с разгромом последней белой добровольческой дружины в далекой Якутии, была переверну-

та последняя страница Гражданской войны. Белое воинство продолжало свою жизнь и борьбу в эмиграции, в ожидании новой возможности сойтись лицом к лицу с большевиками, поработившими страну. Такая возможность им предоставилась в 1941 году, но это уже совсем другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русская Православная Церковь за границей. Т. 1 / Под редакцией графа А.А. Соллогуба. Нью-Йорк. 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Чему противостояло Белое движение? 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Долгие версты 1-го Кубанского похода 20

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поход продолжается (О втором Кубанском походе) 59

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Против большевизма на Востоке 99

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

От Южных рубежей до Московского направления 131

ГЛАВА ПЯТАЯ

Север и Заполярье в борьбе с большевизмом 170

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Неудачи «Московской директивы»
и отход на юг 1919—1920 гг. 187

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Великий конспиратор Северо-Западной армии 226

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Крым и восходящая звезда Врангеля 265

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Последний рубеж Крыма 309

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дальневосточный эпилог Белой борьбы 332

Гончаренко О.Г.

Г 65 Тайны Белого движения. Победы и поражения. 1918—1920 годы. —
М.: Вече, 2003. — 352 с., илл. (16 с.) («Военные тайны XX века»)

ISBN 5-9533-0401-3

Гражданская война, шедшая на протяжении шести лет в России, стала одной из самых трагических страниц в почти тысячелетней истории нашего государства. В конфликт были вовлечены люди всех сословий и национальностей, еще недавно мирно сосуществовавшие на всей широте необъятной Российской империи. В чем была основная подоплека конфликта? Как формировались очаги сопротивления новой власти? Кто входил в состав Белой армии? Каково было отношение к войне Русской православной церкви? Книга адресована тем читателям, кому безразлична история родной страны.

Олег Геннадьевич ГОНЧАРЕНКО

ТАЙНЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Победы и поражения. 1918—1920 годы

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *М.К. Залеская*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *М.А. Виноградов*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»

Д.В. Грушин

Гигиенический сертификат №77.99.02.953.П.001857.12.03
от 08.12.2003 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>,

www.100top.ru

Подписано в печать 15.09.2004. Формат 84х108¹/32.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 11. Тираж 5 000 экз. Заказ № 10420.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.